ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Б
Гуманитарные науки

3/2021

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки»

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев.**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный.**

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследования, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

Editorial Board of the journal "Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities"

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev.**

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi.**

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. E**.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк, ДНР.
Тел: +38 062 302-92-33
E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru
URL: http://donnu.ru/vestnikB

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 6 от 27.09.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник Донецкого национального университета

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 3/2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е

История

Алексеева Н.В. Современная конверсия исторически сформировавшихся индустриальных ландшафтов в угледобывающих регионов: проблемы и решения 7

Бредихин А.В., Василица М.В. Американо-японские отношения в оккупационный период 13

Ешпанов В.С. Реализация государственной программы перестройки работы железнодорожного транспорта в начальный период Великой Отечественной войны (на примере Оренбургской железной дороги) 20

Журба В.В. Основы государственной политики Великобритании в 80 гг. XX века 25

Коваленко Р.Н. Причины центральноамериканского конфликта в 70–90 гг. XX века 33

Кожушко А.В. Формирование образа монгола-врага начала XIII в. в мусульманском обществе Ближнего и Среднего Востока XIII–XV вв. 37

Никулин Ю.А. Особенности развития угольной промышленности России накануне Первой мировой войны и их влияние на функционирование отрасли в военное время 44

Разумная Н.Н. Кризис промышленного производства в Донбассе в 1917 году 51

Рязанов К.М. Борьба с эпидемией в XVII веке: методы и возможности 62

Фоменко В.Г. Тираспольский укрепрайон в оборонительных боях Красной Армии 1941 года 70

Шабельников В.И. Теоретические и практические аспекты советской политики административно-территориального деления и ее особенности в Донбассе в 1917–1991 гг. 76

Философия

Бартагариева И.И. Гражданское общество как научный объект 88

Беломоина Е.С. Роль тишины в звуковом кинематографе 95

Гурская О.В. Эволюция эстетики цвета 101

Малькова М.А. Сущностные особенности социальной политики как общественно-исторического явления 110

Миргородский А.А. Концепция любви в художественной литературе XX века в контексте философии права 117

Половинкина И.С. Виртуальная реальность: экзистенциальное измерение 122

Ромадыкина В.С. Идея Русского Мира как основа определения региональной идентичности Донбасса 129

Рочняк Е.В., Баталин Р.А. Основные классификации патриотизма и «лжепатриотизма» 139

Сухина И.Г. Культурные универсалии и диалог культур в условиях современной глобализации 147

Ушакова Д.А. Генезис исполнительства и интерпретации музыкального произведения в философско-эстетическом контексте 157

Эйлазян Э.Г. Применение расширенного принципа соответствия в научных исследованиях 164

Педагогика

Гончарова В.С. Психолого-педагогические принципы формирования образного мышления студентов в учебном художественном творчестве 172

Гризодуб Н.В., Сотникова И.В. К проблеме повышенной тревожности старших школьников в учебном процессе общеобразовательных организаций 178

Дзундза А.И., Цапов В.А. Организация экспериментальной работы по формированию мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики 183

Евсеева Е.Г., Гребенкина А.С. Информационно-коммуникационные технологии как средства практико-ориентированного обучения математике студентов пожарно-технических специальностей 193

Клименко И.В. Мониторинг сформированности универсальных навыков у бакалавров адаптивной физической культуры 202

Кудрейко И.А. Приемы формирования фонетической компетенции будущих специалистов славянской филологии на основе технологии контрастивной лингвистики 210

Мелешко Е.А. Современные педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов 216

Нескреба Т.А. Индивидуальный стиль педагогического общения в процессе развития профессиональной компетентности учителя физической культуры 224

Роман С.В. Профессиональная готовность будущих учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся 234

Сипачева Е.В. Характеристика готовности педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности 241

Фитисова У.Р. Условия развития и реализации иноязычного лингвистического образования в Донецкой области как социальной и философской категории 247

Штольц Ю.М. Современное отношение родителей к собственному здоровью как фактор формирования здоровьесберегающей мотивации детей старшего дошкольного возраста 252

Яковлева Е.В. Моделирование механизма формирования готовности к саморегуляции профессионального поведения студентов, будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры 260

Правила для авторов 272

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

No 3/2021

C O N T E N T S

History

Alekseyva E.V. Modern conversion of historically formed Industrial Landscapes in coal mining regions 7

Bredikhin A.V., Vasilitsa M.V. American-japanese relations during the occupation period 13

Eshpanov V.S. State program of restructuring the work of railway transport in the initial period of the Greate Patriotic War (on the example of Orienburg railway) 20

Zhurba V.V. Fundamental of Public Policy of Great Britain in 80s XX century 25

Kovalenko R.N. Causes of the Central American conflict of the 70–90 of XX century 33

Kozhushko A.V. Mongol-enemy image beginning of the XIII-th century formed in the muslim society of the Near and Middle East XIII–XV-th centures 37

Nikulin Y.A. Development of Russian coalmining Industry on the eve of World War I and during it 44

Razumnyay N.N. The Crisis of Industrial production in Donbass in 1917 51

Riazanov K.M. Fight against the Epidemic XVII century: methods and opportunities 62

Fomenko V.G. Tiraspol defence region in defence battles of the Red Army in summer 1941 70

Shabelnikov V.I. Theoretical and practical aspects of the Soviet policy of administrative-territorial division and its features in Donbass (1917–1991) 76

Philosophy

Bartagariyeva I.I. Civil society as a scientific object 88

Belomoina E.S. The role of silence in sound cinema 95

Gurskaya O.V. Evolution of aesthetics of color 101

Malkova M.A. The essential features of social policy as a social and historical phenomen 110

Mirgorodskiy A.A. The conception of love in the imaginative literature of the 20-th century in the context of the philosophy of law 117

Polovinkina L.S. Virtual reality: the existential dimension 122

Romadykina V.S. The idea of the Russian World as the basis for defining the regional identity of Donbass 129

Rochnyak E.V., Batalin R.A. Main classifications of patriotism and «false patriotism» 139

Sukhina L.G. Cultural universality and dialogue of cultures in the conditions of modern globalization 147

Ushakova D.A. Genesis of performance and interpretation of a musical work in a philosophical and aesthetic context 157

Eilazyan E.G. Application of the extended principle of correspondence in scientific research 164

Pedagogy

Goncharova V.S. Psychological and pedagogical principles of forming the imaged thinking of students in educational creativity 172

Grizodub N.V., Sotnikova L.V. To the problem of increased anxiety of senior schools in the educational process of educational organizations 178

Dzundza A.I., Tsapov V.A. Organization of experimental work on formation of worldview guidelines of future teachers of mathematics 183

Evseeva E.G., Grebenkina A.S. Information and communication technologies as a means of practice-oriented training of mathematics for students of fire and technical specialtie 193

Klimenko I.V. Monitoring of universal skills formation in bachelors of adaptive physical education 202

Kudreiko I.A. Methods of forming the phonetic competence of future specialists of slavic philology based on the technology of contrast linguistics 210

Meleshko E.A. Modern pedagogical technologies of student research management 216

Neskreba T.A. Individual style of pedagogical communication in the process of developing the professional competence of a physical culture teacher 224

Roman S.V. Professional readiness of future chemistry teachers to organization of educational and research activities of students 234

Sipacheva E.V. Characteristic of readiness of primary general education teachers to use cloud technologies in professional activities 241

Fitisova U.R. Conditions for the development and implementation of foreign language linguistic education in the Donetsk region as a social and philosophical category 247

Stolts Yu.M. The modern attitude of parents to own health as a factor of the formation of health-saving motivation in elder preschool children 252

Yakovleva Ye.V. Organizational and pedagogical conditions, principles of forming abilities for self-regulation of specialists in the sphere of adaptive physical culture 260

Guidelines for authors 272

ИСТОРИЯ

УДК 94(100):719

СОВРЕМЕННАЯ КОНВЕРСИЯ ИСТОРИЧЕСКИ СФОРМИРОВАВШИХСЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТОВ В УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

© 2021. ***Е.В. Алексеева***

В статье ставится проблема компаративного анализа проблем и решений конверсии в направлении современного устойчивого развития исторически сформировавшихся индустриальных ландшафтов угледобывающих районов. На примере северофранцузского угольного бассейна Нор – Па-де-Кале показаны возможности адаптации выведенных из обращения производственных территорий и старых шахтерских поселений к новым стратегиям социально значимого, креативного и экологически ориентированного использования.

Ключевые слова: индустриальный ландшафт, угольный бассейн, Донбасс, Кизелбасс, Нор – Па-Де-Кале, ревалоризация, индустриальное наследие.

Старые промышленные регионы Европы, раньше других ощутившие социально-экономические последствия завершения индустриальной эпохи и столкнувшиеся с проблемой использования ее наследства, к настоящему времени наработали значительный опыт ревалоризации индустриального наследия – приспособления к новым целям с учетом его исторической значимости и ценности. Этот опыт представляется полезным при разработке стратегий дальнейшего развития исторически сформировавшихся индустриальных центров, в том числе и территорий угольных месторождений. В Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2000 г. вошел горнопромышленный ландшафт Бланэвон в Уэльсе (включает в себя шахты, общественные здания, жилье рабочих, железную дорогу), сложившийся в результате масштабного производства железа и угля в период промышленной революции в конце XVIII – первой половине XIX в. В 2012 г. Список наследия пополнился бельгийскими угольными шахтами Гран-Орну, Буа-де-Люк, Буа-де-Казье, Блени-Мин. В том же году в Список ЮНЕСКО наряду с историческим центром Каркассона, Версальским дворцом и вулканами о. Реюньон был внесен угольный бассейн Нор-Па-де-Кале на севере Франции, тем самым он признан сокровищем человечества, «культурным ландшафтом, сочетающим творения природы и человека».

Современные исследователи относят к индустриальным ландшафтам все ландшафты, которые возникли в результате горнодобывающей и промышленной деятельности человека [1]. Специалисты в области индустриального наследия конкретизируют это широкое понятие, специфицируя входящие в него элементы: «индустриальные площадки, гидросистемы (реки, пруды, каналы, плотины), выработанные, затопленные или частично выработанные объекты использования природных ресурсов (карьеры, шахты, рудники, старательские прииски, лесные дачи), архитектурные комплексы городов, заводов, заводских поселений и дорог (каменные, кирпичные и деревянные строения, старые грунтовые тракты, железные дороги,

насыпи), т.е. все то, что составляло и составляет производственную инфраструктуру и среду обитания человека труда» [2]. Ю. Г. Тютюнник дополняет этот концепт индустриальными садово-парковыми ландшафтами (под которыми понимаются озеленённые территории заводов и фабрик (заводские скверы) и их ближайших окрестностей (санитарно-защитные полосы) [3].

Для мест угледобычи характерен карьерно-отвальный тип ландшафта -результат глубочайшего воздействия человека на рельеф Земли, ее почвы, геологическое строение, грунтовые и подземные воды, растительность. Один из его подвидов – терриконники – «тип местности, образованный высокими, мощными, преимущественно конусообразной формы, отвалами, возникающими при подземной добыче полезных ископаемых – относится к наиболее трудным для рекультивации типу отвалов». Характерные для терриконов большие объемы, сыпучесть, бесплодность, токсичность, сухость, горение создают трудности для их биологической рекультивации и использования [4].

Конверсия производственных объектов, имеющих историческую ценность, является одной из основных современных тенденций в области строительства, «включающая в себя целый спектр приёмов преобразования объектов от сохранения, к примеру, музеефикации, до сноса и расчистки территории промышленной зоны города. В мировой практике конверсии промышленной застройки выделяют два направления действий: смену функционального назначения объекта и изменения архитектурно-пространственного характера [5].

Современная конверсия производственных объектов, а тем более крупных индустриальных территорий сопряжена с большим количеством задач и трудностей: выработкой стратегий перспективного социально-экономического развития, занятости населения, градостроительной политики, смены технологической парадигмы, привлечения инвестиций, согласования разнонаправленных интересов стейкхолдеров и пр. Для ряда угледобывающих районов, где шахты больше не работают, угледобыча прекращена, градообразующих предприятий, и, следовательно, средств на содержание инфраструктуры нет, а население стремительно сокращается (что характерно, например, для единственного на Урале Кизеловского угольного бассейна, расположенного в пределах Пермского края) эти вопросы являются остро насущными. Для Донецкого угольного бассейна, где добыча угля продолжается, перспектива конверсии может рассматриваться как более отдаленная. Тем не менее, в проработке стратегий конверсии целесообразно учитывать опыт других угледобывающих регионов, в том числе, тех стран Европы – Франции, Великобритании, Германии, которым удалось наиболее эффективно справиться с сопутствующими социальными, экономическими, экологическими проблемами. Поиск решений должен опираться на знание природных, экономгеографических и культурно-исторических особенностей появления и эволюции различных горнопромышленных территорий, их сопоставление с национальными и мировыми аналогами, поскольку компаративный анализ способствует выявлению типологических сходств и различий.

В отличие от уже упомянутого Кизелбасса (вытянутого на 50 км в длину, 20 км в ширину на площади около 1 500 км^2) и французского Валансьенского угольного бассейна (простирается примерно на 120 км в длину и до 15 км – в ширину, охватывает 1 000 км^2), о котором пойдет речь ниже, Донецкий угольный бассейн существенно больше: он вытянут в широтном направлении на 650 км и доходит до 200 км в ширину, занимая площадь около 60 тыс. км^2. Обнаружение и начало разработки угля во всех названных месторождениях относится к XVIII в. На севере Франции уголь был найден

в 1720 г. Его добыча со временем расширялась, обеспечивая работой как самих французов, так и соседей бельгийцев, а впоследствии эмигрантов из французских колоний и стран Восточной Европы. Разработка открытого в Донецком бассейне в 1721 г. угля подземным способом началась на рубеже XVIII–XIX вв., а массовое промышленное освоение идет с конца XIX в. по настоящее время. Уголь в Кизеловском бассейне был обнаружен в 1783 г., добыча началась с 1797 г., а ее пик – 12 млн тонн в год – пришелся на конец 1950-х гг. Со второй половины 1990-х гг. вслед за реструктуризацией из-за нерентабельности началась ликвидация шахт. К 2002 г. добыча угля в Кизеловском угольном бассейне была полностью прекращена.

В регионе Нор-Па-де-Кале на севере Франции за 270 лет эксплуатации возникло 600 шахт, было прорыто 100 000 км подземных тоннелей, проложено 680 км каналов, добыто 2 миллиарда тонн угля, насыпано 200 терриконов пустой породы [6]. По мере истощения слоев и переориентации на другие источники энергии, эксплуатация месторождения стала снижаться, что стало явственно заметно с начала 1960-х гг. Последний уголь был поднят на поверхность в декабре 1990 г. В настоящее время в регионе проживает более 1,1 млн человек, около четверти из них не имеет постоянной занятости. Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. перед управленческими структурами разного уровня, бизнесом, населением обширной угленосной провинции во весь рост встала проблема выбора новой траектории развития территории, поиска источников повседневного дохода и экономической прибыли, переориентации жизненного уклада сотен тысяч людей. В повестке дня возникла задача ревалоризации обширного индустриального наследия угольного бассейна Нор-Па-де-Кале, уникального в своей непрерывности и однородности индустриального ландшафта, формировавшегося в течение почти трех столетий.

Сегодня этот ландшафт включает в себя 353 достопримечательности, в которые входят физические и географические элементы (терриконы отвалов, сельскохозяйственные угодья, водоемы, образовавшиеся в результате оседания земельных пустот в местах горных выработок, леса), наследие горной промышленности (лабиринты подземных тоннелей, промышленные постройки, наземные конструктивные элементы шахт), остатки транспортных средств и оборудования (каналы, железные дороги, конвейеры), жилье рабочих (шахтерские дома в городах-садах и типовых горняцких поселках), монументальные и архитектурно своеобразные сооружения общественного назначения (церкви, школы, усадьбы управляющих, конторы компаний, помещения профсоюзов, железнодорожные станции, мэрии, больницы, общественные помещения, спортивные площадки), наконец, места памяти и коллективных мероприятий. Эти объекты рассказывают о жизни шахтеров от «колыбели до гроба» [7].

Примером «городов-садов», типовых благоустроенных рабочих поселений являются поселки Ля Клошетт, Дуэ и Вазье, построенные в 1925–1927 гг. угольной компанией «Аниш». Примечательна церковь Нотр-Дам де Минёр – храм горняков – возведенная для польских рабочих, которые во множестве нанимались на местные шахты в период между двумя мировыми войнами. Архитектурное своеобразие церкви определяется дизайном потолка, напоминающим укрепленный свод угольной шахты, на витражах изображена св. Варвара – покровительница горняков, во внутреннем декоре помещения используются горняцкие каски.

Разработкой и осуществлением проектов эффективных решений ревалоризации бывших промышленных объектов и территории в целом во Франции занимаются государство, региональные и муниципальные власти, общественные организации, бизнесмены. В результате реализации этих проектов территория угольного бассейна региона Нор-Па-де-Кале сегодня – это живой, развивающийся культурный ландшафт.

Бывшие железнодорожные пути переделываются в зеленые полосы или экологические коридоры; горы пустой породы – в терренкуры, парки для занятий спортом, прогулок; озера, образовавшиеся на месте провалов грунта – в орнитологические заповедники и места отдыха для туристов. Так, только государственный парк Рэм – Сэн-Аман – Валерс (в 30 км от Лилля), на территории которого находятся 11 терриконов отвалов, ежегодно посещают 1 млн человек [Личный архив автора (ЛАА)].

Каменноугольная копь Деллуа, производственная деятельность на которой прекратилась в 1971 г., ныне представляет собой музейный комплекс, включающий множество зданий: помещения, где хранятся коллекции, оборудование и механизмы, административные здания, медицинский стационар, помещение для хранения горняцких ламп, одежды, душевые, лесопилку, мастерские, склад, котельную. В 1973 г. угольные компании региона приняли решение сохранить это промышленное наследие – помещения, материалы, оборудование, документы. В 1982 г. правительство и местные ассоциации создали Центр горной истории, открывшийся для посещения в 1984 г. И сегодня экскурсии в нем проводят бывшие шахтеры. Одна из множества экспозиций музея рассказывает об индустриальной истории Анзина – городка неподалеку от Валенсьена, шахтерская стачка (1884 г.) в котором вдохновила Э. Золя на создание романа «Жерминаль», а режиссера Клода Берри – на съемки одноименного фильма (1993 г.) с Ж. Депардьё в одной из главных ролей. Сегодня исследователи могут работать в огромном архиве Центра горной истории, в котором, в том числе, хранится более 500 000 документов и 7 000 книг [8]. Ежегодно в Центре горной истории проходят множество художественных, научных и исторических выставок, так или иначе связанных с горным делом. Кроме того, организуются разнообразные культурные акции – Ночь музеев, фестиваль для детей, Праздник науки, Геологическая неделя, Дни наследия, празднования дня Св. Варвары и др. [ЛАА]. Это не только самый значительный горный музей во Франции, но и самый посещаемый музей региона Нор-Па-де-Кале – в 2012 г. его гостями стали более 150 000 человек.

Богатое историческое, культурное, архитектурное, техническое наследие угольного бассейна Нор-Па-де-Кале активно включено в современную жизнь жителей региона. Его творческое осмысление и использование обеспечивает связь времен и поколений, создает новые рабочие места, работает на имидж региона, привлекает туристов. Названные примеры музеев (которых, разумеется, намного больше), созданных на месте бывших промышленных предприятий – результат не только значительных финансовых вливаний, но и многих лет целенаправленной работы государственных, региональных, муниципальных органов, общественных ассоциаций, бизнес компаний. В основе успешно реализованных проектов лежит огромная любовь французов к своему прошлому, понимание его ценности для сохранения идентичности нации, неугасаемый энтузиазм по-настоящему культурных людей.

Французский опыт ревалоризации индустриального наследия заслуживает рассмотрения, поскольку деятельность множества ассоциаций в защиту индустриального наследия, «обществ друзей» того или иного рабочего поселка или промышленного объекта эффективно поддерживается министерством культуры, региональными и муниципальными властями. С одной стороны ярким примером такого взаимодействия, а с другой выдающимся из общего ряда по оригинальности замысла, размаху, значимости, мировому культурному резонансу является реализованный в 2005-2012 гг. проект строительства филиала музея Лувр во французском г. Лансе (Louvre-Lens), который открылся на месте бывшей угольной шахты №9. [9] Располагаясь на двадцати гектарах парковой территории, помимо деревьев, кустов, многолетних растений, лугов и газонов, музейный комплекс включает и старые

железнодорожные пути, которые прежде соединяли шахты. В современном здании, спроектированном японскими архитекторами, находится постоянная экспозиция из произведений искусства музея Лувра и размещаются сменные выставки. Торжественное открытие Лувра в г. Лансе (небольшом городке с населением около 33 000 человек) состоялось 4 декабря 2012 г., в день Святой Варвары – покровительницы горняков. Он является символом реконверсии угольного бассейна Нор-Па-де-Кале и привлекает множество людей, тем самым способствуя развитию экономики региона – миллионного посетителя приветствовали в «северном» Лувре в январе 2014 г.

Музей стал важным, но лишь одним из элементов в проекте ревалоризации наследия большого угольного бассейна Нор-Па-де-Кале. Среди прочего, в г. Ланс был переведен Технологический институт Университета Артуа, открыта Школа инженеров. Также в этом северном угольном регионе Франции удивителен Музей искусства и промышленности в г. Рубэ, размещенный в здании бассейна 1930-х гг. постройки (La Piscine).

Основной целью большинства французских проектов ревитализации старых промышленных объектов является создание междисциплинарного пространства для общения и творчества всех горожан. В небольшом городке Вьё-Конде, ранее развивавшемся за счет угольной промышленности (шахты проработали здесь до 1982 г.) и металлургии (на одном из заводов компании Philippe Dervaux были произведены шурупы для конструкции Эйфелевой башни и винты для креплений железных дорог Транссибирской магистрали), в 2013 г. при поддержке Министерства культуры был создан Национальный центр уличного искусства «Болт» (Le Boulon, Centre National des Arts de la Rue et de l'Espace Public) – один из 14 таких центров в стране и единственный в регионе О-де-Франс. Благодаря его творческой деятельности теперь город с населением 10 000 жителей привлекает на свой фестиваль около 35 000 гостей [10].

Таким образом, современным европейским трендом являются комплексные проекты ревитализации бывших промышленных районов и ревалоризации индустриального наследия [11, 12]. Они, как правило, подразумевают экологическую очистку, перепланировку, озеленение территории, возведение разных форм жилья и объектов инфраструктуры, создание комфортных условий для жизни и отдыха, объединение в совместном творчестве и социальной активности представителей разных в этническом, возрастном, гендерном, профессиональном отношении групп населения, обращение к ценностям исторического пути предыдущих трудовых поколений, производственным и культурным традициями, поддержку разнообразных программ индустриального туризма, рассчитанного на разные возрастные категории (дети, подростки, взрослые), развитие направления профессионально ориентированных экскурсий, программ профориентации, выставочную деятельность, организацию праздников, концертов, фестивалей, что привлекает людей, инвестиции, привносит динамику жизни и новые культурные смыслы в старые промышленные центры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stuart I. Identifying industrial landscapes // TICCIH guide to industrial heritage conservation. Industrial heritage re-tooled. Edited by J. Douet. Lancaster: Carnegie Publishing, 2012. – P. 48.
2. Кузовкова М.В., Бунькова А.А., Баранов Ю.М. Индустриально-ландшафтный Демидов-парк. Реновация старопромышленной территории. Стратегия модернизации города Нижний Тагил и Нижнетагильского городского округа. Электронная монография. – Нижний Тагил. 2013. – С. 20.
3. Тютюнник Ю. Г. Ландшафты индустриальных территорий: место в культуре, предмет исследования, проблемы терминологии и смысла // Географический вестник. – 2020. – № 1(52). – С. 52.
4. Житин Ю. Е. Ландшафтоведение: Учебное пособие / Ю. Е. Житин, Т. М. Парахневич. – Воронеж: ВГАУ, 2003. – 218 с. – Промышленные ландшафты (geo-site.ru)

5. Титова Л. О. Архитектурные сценарии конверсии объектов промышленного наследия (на примере текстильных предприятий 1822–1917 годов постройки в г. Москве) диссертация ... кандидата архитектуры: 05.23.21 / [Место защиты: ФГБОУ ВПО Московский архитектурный институт (государственная академия)], 2017. – 237 с. http://www.dslib.net/arxitektura-landshafta/arhitekturnye-scenarii-konversii-obektov-promyshlennogo-nasledija.html
6. Hachez-Leroy F. Le patrimoine industriel du Nord-Pas-de-Calais: histoire, culture et innovations // Patrimoine industriel. CILAC. – № 65. December 2014. – P. 8, 10.
7. Visite Bassin minier Nord-Pas de Calais. Patrimoine mondial. Congrès international TICCIH. 10 septembre 2015. – P. 4.
8. Hachez-Leroy F. Museums for Northern Industry // Patrimoine industriel. CILAC. № 65. December 2014. – P. 99.
9. Patrimoine industriel. Archéologie. Technique. Mémoire. № 65. Decembre 2014. Numéro thématique: Patrimoine industriel en Nord-Pas-de-Calais.
10. Культура на периферии. Политика децентрализации в культурных проектах Франции. – М.: Фонд Тимченко, 2019. – С. 72, 77.
11. Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург: TATLIN. – 164 с.
12. Алексеева Е.В. Индустриальное наследие: видовое разнообразие, пути и способы перепрофилирования // Уральский исторический вестник. – № 2 (71). – 2021. – С. 46-54.

Поступила в редакцию 18.05.2021 г.

MODERN CONVERSION OF HISTORICALLY FORMED INDUSTRIAL LANDSCAPES IN COAL MINING REGIONS

E.V. Alekseyeva

The article raises the problem of comparative analysis of problems and solutions in conversion of historically formed industrial landscapes of coal-mining regions in the direction of modern sustainable development. Possibilities of old industrial territories and old mining settlements adapting to new strategies of socially significant, creative and environmentally oriented use are discussed on the example of the Northern France coal basin Nord-Pas-de-Calais.

Key words: industrial landscape, coal basin, Donbass, Kizelbass, Nord – Pas-de-Calais, revalorization of industrial heritage

Алексеева Елена Вениаминовна
доктор исторических наук, профессор
Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник Института
истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, РФ.
E-mail: alekseeva167@mail.ru

Alekseeva Elena Veniaminovna
Doctor of History, Professor,
Russian Academy of Science, researcher of Archeology and History Institute, Yekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: alekseeva167@mail.ru

УДК 321.022

АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

© 2021. ***А.В. Бредихин, М.В. Василица***

В статье рассматриваются особенности процесса становления американо-японского союза в условиях первого послевоенного десятилетия. Особое внимание уделяется подписанию таких документов как Сан-Францисский мирный договор, Договор о гарантиях безопасности и Административное соглашение, определивших дальнейшие отношения между двумя странами.

Ключевые слова: США, Япония, послевоенная оккупация, японо-американский договор безопасности, Сан-Францисская конференция.

После разгрома японского милитаризма государствами антифашистской коалиции во Второй мировой войне Соединенные Штаты Америки, опираясь на доминирующую военную и экономическую мощь, превратились в главный фактор влияния на развитие международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особенно большое, судьбоносное влияние США оказывали на внешнюю политику Японии, на территории которой остались значительные американские войска и базы. Привлечение Японии к военно-политическим союзам, созданным США для «сдерживания» СССР, КНР и их единомышленников в Восточной Азии, заставляло Японию направляться в фарватере внешней политики США.

Многие аспекты и проблемы сегодняшнего дня Японии и США уходят корнями в период становления американо-японского союза. Именно поэтому его исследование является актуальным и представляет значительный научный интерес. Важность исследования выбранной темы заключается в том, что она дает возможность проследить исторические обстоятельства формирования современных международных отношений.

Соединенные Штаты, непосредственно заинтересованные в превращении Японии из врага в союзника, сыграли ведущую роль в разработке многих реформ, направленных на серьезную демилитаризацию и демократизацию Японии. В процессе модернизации необходимо было убрать те особенности, которые позволили создать авторитарный военизированный режим в стране.

После оккупации Японии Соединенными Штатами в 1945 г. ее армия была расформирована, а в Конституцию, принятую в 1947 г., была введена уникальная статья 9, в которой японская нация отказывалась разрешать международные споры с помощью войны. Еще одной защитой от возобновления милитаризма было положение о том, что премьер-министр и члены кабинета могут быть исключительно гражданскими лицами (статья 66). Министерство внутренних дел, которое ранее отвечало за охрану общественного порядка, выборы на всех уровнях, включая губернаторов префектур, и вопросы местного самоуправления, было упразднено [12].

С каждым новым поворотом в послевоенной внешней политике правящие круги США, располагающие огромными экономическими возможностями, корректировали свою стратегию в Азиатско-Тихоокеанском регионе в соответствии с объективными обстоятельствами. Как хорошо известно, после Второй мировой войны Соединенные Штаты начали быстрое восхождение к вершинам глобальной политической и экономической гегемонии, отвергнув изоляционистские тенденции и решительно переходя к активной внешней политике, которая быстро превратилась в открытую

экспансию в контексте надвигающееся противостояние с СССР. В своих сферах влияния США подавляли конфликты всеми возможными способами, поскольку их активизация создавала бы благоприятные условия для вмешательства противника в региональные события [13].

После смерти Ф. Рузвельта, в первые послевоенные годы администрация Г. Трумэна продолжала инерционно двигаться в стратегическом направлении, заданном активным участием ее предшественника в международной политике. Выступая 20 января 1949 г. со своей инаугурационной речью, Г. Трумэн уделил основное внимание вопросам внешней политики и способам их решения. Этот акцент был обусловлен чрезвычайной важностью состояния мира для судьбы самой Америки и был заявлением о том, что изоляционизм перестал служить национальным интересам Соединенных Штатов.

В этом выступлении были сформулированы основные направления внешней политики США. Во-первых, это поддержка ООН, во-вторых, восстановление Европы с помощью «плана Маршалла» и, в-третьих, создание военного «щита» Запада – НАТО. В четвертой части речь шла о стремлении США преодолеть отсталость в «третьем мире», то есть в слаборазвитых странах. Трумэн доказывал необходимость такой политики и говорил о глубоких американских традициях миссии и гуманизма, чисто коммерческих выгодах для Соединенных Штатов от развития мировой торговли с ними и о необходимости распространения ценностей демократического образа жизни, намекая на опасность распространения коммунизма в «третьем мире» [10].

Основной причиной появления этого нового направления внешней политики была необходимость начать создавать в отсталых странах условия, необходимые для их вовлечения в построение «нового мирового порядка» (Pax Americana). Реализация этой задачи потребовала преодоления антизападных настроений, радикальных форм национализма и создания атмосферы доверия между США и другими странами, особенно в Восточной Азии. Этот путь также служил инструментом ограничения политического и идеологического влияния в регионе и не позволял геополитическим оппонентам США – СССР и Китаю – установить гегемонию в регионе.

В первые послевоенные годы (1945-1946) американские стратеги ожидали, что доступ в страны третьего мира должен начаться с защиты, дипломатической помощи и создания демократических и рыночных институтов, что создаст благоприятный инвестиционный климат для американского частного капитала, а также ссуд от IBRD и Экспортно-импортного банка США. Поэтому администрация США была заинтересована в консолидации и усилении своего присутствия, особенно в Восточной Азии [9].

Поскольку основным средством проецирования преимущества в регионе для США были военно-морские силы, основное внимание американской стороны было сосредоточено на островах и прибрежных зонах. В этом отношении контроль и управление Японией дали Соединенным Штатам стратегическое преимущество, которое компенсировало их геополитическую слабость как неазиатской страны. Как вспоминал Дж. Кеннан, занимавший пост начальника управления внешнеполитического планирования, в конце 40-х гг. в США «стали с тревогой думать о том, что после вывода американских войск слабая Япония может попасть под влияние СССР» в случае, если экономическая ситуация в стране станет кризисной [14].

Буквально спустя год после начала оккупации в Вашингтоне задумались о заключении с Японией мирного договора на условиях сохранения в стране американского военного присутствия и определяющего экономического и политического влияния. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам еще и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения. Генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал,

что продолжение оккупации «может навсегда поссорить США с Японией» [6, с. 216]. Именно поэтому первый проект мирного договора с Японией появился еще в 1947 г., после принятия в стране новой конституции, но его явно проамериканский характер вызвал возражения всех союзников по Антигитлеровской коалиции.

Растущая напряженность в отношениях с Советским Союзом и, что более важно, видимые успехи Коммунистической партии Китая в борьбе с Чан Кайши вынудили руководство США отказаться от планов демилитаризации Японии и пересмотреть её роль в послевоенном мире в пользу укрепления стратегического потенциала [15].

В 1948 г. Дж. Кеннан по возвращении совершил поездку в Токио, в которой он выступал за ограничение конституционных реформ и разработку мер по поддержанию военного присутствия США на японских островах после окончания оккупации. Прежде всего, речь идет о создании американской базы и намерении позволить Японии перевооружиться в разумных пределах. Позднее американцы активно использовали территорию Японии как тыловую базу своей армии в войне в Корее, начавшейся как ответ на создание КНДР (1948 г.) и КНР (1949 г.).

В 1949 г. генерал Дж. Макартур в интервью «New York Times» прокомментировал стратегические позиции США в АТР так: «Наша линия обороны продвигается цепью вдоль островов, окружающих азиатское побережье. Он начинается на Филиппинах и продолжается через архипелаг Рюкю, включая его главный бастион Окинаву. Затем она возвращается и идет через Японию и пасму Алеутских островов в Аляску» [11, p. 45]. Позже в январе 1950 г. госсекретарь США Д. Ачесон официально подтвердил, что границы обороны США проходят через Алеутские острова, Японию, острова Рюкю и Филиппины. При этом он призвал США предложить свои услуги для защиты азиатских народов от внешней угрозы и внутренней контрреволюции

В июне 1950 г. Японию посетил советник госсекретаря США А. Даллес, который на встречах с руководителями японского правительства впервые открыто подчеркивал «необходимость ремилитаризации Японии». В июле 1950 г. по директиве штаба оккупационных войск США в Японии началось формирование «резервного полицейского корпуса» в составе 75 тыс. человек и отрядов морской охраны в составе 8 тыс. человек, что стало в будущем базой для возрождения армии Японии [3, с. 250].

Начиная с 1950-х гг. в Азиатско-Тихоокеанском регионе была построена система биполярного противостояния двух военно-политических блоков, возглавляемых США и СССР. Основу региональной системы безопасности составляли двусторонние (США – Япония, США – Южная Корея, СССР – КНДР, СССР – Монголия) военно-политические институты. Советский Союз также имел договор с КНР (1950 г.), а США – с Японией, Австралией и Новой Зеландией (система договоров безопасности 1951 г.), с Филиппинами (Договор о взаимной безопасности 1953 г.).

Особое внимание США уделяли в этот период отношениям с Японией. Процесс нормализации отношений с Японией был главным звеном в цепи усилий, призванных восполнить «потерю Китая», новая Япония могла стать важнейшим партнером США. Осуществлению этих замыслов служила так называемая Сан-Францисская система военного союза с Японией, которая включала Сан-Францисский мирный договор (1951) и Японо-американский договор безопасности (1951).

Начиная с 1949 г. и эскалацией холодной войны, американское правительство берет курс на создание военных блоков, сначала в Европе, а затем и в Азии. Исходя из этого, Соединенные Штаты примерно с середины 1949 г. начали подготовку мирного договора с Японией, которая пошла особенно быстрыми темпами после начала войны в Корее и провозглашения курса на ремилитаризацию Японии. Официальное заявление о намерении заключить мирный договор прозвучало осенью 1949 г., после встречи 13-

17 сентября госсекретаря США Д. Ачесона с английским министром иностранных дел Э. Бэвином [4, с. 180]. А уже 1 декабря 1949 г. Госдепартамент США объявил, что американское и английское правительства приступили к разработке и согласованию проекта мирного договора с Японией. При этом появилась информация о том, что одновременно планируется заключить и соглашение об «обеспечении обороны Японии», то есть создать американо-японский военно-политический союз.

Вопрос о договоре с Японией обсуждался во время переговоров Трумэна и Макартура в октябре 1950 г. Этот разговор определял общие положения мирного договора. Было решено, что если СССР и Китай откажутся участвовать в подписании договора, конференция всё равно состоится. Любой ценой было решено оставить американские войска в Японии еще на несколько лет. Общие принципы договора, разработанные Министерством иностранных дел в виде специального меморандума, подписанного правительством США в октябре 1950 г., были разосланы странам-членам Дальневосточной комиссии.

В меморандуме указывалось, что участниками договора должны быть все нации, находящиеся в состоянии войны с Японией. Относительно территориальных вопросов, в меморандуме говорилось, что «Япония: а) признает независимость Кореи; б) согласится на опеку ООН, с США в качестве управляющей власти над островами Рюкю и Бонин и в) примет будущее решение Соединенного Королевства, СССР, Китая и США в отношении статуса Формозы, Пескадорских островов, Южного Сахалина и Курильских островов». В случае если никакого решения не будет принято в течение одного года с момента вступления договора в силу, решать будет Генеральная Ассамблея. Будет провозглашено об отказе Японии от специальных прав и интересов в Китае. Предусматривалось так же, что Япония будет принята в ООН. Меморандум подчеркивал сохранение за США контроля над Японией. Данный проект мирного договора вызвал недовольства ряда стран, прежде всего СССР и Китая. В частности, вопрос о статусе Южного Сахалина и Курил, которые и так по решению Ялтинской конференции оставались за Советским Союзом. Не рассматривался вопрос о передаче Тайваня и Пэнхуледао Китаю [5, с. 239-242].

12 июля 1951 г. от имени США и Англии был опубликован «Проект мирного договора с Японией». 20 июля американский и английский послы в Москве Керк и Келли посетили А. А. Громыко передав ему проект договора и приглашение на конференцию. В совместной ноте, врученной послами, подчеркивалось, что 13 августа будет разослан окончательный проект, и сообщалось, что 4 сентября 1951 г. созывается конференция для подписания мирного договора. СССР приглашался принять в ней участие. Керк при этом акцентировал, что конференция будет созвана не для выработки договора, а лишь для того, чтобы подписать его готовый англо-американский проект.

4 сентября 1951 г. в Сан-Франциско в здании Опера-хауз открылась конференция по заключению мирного договора с Японией. В ней приняли участие представители 52 стран. Соединенные Штаты односторонне определили состав участников конференции, исключив из их числа Китай, Корею, Монголию и Вьетнам. В конференции отказались участвовать такие крупные азиатские государства, как Индия и Бирма, являвшиеся жертвами японской агрессии. Но были приглашены многие не азиатские страны, не воевавшие против Японии, все латиноамериканские страны, мелкие европейские государства: Греция, Люксембург и др.

Продолжительность конференции была установлена в пять дней, что физически не позволяло выступить большинству делегатов, поскольку в первый из этих пяти дней должен был быть отведен на церемонию открытия конференции, а последний – на подписание мирного договора.

Глава советской делегации А. А. Громыко подверг резкой критике содержание соглашения. Советскую сторону не устраивали в первую очередь возможность ремилитаризации Японии, территориальный вопрос, условия вывода оккупационных войск и решение проблемы репараций. Однако из-за меньшинства (СССР поддерживали только Польша, Чехословакия, а также несколько азиатских стран) предложения были отклонены.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Сан-Францисская конференция представляла собой лишь церемонию подписания американского проекта договора. Газета «Нью-Йорк таймс», комментируя правила процедуры, писала: «Эти правила основаны на той предпосылке, что делегаты приглашены на конференцию, голосовать за или против проекта договора в таком виде, в каком он есть, а не вносить в него поправки» [7, с. 23-26].

8 сентября 1951 г. состоялась церемония подписания «мирного договора» с Японией. Договор в алфавитном порядке подписали представители 48 стран, последним подписал договор премьер-министр Японии Ёсида и члены японской делегации. Среди подписавших – 21 латиноамериканская страна, 7 европейских и 7 африканских. Представители СССР, Польши, Чехословакии не присутствовали на церемонии подписания.

При всех своих недостатках данный мирный договор не носил военного характера. При подготовке своего предложения США и Великобритания были вынуждены учитывать взгляды СССР, требования японского народа и мирового сообщества. Таким образом, договор был не так опасен для дела мира на Дальнем Востоке, как заключенный двусторонний договор о безопасности, заложивший основу военного союза между США и Японией.

8 сентября 1951 г., спустя несколько часов после окончания церемонии заключения «мирного договора», в Сан-Францисском клубе сержантского состава американской армии, был подписан так называемый «Договор о гарантии безопасности» между Ачесоном и Ёсида. Его основой служила статья 1, о предоставлении США «права размещать свои наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи неё». Эти силы «могут быть использованы в целях способствования делу поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне», а также «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии». По сути дела, эта статья определяла военный характер договора, бессрочно закрепляя на японской территории вооруженные силы Соединенных Штатов.

Статья 2 запрещала Японии предоставлять какие-либо базы или разрешать транзит вооруженных сил третьих держав через свою территорию без предварительного согласия США. Это положение лишало страну независимости в определении военной политики.

Статья 3 договора предусматривала, что конкретные условия, «которые будут регулировать размещение вооруженных сил Соединенных Штатов в Японии и вблизи неё, будут определены административными соглашениями между двумя правительствами».

Статья 4 устанавливала, что договор прекратит своё действие тогда, когда «в силу вступят такие мероприятия, которые достаточным образом обеспечат поддержание иным путем международного мира и безопасности в районе Японии». Другими словами, срок действия пакта не ограничивался.

Последняя 5 статья договора гласила, что он вступит в силу после обмена ратификационными грамотами [2].

В соответствии со статьей 3 Договора о безопасности 28 апреля 1952 г. между США и Японией было заключено так называемое «Административное соглашение» об условиях размещения войск США на территории Японии. По нему США остались в распоряжении практически все военные объекты, которые они занимали до подписания мирного договора. Кроме того, в соответствии со статьей 2 Соединенным Штатам могут быть предоставлены «дополнительные объекты и территория».

Статья 9 административного соглашения предусматривала, что «личный состав вооруженных сил США, вольнонаемный состав и их иждивенцы, будут изъяты из-под действия японских законов и постановлений о регистрации и контроле над иностранцами». Соглашение не устанавливала ни численность американских войск, ни их структуру, ни типы вооружения. Соединенные Штаты, таким образом, получали возможность содержать на территории Японии любые контингенты войск и ввозить любое оружие, включая атомное. В административном соглашении так же не указывалось количество военных баз и сроки пребывания здесь американских войск. Как и договор безопасности, административное соглашение было бессрочным и прекращало свое действие одновременно с договором [1].

28 апреля 1952 г. вступили в силу Сан-Францисский мирный договор, Договор о безопасности и Административное соглашение. Все военные власти ликвидированы. Функции государственного управления перешли в руки японских властей. Правящие круги Японии и США пытались представить это событие как «веху» на пути к полному восстановлению суверенитета Японии.

Однако Японии было отведено подчиненное положение в японо-американском союзе. В соответствии с договором о безопасности американские войска, размещенные на территории Японии, могли использоваться Вашингтоном для обеспечения агрессивных действий на всем Дальнем Востоке, а по запросу японского правительства – и для подавления возможного восстания. Таким образом, обязательства по договору создали реальную угрозу того, что Япония, вопреки ее национальным интересам, будет вовлечена в вооруженные конфликты, развязанные Соединенными Штатами, а Вашингтону было дано правовое оправдание для вмешательства во внутренние дела Японии [8, с. 20].

Таким образом, оккупацию Японии можно разделить на два периода:

- Первый – с момента капитуляции до 1947 г. В этот период целью политики США в Японии была демократизация и демилитаризация. Правительство США провело ряд реформ для достижения своей цели. Одним из важнейших моментов было утверждение новой конституции, которая на тот момент была самой демократичной в мире.

- Второй период – с 1948 года до подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 году – назывался «обратный курс». Основной причиной «поворота» в американской оккупационной политике было поражение режима Чан Кайши от коммунистических сил Китая, поддерживаемых Советским Союзом, и начало Корейской войны. Смена курса также связана с реализацией первой глобальной доктрины – «ограничения коммунизма», провозглашенной президентом Трумэном в середине 1947 г.

Между 1951 и 1954 годами было заключено несколько договоров между Соединенными Штатами и Японией, что ознаменовало окончание периода оккупации и официально закрепило военно-политический союз между Соединенными Штатами и Японией. Наиболее важными документами в этот период были Сан-Францисский мирный договор, Договор о гарантиях безопасности и Административное соглашение. Именно они определили дальнейшие отношения между двумя странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное соглашение 1952 [Электронный ресурс]. – URL: www.japantoday.ru.
2. Договор о гарантии безопасности 1951 [Электронный ресурс]. – URL: www.geocities.com/alexfli/Acts/cj.htm.
3. Игнатущенко С.К. Япония и США: конкуренты и партнеры / С.К. Игнатущенко. – М.: Наука, 1970. – 245 с.
4. Картер Э. Б. Превентивная оборона: новая стратегия безопасности США / Э.Б. Картер, У. Дж. Перри. – М.: Инфоцентр, 2003. – 290 с.
5. Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии / Л.Н. Кутаков. – М.: Коммунист, 1964. – 430 с.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке / ред. коллегия: акад. Е.М. Жуков (отв. ред.) [и др.]. – [Кн. 3]. Т. 1: (1945-1957 годы) / редкол.: акад. Жуков Е.М. [и др.]. – 1978. – 276 с.
7. Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в 21 веке / Я. Накасонэ. – М. : Полиграф, 2001. – 360 с.
8. Русаков Е.М. Это только начало? / Е.М. Русаков // Азия и Африка сегодня. – 2009. – №1. – С. 18-23.
9. Шенин С.Ю. США – третий мир: у истоков новых отношений (история пункта 4. 1949-1953) [Электронный ресурс]. – URL: http://old.sgu.ru/users/ project/kafedra2/pdf/shenin.pdf
10. Address by Harry S. Truman, 1949 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.inaugural.senate.gov/swearing-in/address/address-by-harry-s-truman-1949
11. Finkelstein L. S. American Policy in Southeast Asia. / L. S. Finkelstein. – N. Y.: American Institute for Pacific Relations, 1950. – 78 p.
12. Jansen Marius B. The Making of Modern Japan / Marius B. Jansen – Harvard, USA: Harvard University Press, 2000. – 936 p.
13. Lake D. The New Regionalism in Security Affairs / D. Lake, P. Morgan // Regional Orders: Building Security in a New World / Ed. by D. Lake and P. Morgan. – University Park: The University of Pennsylvania Press, 1997. – P. 3-19.
14. Scalapino R. The United States and Japan. / R. Scalapino. – University of California Press, Berkeley, California. 1975. – 496 p.
15. U.S. Department of State [Электронный ресурс]. – URL: http://www.state.gov/r/pa/ho/time/cwr/17740.htm

Поступила в редакцию 15.09.2021 г.

AMERICAN-JAPANESE RELATIONS DURING THE OCCUPATION PERIOD

A.V. Bredikhin, M.V. Vasilitsa

The article examines the peculiarities of the formation of the American-Japanese union in the conditions of the first post-war decade. Particular attention is paid to the signing of such documents as the San Francisco Peace Treaty, the Security Guarantees Treaty and the Administrative Agreement, which determined further relations between the two countries.

***Key words*:** USA, Japan, post-war occupation, Japanese-American security treaty, San Francisco Conference.

Бредихин Андрей Владимирович
Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Василица Мария Владимировна
Студентка 2-го курса магистратуры
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: mari.vasilitsa@mail.ru

Bredikhin Andrey Vladimirovich
Doctor of History, Professor,
the Head of the Chair of the World History,
SEI HPE “Donetsk National University”, Donetsk, DPR.
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Vasilitsa Maria Vladimirovna
2-nd year magistrate student
SEI HPE «Donetsk National University», Donetsk, DPR.
E-mail: mari.vasilitsa@mail.ru

УДК 94(470.321) «1941/1942»

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПЕРЕСТРОЙКИ РАБОТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ)

© 2021. ***В.С. Ешпанов***

Данная статья посвящена изучению проблемы перестройки железнодорожного транспорта на рельсы военного времени в годы Великой Отечественной войны. В статье на основе представленного материала показана деятельность Оренбургских железнодорожников, принявших непосредственное участие в работе с массовыми стратегическими эвакуационными и народнохозяйственными перевозками. Особое внимание уделено изучению вопросов обеспечения безопасности движения поездов. Также в работе рассмотрены вопросы мобилизационной, производственной, агитационно-пропагандистской деятельности железнодорожников, организации соцсоревнований, повышение кадрового потенциала. Материалы статьи могут быть полезны в использовании изучения истории советского железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны, а также применены в процессе преподавания специальных дисциплин.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Оренбургская железная дорога, железнодорожники, технический план выполнения, перестройка транспорта.

Великая Отечественная война поставила перед руководством Советского Союза задачи немедленного укрепления обороноспособности страны. Государство требовало расширения действовавшей железнодорожной сети, улучшения транспортных коммуникаций, обеспечение пропускной способности транспорта на важнейших направлениях, обновления подвижного состава для обеспечения в условиях военного времени массовых воинских и народнохозяйственных перевозок.

Намеченные мероприятия по формированной мобилизационной подготовке магистралей претворялись в жизнь с большими трудностями. Планы модернизации и технического перевооружения, железных дорог, строительство новых линий зачастую не выполнялось. Это объяснялось рядом причин, среди которых не подкрепленность планов реальными материальными ресурсами, нехватка рабочих рук, организационные просчеты при проведении работ, межведомственная несогласованность. Нельзя не отметить и то, что железнодорожный транспорт, по состоянию испытывавший недостаток квалифицированных кадров, лишился в этот период ряда опытных руководителей и специалистов, многим из которых полноценной замены найти не удалось.

В 1941 году Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) предпринял попытку активизировать проведение намеченных мероприятий по подготовке железнодорожного транспорта к обороне, однако, работы по реконструкции решающих направлений железнодорожной сети, начатые до войны, оставалось незавершенным. С опозданием введенный воинский график 1941 года заблаговременно не довели до руководства железных дорог. Впервые дни войны отсутствовал и план оперативных транспортировок. Возросло значение железных дорог как основного вида транспорта, качественно отличавшегося беспрерывностью, низкой себестоимости, высокими скоростями перемещения [1, с. 44].

Сложнейшие задачи встали перед Наркоматом путей сообщения и работниками железных дорог. Прежде всего, требовалось обеспечить ускоренную доставку воинских

соединений и частей в соответствии с планами генерального штаба Красной Армии, мобилизовать всех железнодорожников на самоотверженную работу, чтобы полностью удовлетворить потребности фронта и тыла в перевозках [2, с. 138].

23 июня 1941 года нарком путей сообщения Л.М. Каганович подписал приказ о введении с 18 часов 24 июня на 44 дорогах воинского графика движения поездов, в том числе на Оренбургской железной дороге [3].

Он предусматривал первоочередное продвижение воинских эшелонов, максимальное использование пропускной способности линии, обеспечение слаженности действий станций. Воинский график считался параллельным, продвижение по перегонам стоянки на станциях по техническим нуждам для всех поездов стали одинаковыми, исключая обгон одних поездов другими. Объемы пассажирского движения сократились до минимума. Новое расписание позволило правильно рассчитать и перераспределить технические средства и кадры с учетом загрузки тех или иных направлений, стало основой перестройки эксплуатационной работы.

На дорогах образовалось два мощных потока воинских грузов – на запад, для фронта и эвакуационных – на восток. Мощный грузопоток стал образовываться на ранее малозадействованных участках. Для их освоения не хватало пропускной и паровозной способности. Составы с менее срочным грузом приходилось задерживать, размещать на ветвях не общего пользования, в тупиках и т.д. все мобилизовалось на быстрейшее продвижение поездов с воинскими грузами к фронту и эвакуационных перевозок в тыл.

Большие трудности возникали в связи с резким уменьшением протяженности железнодорожной сети, сокращением ремонтной базы. Многие предприятия находились в процессе перебазирования на восток. Все это влияло на снижение объема общей погрузки. Перестройка деятельности железнодорожного транспорта существенно опередила подобный процесс в других отраслях экономики. Одновременно с обеспечением потребностей фронта транспортники создавали предпосылки четкого функционирования военного хозяйства. Замедление транспортных операций отрицательно сказывалось на боеспособности воюющей армии и на темпах развертывания эвакуированных предприятий в тыловых районах. Оборонная промышленность не могла существовать без помощи транспорта, в частности железнодорожного, доставляющего предприятиям сырье, необходимые станки и механизмы, горючее и т.д.

Одним из главных перестроенных мероприятий стало ускорение технологического процесса: погрузка – перемещение – выгрузка. В этой цели все звенья одинаково важны и их взаимодействие обеспечивало завершенность транспортных операций. Военно-хозяйственные задачи железнодорожникам Оренбургской железной дороги приходилось решать при недостаточной численности и квалификации личного состава и почти полном отсутствии многих средств механизации, запасных частей и т.д. ситуацию осложнял непрерывный встречный поток войск, военной техники и боеприпасов на запад, оборудования, имущество эвакуированных заводов на восток. В деятельности Оренбургской железной дороги отчетливо выделяются два этапа: увеличение перевозок и ухудшение работы транспорта (вторая половина 1941–1943 гг.) и улучшение деятельности транспортных организаций (1944–1945 гг.).

С первых дней войны на Оренбургской железной дороге значительно увеличился объем перевозок. Тысячи вагонов заполнили все железнодорожные узлы и станции. На этих станциях часто не было ни нужных приспособлений для разгрузки, ни достаточной рабочей силы. Особенно тревожное положение складывалось с обеспечением перевозки сырья для предприятий черной металлургии. К началу зимнего периода на Оренбургской железной дороге продвижение поездов и недо-

статочное обеспечение порожними вагонами отразилось, прежде всего, на отгрузке угля и кокса. Универсальным измерителем качества работы железнодорожного транспорта стал оборот вагонов. Для его максимального ускорения требовалось синхронизация деятельности диспетчеров, станционных смен, паровозных и погрузо-разгрузочных бригад, вагонников. Но часто приходилось посылать подвижный состав по телеграфным требованиям наркоматов. А в 1941 году средняя участковая скорость грузового поезда по Оренбургской железной дороге ровнялось 17,2 км/час, что было ниже плановых показателей на 6,7 км/час.

Объемы пассажирского движения сократились: значительную часть вагонов передали армейским организациям, наличные пропускные способности дорог перераспределили в пользу грузового движения. В конце 1941 года ввели в постоянное обращение, по твердому расписанию, воинские товарно-пассажирские поезда: в них перевозились военнослужащие и воинские команды, лица, командирование по служебным делам, а также почта, багаж и особо срочные воинские грузы.

В итоге чрезмерное перенасыщение Оренбургской железной дороги вагонным парком в условиях отсутствия у большинства работников достаточной квалификации и счета, тем более в осенне-зимний период, создали в конце 1941 – начале 1942 годов на ряде крупных станций и узлов напряженную, временами критическую ситуацию [4, с. 79]. В целом, Оренбургская железная дорога в 1941 году выполнила план на 105 %, незначительное перевыполнение произошло за счет приема от соседних дорог, а не своей погрузки (при задании 3734, приняли 4116 вагонов) [5]. Особое внимание с первых дней войны стало уделять обеспечению безопасности движения поездов. НКПС и управление Оренбургской железной дороги приступили к решительным мерам по усилению охраны объектов, ограничению пропуска на них посторонних лиц, для сохранения в тайне перевозочных документов, других сведений, которые могли бы заинтересовать врагов. Охрана и оборона железных дорог осуществлялось войсками НКВД, а также военизированными отрядами НКПС [6].

В начале 1942 года, на Оренбургской железной дороге возникли новые потери маневренности дорог, задержки военной техники, боеприпасов и армейских резервов в глубоком тылу. Но к лету 1942 года удалось несколько стабилизировать положение. Война понесла значительный ущерб и путевому хозяйству. К середине 1942 года железнодорожные пути имели большое количество дефектных рельсов, что создавало угрозу прекращения движения особенно груз напряжённых участках. Из-за неисправностей путей и мостов на отдельных участках железных дорог действовали многочисленные ограничения скорости, причем на ряде перегонов скорость снижалась до 15 км/ч.

1942 год – самый трудный в работе железных дорог. В сентябре-октябре действовавшая железнодорожная сеть страны сократилось более чем на 40 тысяч километров. Имевшиеся на дорогах запасы угля были исчерпаны, что создавало дополнительные трудности в обеспечение паровозного парка топливом. Государственный Комитет Обороны своим постановлением от 26 июня 1942 года обязал развернуть борьбу за экономию топлива. По приказу НКПС вводились жесткие нормы расхода угля, часть паровозов перевели на дровяное отопление. За период 1941–1943 годы, Оренбургская железная дорога перевезла промышленно-оборонным предприятиям и бытовым учреждениям 297 270 тонн угля, из них в 1943 году – 145 080, что на 80 % больше чем в 1942 году [7].

В 1942 году Оренбургской железной дороге выделили на строительство 19 391 тысячу рублей [8]. Немало внимания уделялось и построенным ранее железнодорожным линиям, в частности Орск – Кандагач, протяженностью 239 км. По линии, соединившей Урал с северным побережьем Каспийского моря и Средней Азии,

доставляли в Орск нефть из Эмбы и Баку, Кимперсайскую хромовую руду. А в обратном направлении: в Актюбинск и Среднюю Азию – шел уральский металл, машины, оборудование, лес.

Несмотря на трудности военного времени, во 2-ом полугодии 1942 года стали эксплуатироваться 1 098 км новых железных дорог, в том числе Акмолинск – Карталы протяженностью 806 км [9].

Наиболее затрудненным направлением на Оренбургской магистрали является главный ход Кинель-Джусалы, вследствие чего, основная масса вагон потока находилась на противоположных концах дороги. Неудовлетворительно работали Актюбинское, Челкарское и Казалинское направления. Причинами сложившейся ситуации явилось необходимость переработки неправильно сформированных поездов с других дорог, в частности, с Ташкентской за период с 21 по 29 октября прибыло 19 таких поездов. Коренному улучшению управления всеми видами транспорта способствовало создание в 1942 году транспортного комитета ГКО СССР во главе с И. В. Сталиным.

В начале 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление об улучшении работы железных дорог. Но, несмотря на принятые меры в первые месяцы 1943 года движение на Оренбургской железной дороге продолжало ухудшаться, так как увеличилось число неисправных паровозов, замедлился оборот локомотивов, они стали задерживаться под экипировкой [10, с. 148]. Кроме того, в связи с сильными морозами и метелями в транспортных успехах заводов и предприятий возникли серьезные проблемы: погрузка, выгрузка резко снизились, простой вагонов НКПС на подъездных путях под грузовыми операциями увеличился в несколько раз. Особенно отразились морозы на состоянии паровозного парка [11]. Все станции Оренбургской железной дороги функционировали напряженно и рывками, не имея маневренности, вследствие чего основные эксплуатационные измерители не выполнялись. Оренбургская железная дорога на протяжении пяти месяцев систематически срывала выполнение государственного плана перевозок. Несмотря на оказанную помощь со стороны НКПС, ситуация на дороге не улучшилось. Рабочий парк на 1 февраля 1943 года превышал норму на 7 100 вагонов [12]. Среднесуточная погрузка при задании 1 150 вагонов выполнялось на 66,7 %, прием груженных вагонов – 80,9 %, среднесуточный пробег паровоза составлял 153,2 км (61,5 %) участковая скорость осуществлялось на 77,9 %, а техническая – на 80,4 %. В результате чего, продвижение составов было медленным, соответственно ограничивался прием поездов с других направлений, в частности с Ташкентской магистрали.

Местные органы власти и управления дорог предприятиями, приняли чрезвычайные меры по ускорению погрузки, особенно для угольных и металлургических предприятий, а также по топливу на собственные нужды железных дорог. В первую очередь продвигали угольные и нефтяные маршруты, порожняк под топливо, которые шли за воинскими эшелонами.

В первом полугодии 1943 года по Оренбургской железной дороге резко ухудшились пассажирские перевозки. Однако во второй половине 1943 года положение стало стабилизироваться. Увеличилась перевозка грузов, всего за данный год перевезено 16 436 104 тонн, больше на 1 790 150 тонн, по сравнению с 1942 годом. Оренбургская дорога вошла в число передовых в стране, в апреле и мае 1943 года. Она завоевала переходящее Красное Знамя НК ПС и ВЦ СПС.

Ключевой задачей железнодорожников Оренбургской железной дороги в 1941-1943 годах, являлось бесперебойное снабжение фронта всем необходимым. Все необходимое производилось и поступало на фронт благодаря транспортному конвейеру. Следовательно, он должен был работать бесперебойно, полностью обеспечивать подвоз топлива, сырья, материалов для промышленных предприятий,

чтобы вовремя доставлять все необходимое фронту. Однако решение этой задачи осложнялось рядом объективных и субъективных факторов.

Таким образом, первый период войны 1941–1942, характеризуется перестройкой Оренбургской железной дороги на военный лад, совпавший с массовыми стратегическими эвакуационными и народнохозяйственными перевозками. Железнодорожники Оренбургской железной дороги, выполняя задачу военного времени, работали в условиях значительных перегрузок. Местные партийные и советские организации помогали дороге наладить своевременное снабжение фронта и тыла. Однако 1942 год, стал для железнодорожников самым тяжелым. Ухудшение показателей выполнения плановых заданий в связи с нехваткой рабочих кадров, амортизацией материально-технической базы, слабым руководством дорогой определило ряд экстренных мер, принятых центральными партийными и советскими органами в 1942–1943 годах. Что способствовало улучшению ситуации на Оренбургской железной дороге. 1943 год был характерен относительно стабилизацией, а улучшение показателей начинается с 1944 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куманев Г.А. Советские железнодорожники в первый период великой отечественной войны (1941-1942) // История №1., 1959 – С. 36-52.
2. Куманев Г.А. Железнодорожный транспорт СССР накануне в годы Великой отечественной войны (1938-1945). – М., 1971. – С.720.
3. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371. Оп.5.Д..330. Л.93.
4. Орлов Б.П. Развитие транспорта СССР. 1917-1962 гг. Историко-экономический очерк. – М.,1963. – С. 270.
5. Российский Государственный Архив Экономики. Ф. 1562. Оп.11. Д.1125. Л.22.
6. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории. Ф.644.Оп.1. Д.16.Л.92.
7. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.1299.Оп.1. Д.29. Л.9.
8. Российский Государственный Архив Экономики. Ф.1562. Оп.11. Д.1291. Л.46.
9. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории. Ф.17. Оп.124.Д.2.Л.112.
10. Ешпанов В.С. Материально-техническая база и проблемы функционирования Оренбургской железной дороги в период Великой Отечественной войны // Вестник ВЭГУ. – 2013. – №1(63). – С. 146-151.
11. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.7.Д.15.Л.15.
12. Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории. Ф.17.Оп.124.Д.6.Л.9.

Поступила в редакцию 13.08.2021 г.

STATE PROGRAM OF RESTRUCTURING THE WORK OF RAILWAY TRANSPORT IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF ORENBURG RAILWAY)

V.S. Yeshpanov

This article is devoted to the problem of the period of hostilities, the restructuring of railway transport on the rails of wartime. Based on the presented material, the article shows the activities of the Orenburg railway workers who took a direct part in the work with mass strategic evacuation and national transportation. The main attention in the work is paid to the key areas of the railway workers in mobilization, production, agitation and propaganda, organization of social competitions, and increasing the personnel potential. The materials of the article can be useful in using the study of the history of Soviet railway transport during the Great Patriotic War, and also used in the process of teaching special disciplines.

Key words: Great Patriotic War; Orenburg railway; railway workers; technical implementation plan; restructuring of vehicles.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич
доктор исторических наук, профессор,
Казахский университет технологии и бизнеса,
г. Нур-Султан, Казахстан.
E- mail: ws 282@mail.ru

Yeshpanov Vladimir Sarsembayevich
PhD (doctor of history), professor,
Kazakh University of Technology and Business
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.
E- mail: ws 282@mail.ru

УДК 94(410)

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 80-е гг. XX в.

© 2021. *В.В. Журба*

В статье исследуются историко-правовые аспекты политики Маргарет Тэтчер и ее влияние на социально-экономическую и правовую системы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Анализируются нормативно-правовые механизмы и законодательная база, которые способствовали мощному экономическому росту Великобритании. Статья посвящена и проблеме неоконсерватизма в Великобритании. В статье анализируется процесс формирования, становления и осуществления неоконсервативных идеологических положений во времена премьерства Маргарет Тэтчер.

Ключевые слова: Маргарет Тэтчер, Великобритания, «тэтчеризм», либеральная демократия, неоконсерватизм.

Анализ государственной политики Великобритании в 80-е годы XX века актуален как в теоретическом, так и в практическом смысле. Данный период связан с именем Маргарет Тэтчер – премьер-министром Великобритании, которая оставила значительный след в истории не только своей страны, но и всего мира. Необходимо отметить, что, характеризуя рассматриваемый период в своих трудах, большинство ученых обозначают его термином «тэтчеризм».

Обычно деятельность политиков оценивается не по их убеждениям, а по эффективности осуществляемых ими реформ. Основную проблему составляет то, что последние рассматриваются различными политическими силами на основе своих, далеко не одинаковых критериев. Такая ситуация существенно усложняет анализируемый вопрос, поскольку критика существующих порядков порождает обязательства к их переосмыслению. Основа проведения умеренных реформ является источником любой эффективной политики, а задача ученых состоит в том, «чтобы в раздумьях о благе верные цели политической деятельности обосновать, а неверные отбросить, и в этом она совпадает с задачами истинной политики, то есть политики, направленной на жизнь, достойной человека» [12, с. 9].

Также следует подчеркнуть, что основные ценности проекта М. Тэтчер, его антропология, принципы социального порядка и свободы в интерпретации сторонников тэтчеризма в значительной степени влияют на современную социально-экономическую и политическую жизнь общества, в которой возникает проблема государства. Характеризуя данную проблему, можно сказать, что с одной стороны, организация общества оказывается спасением рода человеческого, с другой – проявляет себя как «угнетающий» соблазн, силе которого никто не может противостоять.

Цель данного исследования является комплексное изучение широкого спектра историографических источников о государственной политике британского правительства Маргарет Тэтчер в 1980–1990 годах.

Данная цель обуславливает в процессе исследования следующих задач:

1. Рассмотреть генезис неоконсерватизма и тэтчеризма в Великобритании.
2. Проанализировать ключевые направления в политике Тэтчер.
3. Проанализировать нормативно-правовые акты, изданные кабинетом Тэтчер.

Источниковедческую базу представляют нормативно-правовые акты («О занятости», «О тред-юнионах и трудовых отношениях», «О профсоюзах», «О

заработной плате» и др.) которые были приняты неоконсерваторами в период правления Тэтчер. Данная группа источников наиболее точно раскрывают суть данной проблематики и проливают свет на особенности политики кабинета Тэтчер. Мемуары Тэтчер содержат ценную информацию о становлении автора как политика, предпосылки формирования неоконсерватизма, а также высказывания Тэтчер по многим политическим ситуациям [19]. Что касается, историографической базы, стоит отметить следующих авторов.

Исследователь С.П. Перегудов в своей статье «Неоконсервативная модель общественных отношений (социально-экономический аспект)» проследил на примере тэтчеризма эволюцию и трансформацию идейно-теоретических установок и практической политики неоконсерватизма. Автор наполнил практическим содержанием целый ряд лозунгов, которые обнародовала Тэтчер. В частности, лозунг создания в Великобритании «демократии собственников», осуществление «деколлективизации», выяснил взаимозависимость и различия между «этатизмом» и «сильным государством» и т.п. [15].

Ученый Л.М. Замятин, посол СССР в Великобритании, будучи лично знаком с М.Тэтчер, проанализировал философию тэтчеризма, идеологическую основу которого, по его мнению, составляют несколько элементов: свободное предпринимательство, личная инициатива и крайний индивидуализм. Он характеризует консервативное правительство, как непримиримого врага социализма, отмечая в то же время, что тэтчеризм «применительно к специфическим условиям Британии 1980-х годов оказался достаточно эффективным» и показал «способность приспосабливаться к меняющимся социально-экономическим реалиям» [10].

Немалый вклад в исследование социальной политики тэтчеризма осуществила Н.М. Степанова в своей работе «Британский консерватизм и трудящиеся» [18].

Термин «тэтчеризм» впервые применил в конце 1970-х годов профессор Стюарт Холл, когда консерваторы Британии еще были в оппозиции [12, с. 685]. Из этого следует, что данная научная категория, рассматриваемая в исследованиях, в основном, в качестве политического феномена выступает как один из видов консерватизма. В свою очередь, консерватизм считается в философии направлением, представители которого отличаются стремлением сохранить уже устоявшиеся догмы, тем самым, сопротивляясь радикальным изменениям. Рассматривая консерватизм как политическое течение необходимо обратить внимание на одного из идеологов консерватизма – Майкла Оукшота. Исходя из его рассуждений, консерватизм предполагает склонность к определенному образу мышления. Он отмечает, что консерватизм распознать нетрудно, основную проблему представляет его правильная интерпретация. Принимая во внимание данный фактор, ученый говорит о том, что консерватизм выражается в склонности «пользоваться» исключительно уже существующими устоями, не требуя ничего другого [14, с. 43].

Следует заметить, что консерватизм как политический феномен имеет длительную историю своего существования. При этом с течением времени данное явление меняло формы своего выражения. В рамках своего развития, классический консерватизм мог выступать в роли «оппозиции» насущным устоям, мог возвращаться к более древним формам организации общества, которые характеризовали предшествующие исторические периоды, иногда же, представители консервативного течения не признавали никакую форму существования государства, а отстаивали взгляды о том, что изменения в государстве могут происходить только при условии их последовательного и постепенного внедрения в рамках естественной эволюции [12, с. 332].

Главной чертой консерватизма, по мнению исследователей этого феномена, является сопротивление изменениям, слишком идеалистическим, которые оправдываются абстрактными идеями, а не развитием имеющихся практик. После победы Консервативной партии на выборах 1979 г. в Великобритании этот термин стал широко применяемым в словаре средств массовой информации, которые писали о политике британского правительства. Это означает, что тэтчеризм, во-первых, является удобной краткой характеристикой действий и мероприятий британских консервативных правительств с 1979 по 1990 год; во-вторых, имеет солидную идеологическую и теоретическую основы; в-третьих, дает понять, что над всеми консервативными правительствами, которые действовали в названный период, доминировала лидер Консервативной партии мисс Тэтчер.

Прежде всего, следует рассмотреть процесс становления модели неоконсерватизма в 1960–1970 гг., на которой впоследствии строилась политика правительств Тэтчер. Некоторые исследователи называют этот период реанимацией капитализма, которому был нанесен большой вред в послевоенные годы [18]. В эти годы началось восстановление экономической деятельности, а также активизация левых партий. Неудивительно, что все это вызвало ответную реакцию правых сил. На этой почве и возникает феномен неоконсерватизма, главным идеологом которого становится Энок Пауэлл [18].

Противоположного мнения придерживается С.П. Перегудов. Главную роль в становлении тэтчеризма он отводит доктринам Кита Джозефа, которые, по его мнению, стали основой новой эпохи в консервативном движении [16, с. 57]. Он говорит о том, что Китом Джозефом и его командой была разработана новая программа по преодолению кризиса, которая имела монетаристскую направленность и шла вопреки кейнсианским методам регулирования экономики. Перегудов делает вывод, что тэтчеризм стал закономерным выходом из сложившейся в Великобритании социально-экономического кризиса [16, с. 58].

Также ученым рассматриваются изменения, которые были внесены Тэтчер и ее правительством в общественно-политическую жизни страны, а также причины, которые привели к ее отставке. Автор показывает процесс обращения консервативной партии во главе с М. Тэтчер к социальным проблемам и убедительно доказывает, что включение социальной тематики в предвыборную программу тори сыграло важную роль. Также в своей работе ученый обращает внимание на формирование отношения консерваторов к проблемам образования, здравоохранения, социального обеспечения и жилищной политики. В то же время многогранность личности премьер-министра обусловила неоднозначную оценку автором ее жизни и деятельности.

Наиболее существенным блоком политики М. Тэтчер исследователи считают приватизацию убыточных предприятий, акцентируя внимание на решении ряда экономико-социальных проблем и значительным усилением производительности труда и роста производства. Для того, чтобы не произошла полная потеря государством контроля по приватизации таких предприятий, были созданы специальные регулирующие органы: Министерство телекоммуникации, Управление по контролю над газоснабжением, Национальное управление по проблемам рек и другие [20, с. 264].

Правительством была предоставлена максимальная свобода для ведения частного бизнеса. Состоялась приватизация предприятий, в частности судостроительной, нефтяной и авиакосмической отраслей промышленности и др. Тем самым было проведено полное реформирование британской экономики для преодоления экономического кризиса, уменьшением безработицы и увеличением производства продукции.

Внедрение этих реформ предусматривало создание мощных нормативно-правовых механизмов и законодательной базы, которые бы ослабили конфликт между правительством и профсоюзными движениями.

Первым нормативно-правовым актом стал Закон «О занятости» 1980 года, которым были внесены поправки в Закон «О тред-юнионах и трудовых отношениях» 1974 г. [2]. Эти поправки обусловили появление новых понятий (например «вторичные промышленные действия», «потеря возможности поддержки друг друга в «промышленных действиях» и т. д.), а также вводилась обязанность наличия контракта о проведении забастовки между предпринимателем и потребителем; придавалось разъяснения действительности забастовки, ведь забастовка будет считаться действительной только тогда, когда вероятность достижения задач такой забастовки будет достаточно высокой; было нейтрализовано понятие «пикетирование». Нормы закона предусматривали добровольное вступление в профсоюзы на предприятиях, обеспечивали поддержку тех рабочих, которые пытались не соблюдать древние традиции и отказывались вступать в такие профсоюзы; а также предоставляли компенсации в размере 16 тыс. ф. ст. правительством для рабочих, которые были уволены с работы в связи с отказами становиться членами профсоюзов на предприятиях «закрытых цехов».

Законом «О занятости» 1982 г. было четко сформулировано определение понятия «Трудовой конфликт». Этот закон носил антизабастовочный характер [3].

Отдельно необходимо выделить законы правительства Маргарет Тэтчер «О профсоюзах» 1984 г. [4] и Закон «О заработной плате» 1986 г. [5]. Нормами указанных законов были воплощены нововведения относительно голосования и избрания новых руководителей исполнительных органов профсоюзов. Одним из требований было то, что главой можно быть не менее одного раза каждые пять лет, а также было введено голосование перед объявлением самой забастовки. Также были установлены требования к отчетности и начисления заработной платы лидерам митингов. Поэтому именно решительные действия и привели к уменьшению количества членов профсоюзов, что сказалось на повышении экономической эффективности государства.

В 1988 году был принят Закон «О занятости», который давал право членам профсоюзов обращаться с иском в суд, если были ограничено их полномочия, предоставленные законом [6, 7]. Согласно Закона, членов профсоюзов называли штрейкбрехерами, в случае ограничения их деятельности по решению суда член профсоюза мог получить компенсацию в размере своей же зарплаты за 30 недель или 7 месяцев. Правительство уполномочило Министерство по делам занятости выпускать специальные Кодексы практики проведения голосования в профорганизациях, которое было обязательным [8].

В следующем году вступили в силу новые положения Закона «О занятости», посредством которых были объявлены противозаконными любые «промышленные действия», которые были направлены на поддержку «закрытых цехов». Впоследствии, в ноябре 1990 года, правительством консерваторов были приняты последние изменения в Законе «О занятости» о деятельности профсоюзов [9]. Закон ввел введение «черных списков» тех, кто участвовал в забастовках, а также были указаны положения по мирному пикетированию, голосованию, ответственности в отношении действий профсоюзов и др.

Таким образом, проанализировав нормативно-правовые акты можно сделать вывод, что законодатель видел потребность в сокращении социальных программ для получения из этого государственных расходов, тем самым ограничивал права профсоюзов на организацию различных забастовок и вводил жестокое трудовое законодательство.

Также значительная роль в политике М. Тэтчер отводилась образованию. Поддержание достойного качества высшего образования требовало от государства внушительных затрат и перегружало бюджет страны [11, с. 156]. Поэтому по плану

нового правительства система высшего образования переставала получать государственную поддержку. В 1980 г. безработица в стране приобрела массовый характер, и премьер-министр была вынуждена принять меры по ограничению государственных расходов, направленных на высшее образование. Но вузам (университетам и политехническим институтам) было разрешено зачислять иностранных студентов, готовых полностью оплатить свое образование в выбранном ими университете. 1981 год стал годом финансовой нестабильности для британской системы высшего образования. Большая часть финансирования приходилась на крупные высшие учебные заведения, остальные либо довольствовались сокращенными ассигнованиями, либо были вынуждены закрыться. Комитет по университетским грантам в начале 1980-х гг. возглавил Эдвард Паркс. В его обязанности входило курирование сокращения финансирования университетов. Кроме того, правительство ограничивало набор вузами студентов; последние были вынуждены уходить учиться в колледжи и политехнические институты. Политика правительства в области политехнических институтов и колледжей была более умеренная, количество студентов, которых они могли обучать, не контролировалось. Это происходило, возможно, из-за того, что они находились в ведении местных властей [21, с. 112].

Консервативная политика 1981 г. привела к тому, что большое количество высших учебных заведений оказалось на грани закрытия, и вследствие этого правительство было вынуждено пойти на уступки и выделить им государственную поддержку. Таким образом, трудности, копившиеся в системе высшего образования, к концу 1981 г. правительству М. Тэтчер разрешить не удалось. Вскоре правительственная политика сокращения ассигнований в системе высшего образования сменилась политикой консолидации. Вузы начали объединять. Если высшее учебное заведение не могло доказать свою продуктивность и результативность, тогда его присоединяли к крупному вузу, показатели которого были высокими. Это позволило сократить расходы на нерентабельные высшие учебные заведения. Университет, получая государственное ассигнование, должен был ежегодно отчитываться перед правительством о целесообразности своих расходов. Политика в отношении политехнических институтов и колледжей оставалась по-прежнему более мягкой. Хотя политехнические институты и техникумы и потеряли 20% государственного финансирования, они не испытывали таких финансовых трудностей, поскольку их продолжали финансировать местные власти.

Таким образом, социально-экономическая политика тэтчеризма прежде всего была основана на интересах правящей элиты страны. Главным направлением этой политики была денационализация экономики и приватизация отраслей хозяйства. На первый план вышел малый и средний бизнес. В области жилищной политики предпочтение было отдано увеличению процента частного сектора. С этой целью были разработаны специальные программы кредитования, рассчитанные прежде всего, на средний класс и молодые семьи.

Управление государством, по мнению М. Тэтчер, должно основываться на том, что человек имеет выбор. Человек получает право приобрести собственное недорогое жилье, при этом понимая значение процесса повышения цен на квартплату и рост налогов.

Предоставление М. Тэтчер большего значения индивиду, его праву на выбор различных форм поведения и хозяйствования, предпринимательской деятельности отнюдь не означает, что она отстаивала принцип невмешательства в экономику. Почти все рыночные теории является одновременно и теориями рыночной несостоятельности. Поэтому вряд ли найдется хотя бы один авторитетный экономист-теоретик, считал бы, что принцип невмешательства в экономику может обеспечить процветание государства.

Например, А. Смит неоднократно отмечал, что нерегулируемый рынок не может создать систему образования, необходимую коммерческому обществу. В то же время А. Маршал не верил в нерегулируемый рынок земли [16, с. 44]. В Соединенном Королевстве правительство лейбористов 1976 г. определило контроль за количеством оборотных средств как один из приоритетов своей экономической политики. Консерваторы во главе с М. Тэтчер, хотя и повсеместно пропагандировали и отстаивали принципы рыночной экономики, также придерживались этой стратегии. М. Тэтчер последовательно внедряла в жизнь идею ограниченного управления – «Когда государство – слуга, а не хозяин» [19, с.729].

В то же время М. Тэтчер считала большой ошибкой чрезмерное управление. По ее соображениям, настоящий способ обеспечить тесную связь людей с работой правительства и способствовать его деятельности, заключается не в том, чтобы принимать все большее участие в принятии правительственных постановлений, а в том, чтобы побудить правительство, уменьшить объем той сферы, которой оно занимается, то есть дать возможность частным гражданам самим проявлять активность.

Несмотря на мощную внутреннюю политику, стоит отметить, что Маргарет Тэтчер последовательно и твердо отстаивала интересы Великобритании в ЕЭС, а также поддерживала антисоветскую политику США. События 1982 г. навсегда остались в памяти британцев, ведь это тот год, когда Аргентина захватила Фолклендские острова, которые входили в Содружество (на островах проживало до 2 тыс. британцев). Нужно заметить, что когда Тэтчер выступала в парламенте, она не решилась «раздавать» обещания по власти Великобритании над Фолклендами [18]. Она довольно удачно и осторожно использовала формулировку «британская администрация на островах». Между тем, британская эскадра всеми способами пыталась блокировать острова. С помощью английского десанта было достигнуто капитуляции аргентинских войск. В результате этого конфликта погибли более 1 тыс. человек, однако во время военных действий Маргарет Тэтчер приезжала к военным и поддерживала их. Это значительно подняло авторитет премьер-министра не только в Британии, но и за ее пределами.

В связи с тем, что о значительной части практических проявлений тэтчеризма в сфере государственного управления до сих пор идут споры и дискуссии, дать ему нейтральную характеристику почти невозможно. Поэтому исследовать его лучше в пределах параметров главных интерпретаций данного феномена.

Как отмечается в проанализированной научной литературе, консервативная партия Великобритании создала и воплотила в жизнь особый вариант проведение социальной политики. М. Тэтчер, кроме расчета рыночной эффективности, исходила из необходимости возрождения социальной активности и ответственности личности, поддержки интересов конкретного человека, который борется за улучшение своей жизни, а не надеется на помощь государства.

Подводя итог, необходимо отметить, что тэтчеризм как последовательная доктрина и практика продолжает порождать интерес исследователей, и его оценки можно сформулировать так:

– во-первых, большинство исследователей тэтчеризма – и его сторонников, и противников – сходятся во мнении, проведенные М. Тэтчер и ее двумя правительствами реформы и приняты меры (в частности, реформы промышленности и образования) были успехами, правда, достигнутыми в крайне сложном контексте. Что же касается третьей администрации М. Тэтчер, то она допустила множество тяжелых ошибок (введение подушного налога, который привел к значительным беспорядкам, поджогам домов на Трафальгарской площади Лондона; возвращение инфляции и т.д.), которые, в конце концов, побудили М. Тэтчер уйти в отставку;

– во-вторых, среди исследователей появляется все больше скептиков, отрицающих исключительность, идеологическое единство и практическую последовательность тэтчеризма. они главным образом сосредоточены на неудачах, постигших правительство М. Тэтчер.

Необходимо отметить, что для ряда стран с переходной экономикой, такие основы тэтчеризма, как «демократия собственников», «индивидуализация» отношений, приватизация услуг, «государство благоденствия», составляют не только научный, но практический интерес. Становление в Донецкой Народной Республике экономической и политической системы, а также закрепление демократических основ государственности, в условиях постоянных экономических трансформаций и повышенной социальной напряженности неизбежно ведет к тому, что теоретические и практические наработки в рамках консервативной идеологии должны занять достойное место в исследованиях политологов, юристов, социологов и историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Danfell W.W. Workplace industrial and technical change. London. 1987.
2. Employment Act 1980. Ch. 42. London. HMSO. 1980. P.30.
3. Employment Act 1982. Ch. 46. London. HMSO. 1982. P.44.
4. Employment Act 1988. London. HMSO. 1988. P.51.
5. Employment Act 1989. London. HMSO. 1989.
6. Employment Act 1990. London. HMSO. 1990. P. 63.
7. Employment Law. A TUC Briefing. London. TUC. 1995. P.10.
8. Trade Union Act 1984. London. HMSO. 1984. P.26.
9. Wages Act 1986. London. HMSO. 1986. P.43.
10. Замятин Л. М. Тэтчеризм // Международная жизнь. – 1989. – №7. – С. 53–63.
11. Золотарёва Е. В. Реформирование высшего образования в Великобритании: нормативноценностный аспект /Е. В. Золотарёва. – Текст: электронный // Высшее образование в России. – 2017. – № 1. – С. 156-168. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-vysshego-obrazovaniyav-velikobritanii-normativno-tsennostnyy-aspekt/viewer (дата обращения: 05.06.2021).
12. Классики политической мысли от Платона до Макса Вебера / под ред. проф. Евгения Причепия. – М.: ВК ООО «Тандем», 2002. – 582 с.
13. Краткий оксфордский политический словарь / под ред. Иэна Маклина и Алистера Макмилана; перевод с англ. – М.: Изд. Соломии Павлычко «Основа», 2005. – 790 с.
14. Оукшот М. Что значит быть консерватором? / Майкл Оукшот // Консерватизм: антология. – второй вид. / Сост. А. Проценко, В. Лесной. – М.: ИД «Пространство», «Факел», 2008. – С. 43-61.
15. Перегудов С. П. Неоконсервативная модель общественных отношений (социально-экономический аспект) // Мировая экономика и международные отношения. – 1990 – №11. – С. 48–62.
16. Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм / Перегудов С.П. – М.: Наука, 1996. – 502 с.
17. Перегудов С. П. Самая влиятельная женщина. «Железная леди» Маргарет Тэтчер. – М.: Эксмо, 2014. – 384 с.
18. Степанова Н.М. Британский неоконсерватизм и трудящиеся, 70 – 80-е годы. – М.: Наука, 1987. – 472 с.
19. Тэтчер Маргарет. Свобода и ограниченное управление / Маргарет Тэтчер // Консерватизм: антология. – второй вид. / Сост. А. Проценко, В. Лесной. – М.: ИД «Пространство», «Факел», 2008. – С. 725-736.
20. Чернявская Е. И. Реструктуризация предприятия в условиях трансформационной экономики: монография. – Луганск: ЛНУ им. В. Даля, 2004. 264 с.
21. Явнова И. И. Реформирование системы высшего образования в Великобритании (80-е годы XX века) / И.И. Явнова. – Текст: электронный // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций. 2018. – С. 111-112. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36638832_37027413.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

Поступила в редакцию 11.08.2021 г.

FUNDAMENTALS OF PUBLIC POLICY OF GREAT BRITAIN IN 80s XX century

V.V. Zhurba

The article examines the historical and legal aspects of Margaret Thatcher's politics and its impact on the socio-economic and legal system of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. It analyzes the regulatory frameworks and legal framework that have contributed to the strong economic growth of the UK. The article is also devoted to the problem of neoconservatism in Great Britain. The article analyzes the process of formation, formation and implementation of neoconservative ideological positions during the premiership of Margaret Thatcher.

Key words: Margaret Thatcher, Great Britain, Thatcherism, liberal democracy, neoconservatism.

Журба Виталий Владимирович
старший преподаватель кафедры государственно-правовых и исторических дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР.
E-mail: vitalyvladimirovich1991@gmail.com

Zhurba Vitaly Vladimirovich
senior lecturer of the department state-legal and historical disciplines
SCE HPE « Donbass Law Academy»,
Donetsk , DPR.
E-mail: vitalyvladimirovich1991@gmail.com

УДК 94:327.5(72) «20 в.70-90 гг.»

ПРИЧИНЫ ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКОГО КОНФЛИКТА 70–90-х ГОДОВ XX ВЕКА

© 2021. ***Р.Н. Коваленко***

В статье комплексно проанализированы события и процессы в Сальвадоре, Гватемале и Никарагуа, которые повлияли на возникновение Центральноамериканского конфликта. Выделены внутренние и внешние причины конфликта, а также их взаимосвязь.

Ключевые слова: Центральноамериканский конфликт, Никарагуа, Сальвадор, Гватемала.

Несмотря на все усилия мирового сообщества, в современном мире до сих пор существует такое явление, как война. К счастью, уже более 75 лет не возникало глобальных международных столкновений, однако имеют место локальные и региональные вооружённые конфликты, которые то и дело вспыхивают в разных уголках земного шара. Яркой иллюстрацией такого кризисного явления может служить Центральноамериканский конфликт, начавшийся в конце 1970-х годов и по своей значимости вышедший за региональные рамки.

Целью данной статьи авторы ставили определение и комплексное рассмотрение причин, которые привели к затяжному вооружённому конфликту в Центральноамериканском регионе в 1970–90-е годы. Для понимания причин возникновения и разрастания конфликта необходимо вспомнить и выделить основные события, предшествовавшие и сопутствующие, интересующему нас хронологическому периоду.

При создании статьи были использованы данные из периодических изданий и мемуаров непосредственных участников событий.

О ведущих политических силах региона в условиях вооруженного конфликта в своих статьях писали А.К Стеценко и Е.Г. Лапшев [1]. Рассмотрению проблем конфликта, примирения сторон и возможностей его разрешения были посвящены статьи М.Л. Чумаковой [2]. Международные факторы, влияющие на центральноамериканский кризис, разбирались в статьях В.П. Сударева и М.Л. Камынина [3]. Анализ политического кризиса, сложившегося в Сальвадоре в конце 1970-х годов был представлен в статье Л.А. Скворцовой [4].

Уже с конца XIX века войска США под различными предлогами высаживались в Никарагуа. С 1912 года эта страна была оккупирована США – наличие здесь интересов Вашингтона определяло необходимость контроля данных территорий. Этот контроль был почти утерян в ходе повстанческого движения 20–30-х гг. XX века, которое в 1926 году возглавил Аугусто Сесар Сандино Кальдерон.

После ареста и расстрела Сандино в 1934 году бойцами Национальной гвардии Никарагуа, США поддержали командовавшего ею Анастасио Сомоса в качестве нового главы государства, и он в 1936 году стал президентом Никарагуа [5, с. 148-149].

Режим семьи Сомоса продлился более 40 лет и сопровождался репрессиями, ростом коррупции и монополизацией экономики правящим кланом, а также отвратительной гуманитарной обстановкой, в том числе высокой детской смертностью [6, с. 71]. Всё это вело к нарастанию недовольства в обществе и вылилось в революционные движения Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) в 1970-х годах, которые были поддержаны католической церковью [6, с. 72], а

также никарагуанской буржуазией [7, с. 191]. В 1979 году Национальная гвардия была разбита, а Сомоса бежал в США, а затем в Парагвай – режим пал.

Придя к власти, сандинисты провозгласили курс на создание смешанной экономики. Наряду с такими успехами как уменьшение инфляции на 56 %, увеличение ВВП более чем на 15 %, сокращение безработицы с 40 % до 18 % к 1983 году, а также снижение безграмотности с 40 % до 13 %, их политика, к сожалению, не решала вопросов, связанных с взаимодействием государства и частного предпринимательства. Также, необходимость постоянно вести борьбу с контрреволюцией привела к излишней централизации управления, что понижало его эффективность. Дефицит государственного бюджета рос по причине масштабных затрат на социальные проекты, а крестьяне были недовольны тем количеством земель, которое выделялось им в личное пользование [8, с. 312]. Помимо этого, крайнее недовольство политикой сандинистов проявляли индейцы Москитии, расценивавшие появление учителей и врачей у себя в регионе, как начало интенсивного заселения их земель.

Вымпелом на древке всех этих проблем для сандинистов стали, так называемые, «контрас», поддерживаемые США и дислоцируемые ими в соседних Гондурасе и Коста-Рике. Костяк «контрас» составляли бывшие бойцы и офицеры Национальной гвардии. Охотно примыкали к ним бедные крестьяне, а с 1981 года и индейцы [9, с. 82-83]. В этом же году отряды «контрас» начали активную диверсионную и террористическую деятельность на территории Никарагуа.

В ситуации вмешательства США во внутренний конфликт в Никарагуа, начали возрастать расходы на оборону. Помимо финансирования «контрас» США минировали территориальные воды Никарагуа и ввели эмбарго на торговлю с ним. Военное положение не способствовало налаживанию внутриполитической и внутриэкономической ситуации в стране, несмотря на ряд мер предпринятых руководством сандинистов.

После визита Д. Ортега в Москву в 1982 году, СССР стал поставлять вооружение и предоставлять военных специалистов в Никарагуа. Военную помощь Советского Союза и стран социалистического блока правительству сандинистов переоценить невозможно. В Никарагуа поступали 57-миллиметровые противотанковые орудия, 122-миллиметровые гаубицы Д-30 и 152-миллиметровые гаубицы Д-20, танки и многое другое. В 1982 г. прибыла первая партия 122-миллиметровых ракетных установок БМ-21. Практически были сформированы части противовоздушной обороны, усилены советскими самолётами и вертолётами военно-воздушные силы. ВМФ Никарагуа получил двенадцать сторожевых катеров и четыре тральщика [10, с. 59-62].

В 1984 году в Никарагуа состоялись выборы, которые давали возможность узаконить власть в глазах мирового сообщества. В этом же году была расширена передача земли в индивидуальное владение крестьянам. В результате закона об автономии коренного индейского населения, принятого в 1987 году, 16 тыс. индейцев отказались от вооружённой борьбы [11, с. 71].

В 1988 году правительство Никарагуа начало переговоры о мире с «контрас» [12], а также предприняло меры, позволившие несколько стабилизировать экономику и финансовую ситуацию в стране. Увеличился экспорт и производство сельскохозяйственной продукции, значительно уменьшилась инфляция и дефицит бюджета, в два раза сократились государственные расходы.

В течение целого десятилетия сандинисты принимали решения по устранению внутренних факторов, способствовавших развитию конфликта в стране. Но в 1990 году они проиграли выборы, а к власти пришла неолиберальная администрация В.Чаморро.

Политическая ситуация глубокого классового и политического разобщения общества, сложившаяся в соседнем с Никарагуа Сальвадоре на рубеже 1970–80-х

годов, позволила праворадикальным силам этой небольшой страны подмять под себя правительство лидера Христианско-демократической партии Сальвадора Наполеона Дуарте. Его попытки осуществить аграрную и социальную реформы натыкались на жёсткое противодействие не только правых, но и военных. Праворадикальный террор, одной рукой останавливающий реформы в государстве, а другой расправляющийся со своими политическими оппонентами левого толка, в том числе и представителями христианских демократов, ускорил их консолидацию [8, с. 315].

Однако на момент начала вооруженной борьбы Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти (ФНОФМ) против действующего режима в 1981 году, правящие круги Сальвадора были достаточно сплочены и финансово независимы от иностранного капитала, чтобы сохранять управление над процессами в условиях политических «метаморфоз» [7, с. 191]. При этом иностранный капитал, шедший в помощь правительству Сальвадора из США, с 1981 по 1988 год составил 3,5 млрд. долларов [8, с. 316]. С другой стороны сандинисты активно помогали сальвадорским революционерам поставками оружия, при активном содействии кубинских военных специалистов [9, с. 80].

Сложилась ситуация в которой ни одна из противоборствующих сторон не имела достаточных сил для победы над противником. В 1992 году ФНОФМ подписал мирное соглашение с правительством и, как следствие, трансформировался в политическую партию.

Сандинисты также поставляли оружие в соседнюю Гватемалу, где с конца 1970-х годов активизировалось антиправительственное движение. Здесь революционные настроения были вызваны реставрацией военных режимов, которые не дали провести реформы правительству Хакобо Арбенса ещё в 1950-х годах. Вооружённую борьбу против власти вели леворадикальные и коммунистические организации, а с 1981 года было создано Национальное революционное единство Гватемалы (НРЕГ), внутри которого осуществлялась координация действий всего революционного фронта. В партизанском движении принимали участие различные социальные группы: индейцы-крестьяне, студенты, рабочие [8, с. 317].

Ситуация становилась всё более кризисной, общественное недовольство нарастало. Среди военных также появились сторонники реформ и выборов. В 1986 году в Гватемале прошли выборы, в результате которых к власти впервые за тридцать лет пришли гражданские, начавшие переход к демократии при сохранении автономии военных. Лишь в 1996 году между правительством Гватемалы и НРЕГ были подписаны мирные договоренности, предусматривающие создание в стране условий для создания гражданского общества. НРЕГ также перешла к мирным и политическим методам борьбы [13, с. 58].

Таким образом, на возникновение Центральноамериканского конфликта повлияла совокупность внутренних и внешних факторов. К внутренним дестабилизирующим факторам можно отнести политические, экономические и социальные проблемы, переплетавшиеся в единое целое и имевшиеся в Сальвадоре, Гватемале и главным образом Никарагуа. Эти проблемы стали основным мотивом, подымающим различные слои общества этих стран на борьбу с существовавшими режимами. Революция в Никарагуа избавила страну от внешнего управления Соединенными Штатами, но обострила имевшиеся внутренние проблемы. ФНОФМ в Сальвадоре и НРЕГ в Гватемале не смогли одержать победу, но поддержка правительства сандинистов давала им силы для продолжения борьбы.

В качестве внешнего фактора выступает вмешательство в региональный процесс двух великих держав – США и СССР. Для Вашингтона победа сандинистов грозила потерей контроля над данным регионом, чем была обусловлена поддержка «контрас» и

дружественных режимов в соседних с Никарагуа странах, а также явная агрессивная политика в отношении правительства сандинистов.

Поставки странами социалистического блока вооружения в Никарагуа, также не могли остаться без внимания Госдепа. Поддержка Советского Союза не только помогала укрепить вооружённые силы Никарагуа, которые к 1989 году по численности не сильно уступали вооружённым силам Сальвадора, Гватемалы, Коста-Рики и Гондураса вместе взятым, но и создавали опасность падения лояльных Вашингтону режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеценко А.К. Идеология и политика христианско-демократической партии Центральной Америки / А.К. Стеценко // Латинская Америка 80-х: партийно-политическая структура стран региона – М.: АН ИЛА. 1989. – С. 80-96.
2. Чумакова М.Л. Куда идёт Центральная Америка / М.Л. Чумакова // Латинская Америка. – 1993. – № 5 – С. 33-42.
3. Сударев В.П. Международные аспекты центральноамериканского кризиса / В.П. Сударев // Актуальные проблемы международных отношений латиноамериканских стран / отв. ред. Б.И. Мартынов – М.: ИЛА АН СССР, 1987. – С. 61-79.
4. Скворцова Л. А. Сальвадор: политический кризис и переворот 1979 года / Л.А. Скворцова // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – №2. – Донецк, 1998. – С. 93-95.
5. Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. – М., 2010. – 400 с.
6. Гарсиа Д. Сандинистская революция в Никарагуа. по мат. выступления на круглом столе «Осмысление революции: революциология, революционная идентичность, образы революционности в современном мире» / Гарсиа Д., Роча М., Лаухина С.С. // Вестник ОПДС. – 2017. – №2(3). – С. 70-74.
7. Смелова М.Н. Страны Латинской Америки / М.Н. Смелова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 5. РАН, Москва. – 1998. – С. 189-200.
8. Латинская Америка в XX веке: Пособие для вузов / А. И. Строганов. – М.: Дрофа, 2002. – 305 с.
9. Заманапулов Д.М. Организация Механизма Ведения «Тайной войны» США против режима сандинистов 1984 года / Д.М. Заманапулов // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 77-88.
10. Никифоров А.Л. Советские военные специалисты в Никарагуа (1981-1990) / А.Л. Никифоров // Царскосельские чтения. – 2015. – № XIX(I). – С. 59-62.
11. Будаев А.В. Американские технологии «Гибридной войны» в Латинской Америке: история и современность / А.В. Будаев. // Вестник Московского Университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2015. – № 4. – С. 63-79.
12. Pear R. Contras Agree to Resume Peace Talks // The New York Times. 1988. 16 sept. URL: http://www.nytimes.com/1988/09/16/world/contras-agree-to-resume- peace-talks.html
13. Строганова Е.Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть пятая) // Берегиня. – 2012. – №4(15). – С. 51-59.

Поступила в редакцию 10.08.2021 г.

CAUSES OF THE CENTRAL AMERICAN CONFLICT OF THE 70–90s OF THE XX CENTURY

R.N. Kovalenko

The article comprehensively analyzes the events and processes in El Salvador, Guatemala and Nicaragua, which influenced the emergence of the Central American conflict. Highlighted the internal and external causes of the conflict, as well as their relationship.

Key words: Central American conflict, Nicaragua, El Salvador, Guatemala.

Коваленко Роман Николаевич.
Аспирант кафедры всемирной истори
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: kovalienko-86@mail.ua

Kovalenko Roman Nikolaevich
Graduate student at the Department of World History, SEI HPE «Donetsk National University», Donetsk, DPR.
E-mail: kovalienko-86@mail.ua

УДК [94(5):28]:(=12)"12/14"

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА МОНГОЛА-ВРАГА НАЧАЛА XIII в. В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА XIII–XV вв.

© 2021. ***А.В. Кожушко***

В статье осуществлена попытка изучить образ монгола-врага начала XIII в., который сформировался в мусульманском обществе Ближнего и Среднего Востока XIII–XV вв. Проанализировав сведения из арабских исторических хроник и энциклопедий XIII–XV вв. мы обнаружили, что в сочинениях очевидцев событий начала XIII в. – историков Ибн ал-Асира, Мухаммада ан-Насави и географа энциклопедиста Йакута ал-Хамави, связанных с монгольским завоеванием исламского мира, прослеживается отношение к монголам как чужому и враждебному народу. Придерживаясь исторических традиций своих предшественников, а также заимствуя их рассказы, арабоязычные историографы середины XIII – XV вв.: также изобразили монголов и Чингиз-хана в основном жестокими и беспощадными завоевателями, которые разрушали мусульманские города и убивали их жителей.

Ключевые слова: монголы, мусульмане, арабские источники, Хорезм, Чингиз-хан.

Введение. Монголы и их масштабные завоевательные походы XIII в. оказали значительное влияние на ход дальнейшего развития многих стран и народов Азии и Европы, оставив после себя глубокий след не только в истории, но и сознании жителей того времени. Выразителями общественного сознания и научной мысли ушедших эпох являлись ученые круги Востока и Запада, оставившие после себя ценные, но довольно противоречивые сведения о монголах XIII в.

Научное изучение исторического прошлого монголов XIII в. в европейской исторической традиции восходит к XVII–XVIII вв., а в России – к началу XIX в. На протяжении последующего столетия советские и зарубежные востоковеды также посвящали свои исследования истории монгольского народа и его великому деятелю – Чингиз-хану, которых на сегодняшний день насчитывается сотни единиц [см.: 1; 2].

На сегодняшний день мировая историография насчитывает большое количество публикаций по истории монголов XIII в., которые далеко не всегда доступны современному исследователю и позволяют выяснить ряд специфических аспектов, касающихся влияния одних народов на других в контексте межцивилизационных взаимоотношений, которые нередко принимают крайние формы войн и военных конфликтов. Примером такого масштабного конфликта являются завоевательные походы монголов эпохи Чингиз-хана.

В современной историографии истории монголов XIII в. приобрели актуальность исследования, где прослеживаются попытки изучить ментальную специфику восприятия одних народов другими. Исследуя особенности формирования образа «чужого» в восприятии народов, которые покоряли монголы на протяжении XIII в., современные ученые акцентируют основное внимание на сведениях различных источников – китайских, монгольских, мусульманских, армянских, византийских, русских, латинских и др. В числе новейших исследований по данной тематике необходимо отметить публикации: Д.М. Тимохина [3], Е.Р. Нестеровой [4], Е.А. Шишки [5] и Ю.И. Дробышева [6].

Исследуя отдельные аспекты взаимодействия между монголами и завоеванными ими народами в XIII в., нельзя не обратить внимание на основные, дошедшие до наших

дней, произведения достаточно известных в современной науке арабских и персидских историков XIII–XIV вв.: Ибн ал-Асира (1160–1234 гг.), Мухаммада ан-Насави (ум. в 1249 г.), Джузджани (род. в 1193 г.), Джувейни (1226–1283 гг.) и Рашид ад-дина (1247–1318 гг.). Одновременно, до сих пор остается неизученным целый комплекс мусульманских, в частности, арабских источников XIII–XIV вв., в которых содержатся разнообразные сведения по истории монголов исследуемого периода.

В связи с этим, *цель* данной статьи состоит в том, чтобы изучить особенности формирования в арабо-мусульманском обществе Ближнего и Среднего Востока образа монгола-врага начала XIII в. сквозь призму новых данных арабо-мусульманских источников XIII–XV вв.

Основная часть. Впервые исламский мир столкнулся с монголами в начале XIII в. В это время наиболее могущественным западным соседом монголо-татарских племен, объединенных под эгидой Чингиз-хана, была империя Хорезм-шахов. В конце XII – начале XIII вв. правители Хорезма сплотили вокруг себя обширные территории Средней Азии, Ирана, Азербайджана, современный Пакистан, Афганистан и Северную Индию [7, с. 339–340], претендуя на роль нового центра в мусульманском мире.

В начале XIII в. успешные войны монголов против тангутов и чжурчжэней завершились покорением Северо-Восточного Китая (1211–1215 г.), а после разгрома в 1218 г. кара-китайского ханства в Средней Азии [7, с. 207–210], территории будущей империи Чингиз-хана вплотную приблизились к границам державы Хорезм-шахов.

К тому времени правитель Хорезма – ‘Ала’-д-дин Мухаммад (1200–1221 гг.), который узнал от восточных купцов о завоевании монголами Северного Китая, очень заинтересовался появлением новой силы на восточных рубежах своих владений. Чтобы подтвердить эти слухи, а также выяснить информацию о монголах, по приказу хорезм-шаха в 1215 г. было отправлено посольство в Пекин, о котором сохранились сведения лишь в одном источнике – хронике персидского историка Джузджани [8]. По словам этого автора, возглавлявший посольство мусульманский купец Баха’-д-дин ар-Рази передал лично Чингиз-хану послание от Мухаммада, в котором шла речь об установлении мира, а также налаживании торговых контактов [8, II, p. 965–966].

Спустя время, в 1218 г. Чингиз-хан направил ответное посольство хорезмийскому правителю, о котором также говорится в одном источнике – сочинении арабского историка ан-Насави, автора биографии последнего хорезм-шаха Джалал ад-дина (1221–1231 гг.) [9]. Ан-Насави сообщает, что в 1218 г. к хорезм-шаху прибыли купцы с ценными подарками от Чингиз-хана. Выведав данные у одного из купцов – Махмуда ал-Хорезми, который подтвердил слухи о завоевании монголами Китая, однако не сказал всей правды о численности войска Чингиз-хана, хорезм-шах согласился поддерживать мир с монгольским ханом [9, с. 72–73].

Дальнейшие события кардинально повлияли на судьбы исламского мира. В том же 1218 г. по указанию Чингиз-хана был снаряжен и отправлен торговый караван численностью 450 человек, которой прибыл в пограничный с империей Хорезм-шахов город Отрар. Однако неизвестно, по приказу самого хорезм-шаха Мухаммада или наместника Отрара – Гаир-хана, все купцы были убиты, а их имущество присвоено наместником города. При этом, терзаемый сомнениями, хорезм-шах отказался выдать Гаир-хана, который, к тому же, приходился ему родственником и совершил еще одну роковую ошибку, приказав убить посла, которого Чингиз-хан отправил к хорезм-шаху уже после событий в Отраре [см.: 10, с. 133–136].

После этих событий, по словам персидского историка Джувейни, Чингиз-хан пребывал состоянии расстройства и долго молился, сказав: «Не я причина этой беды; дай мне силы осуществить возмездие» [цит.: 11, с. 53].

В 1219 г. началась монголо-хорезмийская война [10, с. 138], тяготы и последствия которой сполна ощутило на себе мусульманское население покоренных монголами городов и областей державы Хорезм-шахов. Одновременно, в стремительном водовороте военных событий, в исламском обществе начала XIII в. складывался образ монголов как чужого народа – враждебного и воинственного. Эти настроения в обществе получили наилучшее отражение именно в мусульманских источниках XIII в. Однако здесь следует сказать, что отношение к монголам и монгольским завоеваниям начала XIII в. в мусульманских источниках было неодинаковым: одни авторы, преимущественно арабские – Ибн ал-Асир, ан-Насави и персидский историк Джузджани в своих сочинениях буквально проклинали монголов за разрушенные города и убийства мусульман, другие – Джувейни и Рашид ад-дин, наоборот, всячески восхваляли и превозносили многочисленные победы монголов под предводительством Чингиз-хана [3, с. 192, 194].

Обратимся к сообщениям арабских авторов, которые в начале XIII в. были очевидцами монгольского вторжения в исламский мир. Так, арабский историк Ибн ал-Асир в своей объемной хронике рассказывает о том, что долгое время не мог «говорить об этом бедствии, считая его слишком ужасным», восприняв появление монголов как страшную напасть, которая привела к «гибели ислама и мусульман» [цит.: 12, с. 355]. Весь рассказ Ибн ал-Асира о монгольском завоевании пропитан враждебным настроем, при том, что арабскому историку достоверно не были известны многие детали, связанные с происхождением монголов и их историческим прошлым до событий, предшествовавших вторжению в исламский мир.

Ибн ал-Асир, как представитель мусульманской культуры и образованный человек, считал монголов, как и других кочевников, с которыми ранее взаимодействовал исламский мир, «неверными», то есть немусульманами (язычниками) [12, с. 362], а Чингиз-хана называл «проклятым» [12, с. 363], неоднократно посылая в сторону монголов и Чингиз-хана проклятья [12, с. 357, 366, 370, 372], используя при этом приемы тональной оценки своего изложения.

Мухаммад ан-Насави, который находился на государственной службе в империи Хорезм-шахов, довольно подробно изложил ее историю. Монгольское нашествие начала XIII в., которое коснулось его лично, ан-Насави воспринял как «великое бедствие, происшедшее от татар…» [цит.: 9, с. 42]. Однако в своем изложении он старается более детально, чем Ибн ал-Асир, описать военные действия, происходившие между монголами и войсками хорезм-шаха в начале XIII в.

Рассказ ан-Насави почти не содержит ярко выраженной эмоциональности, но, вместе с тем, не лишен и украшающих эпитетов. Разумеется, как мусульманин, который сопереживает судьбам Хорезмийской державы и ее жителей, ан-Насави негативно относится к монголам, называя их «проклятыми татарами», а Чингиз-хана – «кровавым» правителем [9, с. 42–43].

Зачастую касаясь монгольского завоевания исламского мира в начале XIII в., исследователи обходят стороной еще одного очевидца тех событий – арабского географа-энциклопедиста Йакута ал-Хамави (род. между 1178/1180–1229 гг.), автора большого «Словаря стран» [13]. В отличие от последовательного рассказа Ибн ал-Асира и подробного изложения ан-Насави, Йакут лишь иногда упоминает о монголах в отдельных статьях своей энциклопедии. Таких упоминаний мы насчитали в 31 статье объемного труда Йакута.

Подобно Ибн ал-Асиру, Йакут враждебно относится к монголам, которых считает «неверными» [13, с. 332], врагами и завоевателями, повсюду сеявшими только разруху и гибель среди мусульман. Достаточно обратиться к фрагменту одной из статей Йакута,

где он пишет: «… после того, как пришли татары, да проклянет их Аллах, в 1220 г. они разорили все, что было…» [13, с. 47].

Отголоски событий, связанных с монгольским завоеванием империи Хорезм-шахов и соседних территорий, прослеживаются в арабской историографии середины XIII–XV вв. Следуя историческим традициям своих предшественников, поздние арабоязычные авторы, являясь очевидцами эпохи образования и распада монгольских государств-улусов и выразителями общественного мнения в мусульманской среде, также изобразили на страницах своих кратких историй, больших летописных сводов и энциклопедий монголов начала XIII в.

Изучив ряд сообщений о монголах начала XIII в. в сочинениях арабоязычных авторов середины XIII–XV вв: Сибт ибн ал-Джаузи (1186–1256 гг.) [14], Ибн Васила (1208–1298 гг.) [15], Ибн ал-‘Ибри (Бар Эбрея, 1226–1286 гг.) [16], ал-Йунини (1243–1326 гг.) [17], Абу-л-Фиды (1273–1331 гг.) [18], аз-Захаби (1274–1349 гг.) [19], ан-Нувайри (1279–1331 г.) [20], ал-‘Умари (1301–1349 гг.) [21], Ибн Касира (1301–1373 гг.) [22], Ибн Халдуна (1332–1406 гг.) [23], ал-Калкашанди (1355–1418 гг.) [24], ал-‘Айни (1361–1451/1453 гг.) [25], ал-Макризи (1364–1442 гг.) [26], ал-‘Аскалани (1372–1448 гг.) [27], Ибн ‘Араб-шаха (1392–1450 гг.) [28; 29], Ибн Тагри-Барди (1409–1470 гг.) [30] и ас-Суйути (1445–1505 гг.) [31], мы пришли к заключению, что их рассказы строились в основном на сообщениях предшественников, прежде всего, Ибн ал-Асира и ан-Насави, которые, как мы отмечали выше, являлись очевидцами и лучше всего изложили историю монгольского вторжения в исламский мир.

Вслед за ранними авторами, арабские историографы, начиная с середины XIII в., в основном заимствовали созданный Ибн ал-Асиром образ «монгола-врага», как беспощадного завоевателя и жестокого убийцы. Так, арабский историк Сибт ибн ал-Джаузи, автор большого летописного свода под названием «Зеркало времен по истории знатных лиц» пишет: «… они (монголы. – *Уточнение автора*) выступили против ‘Ала’-д-дина Мухаммада хорезм-шаха ибн Текеша, перешли реку Амударью вместе со своим правителем – Чингиз-ханом. Да проклянет их Аллах…» [14, с. 122]. Другой арабский автор – Ибн Васил описал в своей хронике первое появление монголов в исламском мире как страшное бедствие для всех мусульман [15, с. 34]. Заимствуя, во многом, рассказ Ибн ал-Асира, Абу-л-Фида’[18, с. 122], слова которого повторил ал-‘Умари [21, с. 146], также писали о вторжении монголов в пределы исламского мира как «великом несчастье».

Следует сказать, что некоторые арабские историографы, заимствуя информацию у предыдущих авторов о монголах изучаемого периода, подвергали ее проверке. Так поступил арабский энциклопедист ан-Нувайри, выражавший настроения мусульманского общества Ближнего Востока конца XIII – начала XIV вв., находившегося под властью мамлюков. В ходе написания разделов своей объемной энциклопедии, посвященных монгольскому вторжению в исламский мир [20, с. 206–229], ан-Нувайри обращается и сравнивает сообщения двух историков – Ибн ал-Асира и ан-Насави [20, с. 206]. Рассказ ан-Нувайри, среди других арабских авторов, отличается некоторой беспристрастностью, фактически лишен эмоций и всяческих проклятий в адрес монголов и Чингиз-хана.

Арабские историографы середины XIV – начала XV вв., несмотря на новые исторические реалии, когда монгольские завоевания давно завершились, и шел процесс постепенного распада монгольских государств-улусов Хулагуидов, Чагатаидов и Джучидов, продолжали усматривать в монголах начала XIII в. образ врага. Примечательно, что арабский историк Ибн ‘Араб-шах, который посвятил одно из своих сочинений великому завоевателю Тамерлану или Тимуру (1336–1405 гг.) [28], счел за необходимость упомянуть о Чингиз-хане и его масштабных походах. Из рассказа

Ибн ‘Араб-шаха видно, что он питал к Чингиз-хану только негативные чувства, обвиняя последнего в разрушении исламского мира: «Погиб [исламский мир. – *Примечание автора*] от рук тирана – Чингиз-хана… и отныне над ним проклятье Аллаха» [29]. Представитель традиционной историографии мамлюкского периода, арабский историк Ибн Тагри-Барди тоже негативно отзывался о монголах и Чингиз-хане, которого он назвал «тюркским правителем» и «тираном из племени татар» [30, с. 705]. Поздний арабский историограф ас-Суйути, повторив рассказы Ибн ал-Асира и Сибт ибн ал-Джаузи, также считал монголов безжалостными завоевателями, беспощадно истреблявшими мусульманское население Хорезмийской державы [31].

Выводы. Таким образом, в глазах мусульман Ближнего и Среднего Востока XIII–XV вв. образ монгола эпохи Чингиз-хана, который нашел непосредственное отражение в трудах арабоязычных авторов XIII–XV вв., представляется довольно враждебным и воинственным. Вместе с тем, для арабских историков, которые достаточно хорошо знали исламскую историю, монголы были отнюдь не первым «неверным» народом, вторгшимся в пределы мусульманского мира. Известно, что хозяевами Великой степи до появления монголов являлись различные тюркские племена, в особенности, усилившиеся в X–XI вв. тюрки-сельджуки, которые захватили не только ряд территорий, но и столицу (1055 г.) некогда могущественного Багдадского Халифата [7, с. 337–338]. Поэтому арабо-мусульманские авторы восприняли появление монголов в начале XIII в. как еще одни чужеродные и весьма враждебные элементы, вместе с тем, постарались передать в своих трудах наиболее достоверные сведения о монголах. В этом плане к сообщениям арабских источников намного больше доверия, нежели сочинениям западноевропейских ученых кругов, которые сильно искажали историю монголов эпохи Чингиз-хана. Ярким примером таких источников является «История татар», написанная по материалам францисканской миссии 1245 г. Авторство этого сочинения приписывают некому монаху Ц. де Бридиа, который описал легендарную историю монгольских завоеваний и, по выражению А.Г. Юрченко, изучавшего этот памятник европейской средневековой мысли, воссоздал некое подобие «ирреальной империи Чингиз-хана» [см.: 32].

Проблема отражения исторического прошлого монголов начала XIII в. в сознании представителей различных культур и цивилизаций, в частности, арабо-мусульманской, достаточно сложная и требуют более тщательного изучения с привлечением новых источников информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гольман М.И. Изучение историографии Монголии на Западе (XIII – середина XX вв.) / М.И. Гольман. – М.: Наука, 1988. – 221 с.
2 Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. / О.В. Лушников. – Казань: Изд-во «Фан» АН РТ, 2009. – 116 с.
3 Тимохин Д.М. Эволюция образа завоевателей-монголов в мусульманских источниках / Д.М. Тимохин // Мы и они. Конформизм и образ «другого»: Сб. статей на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев. – М.: КДУ, 2007. – С. 187–199.
4 Нестерова Е.Р. Монголы XIII в. глазами современников // Е.Р. Нестерова / Mongolica-XIII. Сб. научных статей по монголоведению. Посвящается 235-летию со дня рождения И.Я. Шмидта (1779–1846). – СПб., 2014. – С. 22–29.
5 Шишка Е.А. Монгольские завоеватели глазами европейцев 30–40-х гг. XIII в. / Е.А. Шишка // Novogardia, 2020. – № 3. – С. 39–56.
6 Дробышев Ю.И. Образ монгольских завоевателей в западных и восточных источниках: опыт сравнительного анализа / Ю.И. Дробышев // Народы и религии Евразии, 2021. – № 2 (26). – С. 106–120.
7 История стран зарубежной Азии в средние века / отв. ред. А.М. Голдобин, Д.И. Гольдберг, И.П. Петрушевский и др. – М.: Наука, 1970. – 640 с.

8 Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-‘Umar-i-‘Usman: In II Vols. / transl. from pers. by H.G. Raverty. – Calcutta: Book Publishing, 1881.
9 Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указат. З.М. Буниятова. – М.: Восточная литература, 1996. – 422, LXV, 307 с.
10 Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231) / З.М. Буниятов. – М.: Наука, 1986. – 248 с.
11 Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала Ад-дином Ата-Меликом Джувейни / пер. с англ. Е.Е. Харитоновой. – М.: «Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2004. – LXI, 689 с.
12 Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та’рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки / пер. с араб., примеч., ком. П.Г. Булгакова, доп. к пер., прим. и ком. Ш.С. Камолиддина. – Ташкент–Цюрих: Изд-во АН Узб. Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни, 2005. – 559, 32 с.
13 Му‘джам ал-булдан аш-шайх ал-имам Шихаб ад-дин Аби б. ‘Абд Аллах Йакут б. ‘Абд Аллах ал-Хамави ар-Руми ал-Багдади. – Дж 5. – Байрут, 1977 (на араб. языке).
14 Mir’at az-zaman (A.H. 495–654) by Shams ad-Din Abu’l-Muzaffar Yusuf Ben Qizughlu ben Abdallah commonly known by the surname of Sibt ibn al-Jawzi. A facsimile reproduction of manuscript No 136 of the Landberg collection of Arabic manuscripts belonging to Yale University / ed. with introduct. by J.R. Jewett. – Chicago: The University of Chicago Press, 1907. – XIV, 529 p. (араб. текст).
15 Китаб муфарридж ал-куруб фи ахбар бани Аййуб та’лиф Мухаммад б. Салим б. Васил, Джамал ад-дин. – Дж. 4. – ал-Кахира, 1972 (на араб. языке).
16 Та’рих ал-мухтасар ад-дувал та’лиф… Григугиус Аби-л-Фарадж б. ал-Харун… би-бн ал-‘Ибри. – ал-Хазмийа, 1983 (на араб. языке).
17 Зайл мир‘ат аз-заман аш-Шайх Кутб ад-дин Аби-л-Фатх Муса б. Мухаммад б. Ахмад б. Кутб ад-дин ал-Йунини. – Дж. 1. – Хайдарабад – Дакка, 1953 (на араб. языке).
18 Китаб ал-мухтасар фи ахбар ал-башар… та’лиф ал-малик ал-мува‘ид ‘Имад ад-дин Исма‘ил Абу-л-Фида’. – Дж. 3. – ал-Кахира, [б.г.] (на араб. языке).
19 Та’рих ал-ислам ва вафайат ал-мушахир ва-л-‘алам ал-Хафиз ал-мува’ррих Шамс ад-дин Мухаммад б. Ахмад б. ‘Усман аз-Захаби. – Дж. 44. – Байрут, 1997 (на араб. языке).
20 Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб та’лиф Шихаб ад-дин Ахмад б. ‘Абд ал-Ваххаб ан-Нувайри. – Дж. 27. – Байрут – Лубнан, 2003 (на араб. языке).
21 Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар ли-бн Фадл Аллах ал-‘Умари, Шихаб ад-дин Ахмад б. Йахйа. – Дж. 27 – Байрут, 2011 (на араб. языке).
22 ал-Бидайа ва-н-нихайа ли-л-Хафиз ‘Имад ад-дин Аби-л-Фида’ Исма‘ил б. ‘Умар б. Касир ал-Кураши ад-Димашки. – Дж. 17. – [б.м.], 1998 (на араб. языке).
23 Та’рих ибн Халдун… та’лиф ‘Абд ар-Рахман б. Халдун. – Дж. 5. – Байрут, 2000 (на араб. языке).
24 Китаб субх ал-‘аша та’лиф аш-шайх Аби-л-‘Аббас Ахмад ал-Калкашанди. – Дж. 4. – ал-Кахира, 1914 (на араб. языке).
25 ‘Икд ал-джуман фи та’рих ахл аз-заман та’лиф Бадр ад-дин ал-‘Айни. – URL: http://www.alwaraq.net/Core/ waraq/coverpage?bookid=255 (араб. текст).
26 ас-Сулук ли-ма‘рифат дувал ал-мулук та’лиф Таки-д-дин Аби-л-‘Аббас Ахмад б. ‘Али б. ‘Абд ал-Кадир ал-‘Убайди-л-Макризи. – Дж. 1. – Байрут – Лубнан, 1998 (на араб. языке).
27 Инба’-л-гумар би-нба’-л-‘умар та’лиф Ибн Хаджар ал-‘Аскалани. – URL: http://www.alwaraq.net/Core/ waraq/coverpage?bookid=160 (араб. текст).
28 ‘Аджа’иб ал-макдур фи ахбар Тимур та’лиф Ибн ‘Араб-шах. – URL: http://www.alwaraq.net/Core/ waraq/coverpage?bookid=70 (араб. текст).
29 Факиха-л-хулафа’ ва муфакиха-з-зурафа’ та’лиф Ибн ‘Араб-шах. – URL: http://www.alwaraq.net/Core/ waraq/coverpage?bookid=3148 (араб. текст).
30 ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира талиф Джамал ад-дин Аби-л-Махасин Йусуф б. Тагри-Барди. – Дж. 6. – Байрут – Лубнан, 1992 (на араб. языке).
31 Та’рих ал-хулафа’ та’лиф Джалал ад-дин ас-Суйути. – URL: http://www.alwaraq.net/Core/waraq/ coverpage?bookid=124 (араб. текст).
32 Юрченко А.Г. Ирреальная империя Чингис-хана / А.Г. Юрчекно // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.). Мат-лы конференции. – М., 2002. – С. 254–259.

Поступила в редакцию 29.08.2021 г.

MONGOL-ENEMY IMAGE BEGINNING OF THE XIII-th CENTURY. FORMED IN THE MUSLIM SOCIETY OF THE NEAR AND MIDDLE EAST XIII–XV-th CENTURY

A.V. Kozhushko

The makes an attempt to study the image of the Mongol-enemy at the beginning of the 13th cent., which was formed in the Muslim society of the Near and Middle East of the 13th–15th cent. in article. I found after analyzing information from the Arabic historical chronicles and encyclopedias of the 13th–15th cent., who were of eyewitnesses of the events of the beginning of the 13th cent. – the historians Ibn al-Athir, Muhammad al-Nasawi and the geographer-encyclopedist Yakut al-Hamawi, associated with the Mongol conquest of the Islamic world, traces the attitude towards the Mongols as an alien and hostile people. The Arabic-speaking historiographers of the middle of the 13th–15th cent., adhering to the historical traditions of their predecessors as well as borrowing their stories, also portrayed the Mongols and Chinghiz-khan as mostly cruel and merciless conquerors who destroyed Muslim cities and killed their inhabitants.

Key words: Mongols, Muslims, Arabic sources, Khorezm, Chinghiz-khan.

Кожушко Андрей Валерьевич
Ассистент, соискатель кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР.
E-mail: andrey_valerievich1990@mail.ru.

Kozhushko Andrey Valerievich
Assistant, applicant for the department world history and international relations, SEI HE LPR “Luhansk State Pedagogical University”, Luhansk, LPR.
E-mail: andrey_valerievich1990@mail.ru.

УДК 351.824.1:33(477.6)(470+571)"1914/1918"(045)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТРАСЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

© 2021. *Ю.А. Никулин*

В статье рассматриваются состояние и основные особенности функционирования угледобывающей промышленности России в предвоенный период и годы Первой мировой войны. Произведен анализ показателей отрасли в контексте мирового и внутреннего производства каменного угля. Рассмотрены основные проблемы становления, развития и функционирования отрасли в исследуемый период.

Ключевые слова: Первая мировая война, каменноугольная промышленность, тяжелая промышленность, Донбасс, Домбровский бассейн.

Актуальность темы обусловлена тем, что экономика любого государства является детерминантным базисом по отношению к его социокультурной надстройке. Тяжелая промышленность в целом и угледобывающая в частности – это основа экономики Донбасса, выступающая фактором, предопределяющим все бытие его общества. Соответственно, исследование данной проблематики приобретает особую актуальность в период становления государства. Более того, исследование особенностей функционирования тяжелой промышленности в период войны в значительной мере актуализирует данную тему, ввиду возможности рассмотрения исторического опыта в контексте современности.

Наиболее полно вопрос угольной промышленности в исследуемый период рассматривается в работе «Война и топливо 1914–1917 гг.» [7], которая помимо аналитической составляющей содержит ряд статистических таблиц, основанных на соответствующих данных Совета горнопромышленника Юга России. Особое внимание вопросам угля уделяет профессор Туган-Барановский в статье «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» [6]. Данные статистических сборников «Статистический ежегодник на 1912 год» [4] и «Статистический сборник за 1913–1917 гг.» [5], позволяют проверять показатели угольной промышленности, использованные в исследованиях, расширяя, как правило, итоговые суммы более частными производственными показателями. Вопросы каменноугольной промышленности отражены также и в исследованиях В. И. Шигалина [8], И. В. Маевского [1], посвященных экономике в годы Первой мировой войны.

Целью статьи является исследование особенностей развития и функционирования угледобывающей промышленности в России накануне Первой мировой войны и в ее годы, а также анализ показателей отрасли на уровне мирового и внутреннего производства.

В годы Первой мировой войны, как и в первой половине XX века в целом, основным топливным ресурсом, обеспечивающим потребности промышленности и транспорта, – был каменный уголь, нефть же постепенно набирала значимость в мировой экономике, но по целому ряду причин была неспособна вытеснить уголь. Это нашло отражение и в том факте, что перифраз, указывающий на высокую ценность – «черное золото», стал применяться к нефти лишь во второй половине XX века, до этого же им именовали уголь.

Важно отметить, что помимо прямого фигурирования учета производства угля во всех специальных изданиях, так или иначе взаимодействующих со статистическими данными народного хозяйства воюющих стран, уголь косвенно фигурирует как сырье или же топливо для производства для всех иных отраслей тяжелой промышленности. Так, обращает на себя внимание цитата из исследования И. В. Маевского «Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны»: «По таким важнейшим показателям уровня промышленного развития, как выработка электроэнергии, добыча каменного угля, выплавка чугуна и стали, выплавка меди и выпуск машин, Россия занимала в мировом производстве соответственно 15, 6, 5, 7 и 4-е места» [1, с. 8]. В каждом, за исключением непосредственно угля, показателе уровня промышленного развития, обозначенном Маевским «важнейшим», уголь задействован как топливный ресурс. Помимо указанных отраслей промышленности, уголь является основополагающим ресурсом в коксохимической промышленности, – крайне необходимой для артиллерии, при этом практически полностью отсутствовавшей в России накануне войны, а также краеугольным камнем функционирования транспортной системы, высокое значение которой вдвое увеличивается в условиях войны. Следовательно, являясь детерминантным ресурсом для функционирования всех важнейших отраслей тяжелой промышленности, уголь может выступать в роли маркера, указывающего на ее состояние в целом.

Как следует из вышеприведенной цитаты, Российская империя накануне войны занимала шестое место в мире по добыче каменного угля, имея наибольшую территорию и численность населения. Также можно заметить, что некоторые отрасли тяжелой промышленности являлись более продуктивными, нежели каменноугольная, будучи при этом прямо зависимыми от продуктивности последней, что ставит под сомнение тезис о возможности рассмотрения угледобывающей промышленности как маркера тяжелой промышленности в целом. Однако данный разрыв продуктивности объясняется тем, что ряд производственных регионов работал на импортируемом в Россию угле, так на 1913 год доля иностранного угля в общем его количестве составляла 25,5 % [6, с. 303]. Стоит также учесть, что примерно половина импортируемого угля приходилась на Англию, которая с началом войны практически полностью прекратит поставки угля через Балтику, вторая же половина приходилась на страны Тройственного союза – Германию и Австро-Венгрию. Эти факторы указывают на закономерное понижение производительности отраслей промышленности, связанных с угольной, в том числе, и по причине усложнения логистики в Российской империи с началом войны.

Шестое место в мировом производстве каменного угля – это достаточно абстрактное и условное понятие, не дающее нам четкого представления о том, как располагаются страны на пьедестале и насколько серьезен разрыв в их показателях. Если же рассмотреть данное соотношение в цифрах, то трагичность судьбы России в надвигающейся войне становится очевидной еще до ее начала.

Таблица 1

Производство каменного угля в 1913 г. [1, с. 9]

	США	Англия	Германия	Франция	Россия
Каменный уголь (в тыс. тонн)	517 060	292 043	141 384	43 847	29 052

Исходя из данных, представленных в таблицы, очевидным становится тот факт, что занимаемое шестое место в мировом производстве каменного угля сопровождается колоссальным отставанием от показателей лидирующих стран. В данной таблице,

основанной на соответственной у И. В. Маевского, Россия находится на пятом, а не шестом месте, это обусловлено отсутствием данных об экономике Австро-Венгрии в отечественных источниках, исследующих показатели народного хозяйства воюющих стран.

Однако показатели производства угля Россией, приведенные Маевским, несколько ниже, нежели соответствующие в статистических сборниках, а в исследовании, на которое ссылается автор, присутствуют лишь сведения за 1912 год, к слову, полностью сопоставимые со статистическими сборниками. Учитывая этот факт, стоит скорректировать показатели угольной промышленности для объективизации оценки. Так, по данным, основанным на Сборнике статистических сведений Горного ученого комитета, Совета съездов горнопромышленников Юга России и Особого совещания по топливу на 1913 г. Россией было произведено 35 991,9 тыс. тонн каменного угля [7, с. 31]. Статистический сборник за 1913–1917 гг. выводит 2 200 052 тыс. пудов, произведенных Россией в 1913 г., что при переводе в тонны составляет приблизительно 36 036,8 тыс. тонн, то есть количество сопоставимое с предыдущими данными [5, с. 78].

При сопоставлении показателей угольной промышленности с другими источниками, в том числе немецкими, обнаружился тот факт, что количество произведенного Германией угля, данное Маевским, также значительно ниже, причем, практически вдвое. Так, Г. И. Шигалин в монографии «Военная экономика в первую мировую войну» оценивает добычу каменного угля в Германии на 1913 г. в 277 млн. тонн [8, с. 73], что сопоставимо с данными из немецких источников – 278,6 млн. тонн [9, с. 69; 10, с. 138].

В связи с отсутствием статистических показателей промышленности Австро-Венгрии, в целом, и угледобывающей, в частности, в отечественных исследованиях, появилась необходимость привлечения немецкоязычных исследований, в которых также прослеживается определенные различия в данных. Австрийские исследовали в работе, опубликованной в 1917 году, посвященной топливу, оценивают производство каменного угля Австро-Венгрией на 1913 год в 43,74 млн. тонн со ссылкой на английский источник [9, с. 69]. Г. Кизеветтер в работе, опубликованной в 2000 году, ссылаясь на французские статистические данные и английские исследования, также указывает на производство 43,800 тыс. тонн, но исключительно Австрией, отдельно выделяя добытые в Венгрии 10,274 тыс. тонн, что составляет в сумме 54,047 тыс. тонн [10, с. 138].

Учитывая все вышеперечисленные аспекты, можно составить следующую таблицу, которая более точно отражает производство каменного угля мировыми державами накануне Первой мировой войны:

Таблица 2

Производство каменного угля в 1913 г. [1, с. 9; 10, с. 138; 5, с. 78]

	США	Англия	Германия	Австро-Венгрия	Франция	Россия
Каменный уголь (в тыс. тонн)	517 060	292 043	268 627	54 047	43 847	36 036

Еще таблица 1 отчетливо иллюстрировала значительное отставание российской угольной промышленности от мировых лидеров, однако, ввиду ошибочного отражения производственной статистики Германии несколько амортизировался разрыв между лидерами и аутсайдерами, данный эффект полностью нивелируется и становится обратно пропорциональным путем исправления ошибочных данных, что наглядно демонстрирует таблица 2. Возвращаясь к первоначальному тезису о высокой значимости угля в рамках тяжелой промышленности, транспортной системы, а также

вообще любого производства, использующего паровые станки, стоит отметить, что еще довоенные показатели производства угля указывали на критическую неспособность русской экономики выдержать полномасштабную затяжную войну.

Так, в процентном соотношении показатели угольной промышленности России по отношению к Германии, ее основному противнику, составляют 13,4 %, в таких критических условиях Российская империя смогла противостоять Тройственному союзу и даже периодически проводить весьма успешные операции лишь благодаря удачно сложившейся внешней и внутренней конъюнктуре. К примеру, Россия, вопреки расчетам германского генерального штаба, достаточно оперативно мобилизовалась и неожиданно начала натиск на Восточную Пруссию, пока Германия вела основные боевые действия на Западном фронте, вынуждая последнюю к губительной войне на два фронта. Однако в периоды позиционной войны на Западном фронте, когда стратегический приоритет, а вместе с ним и экономический, Германии переходил на Восточный фронт, Россия, как правило, терпела поражения. При этом в вопросах обеспечения, а соответственно, и функционирования экономики, Россия слабо преуспевала с самого начала войны, просчеты в оценках надвигающейся войны, следовательно, и в мобилизационной политике, привели к кризису снабжения во всем его многообразии уже в первые месяцы войны.

Рассмотрев положение русской каменноугольной промышленности в контексте уровня мирового производства накануне Первой мировой войны, стоит перейти непосредственно к внутренним особенностям функционирования отрасли в Российской империи. Благодаря наличию огромных лесных ресурсов и позднему зарождению промышленности в России длительное время отсутствовал необходимый импульс для развития угольной промышленности, которая стала активно развиваться лишь с середины XIX века. Обладая достаточно обширными, как в количественном, так и видовом значении запасами угля, Российская империя полностью не задействовала промышленный потенциал угледобывающих центров. Основными центрами угледобычи Российской империи были Домбровский, Донецкий и Подмосковный бассейны, Урал, Восточно и Западно-Сибирский районы, Туркестан и Кавказ.

Первым бассейном, где добыча велась в промышленных масштабах, необходимых для функционирования промышленности Царства Польского, был Домбровский бассейн. Вторым по значимости в середине XIX века был Донецкий бассейн, который даже в отсутствии должной промышленной конъюнктуры добывал огромное по меркам периода количество угля. Подмосковный бассейн, стремительно развивающийся во второй половине XIX века, ввиду низкого качества угля, был вытеснен с рынка донецким углем, который по мере развития угледобычи и железных дорог Донбасса минимизировал спрос на местный уголь. Богатые запасы Урала и Западной Сибири также не реализовывали свой потенциал в связи с отсутствием должного спроса, ввиду отдаленности от промышленных центров. Так, Кузнецкий бассейн, значительно превосходящий по качеству угля и его запасам Донбасс, добывал сравнительно небольшое количество угля в соотношении со своим потенциалом, однако в годы войны сумел увеличить производство на 64 % [7, с. 32]. Угольные районы Восточной Сибири были подвержены тем же факторам, однако в связи с началом русско-японской войны значительно увеличили показатели добычи. Угледобыча Туркестана и Кавказа обслуживала исключительно местные потребности и имела небольшой масштаб производства.

Наиболее значимым угольным бассейном Российской империи в предвоенный период и годы войны был Донецкий, который, помимо колоссальных запасов угля и его разнообразия, обладал рядом значимых особенностей: более выгодное географическое

расположение, нежели у ряда угольных районов империи, широкий промышленный спрос и возможность восполнить этот спрос. Выше упоминалось, что Донбасс даже в отсутствие должной промышленной конъюнктуры добывал огромное по меркам второй половины XIX века количество угля. К примеру, в 1860 году шахты Донбасса произвели 98,3 тыс. тонн [7, с. 26], что составляет 55,5 % от 176,9 тыс. тонн [7, с. 31], добытых в связи промышленным запросом в Домбровском бассейне, в то время как остальные угольные регионы в сумме дали лишь 23,3 % количества произведенного в Донбассе угля. Однако возникновение необходимых промышленных условий для развития Донецкого бассейна кардинально меняет показатели русской угледобычи в целом и соотношение добычи бассейнов в частности.

Первым импульсом к развитию «Донецкого бассейна в 70-е годы послужила постройка сети железных дорог на Юге России; вторым последующим в 90-е годы импульсом явилась постройка ряда металлургических заводов на Юге с производством чугуна на коксе» [7, с. 26]. Вычленение производственных показателей между данными периодами отчетливо показывает динамику развития и становления Донецкого бассейна как основного угледобывающего центра русской промышленности. Так, в 1870 году Донецкие шахты произвели 255,5 тыс. тонн, в то время как все еще лидирующий Домбровский бассейн дал 330,9 тыс. тонн [7, с. 31]. Однако уже в 1875 году Донецкий бассейн добыл 833,8 тыс. тонн [7, с. 26], вдвое превысив показатели Домбровского бассейна, давшего лишь 407,9 [7, с. 31]. Таким образом, за пять лет производительность угольной промышленности Донбасса увеличилась приблизительно на 6 9%, а к 1880 году рост производительности достиг примерно 82 %.

Очевидно, что форсированная индустриализация страны не могла сказываться исключительно на Донецком бассейне, параллельно с которым значительные темпы экономического роста переживают и другие бассейны, однако с середины 70-х годов Донбасс занимает исключительно лидирующую позицию в угольной промышленности. Так, к 80-му году Домбровский бассейн практически полностью сократил разрыв в показателях и выдерживал сопоставимый темп развития вплоть до второго экономического импульса, стимулирующего развитие угледобычи Донбасса. Если с 1880 по 1895 годы разрыв в показателях лидеров составлял от 4,8 % до 27,7 %, то начиная с 1900 года и вплоть до войны добыча угля в Донецком бассейне будет в среднем на 67,6 % превышать добычу Домбровского бассейна, при этом регулярно производя более чем половину угля от общей добычи. Получив промышленный спрос на уголь, Донбасс с начала XX века занимает доминирующее положение в отечественной отрасли и сохраняет статус-кво вплоть до выхода России из войны.

С началом войны угольная промышленность сталкивается с целым рядом проблем: в первые же недели противник захватывает второй по значимости в стране Домбровский бассейн, так же прекращаются и поставки угля из-за границы, значимые для промышленности западных регионов. В количественном отношении утрата двух значимых источников угля в начале войны может быть гипотетически оценена по данным 1913 года и составляет 14 622 тыс. тонн, что составляет 40,6 % от общей добычи угля в России [7, с. 48]. Учитывая высокую значимость каменного угля для функционирования военной экономики, такая значимая потеря не сказалась критически на состоянии экономики в связи с постепенной мобилизацией промышленности и ввиду того, что промышленные регионы, потребляющие польский и импортный уголь, также были оккупированы.

Однако с полной мобилизацией промышленности на второй год войны появилась необходимость покрывать дефицит каменного угля промышленными мощностями Донецкого бассейна, давшего в 1913 году 87,2% [7, с. 51] от общей добычи угля, при

этом, полностью не задействовав свой промышленный потенциал. В то же время война вносила свои коррективы в промышленный потенциал региона, который в условиях войны не мог увеличить добывающую способность в полную нагрузку – 32,8 млн. тонн. Среди основных факторов, нивелирующих возможность развития промышленности, выделяется мобилизация рабочих на фронт и неспособность транспортной системы справляться с нагрузками. Уже в первую волну мобилизации в июле 1914 года каменноугольные предприятия Донбасса сокращают количество рабочих с 203 тыс. до 137,5 тыс. человек [7, с. 36], что составляет 32,3 %. В целом, шахты Донбасса теряют до 40 % горняков [8, с. 150]. Эти факторы сказываются на производительности труда, которая выливается в падение показателей в 1915 году, параллельно с которой увеличивается продуктивность других угольных бассейнов страны, менее подверженных этим факторам. Добыв в 1913 году 87,2 % от общей угледобычи, с 1914 по 1917 год производительность Донецкого бассейна падает с 86,3 % до 79,2 % [7, с. 51], что качественно показывает динамику мобилизации прочих бассейнов, учитывая потерю Домбровского. Наглядно отражает состояние отечественной угольной промышленности в годы Первой мировой войны следующая таблица.

Таблица 3

Угольная промышленность России в годы войны [7, С. 25,31]

Год	Донецкий бассейн	Подмосковный бассейн	Урал	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Туркестан	Кавказ	Всего
1914	27 584	311,2	1 379,2	992,6	1 467,7	154,0	65,5	35 735,1
1915	26 650	465,2	1 289,1	1 280,9	1 525,0	163,8	75,3	31 442,3
1916	28 682	696,2	1 511,9	1 353,0	1 950,9	196,6	63,9	34 460,5
1917	24 734	704,4	1 595,5	1 394,0	2 473,3	185,1	32,8	31 219,1

Подводя итоги, стоит сказать, что угольная промышленность – это фундаментальная составляющая экономики, выступающая сырьем и топливом для отраслей тяжелой промышленности, а также легкой промышленности, использующей паровые станки, равно как и основа функционирования транспортной системы. Исходя из этого, состояние угольной промышленности может выступать маркером, указывающим на состояние экономики в целом. В войну Российская империя вступает, занимая шестое место в мировом производстве угля, сопровождаемое колоссальным отрывом от лидеров, уступая также и своим основным противникам – Германии и Австро-Венгрии.

Очевидно, что с началом войны, которая хоть и выступит катализатором промышленности, ситуация в угледобывающей отрасли несколько усугубится, с одной стороны за счет мобилизации рабочих, с другой – усложнением логистической ситуации, ввиду потребностей фронта. Также, просчеты в оценке надвигающейся войны и, соответственно, мобилизационных мероприятиях, с началом войны приводят к «снарядному голоду», разрешение которого ложится на металлургическую и коксохимическую промышленность, производительность которой напрямую зависит от производительности угольной. Потеря Домбровского бассейна, иностранного угля и германских продуктов химической промышленности стимулируют развитие угледобывающей отрасли в стране, с другой стороны данное развитие упирается в неспособность транспортной системы совладать с нагрузкой. Наиболее отчетливо данные факторы сказываются на Донецком бассейне, доминантном производителе угля в России, который ввиду вышеуказанных причин не увеличил потенциальную производительность, в то время как другие бассейны, менее подверженные негативному влиянию, интенсифицировали производство, увеличив показатели.

Таким образом, несмотря на определенное развитие, угледобывающая промышленность России была неспособна полностью удовлетворить все требования, предъявляемые войной, в том числе и по причине значительного отставания от показателей противника. Крайнее напряжение промышленности приводит к новому обострению социально-политических противоречий в российском обществе, несколько сглаженным консолидацией общества на начальном этапе войны, что в конечном итоге приводит к трагичной, но вполне закономерной, участи России в Первой мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны / И.В. Маевский. – М.: Госполитиздат, 1957. – 391 с.
2. Развитие советской экономики / Под ред. А. А. Арутиняна и Б. Л. Маркуса. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 663 с.
3. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). – М.: Издание ЦСУ, 1925. – 103 с.
4. Статистический ежегодник на 1912 год / Под ред. В. И. Шараго. – Санкт-Петербург, 1912. – 173 с.
5. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Том VII. Вып. 1. – М.: Труды ЦСУ, 1921. – 275 с.
6. Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны: сборник статей / Под ред. М. И. Туган-Барановского. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1915. – 675 с.
7. Шелякин П. Война и угольная промышленность / П. Шелякин // Война и топливо 1914-1917 гг. – М.; Л. : Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1930. – 192 с.
8. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.
9. Donath Ed. Die Treibmittel der Kraftfahrzeuge / Ed. Donath, A. Grцger. – Berlin: Spriner, 1917. – 171 p.
10. Kiesewetter H. Region und Industrie in Europa 1815-1995 / Hubert Kiesewetter. – Stuttgard: Steiner, 2000. – 261 p.

Поступила в редакцию 12.07.2021 г.

DEVELOPMENT OF RUSSIAN COALMINING INDUSTRY ON THE EVE OF WORLD WAR I AND DURING IT

Y.A. Nikulin

The article highlights condition and the main features of functioning of Russian coalmining industry on the eve of the World War I and during it. The article analyze statistic data of industry according to the level of the world coal production and its inner features. Considered the main issues of becoming, development and functioning of coalmining industry during researched period.

Key words: World War I, coalmining industry, heavy industry, Donbass, Dabrowa Basin.

Никулин Юрий Александрович
преподаватель кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР.
E-mail: georgelittle@mail.ru

Nikulin Yuri Alexandrovich
lecturer of the Philosophy and History Department, SEE HPE «Gorlovka Institute for Foreign Languages», Gorlovka, DPR.
E-mail: georgelittle@mail.ru

УДК 94:338.45(477.62)"1917"

КРИЗИС ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ДОНБАССЕ В 1917 г.

© **2021**. ***Н.Н. Разумная***

Статья посвящена вопросу проявления кризиса в промышленном производстве в Донбассе накануне Февральской революции и его последующего ухудшения в первой половине 1917 г., на примере работы металлургических заводов. Автор анализирует материалы Государственного архива ДНР по данной проблеме. Поэтапно изучается социально-экономическая ситуация в Донбассе в данный период и попытки преодоления топливного кризиса, предпринимаемые Съездом горнопромышленников Юга России в регионе.

Ключевые слова: металлургические заводы, Съезд горнопромышленников Юга России, промышленность, Донбасс, топливный кризис, рабочие, 1917.

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью проблемы и необходимостью обобщения и анализа материалов Государственного архива ДНР. В советской историографии событиям 1917 гг. в Донбассе были посвящены работы Ю.И. Кирьянова [1], В.В. Модестова [2], которые в основном рассматривали политические причины революционной ситуации. В современной отечественной историографии тематика публикаций, посвященных данному периоду, приобретает более региональный характер и вопросы, связанные с социально-экономическими аспектами проблематики, рассматриваются частично в работах Н.В. Хапланова [3], Н.А. Шефова [4], Ю.Р. Федоровского [5, 6], Л.А. Скворцовой [7], Н.Н. Разумной [8–10].

Целью данной публикации является изучение причин и последствий проявления кризиса в промышленном производстве Донбасса накануне Февральской революции и его последующего ухудшения в первой половине 1917 г., на примере работы металлургических заводов и угольной промышленности края.

В связи с ухудшением экономической ситуации в металлургической промышленности Донбасса, Совет Съезда горнопромышленников Юга России 2 января 1917 г. разослал приглашение директорам металлургических заводов принять участие в организационном совещании металлургической комиссии, назначенном на 14 января в субботу, созванного по просьбе директора завода «Русский Провиданс» (письмо от 18 декабря 1916 г.). Данное заседание проводилось специально для обсуждения вопроса об определении необходимой нормы топлива по заводам. Последующее совещания металлургов уже с участием Главноуполномоченного по топливу было назначено на 15 января в воскресенье.

Круг обсуждаемых вопросов был намечен следующий: об организации металлургической комиссии; обсуждение проблемы снабжения рудников металлами (поэтому требовалось предоставить данные о выполненных рудниками заказах Совета Съезда за ноябрь-декабрь 1916 г.. Третья проблема – это своевременная подача статистических сведений Совету Съезда о металлургической промышленности. Сведения собирались за последние месяцы (ноябрь – декабрь) 1916 г. по установленной форме.

Руководителям заводов был также отправлен запрос об имеющихся запасах готовых изделий на 1 января 1917 г. с целью последующей их реализации. Предполагалась выработка норм доставки топлива для металлургических заводов. Комитетом по делам металлургической промышленности планировалось составление проектов об отсрочках или аккумулировании договоров и обязательств по поставкам

металлов, изделий и топлива. С последующим утверждением данных проектов Советом обществ заводчиков и фабрикантов; юридическим отделом Совета Съезда [1].

Как и было запланировано, 13 января 1917 г. состоялось организационное совещание металлургической комиссии под председательством Б.И. Соколов. Принимали участие в данном совещании 11 представителей металлургических заводов: Л.Ф. Бришан от Константиновского завода, И. Непокойницкий – Ольховского, И.А. Бернацкий – Краматорского, Я.К. Фурньи – Русский Провиданс, В.А. Брандт-Керченского, М.О. Орловский – Таганрогского; Г.С. Ржодкевич – Гданцевского, Ж.Ж. Галопень – Донецко-Юрьевского, В.В. Гладков – Сулинского, Н.Н. Гогоцкий и М.М. Фиалковский – Александровского, Ст. Порадовский – Никополь-Мариупольского, С.Ф. Коржицкий – Общества Продамет, С.Е. Замовский – член Совета Съезда горнопромышленников Юга России.

Главным на повестке дня был вопрос о снабжении рудников металлами. В месяц всем рудникам было необходимо – 250 000 пуд., особенно необходимо было сортовое железо, чугун (в месяц 20–22 вагона). За 3 месяца октябрь-ноябрь-декабрь 1916 г. было доставлено всего 36 % металлов по заказам. Причины невыполнения заказов назывались следующие: нехватка вагонов, недостаточное производство, невыполненные заявки переносились на следующий месяц и постоянно накапливались. Уже в ходе данного совещания выяснилось, что на отправку чугуна согласились представители следующих заводов: Ольховского, Краматорского, Александровского – по 5 000 пуд., Гданцевского – 2 000 пуд., кроме того Кадиевский завод Днепровского общества сообщили о готовности отправить 5 000 пуд. в общей сложности – 22 000 пудов. От Константиновского завода до 10 000 пуд. в месяц длиной 50 дюймов, пригодной для изготовления валов и осей. Именно на совещании было подчеркнуто, что недостаток кокса, рабочих, нарушение работы железнодорожного транспорта, производство и вывоз металла за время войны сократилось, причем процент сокращения производства на всех заводах был одинаков; некоторые заводы, стоящие на копях, работали даже лучше чем до войны.

В следующей таблице представлена информация о доменных печах на 18 южных металлургических заводах.

Таблица 1

Состояние доменных печей металлургических заводов Юга России

Период	всего печей	в действии	остановлены	готовых	в ремонте	строились
1.08.1916	65	47	–	6	8	4
1.10.1916	65	53	–	1	7	4
1.01.1917	65	43	11	3	4	4
13.01.1917	65	45	9	3	4	4

По данным таблицы 1 видно, что процесс остановки печей начался с января 1917 г. на 18 южных металлургических заводах в действии было 45 печей, из которых ниже положенной нормы работало только 19 печей.

Таблица 2

Нормальная потребность в топливе заводов Юга России (в месяц)

наименование	всего	к вывозу	норма установленная на февраль 1917 г.
угля	33 180	19 305	14 610
кокса	26 231	11 661	12 000
антрацита	1 640	1 355	1 840
итого		32 341	28 450

О производстве кокса было оговорено, что в 1917 г. при всех благоприятных условиях, его производство ожидалось в количестве 366,5 млн. пуд., если выработка в месяц составит не менее 26,6 млн. пудов. При максимальном производстве в январе 1914 г. – 27 млн. пуд.

На данном совещании председателем металлургической комиссии был избран А.А. Свицын, его заместителем Н.Н. Гогоцкий, были определены задачи данной комиссии: обсуждались производственные вопросы, проблемы транспортировки угля и продукции. Поскольку уголь реквизировался в пути, поэтому к месту назначения его приходило еще меньше [3].

4 февраля 1917 г. директорам заводов секретно была разослана информация о составлении журнала комиссии по обследованию южных заводов. Так, в дополнение к посланной для сведения, копии секретного письма прилагался экземпляр секретного журнала (общим объемом в 31 стр.) комиссии, командируемой по приказу Председателя Особого Совещания по обороне для обследования южных металлургических заводов. Данные сведения были необходимы в целях улучшения производства, копия данного журнала не подлежала распространению, и было предписано пользоваться им строго секретно, так как журнал был составлен на основании данных полученных в свое время от представителей заводоуправлений [3].

Сложности в поставках топлива с территории Донбасса, в это время подтверждают и другие документы. Так, в переписке со штабом эскадры воздушных кораблей г. Харькова есть информация о доставке угля и оплаты счетов за уголь. За 1916 г. присутствовали счета об оплате, т. е. уголь поступал заказчику в течение года. В 1917 г. уже начиная с 7 февраля, деньги за поставку угля не высылались, так как уголь не был доставлен. В дальнейшем в апреле, мае, июне, октябре груз (уголь) значился уже утерянным в пути [4]. Александровский завод русского общества по изготовлению снарядов и припасов, расположенный в районе ст. Ветка 22 февраля 1917 г. также ходатайствовал о доставке угля, так как на завод не было предоставлено ни одного вагона в течение месяца. Вместо 5 заказанных со ст. Юзово поступило от Мариупольского агентства Водотопа лишь 3 вагона в январе и 1,5 вагона в феврале. Было указано, что не могли правильно начать работу и пустить печь [5].

Александровский завод глиняных изделий А.Д. Хараджаева г. Мариуполь 27 марта 1917 г. неоднократно сообщал о необходимости доставки угля и одновременно просили принять все меры, чтобы были поданы железнодорожные вагоны под глину на ст. Ново-Бахмутовка – необходимо было не менее 50 вагонов в месяц, а в марте их вообще не предоставили. В переписке было указано, что если так будет продолжаться и далее, вынуждены будут остановить производство. [6].

Вследствие сокращения перевозки грузов по железной дороге была уменьшена перевозка топлива и металла, продуктов государственного значения для обороны. Запасы металлов на заводах к 1 февраля 1917 г. накопились и насчитывали до 30 млн. пуд., увеличившись на 1,5 млн. пудов в месяц [7].

9 апреля 1917 г. Александровский завод глин отправил заявку на необходимое количество угля на июнь месяц, просили отправить на ст. Мариуполь-порт: 1) 5 вагонов под уголь со ст. Юзово отправитель Новороссийское общество; 2) 15 вагонов под уголь со ст. Насветевичево, Екатеринославской железной дороги, 2) 60 вагонов под глину со ст. Ново-Бахмутовка, отправитель Хараджаев [8].

В следующих документах встречается информация о том, что одной из главных была проблема отсутствия железнодорожных вагонов [9]. В феврале ухудшается положение с перевозками топлива и средств для металлургических заводов, поэтому железорудным рудникам угрожало затопление. На 18 металлургических заводах Юга

России на 1 января было 60 существующих доменных печей, 5 еще достраивались, при этом еще в августе 1916 г. – работало только 46–48 печей. В благоприятных условиях находились те металлургические заводы, которые были обеспечены топливом на местах, в частности Русского Бельгийского общества, Акционерного общества чугуноплавильных, железодетательных и сталелитейных заводов России (Унион), Новороссийского общества [10].

Прокатные мартеновские отделения были остановлены на 9 заводах: Александровском, Донецком, Керченском, Краматорском, Константиновском, Никополь-Мариупольском, Русский Провиданс, Таганрогском, Шодуар. Прокатные цеха работали наполовину на Донецко-Юрьевском, Сулинском, несколько лучше на Днепровском. Снова подчеркивалось, что только заводы, расположенные возле шахт (Р-Б, Н., и Макеевский) работали более менее нормально. К тому времени из-за отсутствия угля были остановлены коксовые печи на Таганрогском, Керченском, Константиновском, Никополь-Мариупольском, Дружковском заводах, поэтому на юге производство готовых металлических изделий сократилось на 50 %.

Был остановлен броневой отдел на Никополь-Мариупольском заводе, там работали только снарядные отделы. В документе подчеркивалось, что железные дороги своим беспредельным увеличением расходов топлива, при недостаточном его ввозе, при реквизиции и того угля, который отправлялся для металлургических заводов и других получателей, работающих на оборону, довели промышленность до полной остановки. От правительства не поступало реальных предложений по снабжению топливом в определенном размере. Рабочие бастовали, закрывались предприятия.

Вследствие прекращения работ на многих металлургических заводах, рабочие не бездействовали. На всех 18 металлургических заводах Юга России на 1 февраля 1917 г. было рабочих 119 618 чел., из них военнопленных – 33 957 чел., это 29 % всех рабочих. Взрослых женщин и подростков – 29 %.

Металлургической комиссией было высказано мнение, о том, что рабочих необходимо было занять какой-либо работой. Было предложено: приведение в порядок складов, ремонт оборудования, поскольку такое необычное положение так долго не могло продолжаться. Система оплаты рабочих во время остановок заводов из-за недостатка топлива была разнообразной. Так, Константиновский завод объявил всем рабочим, что завод выплачивал каждому по 2 руб. в день, но только в случае выхода и выполнения заданий администрации. Не платили тем, кто не выходил на работу. Таганрогский завод гарантировал рабочим определенный заработок за 16 дней в месяц, но без обязательного выхода на работы во время остановки производства. На многих больших заводах суточная заработная плата составляла 30 тыс. рублей, вполне обосновано считалось, что если завод простоит месяц, то непроизвольный расход на оплату труда мог составить для 1 завода 500 000 руб. убытка.

В апреле 1917 г. ожидалась Пасха, естественно добыча угля должна была сократиться, могли использовать антрацит, но гарантии его получения также не было. Председатель Металлургической комиссии А.А. Свицын настаивал, на том, чтобы железнодорожные дороги сократили потребление донецкого угля, переходили на другие его сорта, иначе, как было сказано в документе «железные дороги погубят всю промышленность» [11]. Поэтому работодатели шли на определенные уступки, так например, плата за работу во время Святой Пасхи 30, 31 марта и 1 апреля 1917 г. была установлена двойная, за работу со 2 по 4 апреля тройная, с 5 по 8 апреля двойная [12].

Для того, чтобы улучшить качество работы железных дорог было рекомендовано прекратить все работы в железнодорожных мастерских, не имеющих прямого отношения к данному хозяйству, а все усилия сконцентрировать на ремонте паровозов.

Также должны были усиленно заняться ремонтом оборудования и паровозостроительные заводы, чтобы приспособить топки ко всем сортам донецкого угля, а не спекающимся, которых было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности доменных и металлургических заводов. К тому же, плохо в это время подвозилось и продовольствие, слабым был подвоз руды и флюсов. Было принято решение просить причислить металлургические заводы к 1-й категории потребителей по снабжению топливом.

После данного совещания, представители металлургических заводов собрались еще и 17 февраля в 6 часов вечера. При участии заместителя председателя Совета съезда А.И. Феника, представителей 13 предприятий: Константиновского, Александровского, Донецко-Юрьевского, Сулинского, Завода Шодуар, Никополь-Мариупольского, Русский Провиданс, Таганрогского, Краматорского, Дружковского, Гданцевского, Креченского, Ольховского, присутствовал также член Совета Съезда Зимовский. Было выяснено, что в январе 1917 г. было получено 2/3 необходимой нормы топлива. Была составлена телеграмма на адрес Бюро Уполномоченных и председателю Совета Съезда горнопромышленников П.Ф. Дитмару следующего содержания: «Все стремления металлургической промышленности выполнить задание Особого Совещания по обороне в плане развития производства металла, сведены к нулю продолжающейся реквизицией топлива. Из работающих осенью 54 домен, сталелитейных прокатных, работало в феврале 1917 г. только 36. Отделы работали в объеме только 50% по сравнению с осенью 1916 г., что грозило самыми непредсказуемыми последствиями. Настаивали причислить металлургические заводы к 1 категории по снабжению топливом и всем необходимым [13].

17 февраля была направлена телеграмма за № 1376, за подписью А.А. Свицына, обязательно было рекомендовано всем предприятиям выполнить все заказы каменноугольных и антрацитовых предприятий. Всем заводам были разосланы бланки для решения рабочего вопроса на металлургических заводах. В данных бланках нужно было выяснить информацию о том, сколько рабочих по цехам числилось на 1 июля 1914 г., и на февраль 1917 г., из них выяснить количество квалифицированных, сколько всего должно было быть рабочих при нормальной производительности предприятия.

По вопросу продовольственного обеспечения рабочих заводов председатель комиссии доложил, что он телеграфно просил всех руководителей заводов к моменту начала совещания собрать данные о необходимом размере получения заводами продовольственных грузов. Но поскольку на местах ее поздно получили, статистические данные вовремя не предоставили. Но все заводы нуждались в продуктах. Так, к примеру, Продовольственный комитет Мариупольского горного района (2 металлургических и 2 небольших завода с числом жителей 51 660 человек докладывали, что за январь месяц получили пшеницы и пшеничной муки только 18 тыс. пудов или 10 % из назначенных уполномоченным 180 тонн).

Краматорский завод из 15 вагонов муки, разрешенной Екатеринославским уполномоченным, в феврале получил только 4 вагона. Запасы продовольствия и продуктов были на грани исчерпания. Для Дружковского завода была определена квота на пшеницу – 28 тыс. пудов, но за 2 месяца не получили ничего, не получили также круп, пшена, сахара, масла, овса, отрубей.

Хотя металлургические заводы по получению продовольствия были приравнены к армии, но фактически ничего не получали. Екатеринославская губерния обязана была поставлять хлеб и скот, но Екатеринославский уполномоченный ходатайствовал о разрешении отпускать хлеб из Таврической губернии, поэтому ожидали решения данного вопроса на государственном уровне.

Директор Константиновского завода доложил – 40 000 десятин земли, принадлежащей немцам, в июле предполагалась ее конфискация, поэтому немцы ее не вспахивали и были опасения, что эта земля останется незасеянной. Помещичьих земель не было, необходимо было какое-либо содействие, чтобы земля не осталась без посева, что еще больше ухудшало положение на заводах. Просили помочь ее засеять. При этом вывоз металла был ниже производства, поэтому его запасы продолжали увеличиваться на заводах, из-за недостатка вагонов [14].

По рабочему вопросу обсуждались следующие проблемы: а) о введении в жизнь института старост (был введен на Новороссийском заводе и других); б) невмешательство губернской администрации в расценку заработной платы; в) о запрещении перехода рабочих военнообязанных с одного предприятия на другое, и о возвращении с фронта рабочих. Возврат рабочих с фронта не происходил [15].

В марте 1917 г. было принято Положение о Временном Комитете Донецкого бассейна. Создан он был для согласования и объединения действий Уполномоченного председателя особого совещания по топливу, перевозкам, обороне и продовольствия в Донецком бассейне, и для принятия немедленных мер по осуществлению возложенных на Уполномоченных задач. В состав комитета вошли председатель – главноуполномоченный по топливу, 3 уполномоченных по обороне, перевозкам и продовольствию и 4 представителя Съезда горнопромышленников Юга России, 4 представителя Совета рабочих депутатов в Донецком бассейне, Харьковский и Екатеринославский губернский комиссары или их заместители. Отдельно было оговорено, что постоянное участие в работе комитета с совещательным голосом должны были принимать представители Южной и Екатеринославской дорог.

Действия Комитета распространялись на горные и горнозаводские предприятия, расположенные в Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской губерниях: и Области Войска Донского. Распоряжения, основанные на постановлениях комитета, имели обязательную силу и должны были исполняться через учреждения, представленные в Комитете. Председателю комитета, в случае несогласия его с постановлением Комитета предоставлялось право согласовывать спорные вопросы с Министерством торговли и промышленности. В задачи Комитета входило содействие снабжению рудников: металлом, крепежными деталями, кожей, смазочными и осветительными средствами, рабочей силой, продовольствием. Решать вопросы, связанные с устройством подъездных путей к рудникам. По вопросу снабжения топливом – разработка планов и порядка выполнения заказов на топливо главнейших потребителей, железных дорог, флота, металлургических и коксовых производств, и о разработке мер к выполнению нарядов на перевозку топлива. По транспорту: принятие мер к усилению и улучшению перевозных средств в Донецком бассейне, к наиболее целесообразному их использованию и упорядочению топливного хозяйства на железных дорогах. Заседание Комитета происходило по распоряжению Председателя Комитета в г. Харькове или Екатеринославе в зависимости от характера рассматриваемых вопросов [16].

О необходимости создания данного комитета говорят и факты, описывающие ситуацию в Донбассе в марте 1917 г. в газете Горнозаводское дело. Из Юзовского района агенты Совета Съезда сообщали, что на 15 марта, погрузка угля шла по-прежнему, но ниже необходимости, не было руды и флюсов. Хуже шел вывоз готовой продукции. Рабочие интересовались планами дальнейшей работы и просили не уменьшать угледобычу. Власть, в п. Юзовке перешла к совету рабочих депутатов, куда присоединились общественные организации. В Совете насчитывалось 400 чел. депутатов. В исполком входило 50 чел. Полиция была обезоружена, отправлена к

воинскому начальнику. Милиция выборная. Выборный комиссариат состоял из инженеров и присяжных поверенных и пользовался доверием рабочих. Было отмечено много случаев провокации, в чем был уличен полицейский надзиратель, производились аресты. На Смоляниновской шахте разбрасывались прокламации с предупреждением не выходить на работы 15 марта, ввиду якобы предстоящего взрыва. Половина рабочих все-таки на работу не вышла. Демонстраций не было. 15 марта в Юзовку прибыл представитель Харьковского Совета рабочих депутатов для установления связи с рудниками, в ходе чего было предложено организовать Областной Совет в Харькове в составе губерний – Харьковской, Херсонской, Таврической и Екатеринославской. 15 марта в Бахмут выехали 3 представителя Местного Совета рабочих депутатов, схема подчинения: была на уровне уезда, губернии, областного совета, с Петроградом.

На рудниках Новороссийского общества критическим был вопрос со снабжением крепежным лесом, продовольствия должно было хватить на 10 дней; не хватало специалистов рабочих, средства местному комитету предоставляло Новороссийское общество.

Грушевско-Власовский район**:** погрузка и добыча угля снизилась на 30 %**,** железная дорога работала нормально, не было существенных реквизиций топлива. От Совета рабочих депутатов было обращение к рабочим с просьбой интенсифицировать производства. Острой нужды в продуктах не было, мало подсолнечного масла, отсутствовал крепежный лес, листовое железо, рабочим была установлена надбавка: 1 день м. – 75 коп. жен. – 50 коп.; подросткам – 35 коп – в год это составляло 300 руб. Цена на пуд – 4 коп., чтобы без убытка увеличить немедленно цены на все сорта антрацита. Только 10 марта рабочие не вышли с сохранением оплачиваемого дня. Отношение с полицией спокойное. В рабочую организацию вошли 3 представителя всех организаций и Грушевско-власовского горно-промышленного р-на. Охрана порядка и военнопленных была возложена на 45 человек милиции состоявшей из солдат и инвалидов, средства организации составляли пожертвования предприятий, рабочих и различных лиц, в результате было собрано 10 000 руб., требовалась дальнейшая денежная помощь, поэтому печатные издания отсутствовали.

В Боково-Хрустальском районе – добыча угля проходила на прежнем нормальном уровне: на ст. Криндачевка – было назначено 268 вагонов, погружено – 92, общий недогруз составил – 116, запрещено из них – 10, по наличию пустых – 147, отказов отправлено – 19, по ст. Антрацит – назначено 98, погружено – 35, недогруз составил – 63 из них 60 по запрещению. При этом было отмечен крайний дефицит муки.

Макеевский район: имеющаяся полиция в пос. Дмитриевск была посажена под домашний арест. Был образован комиссариат в составе 7 человек. Отношение к временному правительству нашло отклик в принятой на митинге резолюции, который был созван по инициативе социалистов-революционеров и социалистов-демократов (сост. из 58 человек). Было высказано мнение поддержать Временное правительство и послать данную резолюцию Родзянко. Благодаря милиции была организована охрана поселка, рудников и заводов. Отмечено, что обострившееся к военнопленным отношение после бунта в Контантиновке, улучшалось. Начальником охраны назначен вахмистр Захаров (казак). Совет рабочих и солдатских депутатов постановил 14 марта отчислять с рабочих предприятий по табелям 1 % из заработка в свою пользу. Представитель казачьей сотни высказали предложение о замене черного хлеба белым, были приняты меры к решению вопроса.

С Марьевского района сообщали о необходимости надбавок к заработной плате, пленные всего района вели себя тихо, исключением являлся Голубовско-Марьевский рудник, так как среди них были волнения, в результате которых 21 военнопленный был

посажен на хлеб и воду [17]. Положение с продовольствием было тяжелое, в виду отсутствия поступлений продовольствия. Разрешить вопрос должно было земское уездное собрание, назначенное К. Д. Гесбергом на 12 марта в г. Екатеринославе. Правительством были приняты меры к обеспечению продовольствием. 7 марта по распоряжению комиссара г. Луганска полиция везде была разоружена [18].

В дополнение ко всему, среди населения даже пытались распространить панику, в газете даже содержалось объявление о том, что в г. Новочеркасске объявлена реквизиция подушек и одеял, за что по распоряжению Войскового наказного Атамана было объявлено наказание [19].

Положение усложнялось и появлением инфекционных заболеваний оспы и холеры. В марте 1917 г. на некоторых предприятиях были расклеены объявления о том, что ввиду появившихся случаев заболеваний оспой, всем рабочим и их семьям рекомендовали явиться в больницу и сделать прививки против оспы, в установленное время. С 15:00 часов до 18:00 часов [20].

16 июля 1917 г. было принято Положение о передаче Донецкого топлива в распоряжение государства и о государственной торговле Донецким топливом [21].

Между тем, в Донбассе наблюдалось дальнейшее ухудшение производительности труда и дезорганизации производства, сопровождающегося бесполезной тратой материалов, что сказывалось на обороне государства. Поэтому дальнейшее исполнение на таких предприятиях государственных заказов допускалось лишь при условии прекращения данных явлений и достижения прежних показателей, иначе новые заказы предоставляться не будут, а планировалась передача на более рационально работающие предприятия.

9 августа состоялась Всероссийская конференция обществ заводчиков и фабрикантов в Донецком бассейне. Министерство торговли и промышленности в связи с создавшимся положением разработало документ, характеризующий ситуацию в Донецком бассейне. Было определено, что стране грозил топливный кризис, который мог иметь тяжелые последствия для деятельности железных дорог и заводов, работающих на оборону. Каменноугольные предприятия принимали все необходимые меры к повышению добычи угля, но существенным препятствием являлась общая дезорганизация производства, царящая на всех рудниках и тесно связанная с чрезвычайным снижением производительности труда рабочих.

Рабочие, как отметило управление делами особого совещания по топливу, объединяясь в профсоюзы, забывали о необходимости соблюдения дисциплины; что вызывало дезорганизацию предприятий, как в административном, так и в финансовом плане.

Рабочие не перестают почти ежедневно предъявлять самые разнообразные и необоснованные требования; неисполнение, которых вызывает угрозу и даже насилие, в форме удаления высших служащих на предприятиях. В некоторых предприятиях главные руководители вынуждены были переселяться в города. Кроме экономических требований, рабочие практиковали постоянное вмешательство в административные, хозяйственные и финансовые вопросы, настойчиво требуя руководства предприятиями, иначе угрожали арестами администрации.

Наряду с этим, рабочие оказывали решительное сопротивление всем мерам, направленным к поддержанию порядка и дисциплины. Как указывалось в документе: «становится совершенно невозможно руководить работами, многие крупные предприятия доведены до такого состояния, что во всякую минуту можно ожидать взрыва, затопления и обвала шахт» [22].

Постоянные требования новых надбавок к заработной плате, причем в некоторых случаях рабочие вынуждали руководство к необоснованной выдаче денег. К примеру,

на Рыковском руднике Екатеринославского горнопромышленного общества, под влиянием угроз, пришлось не только повысить заработную плату, но и выдать 100 000 рублей под видом вознаграждения за прошлый год. Этот случай называли типичным. Все это могло иметь пагубные последствия, могло привести к повышению заработной платы, подорожанию топлива и увеличению расходов казны, так как в основном государство получало именно донецкое топливо.

Донецкая промышленность находилась в опасном состоянии полной остановки всего производства. При дальнейшем увеличении расходов на производство даже помощь правительства могла оказаться бессильной в предотвращении ликвидации большинства угольных предприятий региона. В данном документе подчеркивалась необходимость устранения произвола рабочих при установлении размеров зарплаты. Министр труда Н. В. Сипайлов отдал распоряжение об образовании в донецком бассейне особых временных комиссий для установления новых частных расценок рабочего труда, поскольку произошло падение производительности рабочих на 40 %, а зарплата в последние месяцы возросла на 60–120 %. В заключении своего доклада, Министр торговли и промышленности указывал, что продолжающееся падение производительности рабочих и беспредельный рост заработной платы грозит чрезвычайно тяжелым последствием для интересов всей страны, и министерство труда должно принять меры воздействия на рабочих.

Далее в документе были предоставлены сведения о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за июль 1917 г.

Таблица 3

Сведения о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за июль 1917 г. [22]

1. Добыто минерального топлива		
июль 1916 г.	142 427 тыс. пуд.	
июль 1917 г.	119 000 тыс. пуд	
2. В том числе каменного угля и антрацита		
июль 1916 г.	112 954 тыс. пуд.	29 473 тыс. пуд.
июль 1917 г.	90 000 тыс. пуд	29 000 тыс. пуд.
3. Производство кокса и брикетов		
июль 1916 г.	23 417 тыс. пуд.	1 585 тыс. пуд.
июль 1917 г.	19 500 тыс. пуд.	730 тыс. пуд.
4. Запасы твердого минерального топлива к концу месяца		
июль 1916 г.	101 476 тыс. пуд.	
июль 1917 г.	91 750 тыс. пуд.	
5. Число рабочих на каменноугольных и антрацитовых копях		
на 1 августа 1916 г.	239 697 чел.	
на 1 августа 1917 г.	274 000 чел.	
6. В том числе военнообязанных и военнопленных		
на 1 августа 1916 г.	108 984 чел.	47 582 чел.
на 1 августа 1917 г.	125 000 чел.	66 000 чел.
7.Женщин и подростков		
июль 1916 г.	12 514 чел.	17 939 чел.
июль 1917 г.	14 000 чел.	21 000 чел.
8. Из общего числа рабочих: забойщиков и подземных		
июль 1916 г.	50 071 чел.	136 046 чел.
июль 1917 г.	52 000 чел.	156 000 чел.
9. Всех поверхностных рабочих		
июль 1916 г.	103 651 чел.	
июль 1917 г.	118 000 чел.	

Таким образом, к июлю 1917 г. в Донбассе сложилась сложная экономическая ситуация. В частности, это было связано с функционированием угольной промышленности края. Как свидетельствуют данные таблицы 3, количество добытого угля в Донбассе уменьшается уже за период с июля 1916 г. на июль 1917 г. на 23 427 тыс. пуд.. В том числе, каменного угля на 22 954 тыс. пуд. и антрацита на 473 тыс. пуд. Производство кокса уменьшается на 3 917 тыс. пуд. и брикетов на 855 тыс. пуд. Запасы твердого минерального топлива к концу июля 1917 г. были меньшими на 9 726 тыс. пуд., в отличие от того же времени, но в 1916 г.

При этом, как прилагаются все усилия, для увеличения штата рабочих с целью интенсификации производства. Увеличивается количество рабочих на 34 303 чел.: за счет военнообязанных на 16 016 чел., за счет привлечения дополнительного числа военнопленных на 18 418 чел., за счет женщин штат предприятий угольной промышленности увеличился на 1 486 чел., за счет подростков на 3 061 чел.. Общее число рабочих, забойщиков и подземных было увеличено на 1 929 чел. и подземных на 19 954 чел. Количество всех поверхностных рабочих было увеличено на 14 349 чел. данные цифры свидетельствуют и подтверждают информацию о том, что снижается средняя производительность рабочего.

Подводя итог, следует сказать, что к февралю 1917 г. социально-экономическая ситуация в регионе ухудшается. Правительство и Съезд горнопромышленников Юга России предпринимают все возможные меры, для преодоления данного кризиса, путем увеличения штата рабочих на предприятиях, с целью экономии транспортных средств разрабатываются минимальные нормы доставки и потребления донецкого угля для металлургических заводов края. Проблемы доставки топлива, недостаток железнодорожных вагонов, остановка производства на металлургических заводах, сложности с доставкой продовольствия в начале 1917 г. к августу месяцу только усиливаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирьянов Ю.И. Стачечная борьба рабочих Екатеринославской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) / Ю.И. Кирьянов // История СССР. – 1960. – №4. – С. 44-52.
2. Модестов В.В. Рабочие Донбасса в трех русских революциях / В.В. Модестов. – М., Мысль, 1974. – 268 с.
3. Хапланов Н.В. Макеевка. История города (1690-1917) / Н.В. Хапланов. – Донецк: ТОВ «ВПП «ПРОМІНЬ»», ТОВ «АЛАН», 2006. – 384 с.
4. Шефов Н.А. Проблема продовольствия накануне Февраля 1917 года.// Столетие Революции 1917 г. в России. Науч.сб. МГУ. Ч.1. – М., Изд-вл 2018. – С. 316-323.
5. Федоровский Ю.Р. Революционные события 1917 года в Алчевске / Ю.Р. Федоровский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №3(59). – 2016. – С. 11-20.
6. Федоровский Ю.Р. Областные Съезды Советов Донецко-Криворожского бассейна 1917 года как пролог создания ДКР / Ю.Р. Федоровский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – № 4(63). – 2017. – С. 7-23.
7. Скворцова Л.А. Советы рабочих депутатов промышленных предприятий Донбасса в ходе Российской революции 1917 года. / Л.А. Скворцова // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – №4. – 2018. – С. 34-42.
8. Разумная Н. Н. Основные показатели развития угольной промышленности Донбасса в годы Первой мировой войны / Н.Н. Разумная // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №1(60). – 2017. – С. 18-26.
9. Разумная Н. Н. Внутренняя политика Временного правительства (на примере Мариупольского уезда) // Н. Н. Разумная /Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №4(67). – 2018. – С. 32-41.
10. Разумная Н.Н. К вопросу о продовольственном кризисе в Донбассе в 1917 году Н.Н. Разумная // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – №2. – С. 35-42.

11. Государственный архив ДНР. – Ф.119, оп. 1, Д.71. – Л.1.
12. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1, Д.64. – Л.1-Л.4.
13. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.71. – Л. 3
14. Государственный архив ДНР – Ф.70., оп.1. Д.36. – Л.17.
15. Государственный архив ДНР – Ф.72, оп.1. Д.4. – Л. Л.67.
16. Государственный архив ДНР – Ф.72, оп.1. Д.4. – Л.81.
17. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1 Д.62. – Л.36.
18. Государственный архив ДНР – Ф.72, оп.1. Д.4. – Л.82а.
19. Государственный архив ДНР – Ф.85, оп.1. Д.4 . – Л.85 12 мая 1917 г. Л.94.
20. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.62. – Л.36
21. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.62. – Л.36-47.
22. Государственный архив ДНР – Ф.165, оп.1 Д.4 . – Л.105.
23. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.62. – Л.36-47.
24. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.62. – Л.42.
25. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп.1. Д.62. – Л.44.
26. Государственный архив ДНР – Ф.119, оп. Д.62. – Л.48.
27. Государственный архив ДНР – Горнозаводское дело. 1917. – Л. 7.
28. Государственный архив ДНР – Горнозаводское дело. 1917. – Л.9.
29. Государственный архив ДНР – Горнозаводское дело. 1917. – Л.12.
30. Государственный архив ДНР – Ф.72, оп.1.Д.9. – Л.62.
31. Государственный архив ДНР – Ф.72, оп.1. Д.3. – Л.289.
32. Государственный архив ДНР – Ф. 119, оп. 1. Д.62. – Л. 111-112.

Поступила в редакцию 03.08.2021 г.

THE CRISIS OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN DONBASS IN 1917

N.N. Razumnaya

The article is devoted to the issue of the manifestation of the crisis in industrial production in the Donbass on the eve of the February Revolution and its subsequent deterioration in the first half of 1917, using the example of the work of metallurgical plants. The author analyzes the materials of the State Archives of the DPR on this issue. The socio-economic situation in Donbass in this period and the attempts to overcome the fuel crisis made by the Congress of Miners of the South of Russia in the region are being studied step by step.

Key words: metallurgical plants, Congress of Miners of the South of Russia, industry, Donbass, fuel crisis, workers, 1917.

Разумная Надежда Николаевна
Кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna
Candidate of History, Associate Professor,
SEI HPE "Donetsk National University", Donetsk, DPR.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

УДК 94:616-036.22(410.111.11)"16"

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЕЙ XVII В.: МЕТОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

© 2021. ***К.М. Рязанов***

В статье представлен анализ эпидемии чумы в Лондоне в 1665 г. Представленное событие является ярким примером распространения эпидемии в отдельном городе, переходящем к капитализму как системе общественно-экономических отношений. В связи с эпидемией COVID-19 интересен опыт борьбы с эпидемиями в исторической ретроспективе.

***Ключевые слова*:** Англия, Лондон, чума, эпидемия, внутренняя политика.

Город, в современном мире, центр жизни общества. Именно в городах сконцентрированы: наука, экономика, сфера услуг. Однако, в связи с географическими, экономическими и политическими условиями в городах концентрируется большое количество населения что имеет негативные, так и позитивные аспекты. Быстрый обмен информацией и эффективное взаимодействие с одной стороны, с другой – быстрое распространение разного рода заболеваний. Так произошло и в 1665 г., когда население Лондона подверглось самому крупному заражению бубонной чумой.

Целью данной работы является рассмотрение опыта борьбы с эпидемией в исторической ретроспективе и сравнение действий властей в XVIII и XXI вв.

Данная тематика эпидемий рассматривалась в прошлом и нашла свое отражение в ряде работ отечественных и зарубежных авторов. Из отечественных работ интересно исследование М.В. Супотницкого и Н.С. Супотницкой [1]. Авторы рассматривают чуму как явление в разные исторические эпохи: от древности и до современности. Первая книга включает в себя рассмотрение эпидемий до XIX в.

Из зарубежной историографии можно выделить работы: А.Л. Мута и Д. Мут [2], Дж. Дона [3], О. Джонатана [4]. В своем труде историк А.Л. Мут и микробиолог Д. Мут дают глубоко информированный отчет о катастрофическом годе чумы. О том, как врачи, хирурги и священнослужители оставались в городе, чтобы бороться с болезнью и как городские власти справлялись с кризисом. Дж. Дон напротив, делает упор на историю города в разные периоды: Реставрации, войны, чумы и пожара. Автор показывает как в течение четверти века Карл был на троне, а Лондон пережил несколько серьезных неудач: чума в 1665 году и Великий пожар в 1666 году, а также серьезное поражение во Второй англо-голландской войне, которое привело к заметному экономическому спаду. О. Джонатан сосредоточил свое внимание на катастрофах, революции, Реставрации, чуме, пожаре и других событиях происходящих в контексте города, столицы Англии – Лондоне. Автор рассматривает то, как город раннего Нового времени справлялся с новыми проблемами в новых условиях существования. Из свидетельств очевидцев можно выделить дневник с заметками о происходящем в Лондоне английского чиновника С. Пипса и «Дневник чумного года» Д. Дэфо и Bills of Morality, которые свидетельствуют о смертях в городе [5].

Говоря о бубонной чуме, которая настигла жителей Лондона в 1665–1666 гг., требуется отметить следующее. Во-первых, считается что болезнь пришла из Нидерландов, где она периодически вспыхивала с конца XVI в. Во-вторых, возбудителем чумы была чумная палочка, переносимая блохой, а те, в свою очередь, были «жителями» крыс, очень часто встречающихся в городах того времени. И очень

интересным является момент реакции власти и горожан на эпидемию, в том числе в сравнении с современными событиями связанными с COVID-19.

Эпидемия бубонной чумы надвигалась на город достаточно медленно, о чем свидетельствует Д. Дэфо в своем «Дневнике чумного года»: «Так что расследование учинили, обнаружили явные признаки страшной болезни на обоих телах и заявили публично, что скончались они от чумы. После чего сведения передали приходскому служке, а он, в свою очередь, сообщил об этом городским властям, так что сведения, как это обычно бывает, появились в еженедельных сводках о смертности в следующем виде: «Чума; зараженных приходов – 1». Народ сильно встревожило это сообщение. Волнение охватило весь город, тем более, что в последнюю неделю декабря 1664 года еще один скончался в том же доме и от той же болезни. А потом на шесть недель все затихло, и, когда за шесть недель никто не умер от той хвори, стали поговаривать, что чума ушла. Народ с тревогой замечал, что цифры в еженедельных сводках все растут, тогда как обычно в это время года смертность не особенно велика. Как правило, общее еженедельное число смертей по сводкам было около 240–300. Последняя цифра считалась очень большой, однако теперь мы обнаружили, что цифры все ползут вверх» [6]. Из этого мы можем заметить недооценку происшествия как местной властью, так и населением. Это может быть связано с медленным распространением информации, экономической целесообразностью – остановить и запустить производство и торговлю в городе в то время было очень сложной задачей, а также с невозможностью жителей «не работать» и нежеланием владельцев терять прибыль. С.Пипс, чиновник морского ведомства написал: «Вечером, за ужином, к величайшему своему огорчению, узнал, что чума пришла и в Сити (в городе-то она уже четвертую неделю, но до сего дня – за пределами Сити), и надо же было так случиться, что самой первой ее жертвой стал мой добрый приятель и сосед доктор Бернетт с Фэнчерч-стрит. И то и другое повергает меня в смятение. 10 июня 1665 года» [6].

Однако недооценка болезни на данном этапе приведет к катастрофическим последствиям не сразу. «Люди теперь стали не так доверчивы: начали осматривать дома, и оказалось, что чума распространяется во всех направлениях и что еженедельно от нее умирает немало народу. Теперь уж все наши преуменьшения были отброшены, и скрывать что-либо стало трудно; напротив того, быстро обнаружилось, что зараза распространяется, несмотря на все наши стремления преуменьшить опасность» [6]. Как только население начало существовать в «предчувствии чего-то плохого» начали распространятся слухи, сплетни, «предсказания» и т.п. Первый слух, отмеченный Д. Дэфо, был связан с перемещением по стране. Данный вид слухов очень популярен и сегодня, хотя он и не безоснователен: «усугублялось оно еще слухами, что правительство собирается установить на дорогах заставы и кордоны, дабы воспрепятствовать людям, отправляющимся путешествовать» [6]. Дело в том, что, как и в современном мире население в то время очень сильно было подвержено мистическому влиянию.

Первым событием, взбудоражившим умы жителей, была комета. В связи с тем, что население было необразованным и самовнушением, и информацией извне, наводило панику, называя это предвестием «Божьей кары». Усугубляло положение очень быстрое распространение болезни на окраинах, которые были плотно заселены в большинстве своем бедным населением, у которого не было средств, чтобы помочь самим себе. Также проблемой стало замалчивание количества умерших от чумы, их записывали как умерших от тифа. Но, надо заметить, что это может быть связано с уровнем развития медицины и недостаточной компетентностью врачей, которые могли допустить ошибку в диагнозе [6].

Эпидемия приближалась и население медленно, но все же покидало города. В основном уходили те, кому было куда идти или те, у кого были деньги, чтобы на время снять комнату в другом городе. Часть из таких путешественников предпринимали правильные действия. Они, в связи с тем, что была хорошая погода, останавливались в поле в солдатских палатках, а не в гостинице. Так поступало меньшинство, и это поспособствовало распространению болезни.

Однако, вернемся к «знамениям». После появление кометы активизировались астрологи, которые настойчиво говорили о неблагоприятном расположении планет, которое предвещает несчастья и беды, особенно в октябре и ноябре.: «….Астрологи забивали людям головы предсказаниями, на которые якобы указывали небесные светила, утверждая, что их расположение предвещает засуху, голод и чуму……» [6]. Первые два события не произошли, что привело к падению доверия к астрологам.

Секты, движения, учения, которые получили распространение после, занимались той же демагогией и заработком на доверчивости, глупости, вере горожан. Массово появившиеся колдуны и предсказатели рассказывали о том, что «на роду написано», сколько лет проживет тот или иной человек и подобные вопросы, интересовавшие людей во все времена. Повысилась и набожность горожан, которые более активно посещали церковные приходы. Но Д. Дэфо делает интересное наблюдение: «…..Пьесы и интерлюдии, которые на манер французского двора получали у нас все большее распространение, были запрещены к представлению, игорные дома, танцевальные и музыкальные залы, которых развелось очень много, что способствовало развращению нравов, были закрыты и запрещены; паяцы, шуты, кукольники, плясуны на канатах и прочие устроители подобных развлечений, которые завораживали простолюдинов, принуждены были закрыть свои балаганы, так как туда никто не ходил…..» [6]. Реакция власти на распространение чумы аналогична мерам, принимаемым в условиях современной эпидемии COVID-19. Закрыть места массового скопления людей разного достатка, дабы не остановить, но замедлить распространение болезни. Результат будет достаточно предсказуемым. Люди, не имея возможности занять свободное время «посещением заведения», станут больше гулять по улицам городов или относить деньги «потомственным знахаркам».

Также, как уже упоминалось выше, необразованность и низкий уровень развития медицины, а также бедность населения, привело к тому, что знахари и другие шарлатаны начали распространять лекарства и снадобья от всех болезней в том числе от чумы. И проблема состоит не только в том, что это в большинстве случаев покрашенная вода, и это лишь трата денег «на ветер». Это мог быть и яд в малых дозах, согласно Парацельсу: «Лекарство – яд, но яд – лекарство. Одна лишь доза превратит лекарство в яд, и яд в лекарство…», и незнание в этой области очень легко может привести к отравлению, или в лучшем случае к ослаблению иммунитета, что в преддверии болезни такой силы – смерть. Представленную ситуацию очень хорошо описывают сами названия лекарств и выражения этих врачей: «Безупречные предохранительные пилюли против чумы», «Самое действенное предохранение против заразы», «Наилучшее укрепляющее средство против нездорового воздуха», «Точные указания о принятии мер, дабы избегнуть заразы», «Противочумные пилюли», «Несравненная микстура против чумы, никогда не применялась ранее», «Универсальное лекарство против чумы», «Единственно действенная лечебная вода против чумы», «Королевское противоядие от любых заболеваний»» [6]. Количество выдумок населения в то время просто невероятно возросло. Люди узнавая места в Европе, где уже свирепствовала или прошла эпидемия чумы, пользовались этим. Они

представлялись голландскими врачами, матронами из Неаполя которые с помощью «Божьей силы» спасали людей от страшной болезни.

Более изощренные, догадливые, хитрые использовали уловки или обман чтобы заработать на беде малоимущих слоев населения, оставшихся в городе, в той части, где болезнь особо свирепствовала. Шаманы и потомственные маги рассказывали, что консультация для бедняков бесплатна. Когда кто-то приходил, шаман ставил большое количество диагнозов, делал в конце заключение и предлагая «чудо-лекарство» от всех существующих болезней, которым он располагает [6].

Стоит сказать и о мерах властей в связи с эпидемией. Проводимые меры были разными и зависели от конкретного жителя и профессии которой он занимался. Первая категория – наблюдатели. Они были направлены олдерменами в каждый из приходов не менее чем на два месяца. Отказаться от этой должности было невозможно, так как человек будет заключен в тюрьму до согласия занять ее. В обязанности такого наблюдателя входило:

1. Узнать, определить какие дома, жители подверглись заражению
2. Поставить диагноз
3. В случае необходимости ограничить контакты с данными людьми
4. Сообщать о невыполнении должностных обязанностей, например констебля не желавшему запереть указанный дом

Следующими в иерархии шли дозорные. Их ставили возле домов, отмеченных наблюдателями. Дозорных было двое, один дневной, второй ночной. Они должны были:

1. Не покидать пост ни в коем случае
2. Выполнять поручения жителей внутри дома
3. В случае ухода с поста запереть дом на ключ, взяв его с собой

Достаточно специфичной должностью были осматривающие. Требования, которые были к ним предъявлены:

1. Только женщины с хорошей репутацией
2. Осмотр больных и умерших
3. Постановка диагноза
4. Уведомление о результате местных властей
5. Запрещено заниматься общественной работой, содержать ларек, работать в прачечной и т.п.

Далее о хирургах, т.е. профессиональных врачах, на то время. Их полномочия на период эпидемии были также ограничены:

1. Помогать осматривающим
2. Проверять постановку диагноза
3. Разрешено лечить только чуму, любые другие болезни игнорировались
4. Зарплату получать из количества осмотров, от пациента или родственников, если таковых нет, то от прихода, к которому он принадлежит

Последней категорией были сиделки. Их обязанности более чем понятны, уход за больным человеком. Единственным ограничением, которому они подвергались это 28-дневный карантин, в случае заболевания человека ее нанявшего [6].

Как мы видим, система достаточно хорошо иерархизированная. Обязанности каждого были расписаны, учитывая, что это распоряжения XVII в. В то время это были те меры, на которое власть и государство были готово пойти в силу своих знаний, возможностей, экономических, политических интересов. Однако, мы можем увидеть, сегодня, какое количество ошибок допущено даже в этой схеме. Это принудительное назначение наблюдателей, осматривающие женщины, которые должны были также

ставить диагнозы, хирурги обязанные лечить только зараженных чумой. И все представления современного человека, который прочитав может сказать, что неправильно было сделано, разбиваются об количество врачей и время их подготовки. Даже сегодня подготовка врача занимает 6-8 лет, при том, что в современном мире есть большое количество учебных заведений. В связи с этим, вполне возможно, что это единственный вариант для власти решить проблему, так как запереть всех дома означало для многих гибель от того же голода.

Однако, большие проблемы были и так: «…..во многих домах было по нескольку выходов (где больше, где меньше) и даже иногда на разные улицы, то одному человеку невозможно было так их охранять, чтобы не дать ускользнуть людям, доведенным до отчаяния ужасом своего положения, обидой на несправедливое обращение и свирепостью самой болезни; и вот – один беседовал со сторожем у парадного входа, пока вся семья убегала через заднюю дверь……. Неподалеку от этого места в сторожа пальнули порохом и сильно опалили беднягу; пока он жутко орал и никто не решался прийти ему на помощь, все домочадцы, способные передвигаться, выбрались через окно второго этажа, оставив двоих больных, несмотря на их вопли о помощи. К ним приставили сиделок, а убежавших не нашли……» [6]. У власти не было возможностей держать людей дома. Это мы могли наблюдать и сегодня во время эпидемии COVID-19 во многих странах с современным уровнем медицины, информационных технологий и средств контроля за передвижением.

В XVIII в., также как и сегодня, существовала проблема в приобретении продуктов. Большинству населения необходимо было идти на рынок, откуда чума разносилась по конкретным домам. В виде предосторожностей, которые предпринимались продавцом и покупателем было:

1. Мясо для продажи изначально вешали на крюк, чтобы покупатель сам снимал нужный себе кусок.
2. Продавец-мясник, не брал денег, их покупатель обязан был кинуть в стоящую банку с уксусом.
3. Использовались разные ароматические флаконы, в надежде, что они способны помочь.

Значительно в этот момент пострадали ремесленники, которые были заняты в сфере изготовления украшений, ткачества, портняжного дела, кожевничества, а также стеклодувы, столяры, драпировщики и т.д. Пострадала и внутренняя торговля, особенно речная. Все профессии, которые были связаны со строительством тоже оказались не востребованы, нового ничего не строилось, а старое не требовало ремонта. Семьи, оставшиеся в городе, увольняли сторожей, счетоводов, горничных и другую нанятую ими прислугу. Все это вызвало резкий рост безработицы, нищеты, бродяжничества, и следовательно, рост количества заболеваний и смертей. «….Многие оказались жертвами отчаяния, о чем я уже говорил, и вскоре погибли. Можно сказать, что умерли они не от самой болезни, но от ее следствий, а именно: от голода, отчаяния и крайней нужды; у них не было ни крова над головой, ни денег, ни друзей, ни работы, ни возможности одолжить у кого-либо деньги; ведь многие из них не имели, что называется, постоянного вида на жительство и не могли обращаться в приходы…..» [6].

Вместе с этим рос и уровень преступности в городе. Для этого было более чем достаточно факторов:

1. Большое количество пустующих домов зажиточных горожан.
2. Бедность и безработица.
3. Большое количество стражи, задействованной в охране домов заболевших.

Интересна ситуация, описанная в работе Д. Дэфо, когда воры, взломав дом торговца, не найдя там ценного товара, а в основном шляпы распространили слух о том, что там, в доме торговца, их раздают бесплатно, что, в свою очередь, привлекло большое количество женщин, которые разворовали склад [6].

Чиновники, судя по записям С.Пипса, не сильно переживали за жизни обычных людей, даже тех, которые работали непосредственно на них, и встречая случаи заболевания, лично не пытались их хотя бы доставить к врачу, передать кому-либо кто может помочь: «Сегодня был глубоко потрясен происшедшим. Ехал от Лорда Казначейства в наемном экипаже по Холборн (-стрит. – А. Л.) и вдруг заметил, что кучер перестал почему-то погонять лошадей, когда же лошади встали, он спустился на мостовую и сказал мне, что ему вдруг стало не по себе, в глазах помутилось. «Ничего, – говорит, – не вижу». Я пересел в другой экипаж, испытывая жалость к бедняге и беспокоясь за себя, ведь это могла быть чума: на беду я нанял его именно в той части города, где бушевала болезнь. Но Господь милостив. 17 июня 1665 года» [5].

Также, было замечено, что зажиточные горожане перестали носить парики, боясь заразиться или стать переносчиком болезней. Улицы города в январе 1666 года были пустынны, унылы и любая активность была чем-то удивительным, а экипаж, проезжающий по улицам города, казался чудом [5].

Самое мрачное во всей истории это итоги, которые приводит Д. Дэфо за 9 недель и которые подтверждаются Bills of Morality [7]:

Таблица 1

Погибшие во время эпидемии чумы

Неделя	Общее число погибших	Умершие от чумы
8-15.08.1665 г.	5 319	3 880 (72,9%)
15-22.08.1665 г.	5 568	4 237 (76%)
22-29.08.1665 г.	7 496	6 102 (81,4%)
29.08-05.09.1665 г.	8 252	6 988 (84,6%)
05.-12.09.1665 г.	7 690	6 544 (85%)
12-19.09.1665 г.	8 297	7 165 (86,3%)
19-26.09.1665 г.	6 460	5 533 (85,6%)
26.09-03.10.1665 г.	5 720	4 929 (86,1%)
03-10.10.1665 г.	5 068	4 327 (83,6%)
Всего	59 870	49 705 (83%)

Из этих данных мы видим, что на протяжении 7 недель смертность от бубонной чумы превышала 80 % всех смертей в городе и итоговое значение в 49 705 человек или 83 % от всех смертей в городе. То есть, в среднем за неделю умирало 5 522 горожанина, что составляет 789 человек каждый день. Для города того времени, это очень большая цифра, и означает колоссальную убыль населения, при том, что Лондон как до этого, так и после не показывал положительный внутренний прирост. Увеличение населения происходило за счет миграции из других регионов Англии или Уэльса [11].

Из всего выше сказанного следует сделать вывод. Во-первых, государство участвовало в организации мер борьбы с эпидемией организовав людей разных профессий в организованную иерархизированную структуру. Однако опыт борьбы с эпидемиями был небольшим, а невозможность оставить большинство населения в их домах усугубляло ситуацию. Власть в то время не имела столь широкой информационной сети, чтобы быстро распространять указания и требуемую информацию, а любые попытки ее передачи – всегда риск, так как это контакт с другим человеком.

Большое количество проблем создавал и сам народ. Во-первых, это паника, непонимание и незнание, что конкретно ему, горожанину, требуется делать в данной

ситуации. Во-вторых, распространение астрологов, колдунов, шаманов и потомственных гадалок привело к сумме негативных последствий:

1. Распространение панических настроений.
2. Способствование обнищанию населения.
3. Дополнительные траты ресурсов власти на «информационную войну» с ними.

Нельзя не сказать и о низкой социальной ответственности горожан. Даже те, кто имел возможность максимально ограничить свои контакты, пытался уйти из города, и распространял болезнь через сеть гостиниц и таверн, где останавливался. Также нельзя не сказать о побеге с карантина, единственное, чем данное явление может быть оправдано, чума в большинстве своем получила распространение в бедных районах города, и для бедняка умереть от голода, от чумы большой разницы не имело.

Эпидемия привела к росту уровня преступности, безработицы и по сути рецессии городской экономики в то время. В большинстве своем закрылись мелкотоварные производства, у крупных и средних производителей, торговцев, была возможность на непродолжительный период уменьшить, ограничить производство или торговлю.

В итоге, мы видим, что проблемы общества XVII в. очень похожи на те, которые человечество встретило в 2019 г. Разные страны мира, в меру своих возможностей и решительности властей, отреагировали по-разному. В большинстве своем, различия в мерах можно сопоставить с уровнем государственного сектора в экономике. Китай, встретив ряд проблем, решил их достаточно быстро, как из-за жестких и решительных мер власти, так и благодаря организованности и ответственности самих жителей Китая. США имея экономику, состоящую из частных компаний, часто монополистов, получив эпидемию на своей территории как в XVII в. не смогли локализовать и организовать успешную борьбу с COVID-19, а некоторые, как Илон Маск [12], в погоне за прибылью нарушали запреты властей и способствовали распространению болезни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Книга 1. Чума добактериологического периода. В 2-х книгах. – М.: Вузовская книга, 2006. – 468 с. URL: https://www.twirpx.com/file/2821768/
2. Moote A.L., Moote D.The Great Plague: The Story of London’s Most Deadly Year. The Johns Hopkins University Press, 2006. – 357 p. URL: https://www.twirpx.com/file/3392119/
3. J. Don. The King’s City: A History of London During The Restoration: The City that Transformed a Nation. Pegasus Books, 2018. – 544 p. URL: https://www.twirpx.com/file/3239291/
4. O. Jonathan. Attack on London: Disaster, Riot and War. Pen and Sword, 2009. – 224 p. URL: https://www.twirpx.com/file/3186417/
5. S. Pepys. The Diary of Samuel Pepys. URL: https://www.pepysdiary.com/diary/ (дата обращения: 05.07.2021). – *(дата обращения: 05.05.2021). – Текст : электронный.*
6. D. Defoe. A Journal of the Plague Year.1995. URL: https://www.gutenberg.org/files/376/376-h/376-h.htm
7. Bills of morality. URL: https://wellcomecollection.org/works/j55yz7fd/items?langCode=false&canvas=1
8. Д. Дэфо. Дневник чумного года. 2005. (пер. К. Н. Атарова). – URL: https://thelib.ru/books/defo_daniel/dnevnik_chumnogo_goda-read.html *(дата обращения: 05.05.2021). – Текст : электронный.*
9. С. Пипс. Дневник.изд-во Магнитогорского государственного педагогического института. – 1998. – URL: https://royallib.com/book/pips_semyuel/dnevnik.html
10. Bills of morality. URL: https://wellcomecollection.org/works/j55yz7fd/items?langCode=false&canvas=1 (дата обращения: 05.07.2021). – Текст : электронный.
11. R.t O. Bucholz, Joseph P.Ward. London. A social and cultural history. 1550-1750. – Cambridge, Cambridge University Press. 2012. – 413 p.

12. Forbes.ru. Т. Батыров. Сотни рабочих завода Tesla заразились COVID-19 после его открытия вопреки запрету властей (дата обращения: 05.05.2021). – Текст : электронный. URL: https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/423365-sotni-rabochih-zavoda-tesla-zarazilis-covid-19-posle-ego-otkrytiya (дата обращения: 05.05.2021). – Текст : электронный.

Поступила в редакцию 25.05.2021 г.

FIGHT AGAINST THE EPIDEMIC XVII CENTURY: METHODS AND OPPORTUNITIES

K.M. Riazanov

The article presents an analysis of the plague epidemic in London in 1665. The presented event is a vivid example of the spread of the epidemic in a separate city that is moving to capitalism as a system of socio-economic relations. In connection with the COVID-19 epidemic, the experience of dealing with epidemics in historical retrospect is interesting.

Key words: England, London, plague, epidemic, domestic policy.

Рязанов Кирилл Михайлович
аспирант кафедры всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: kir2thegreatt@gmail.com

Riazanov Kirill Mikhailovich
postgraduate student of the Department of World History, SEI HPE “Donetsk National University”,
Donetsk, DPR.
E-mail: kir2thegreatt@gmail.com

УДК 94 (478 – 21) «1941»

ТИРАСПОЛЬСКИЙ УКРЕПРАЙОН В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ КРАСНОЙ АРМИИ ЛЕТА 1941 ГОДА

© 2021. ***В.Г. Фоменко***

В статье дается краткая характеристика истории строительства, фортификационных сооружений и роли Тираспольского укрепленного района в оборонительных боях Красной Армии лета 1941 года.

Ключевые слова: Тираспольский укрепленный район, оборонительные бои, Красная Армия, долговременные огневые точки.

Накануне Первой и Второй мировых войн в разных частях Европы велось активное сооружение укрепленных районов (далее – УР). Главной целью УРов было удержание приграничных районов до мобилизации основных сил, а не полная остановка и разгром врага, как ошибочно полагают многие. По возможности, фланги УРов прикрывались естественными препятствиями, и каждый УР должен был прикрывать важное стратегическое направление.

По результатам подсчетов историка-фортификатора Д. Кауфмана, «Линия Мажино» имела до 7,7 сооружений на километр фронта, а «Линия Сталина» от 0,7 до 1,4. «Линия Мажино» длиной около 400 километров оборонялась 264 тысячами солдат. Таким образом, «Линия Сталина» была значительно слабее. При этом, «Линию Мажино» немцы прошли в обход без проблем и полностью заняли за несколько дней, а на «Линии Сталина» завязли на время от 3 дней до двух месяцев, потеряв большое количество танков и живой силы элитных подразделений. Если анализировать расположение ДОСов – укрепрайонов так называемой «Линии Сталина» – то в отличие от «Линии Мажино» или «Линии Манергейма», она не представляла собой единого целого. Поэтому и название, которое ей присвоили, не совсем корректно. Речь должна идти скорее о самостоятельных укрепточках, нежели о какой-то единой оборонительной линии. Лишь в некоторых местах один УР прилегал к другому. Тем не менее, в данном материале будем использовать тот термин, который получил наиболее широкое распространение [1, 2].

ТиУР был левофланговым, упиравшимся на севере в днестровский приток Ягорлык и на юге – в Днестровский лиман и являлся одним из самых протяженных в «Линии Сталина». Он включал (150 км): 9 батальонных + 2 ротных района: 1-й бат. район: Дубово – Гояны; 2-й бат. район: Роги – Маловата – Коржево; 3-й бат. район: Дубоссары – Карантин – Кошница – Дороцкое – Григориополь; 4-й бат. район: Григориополь – Ташлык; 5-й бат. район: Бутор – Спея – Красная Горка; 6-й бат. район: Красная Горка – Типканы; 7-й бат. район: Типканы – Парканы – Терновка; 8-й бат. район: Тирасполь – Слободзея; 9-й бат. район Слободзея – Короткое. Ротные районы: Троицкий и Маякский. На 22 июня 1941 г. в состав ТиУРа входили: комендант, инженеры, пулемётные батальоны, 150-й отдельный батальон связи, 138-й отдельный саперный батальон, 125-я отдельная автотранспортная рота, 89-й полевой автохлебозавод. Также в состав ТиУРа входила узкоколейная железная дорога (УЖД): Тирасполь – Камышовая Балка – Ташлык (ветка на Бутор) – Григориополь. Это была крепостная/полигонная неэлектрифицированная (работали паровозы) железная дорога – классическая рокада длинной более 50 км. Она была построена в начале 1930-х гг. и была разобрана в начале 1960-х гг. Рокада показана на немецкой карте 1944 г. УЖД шла из Тирасполя на Григориопольскую мельницу

«Заготзерно», служила для обслуживания ТиУРа. Ветка в районе села Виноградное вела к известняковому карьеру [3, 4, 5].

В 1938 г. на оборудование и эксплуатацию сооружений было отпущено 2 млн руб. с титульным назначением («Докладная записка зам. наркома НКВД Украины Богдана Захаровича Кобулова»). В январе 1939 г. зам. наркома НКВД Украины Б.З. Кобулов написал докладную записку о техническом состоянии ТиУРа: «План дооборудовании укреплённого района, утвержденный Военным советом Киевского ОВО, на январь 1939 . выполнен в следующем виде: – по размещению и оборудованию внутри ДОТ – на 65 %; – по маскировке и постройке железобетонных двориков – на 60 %. Невыполнение плана дооборудования ТтУРа объясняется тем, что район своевременно не был обеспечен со стороны инженерных войск Киевского особого военного округа железом, цементом, лесом, оборудованием и т. д., и тем, что оборудование УР срывалось участником военно-фашистского заговора Барабашевым, начальником инженеров УР (арестован). Посадка сооружений на главнейших участках УРа (Дубоссарское и Тираспольское направления) произведена без увязки системы огня и тактического предназначения, причём полезно боевая глубина фронта не превышает 1–3 км, за исключением районов Дубоссар и Григориополя, где глубина сооружений равна 5–8 км. Достаточно 203-мм снарядов или двух-трех попаданий в напольную стену 47- или 75-мм снарядов бризантного действия, как сооружение будет выведено из строя. 80 % всех боевых сооружений не имеют сектора обстрела из-за существующих мертвых пространств. При существующем положении первые 4 дня мобилизации границу в 300 км по фронту будут прикрывать в сооружениях укреплённого района военнослужащие района (2 пулеметных батальона), пограничники (41 застава) и в/ч 4 886 (2 стрелковых батальона), что ни в коем случае не допустимо» [6].

После присоединения к СССР в 1939–1940 гг. Западной Белоруссии, Западной Украины, Прибалтийских республик и Бессарабии – «Линия Сталина» была законсервирована, и примерно на 300 км западнее стала возводиться новая «Линия Молотова». Вооружение из УРов «Линии Сталина» было частично снято и сдано на склады, а часть передана на новые укрепления. Г.К. Жуков в своих мемуарах объясняет это нехваткой пулемётного и пушечного вооружения. Слабость артиллерийского и стрелкового вооружения отмечал ранее и М.Н. Тухачевский. Это сильно затруднило оборонительные действия отступавших в 1941 г. войск на линии старой государственной границы [7].

Фашистское командование в 1942 г. сделало свою калькуляцию оборонительных сооружений ТиУРа. Согласно ей, он состоял из 17 орудийных ДОСов, одного противотанкового, 259 пулемётных и 22 командных пунктов. «Строительство завершено», – гласил доклад немецких топографов, досконально изучивших ТиУР. Разница по сравнению с советскими официальными данными составляет 15 сооружений. Причина заключается в том, что немцы к ТиУРу отнесли и объекты ЗКП (Замаскированного командного пункта) 9-й армии в селе Красногорка (Григориопольский район), которые организационно в УР не входили [8].

Предполагалось, что линия обороны будет ориентирована на случай нападения с запада. Она строилась долго и сложно. При постройке применялись дореволюционные карты 1913 г. Внимание к сооружению ТиУРа то усиливалось, то ослаблялось – в зависимости от международной обстановки и появления других первоочередных задач. Например, со строительством Карагашской оросительной системы и дамбы сектор обстрела был уменьшен и гарнизон пришлось сократить, а многие ДОТы вообще нельзя было использовать. Самые яркие страницы в истории ТиУРа написаны под руководством полковника Кочинова Григория Матвеевича. Он руководил сооружением

и вооружением УРа с 1939 г., уже шла Вторая мировая война – граница переместилась в 1940 г. на реку Прут, но времени строить аналогичный укрепрайон на Пруту не было, поэтому ТиУР поддерживался в боевом состоянии.

Рис. 1. Командующий ТиУРом – полковник Кочинов Г.М.
Рис. 2. Здание, в котором размещался штаб ТиУРа

Наступающим немецко-румынским войскам не удалось застать врасплох и разгромить ни пограничников на Пруту, ни 9-ю армию генерал-майора Якова Черевиченко. Лишь 7 июля 1941 г., ввиду прорыва противника на севере и угрозы окружения армии, ее штаб, размещавшийся в это время в селе Красногорка, отдает приказ вверенным частям отойти за Днестр. Вот выдержка из этого документа: «9-я армия, продолжая методом маневренной обороны сдерживать противника между реками Прут и Днестр и оказывая упорное сопротивление на промежуточных рубежах, с 10.7.41 г. переходит к прочной обороне р. Днестр, опираясь на Рыбницкий и Тираспольский укрепленные районы» [9, 10].

Итак, ни панического бегства, ни «котлов», ни разгромленных частей Красной Армии в полосе обороны 9-й армии не было. Была необходимость отступить под прикрытие ТиУРа и РыУРа. «На обратном пути завернули в Тирасполь, посмотрели, как обстоят дела в тамошнем укрепрайоне и как идет подготовка к взрыву моста через Днестр. Обстановка в городе тревоги не вызывала. Тираспольский УР, которым командовал полковник Г.М. Кочинов, представлял собой вполне боеспособный, хорошо оборудованный в инженерном отношении рубеж. Гарнизон достигал штатной численности. В пульбатах насчитывалось от 1 600 до 1 840 человек. Из вооружения имелось 610 станковых пулеметов, 321 ручной и 47 капонирных орудий», – пишет в своей книге «Мосты к Победе» тогдашний начальник инженерных войск Южного фронта Герой Советского Союза Аркадий Фёдорович Хренов [11].

Бои в Приднестровье начались в 20-х числах июля 1941-го. 25 июля сражение началось под Дубоссарами: немцы пытались пробиться через ТиУР – бои шли у Григориополя, Глиного, Шипки. Начальник 82-го Тираспольского укрепрайона полковник Г.М. Коченов отмечал: «22 июля в 5 часов 40 минут части 72-й немецкой пехотной дивизии под прикрытием сильного артиллерийско-минометного огня начали форсировать Днестр, но были отброшены. Все последующие дни вплоть до 25 июля противнику, несмотря на отчаянные попытки и ураганный огонь, переправиться через реку не удалось. ТУРовцы стояли крепко. И только после того, как противник ввел в действие большие соединения авиации, которые буквально висели над нашей обороной, ему удалось вклиниться в стык Рыбницкого и Тираспольского укрепрайонов».

Вермахт захватил маловатскую и кошницкую излучины Днестра – плацдармы к северу и югу от Дубоссар и начал развивать наступление на город. Главная цель

фашистов состояла в пресечении сообщения по железной дороге Балта – Одесса. 12 дней длились ожесточенные бои на переднем крае обороны ТиУРа, в районе сел Кошница и Дороцкое, где немцам противостояли четыре блокированных ДОТа. Несмотря на то, что гарнизонам ДОТов приходилось сражаться с врагом самостоятельно, ни один боец не оставил свой позиции. ДОТы в условиях безнадежности не пожелали капитулировать и успешно сдерживали отборные вражеские войска. Из донесения 72-й немецкой пехотной дивизии: «Ходом боев установлено, что русские не сдают долговременные боевые сооружения, а обороняют их до последнего».

28 июля немцы с Кошницкого плацдарма прорываются к селу Глиное (Глюксталь) Григориопольского района и пытаются вбить клин между Тираспольским и Рыбницким укрепрайонами. Направление удара было выбрано вермахтом исходя из того, что села к востоку от Григориополя были старинными немецкими аграрными колониями и немецкое командование рассчитывало на поддержку местного населения. Это заставило командование Южного фронта бросить все силы на ликвидацию немецкого плацдарма в районе Дубоссар, но, так как свободных пехотных резервов не было, для решения этой задачи направило всю свободную фронтовую авиацию. Развивая успех прорыва, немцы завязали тяжелые бои на северной окраине Григориополя, в районе сел Шипка и Глиное и выйти на оперативный простор, перерезав пути Одесса – Котовск, что отрывало части 9-й и 18-й армий от основных узлов снабжения. Укрепрайон был прорван, но продолжал сражаться. Появилась реальная угроза того, что враг перережет снабжение Одессы и всего фронта. После прорыва немцев в районе Умани, в окружение попали 6-я и 12-я советские армии – дальнейшее сопротивление на Днестре могло бы привести к катастрофе: 9-я и Приморская армии рисковали быть прижатыми к Черному морю. К исходу дня 3 августа фронт проходил по линии сел Полезное, Великоплоское, Малаешты и упирался в излучину Днестра между селами Тея и Красногорка. В течение 4 и 5 августа упорные бои продолжались. 5 августа комдив и начальник укрепрайона получили приказ командарма Приморской армии на отход наших частей к Одессе. Еще в течение пяти дней красноармейцы сдерживали врага на подступах к Тирасполю [12, 13].

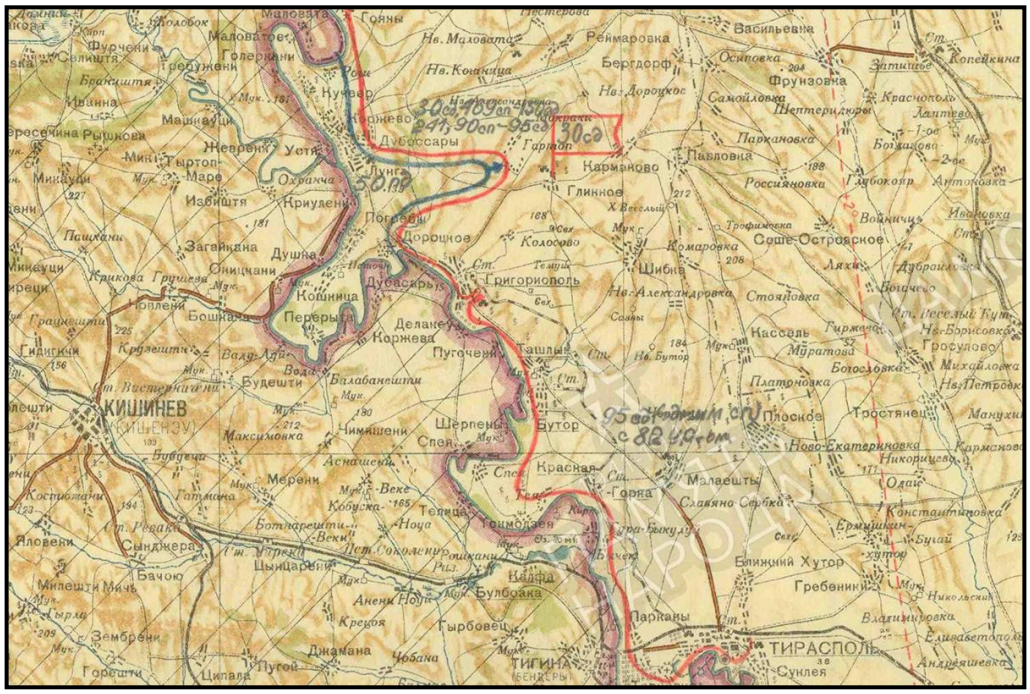


Рис. 3. Прорыв фашистских воск под Дубоссарами, 28 июля 1941 г.

В Тирасполь враг вошёл только 10 августа 1941 г., то есть спустя 20 с лишним дней после того, как 9-я армия заняла линию обороны на левом берегу Днестра. Трудно сказать, сколько бы ещё держалась на данном рубеже под прикрытием ТиУРа армия генерала Черевиченко, но нависла угроза над Одессой, и 5 августа ставка Верховного Главнокомандующего отдаёт приказ отвести войска Южного фронта на линию Чигирин – Вознесенск – Днестровский лиман, а Одессу оборонять до последней возможности. Что характерно, покинутые долговременные оборонительные сооружения ТиУРа ещё в течение нескольких дней сами по себе сдерживали противника. Враг осмелился перейти Днестр только после донесения разведки, в котором сообщалось, что ДОСы пусты. Благодаря ТиУРу удалось задержать продвижение врага на 21 день.

Рис. 4–7. ДОТы, артиллерийское орудие и рокадная железная дорога ТиУРа

«…Мы оставляли Днестр и землю Приднестровья. Главным итогом боёв на Днестре было то, что они на две недели задержали перед нашим фронтом войска 4-й румынской армии, сковали на правом фланге четыре дивизии 11-й немецкой армии и нанесли им серьёзные потери в живой силе и технике. Мы заняли оборону по линии Жеребково, Михайловполь, Катаржино – Раздельная. 5 августа начались бои за Одессу», – вспоминал Дмитрий Иванович Пискунов, начальник артиллерии 95-й Молдавской стрелковой дивизии [14, 15].

Сегодня сооружения ТиУРа можно встретить в самых не подходящих с точки зрения фортификации местах. Например, один из ДОСов в районе Тирасполя находится недалеко от берега, в русле Днестра. Столь необычное расположение долговременного оборонительного сооружения объясняется тем, что слишком много времени прошло с тех пор, как они были построены. Природа внесла коррективы,

изменив русло Днестра. Многие фортификационные сооружения ТиУРа сохранились до наших времен, имеют довольно внушительный вид, обладают значительным потенциалом для патриотического воспитания и нуждаются в комплексном музеефицировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов А. Линия Сталина. «Фортификация». – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20101011101822/http://retrospicere.narod.ru/fortification-ussr/forti_04-996.htm.
2. Веремеев Ю. Анатомия армии. Линия Сталина и подготовка партизанской войны. Украина. «82-й Тираспольский укрепрайон». – Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/hist/linia-stalina-ukr.php.
3. Альбом ТИУР // РГВА. Ф. 325. Оп. 36967. Д. 74.
4. Действующая армия. Перечни войск. Перечень № 3. Полевые управления главных командований, управлений оперативных групп, оборонительных районов, укрепленных районов и районов авиационного базирования. Режим доступа: tashv.nm.ru / Perechni_voisk/ Perechen_03_02.html.
5. Справка по ТИУР от 21.11.1940 г. // РГВА. Ф. 325. Оп. 36967. Д. 288. С. 98-104.
6. Соображения коменданта ТИУР по доусилению УР в мирное и военное время // РГВА. Ф. 325. Оп. 36967. Д. 56. С. 40–54.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В трёх томах. Десятое издание, дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во «Новости», 1990. – С. 274-277.
8. Немецкое военно-фортификационное пособие «Denkschrift uber die Russische Landesbefestigungen, Berlin, 1.02.1942». – С. 211.
9. Краснознамённый Киевский. Очерки истории Краснознамённого Киевского военного округа (1919-1979). Издание второе, исправленное и дополненное. Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1979.
10. Крисько И.И. Укрепленные районы в Приднестровье как часть единой системы обороны СССР в 1923–1941 гг. // Исторический вестник Приднестровской Молдавской Республики. – Тирасполь, 2009. – № 3. – С. 54-71.
11. Хренов А.Ф. Мосты к победе. – М.: Воениздат, 1982. – 349 с.
12. Майер В.С. Форт-сооружения Тираспольского укрепленного района // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в исторической памяти Приднестровья. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2011. С. 82-93.
13. Майер В.С. Сооружения Тираспольского укреплённого района // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. №12, 2012. С. 168-174.
14. Мельтюхов, М.И. Освободительный поход Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2006.
15. Репида Л.Е. Тираспольский укрепленный район как форпост Южного фронта // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. – Тирасполь, 2000. – № 4. – С. 51-53.

Поступила в редакцию 18.05.2021 г.

TIRASPOL DEFENCE REGION IN DEFENSE BATTLES OF THE RED ARMY IN SUMMER 1941

V.G. Fomenko

In the article provides a short characteristic of the history of construction of the defense buildings and the role of the Tiraspol fortification district in the defense battles of the Red Army in the summer of year 1941.

Key words: Tiraspol fortification district, defense battles, Red Army, longterm firing points.

Фоменко Владимир Григорьевич
кандидат географических наук, доцент,
ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», Тирасполь, ПМР.
E-mail: fomenkovol@mail.ru

Fomenko Vladimir Grigorievich
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor ,SCE HPE “Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko”, Tiraspol, PMR.
E-mail: fomenkovol@mail.ru

УДК 94(477):3.53

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В ДОНБАССЕ (1917–1991 гг.)

© 2021. ***В.И. Шабельников***

В статье исследуется политика советской власти в вопросах административно-территориального деления (АТД), формирование структуры территориального устройства в Донбассе, становление новой системы управления регионом в 1917–1991 гг. Проанализированы изменения, которые происходили на протяжении советского периода, связанные с централизацией и децентрализацией управления, их зависимость от теоретических и практических аспектов политики советской власти.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, регион, губерния, район, округ, область, районирование, управление экономикой, административно-экономический район, централизация, децентрализация.

Советская система административно-территориального деления пережила несколько кардинальных преобразований, направленных на повышение уровня эффективности управления и планирования путей развития каждого региона с учетом его особенностей. Эволюция АТД заключалась в изменении внутренних границ страны, в т. ч. и Донецкого региона, создании территориальных управленческих процессов, что в свою очередь влияло на совершенствование структуры партийных и советских органов в регионе, стимулировало обновление руководящего кадрового состава.

Актуальность темы исследования вызвана необходимостью анализа и обобщения одной из ключевых проблем в современной отечественной историографии, состоящей в изучении территориальной организации, исторически сложившейся на значительной территории, начиная с 1917 года, вплоть до распада СССР в 1991 году.

Проблемы теоретических разработок и практической реализации административно-территориального деления в советский период долгое время не были предметом специальных фундаментальных исследований. В наибольшей степени понятие «территориальная организация» проработано в исследованиях российского ученого Б. С. Хорева [1]. В него он включает размещение производства и социальной структуры, взаимосвязи в территориальной социально-экономической системы общества и проблемы управления ими, как основу для деятельности центральных и местных органов власти и самоуправления.

После распада СССР в России и Донбассе появились интересные и самобытные исследования. Ученые стали по-новому оценивать принципы и факторы, влияющие на территориальную организацию населения, выявлять их закономерности, причины возникновения проблем и сами проблемы административно-территориального государства и регионов.

Особый интерес представляет монография доктора исторических наук О. В. Шульгиной «Историческая география России XX века. Административное деление» [2], в которой главные закономерности административно-территориальных преобразований в связи с особенностями политических процессов и социально-экономического развития РСФСР и СССР в различные периоды XX века.

Однако проблема административно-территориальных изменений в Донбассе в работах российских ученых не нашла своего отражения, хотя поднятые в них вопросы

имеют важное значение для понимания происходящих перемен в донецком регионе на разных этапах его исторического развития.

В современной региональной историографии определенные аспекты территориальных преобразований в Донбассе нашли отражение в монографиях А. А. Саржана [3] и в коллективной монографии «Вугільний Донбас у другій половині XX ст.» под редакцией З. Г. Лихолобовой [4].

Предметом специального исследования важнейших изменений административно-территориального устройства в Донбассе на различных этапах советской власти стали работы В. И. Шабельникова [5], в которых дается обобщенная характеристика исторических условий, содержания и особенностей решения данной проблемы в регионе.

Целью данной работы является анализ советской общегосударственной и региональной политики в вопросах административно-территориального деления, становления новой системы управления в Донбассе на протяжении 1917–1991 гг.

Исходя из поставленной цели ставится задача изучить процесс территориального и экономического районирования на различных этапах советской власти, выделить основные особенности каждого из них, установить трансформацию механизма реорганизации административно-территориального деления.

Распад Российской империи в ходе первой мировой войны и революций 1917 г. привел к новым административно-территориальным реформам в стране. Прежнее территориальное деление России, ведущее свое начало со времен Петра I, при котором за основу деления принимались численность населения, уже не соответствовало новым требованиям и нуждалось в коренных переменах.

В. И. Ленин еще до Октября 1917 г. указывал, что средневековые, крепостнические, административные деления России нельзя оставить без существенных изменений после уничтожения самодержавия. «Ясно, как день, – писал он, – что не может быть и речи ни о какой сколько-нибудь серьезной местной реформе в России без уничтожения этих делений и замены их действительно современными…» [6].

Коренные преобразования административно-территориального деления начались вслед за Октябрьской революцией 1917 г. В качестве основного аргумента перемен был выдвинут принцип единства трех основных факторов: экономическое районирование, административно-территориальное деление и национальный состав.

По содержанию общегосударственного и регионального управления, степени централизации и децентрализации, глубине и масштабам преобразований АТД советского периода на территории Донбасса можно условно разделить на пять этапов, каждый из которых имел свою специфику в отношении теоретических и практических подходов при создании тех или иных административно-территориальных объектов.

К первому этапу (1917–1920 гг.) можно отнести начало образования советских республик, постепенное выделение территории Донбасса в самостоятельную административно-территориальную единицу и его районирование.

Начало административно-территориальных реформ было положено с создания новых национальных образований. 7 ноября 1917 г. была образована Российская Социалистическая Советская Республика (РСФСР), в декабре 1917 г. – Украинская Социалистическая Советская республика (УССР), ряд автономных республик РСФСР, позже – Узбекская и Туркменская союзные республики и другие национальные образования. При этом особое значение имело формирование региональной советской системы власти, в частности, в Донбассе. Уже с первых лет советской власти территория современного Донбасса стала предметом особого внимания, которое было направлено на превращение его в самостоятельную административно-территориальную единицу.

Историю управления Донбассом следует рассматривать в непосредственной связи с реформами административно-территориального устройства в стране. При этом особое значение имела разработка теории районирования, направленной на реформирование губернской организации власти. Однако из-за отсутствия понимания данной проблемы центральными и местными органами власти первые два года гражданской войны были периодом стихийных самостоятельных преобразований внутренних границ без решений центра, что было характерной отличительной чертой того смутного времени.

С 1918 г. начинается первый советский этап в развитии теоретических основ районирования и его практической реализации. 25 декабря 1918 г. на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства было принято решение о необходимости перейти к принципиально иным, теоретическим основам районирования и приступить к замене старой системы административно-территориального деления новой системой деления Советской России на районы, основанной прежде всего на экономических признаках [7]. Это был первый подобного рода советский документ, в котором был поставлен вопрос о разделении страны на экономические районы, обладающие общностью экономической жизни, производственной специализацией и территориального устройства.

По этому же принципу была предпринята попытка выделения Донбасса в особый экономико-территориальный регион, без которого В. И. Ленин считал невозможным построение социализма.

До 1917 года Донбасс не составлял единого административного формирования. Его отдельные части входили в состав Екатеринославской и Харьковской губерний, а также области Войска Донского. Впервые постановлением Совнаркома Украины от 5 февраля 1919 года «Об образовании Донецкой губернии» в составе Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии отмечалось особое значение Донбасса как топливной базы республики и его исключительной роли в гражданской войне [8].

Однако с оккупацией Донбасса войсками Деникина в апреле–мае 1919 года Донецкая губерния перестала существовать. К обсуждению вопроса о создании Донецкой губернии вновь вернулись после освобождения Донбасса в январе 1920 года. Уже 23 марта 1920 года Совнарком РСФСР принял постановление о выделении Донецкого каменноугольного района в особую губернию с центром в Луганске [9]. 16 апреля 1920 года Президиум ВУЦИК и Совнарком УССР утвердили более четкие границы и состав Донецкой губернии, в которую вошли Луганский и Мариупольский уезды Екатеринославской, части Харьковской губерний и области Войска Донского [10]. Губерния таким образом объединяла территорию залегания и разработок каменноугольных пластов и с июля 1920 года включала в себя 11 районов, а вскоре с целью совершенствования АТД и экономического районирования было образовано 13 районов. Но увязать на практике экономическое и территориальное районирование в условиях существующего АТД, по-видимому, оказалось делом сложным. Поэтому 16 декабря 1920 года Донгубисполком принял решение ликвидировать районы прежнего административного деления и образовывать уезды, как это было в других губерниях [11].

Вопрос экономического районирования приобрел особую остроту в конце гражданской войны, когда необходимо было наладить разбалансированное управление на всей территории РСФСР и других республик. С этой целью на VIII Всероссийском съезде Советов 22–23 декабря 1920 года было принято решение об ускорении работы по проведению нового административно-хозяйственного деления РСФСР на основе экономического тяготения регионов. Придавая чрезвычайно важное значение электрификации страны, угольной и металлургической промышленности Сибири, Урала и Донецкого бассейна для восстановления народного хозяйства республики съезд

поручил ВЦИК разработать план нового территориального перераспределения районов в этих местностях [12].

К руководству страны пришло понимание того, что старое административное деление (губерния, уезд, волость), которое не учитывало ни экономических, ни национальных особенностей регионов стало тормозом на пути экономических и политических преобразований.

Общеизвестно, что после гражданской войны в промышленности и сельском хозяйстве во всех регионах страны были упадок и застой, нарастало недовольство советской властью, особенно на селе, где усердно осуществлялся военный коммунизм, в результате чего утратили свою роль мотивация к труду и хозяйствованию, а деньги обесценились. Среди ученых и политиков появилось немало сторонников того, чтобы в будущей административной реформе территориальные границы экономических и административных регионов совпадали. Председатель Госплана РСФСР Г. М. Кржижановский высказал мысль о том, что в советском обществе, где осуществляется государственное управление экономикой, административно-территориальное деление должно обязательно совпадать с экономическим районированием [13].

Профессор А. Г. Кушнир в своей монографии «Демократическая альтернатива середины 20-х годов» пришел к выводу о том, что до весны 1921 года политика военного коммунизма выхолащивала всякую возможность демократизации административно-территориального устройства, и только после X съезда РКП(б) в связи с новой экономической политикой и введением элементов рыночных отношений реформа районирования стала вырисовываться в качестве возможной альтернативы бюрократической централизации [14].

На втором этапе реформирования АТД (1922–1925 гг.) происходил процесс преобразования уездов в округа, волостей в районы и ликвидация губерний, в результате чего система АТД стала трехступенчатой: округ–район–совет (городской, поселковый, сельский). Данная реформа преследовала цель создания таких органов власти и управления, которые бы укрепляли власть на местах и осуществляли восстановление народного хозяйства.

Состоявшийся в 1923 году XII съезд РКП(б) принял резолюцию «О районировании», в которой отмечалось, что прежнее административно-территориальное деление не соответствует новым политическим и экономическим задачам страны, в связи с чем предлагалось составить новый план административно-хозяйственного деления республики и избавиться от губерний, уездов и волостей [15].

В соответствии с данным решением в СССР началась масштабная административно-территориальная реформа. Уезды и волости были заменены округами и районами. К началу 1923 года Донецкая губерния делилась на 8 уездов и 299 волостей, 445 городских и 3128 сельских поселений. На территории губерний были созданы 7 округов: Бахмутский, Луганский, Мариупольский, Старобельский, Таганрогский, Юзовский и Шахтинский. В них было образовано 78 районов [16].

3 июня 1925 года ВУЦИК издал постановление «О ликвидации губерний и переходе на трехступенчатую систему управления» [17], которое отменяло административно-территориальное деление УССР на губернии.

Согласно новой реформе Донецкая губерния была ликвидирована, а на ее территории были созданы 5 округов: Артемовский, Мариупольский, Старобельский, Луганский, Сталинский. Округа включали в себя районы, а районы – сельсоветы.

С ликвидацией губерний, которые осуществляли непосредственное руководство всеми отраслями народного хозяйства, их функции по приблизительным расчетам на две трети перешли к округам и районам и на одну треть к центральному аппарату.

Предполагалось, что округ будет заниматься вопросами стратегического управления, а район повседневными вопросами. Однако на практике это далеко не всегда выдерживалось. Округа были загружены оперативной работой и дублировали во многом районы, что вносило дезорганизацию в управление хозяйством, в связи с чем встал вопрос о новой реформе.

На третьем этапе реформа АТД (конец 1920-х – 1931 гг.), когда начался процесс индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, к власти пришло понимание необходимости укрупнения районов и наделения их такими правами, чтобы они могли эффективно заниматься вопросами колхозного строительства. Потребовалась перестройка системы управления, расширения прав местных органов власти. В связи с этим на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 года было решено упразднить округа, которые в новых условиях превратились в ненужные промежуточные единицы между центром и районами [18]. И. В. Сталин объяснил отказ от громоздкой системы управления тем. что «это будет доведением до конца дела районирования, доведением до конца дела приближения аппарата к районам и селам» [19].

Согласно постановлению ВУЦИК и Совнаркома УССР от 2 сентября 1930 года «О ликвидации округов и переходе на двухступенчатую систему управления» [20] округа в Украине ликвидировались, в результате чего был осуществлен переход на уровень управления: центр–район.

Район был признан центром, где непосредственно решались вопросы объединения крестьян в колхозы. Для повышения мобильности и оперативности в работе было значительно уменьшено количества районов, а площадь каждого из них увеличилась. Так, территория Донбасса была разделена на 23 района и 12 городских советов, которые непосредственно подчинялись центру [21].

Четвертый этап районирования (1932 – июнь 1941 гг.) характерен тем, что в условиях усиления руководства всеми отраслями народного хозяйства и культурным строительством в регионах в соответствии с их специализацией и производственными возможностями, было принято решение создать промежуточную структуру управления между центром и районом и тем самым избавиться от огромного разрыва между ними. Такой административной единицей должна была стать область, которая существовала в РСФСР еще с 1923 года и полностью себя оправдала, что стало примером для украинского руководства.

В январе 1932 года на территории УССР было образовано пять областей, а 2 июля 1932 года ВУЦИК принял постановление «Об образовании Донецкой области в Донбассе» с центром сначала в Артемовске (ныне – Бахмут), а с 16 июля 1932 года – в Сталино [22]. Донецкая область была создана в составе 12 городских и 23 районных советов и отличалась от других областей высоким уровнем индустриализации. В Донбассе, как и во всей Украине, была создана трехступенчатая система управления: центр–область–район.

Создание областного звена в системе АТД, как показала последующая жизнь, было наиболее удачным решением проблемы административно-территориального и экономического деления, форсированного развития индустрии, благодаря чему повысилась обороноспособность страны и была обеспечена победа СССР в годы Великой Отечественной войны.

После 1937 года государственная политика в сфере территориальной организации основывалась на идее «разукрупнения» с целью более эффективного обеспечения выполнения решений центра на местах. При этом особое внимание было обращено на огромную территорию Донецкой области, где существовали немалые трудности в ее управляемости, а, следовательно, и ее эффективного социально-экономического развития.

3 июня 1938 года в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР Донецкая область была поделена на две самостоятельные части: Сталинскую и Ворошиловградскую. К тому времени количество административных единиц Донбасса значительно увеличилось и составило 1011 против 731 в 1932 году [23]. Это говорит о том, что власть стала больше уделять внимания упорядочению административного деления с целью выделения угольных районов и создания развитой структуры сельских районов и сельсоветов.

Рост числа областей на территории СССР и республик в предвоенные годы затрудняло планирование народного хозяйства по прежним схемам, что вновь поставило задачу экономического районирования. Поэтому в 1938–1939 гг. Госпланом СССР была разработана новая сетка экономических районов, которая предусматривала конкретизацию по отдельным областям с учетом их задач и места в выполнении плана развития народного хозяйства страны.

Централизация управления экономикой через наркоматы оставляла местным областным и другим административным единицам только руководство местной промышленностью и сельским хозяйством, а также административные функции и обслуживание населения. В итоге реформы 1980-х годов привели к разрыву между административным и экономическим районированием. Созданные территориальные единицы не обладали потенциальными возможностями для самостоятельного развития, что ставило их в максимальную зависимость от центра.

Области с момента их создания стали активно подвергаться дроблению. Округа как единицы административно-территориального деления практически исчезли. Представляется, что на этом период децентрализации в системе управления сменился централизацией не только АТУ, но и во всех формах общественной жизни. Кроме того, начался отход от принципов экономического районирования и постепенный переход к политическим решениям от центральных органов КПСС и КПУ через партийные комитеты районов и областей.

В тоже время следует отметить, что созданная модель управления народным хозяйством в предвоенные и военные годы давала возможность максимально сконцентрировать материальные ресурсы для решения задачи увеличения оборонного потенциала и победы в войне, восстановления страны в послевоенный период.

На пятом этапе реорганизации административно-территориальной системы и экономического районирования (1950–1960-е гг.) была предпринята попытка преобразования АТУ с целью создания так называемых административно-экономических районов, когда бы управление промышленностью осуществлялось по территориальному принципу.

С целью децентрализации управления промышленностью Н. С. Хрущев приступил к реформированию существующей системы территориальной организации и планирования. Согласно закону УССР от 31 мая 1957 года «О дальнейшем усовершенствовании организации и управления промышленностью и строительством в Украинской ССР» вводилась система административных экономических районов во главе с государственными органами территориального управления и планирования – советами народного хозяйства (совнархозами) [24].

Первоначально (1957 г.) их было создано 11, в том числе Сталинский (с 1961 г. – Донецкий) и Ворошиловградский (с 1958 г. – Луганский). Характерной особенностью совнархозов Донбасса было совпадение их территории с границами областей, а с марта 1962 года вследствие укрупнения совнархозов их количество в Украине сократилось до 7, среди которых Донецкий совнархоз, который включал в свои границы Донецкую и Луганскую области [25]. Он стал одним из пяти наиболее крупных индустриальных

центров СССР. Председателем Донецкого совнархоза с марта 1962 года стал В. И. Дегтярев, с 1963 по 1976 года – первый секретарь Донецкого обкома КП Украины.

Реформирование административно-территориального управления было направлено на замену отраслевой системы управления территориально-отраслевой с одновременной ликвидацией союзных и союзно-республиканских министерств промышленности и строительства. Совнархозы должны были осуществлять руководство всеми подчиненными им предприятиями и организациями в пределах экономического района. Так, только в ведении Донецкого совнархоза находилось 1068 промышленных предприятий.

Новая экономическая реформа на уровне регионов не изменила основ административно-территориального деления. Области сохранили за собой предыдущий статус. Однако в отношениях на мезоуровне создавался дисбаланс в системе управления экономикой, особенно в сельском хозяйстве. Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР 22 марта 1962 года приняли постановление «О перестройке управления сельским хозяйством» [26]. Началось создание производственных колхозно-совхозных управлений, которые по территории, численности населения и объемам производства существенно превосходили сельские районы.

Производственные управления Донецкой области включали в себя до 60-ти хозяйств и охватывали 2–4 административных района. В связи с укрупнением сельских районов их количество в Донецкой области сократилось с 21 до 9.

В ходе всех преобразований сложилась парадоксальная ситуация, когда административно-территориальное устройство включавшее четыре звена районирования, не увязывались между собой границами и служебными функциями. Две из них (районные и областные) были административно-территориальными, а две другие (совнархозы и колхозно-совхозные управления) были административно-хозяйственными, последняя была разработана Госпланом.

Хозяйственные структуры оказались как никогда ранее самостоятельными по отношению к обкомам и райкомам партии и были оторваны от местных советов. Произошло разрушение партийной вертикали управления.

С целью вернуть контроль над управлением экономикой ЦК КПСС в ноябре 1962 года принял решение «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством». Областные, районные, городские партийные, советские и общественные организации были разделены по производственному принципу, на промышленные и сельские, т. е. каждая область и ее районы дробились надвое, что привело к полной дезорганизации управления [27].

В сельских районах были упразднены парткомы, а их функции переданы партийным организациям колхозно-совхозных управлений. Это повлекло на собой масштабное укрупнение сельских районов. В связи с укрупнением районов в Донецкой области в декабре 1962 года из существующих ранее 22 районов осталось только 9, в Луганской области вместо 25-и было создано также 9 укрупненных районов [28].

Попытка децентрализации власти и управления обернулась снижением темпов экономического развития, разбалансированием руководящих органов на местах, бюрократизмом и формализмом в работе руководящих органов, ростом чиновничьего аппарата. Неоправданность подобной реформы сказалось на результатах сельскохозяйственного производства в масштабах страны и Донбасса. Так, в колхозах Донецкой области в 1953–1964 годах валовый сбор зерновых только дважды (1961 и 1964 гг.) превышал уровень сбора в 1958 году. Валовая продукция сельского хозяйства СССР в 1963 году составила по сравнению с 1958 годов всего лишь 89 % [29].

Недовольство реформами и их результатами всех слоев общества привело к отстранению Н. С. Хрущева от власти в октябре 1964 года. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев первым долгом приступил к демонтажу системы управления, созданной в предшествующие годы. В ноябре 1964 года пленум ЦК КПСС принял постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов» [30]. Было признано целесообразным вернуться к построению партийных организаций по территориально-производственному принципу. Вслед за партийными органами было проведено восстановление прежних советских, комсомольских и профсоюзных организаций.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 4 января 1965 года «О внесении изменений в административное районирование Украинской ССР» в связи с объединением областных промышленных и областных сельских советов в Донецкой области было создано 15 районов вместо прежних 9-и: к категории городов районного подчинения были отнесены Докучаевск, Красный Лиман и Ясиноватая [31].

Однако в Донбассе после объединения промышленных и сельских районов в январе 1965 года существенных изменений в административно-территориальном делении не происходило, за исключением образования новых сельских советов и районов в крупных городах, повышения статуса некоторых поселков городского типа, а также возвращения первоначального наименования некоторым населенным пунктам.

В целях стабилизации управленческих структур 2 октября 1965 года был принят закон СССР «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» [32], согласно которому экономические районы были упразднены, вместе с ними ликвидированы совнархозы и восстановлены 9 союзных и 11 союзно-республиканских министерств, т. е. произошел возврат к централизованной (вертикальной) системе управления экономикой.

Создание стабильной территориальной организации страны позволило сформулировать новые задачи экономической политики, что нашло отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [33]. Началась новая, очередная экономическая реформа, инициатором которой стал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Суть ее состояла в том, что усиливалась самостоятельность предприятий, возросла роль экономических принципов хозяйствования вместо традиционных административных.

Экономическая реформа в условиях отраслевого управления на первых порах дала положительные результаты. Восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) не случайно называют лучшей по основным показателям за все годы советской власти. Только в Донецкой области промышленная продукция металлургических заводов в 1970 году по сравнению с 1966 годом выросла на 125,5 %, производительность труда – на 118,8 %. В среднем ежегодно добывалось 103,8 млн тонн угля [34].

В 1970–1980-х годах существенных изменений в административно-территориальном делении Донбасса не происходило. В условиях резкого замедления темпов экономического роста советское руководство было вынуждено больше акцентировать политику на преобразование административно-территориального устройства с отдельными преобразованиями АТД. Последствия разбалансирования системы территориального управления в обозначенные годы продолжали сказываться на всех сферах общественной жизни. Административно-командные методы управления, бюрократический стиль работы партийных органов и советского аппарата

власти сводили к минимуму усилия по налаживанию нормальных связей между промышленностью и сельским хозяйством. Эта ситуация усугублялась еще и тем, что низкий уровень жизни и тяжелые условия труда приводили к оттоку населения из сел. В 1960–1970-х годах только в Донецкой области ежегодное сокращение сельского населения, в основном молодежи, составляло около 12 тысяч человек. В то время как росла численность городов, сельские районы теряли население. В 1979 году в Донецкой и Луганской областях доля городского населения выросла до 89 и 85 % соответственно, в то время как по Украине процент городского населения увеличился всего лишь до 61 % [35]. Однако в сельских районах сложилась диаметрально противоположная тенденция. В 70-е гг. началась борьба с «неперспективными» деревнями, которая привела к тому, что за период 1972–1986 годов только в Донецкой области было ликвидировано 103 села. В сельском хозяйстве к 1985 году осталось только 10 % от численности всего населения области, вследствие чего она оказалась в сильной зависимости от поставок сельхозпродукции из других регионов.

В Донбассе, как и во всей стране, в 1980-х годах наступил глубокий социально-экономический и политический кризис, темпы роста населения стали стремительно падать, хотя демографическая ситуация вплоть до 1993 года была лучше, чем в других регионах. В городах еще продолжался незначительный рост населения за счет его снижения в сельских районах. Благодаря относительной демографической стабильности, за годы перестройки в Донецкой области к категории городов областного подчинения были отнесены Кировское (1987 г.), Димитров (1990 г.), Авдеевка (1990 г.), Угледар (1991 г.) [36], хотя в Луганской области за это время подобных изменений не произошло [36].

12 марта 1981 года указом Президиума Верховного Совета УССР было утверждено Положение о порядке решения вопросов административно-территориального устройства Украинской ССР. Это был хронологически последний документ, который регулировал порядок изменений в системе территориальной организации в Украине, наименований и переименований населенных пунктов [37].

В период ослабления государственности началось фактически стихийное преобразование административно-территориального устройства, которое повлекло за собой существенные изменения в сфере управления на региональном уровне. К 1990-му году сложилось административно-территориальное устройство, которое можно охарактеризовать как чрезвычайно дробное, состоящее из неравнозначных, чаще всего маломощных административно-территориальных единиц.

Происходили постоянные изменения АТД населенных пунктов, создавались новые районы и сельсоветы за счет разукрупнения больших по размеру. Так, например, только в Донецкой области с 1985 по 1991 годы в 11 районах путем разукрупнения было образовано 24 новых сельских советов [38].

Столкнувшись с кризисом советской системы организации власти на местах, руководство страны предприняло попытку ее реформирования. С этой целью 9 апреля 1990 года был принят первый и последний советский закон о местном самоуправлении «Об общих началах самоуправления и местного хозяйства в СССР» [38], суть которого сводилась к предоставлению гражданам страны права участия в решении всех вопросов местного значения путем самоорганизации, исходя их интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц. Однако не был решен окончательно вопрос относительно территориального уровня местного самоуправления, отсутствовали реальные механизмы его реализации, которые возможны были бы при новой реформе АТД, на что власть тогда пойти не смогла. Ко всему прочему положение усугублялось пребыванием союзного государства на грани распада.

Местные партийные руководители, особенно высшего и среднего звена, обладая определенной самостоятельностью в своих решениях и влиянием в обществе предприняли шаги в направлении обеспечение государственного суверенитета, большей экономической независимости от центра. Кризис, охвативший всю страну, привел к разрыву экономических связей, породил у республик стремление выходить из него в одиночку. Первой на этот путь вступила Россия, которая провозгласила государственный суверенитет 12 июня 1990 года, а уже 16 июля на этот путь стала Украина. В Декларации о государственном суверенитете Украины за УССР закреплялось государственное верховенство, определялись административно-территориальное устройство республики и порядок образования административно-территориальных единиц.

Начавшийся в 1990 году парад суверенитетов республик завершился подписанием Верховным Советом СССР 26 декабря 1991 года Декларации о прекращении существования СССР.

Донбасс к тому времени имел исторически сложившееся АТД, которое, хотя и устарело, но в целом позволяло управлять государственной структурой и экономикой.

Таблица 1

Административно-территориальные единицы Украины и областей Донбасса по состоянию на 1989 год [35]

Территория	Районы	Города	в т. ч. республиканского и областного подчинения	Поселки городского типа	Сельские советы
Украинская ССР	490	446	174	907	10196
Донецкая область	18	51	28	132	253
Луганская Область	18	37	14	10	206

Из таблицы следует, что количество административно-территориальных единиц Донецкой и Луганской областей вместе составляло 806 или 15 % от общеукраинских, в то время как общая численность городов составляла 29 % от их числа в Украине, а количество поселков городского типа – 26,5 %, что свидетельствует о высокой степени урбанизации Донбасса, разветвленной сети населенных пунктов в регионе, что выводило его по этим показателям на первое место в республике.

Таким образом анализ представленной проблемы дал возможность проследить как менялась теория и практика развития административно-территориального деления и устройства, заметить существенные изменения в подходе к этим понятиям. Становится очевидным, что несмотря на предпринимаемые усилия, ни одна из административно-территориальных реформ в 20–30-х и в 50–60-х гг. прошлого столетия, не дала весомых позитивных результатов. Эти неудачи можно объяснить главным образом тем, что реформаторам с самого начала не хватало научного понимания оптимального административно-территориального устройства, а метод проб, ошибок и поспешность приводили лишь к «хождению по кругу». И все же созданная за многие годы советская модель территориального и экономического районирования дала возможность органам власти и управления в центре и на местах сосредоточить свои усилия на решении важнейших общегосударственных задач. Выстроенная структура АТД, которая окончательно сложилась в 1930-е годы, в основном сохранилась до сегодняшнего дня, однако нуждается в коренном реформировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хорев Б. С. Территориальная организация общества / Б. С. Хорев. – М. : Мысль, 1981. – 320 с.
2. Шульгина О. В. Историческая география России XX века. Административное деление : монография / О. В.Шульгина. – М.: Юрайт, 2020. – 307 с.
3. Саржан А. А. Изменения в социально-экономической сфере Донбасса. Вторая половина 40-х – конец 50-х годов. Монография / А. А. Саржан. – Донецк: Лебедь, 2004. – 412 с.
4. Вугільний Донбас у другій половині XX ст. / Колективна монографія під ред З. Г. Лихолобової. – Донецьк, 2001. – 339 с.
5. Шабельников В. И. Реформирование территориальной организации и управления экономикой Донбасса в 1957–1965 гг. / В. И. Шабельников // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – Донецк: ДонНУ, 2018. – № 1. – С. 35–42.
6. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу / В. И. Ленин. – Полное собрание сочинений. – Т. 24. – М.: Политиздат, 1973. – С. 147.
7. Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917–1929 гг.) / Под общей ред. акад. Г. М. Крижановского. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 4.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины (СУ УССР). – 1919. – № 6. – Ст. 73. – С. 77.
9. Центральный Государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 870. – Л. 12.
10. СУ УССР. – 1920. – № 7. – С. 180, 181.
11. ГА ДНР. – Ф. Р.–1146. – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 230, 231; Ведомости Верховной Рады УССР. – 1957. – № 4. – С. 102, 106.
12. Правда. – 1920. – 24 декабря (№ 279); Съезды Советов Союза СССР, союзных и автономных республик. Сборник документов. – Т. 1. – М., 1959. – С. 124–158.
13. Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. – М., 1921. – С. 79, 80.
14. Кушнир А. Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов / Реформы системы управления в Советской России. – М.: Издательство МПИ, 1989. – 221 с.
15. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М. : Политиздат, 1968. – С. 697.
16. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – С. 4.
17. СУ УССР. – 1925. – № 29–30. Ст. 233. – С. 180, 181.
18. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1930. – С. 45.
19. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) / И. В. Сталин. – Соч. – Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 235.
20. ГА ДНР. – Ф.–5800. – Оп. 2. – Д. 294. – Л. 29.
21. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – С. 5.
22. ГА ДНР. – Ф.Р.–2109. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 1, 2.
23. Вісті Рад депутатів трудящих УРСР. – 1938. – 4 червня. – № 126.
24. Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1957.– № 4. – С. 102–106.
25. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1963. – № 6.
26. Собрание Постановлений Правительства СССР. – 1962. – № 5. – Ст. 38. – М.: Политиздат, 1962 г.
27. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 288–296.
28. История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк, 2001. – С. 6.
29. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. – М.: Статистика, 1967. – С. 120.
30. Правда. – 1964. – 17 ноября.
31. Ведомости Верховного Совета УССР. – 1965. – № 3. – С. 51, 60, 61.
32. ГА ДНР. – Ф.Р.–2794. – Оп. 2. – Д. 1196. – Л. 206, 207.
33. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 10. – С. 455–482.
34. Донецкая область в восьмой пятилетке. Статистический сборник. – Донецк: Статистика, 1971. – 151 с.
35. Шабельников В. И. Урбанизационные процессы в Донбассе (50–60-е гг. XX ст.) / В. И. Шабельников // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – Донецк: ДонНУ, 2017. – № 4. – С. 5-11.
36. ГА ДНР. – Ф.Р.–2794. – Оп. 2. – Д. 5684. – Л. 50; Ведомости Верховного Совета УССР. – № 13. 4 августа 1990 г., № 51. – 18 декабря 1990 г., № 9. – 5 марта 1992 г.

37. Відомості Верховної Ради України. – 1981.– № 13. – С. 57.
38. Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. – № 44. – С. 1–27.

Поступила в редакцию 12.09.2021 г.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE SOVIET POLICY OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION AND ITS FEATURES IN DONBASS (1917–1991)

V.I. Shabelnikov

The article examines the policy of the Soviet government in matters of administrative-territorial division (ATD), the formation of the structure of the territorial structure in the Donbass, the formation of a new system of regional management in 1917–1991. The article analyzes the changes that took place during the Soviet period associated with the centralization and decentralization of management, their dependence on the theoretical and practical aspects of the policy of the Soviet government.

Key words: administrative-territorial division, region, province, district, okrug, oblast, zoning, economic management, administrative-economic region, centralization, decentralization.

Шабельников Виктор Ильич
Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России и
славянских народов,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

Shabelnikov Victor Ilych
Doctor of historical sciences, Professor
Professor of the Chair of Russia's History and
History of Slavonic Peoples
Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: Shabelnikov36@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.7 + 165

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК НАУЧНЫЙ ОБЪЕКТ

© 2021. ***И.И. Бартагариева***

Объект теории гражданского общества исследуется на основе концепции научной объективности Э. Агацци. Анализируются имеющиеся дефиниции ключевого понятия, дается авторское контекстуальное определение гражданского общества. Зафиксированы базовые предикаты гражданского общества. Установлено, что данный объект имеет следующие гносеологические черты: слабость операциональной (эмпирической) базы, относительность и содержательная нестабильность базовых предикатов, гипотетичность. Релятивность объекта теории гражданского общества продуцирует нестабильность объяснительных схем и вариативность прогнозов, ведет к разрыву между теорией и практикой. Акцентируется внимание на гносеологических преимуществах правовых трактовок гражданского общества.

Ключевые слова: объект, объективность, гражданское общество, теория гражданского общества, релятивность.

Введение. Любая теория – в естествознании или социально-гуманитарных науках – имеет объект. Это положение представляется общеизвестным и доступным для рациональной рецепции. Однако простота, и даже тривиальность данного положения, нередко влечет игнорирование специфики объекта социальных теорий. Известным является также идущее от неокантианцев разграничение двух классов наук – о природе и духе (культуре). Еще В. Виндельбанд предложил разграничить номотетические методы естествознания и идиографические методы исторических наук. И хотя у Г. Риккерта под природой и историей понимаются не две различные реальности, но одна действительность, рассматриваемая с двух различных точек зрения, данный дихотомический подход в теории познания утвердился в качестве адекватного.

Гносеология не стоит на месте, изменяются и насыщаются новыми элементами логика и методология научного познания, все громче о себе заявляют мульти-, транс- и междисциплинарность. Вариативностью отличаются и современные представления об объекте научной теории. Быстрыми темпами трансформируются цели и структура социально-гуманитарных наук. Они, в отличие от естествознания (специфики точных наук касаться не будем), более свободны в выборе понятийного аппарата и деонтологии, используемых принципов и методов. Но на них лежит и большая ответственность, так как выводы и рекомендации, например, социологов и социальных философов имплементируются в жизнь, непосредственно влияют на переформатирование витального пространства и политического ландшафта. Одним из знаковых и значимых в праксиологическом плане феноменов общественно-политической и философской мысли последних десятилетий является теория гражданского общества (далее – ТГО).

Первые системные представления о гражданском обществе (далее – ГО) находим у мыслителей Ренессанса. Как философско-правовая категория ГО приобретает автономный статус в эпоху Нового времени, хотя философом-новатором, зафиксировавшим ГО как автономную сущность, нередко называют Платона. Важный этап в развитии представлений о ГО – работы современных исследователей (Т. Алан, Р. Брюбейкер, Н. Луман, Ж. Маритен, Т. Маршалл, Дж. Роулз, А. Селигман, Ю. Хабермас, Ф. Хайек,

О. Хеффе и т. д.). В СССР ТГО считалась избыточной. Лишь в 90-е гг. прошлого века проблематика ГО находит отражение в работах Ф. М. Бурлацкого, К.С.Гаджиева, Г. Ч. Гусейнова, Д. Б. Драгунского, И. К. Кравченко, Е. Г. Панфилова, А. В. Одинцовой. Пути становления и развития ГО в современной России исследуют Р. А. Алексеев, О. С. Волгин, Н. А. Колесникова, А. В. Лагуткин, Д. И. Папырин, Е. Л. Рябова, Е. Е. Типало, В. И. Трубников, З. К. Химишев, Н. Г. Храмцова и др. Тема «объект ТГО» пока остается не исследованной. Авторы концепций ГО ограничиваются определениями ГО, описаниями подходов к интерпретации ГО и анализом их приложений, объяснениями функциональности ГО и т. д. Но даже предпринятый выше небольшой исторический экскурс позволяет усомниться в том, что объект ТГО оставался стабильным. Есть все основания для априорного утверждения: Т. Гоббс, Ш. Монтескье, А. де Токвиль, А. Грамши, Ю. Хабермас и ученые 20-х годов XXI века рассуждали (и рассуждают) о нетождественных системах социальной реальности, имевших (имеющих) неэквивалентные атрибуты и функции.

Цель статьи: определить особенности ГО как ретроспективного и актуального объекта социальной научной теории.

В методологическом плане предпочтение отдается наработкам аналитической философской традиции. В освоении социальной реальности, на наш взгляд, помощь оказывают дискуссии между сторонниками реализма и конструктивизма. Методологические следствия этой дискуссии актуальны для объяснения специфики социума. В логическом аспекте статья представляет собой переход от общего (концепция научной объективности Э. Агацци) к частному (особенности современной ТГО). Специфика социально-гуманитарного познания вносит свои коррективы в понимание дедукции как теории необходимого вывода и познавательной программы, гарантирующей рассуждениям непротиворечивость, согласованность, обоснованность, строгость. Условно будем считать используемый нами подход дедуктивно-проблемным.

Основная часть. Начнем с понятия научного объекта. Одна из новейших оригинальных концепций научной объективности разработана Э. Агацци [1]. Отметим, что итальянский философ понимает объективность как объектность. Он трактует объект как сущность, на которую направлено внимание познающего субъекта. Объективное означает относимое к объекту или объектам. Другими словами, объективность Агацци не центрирована методологически, в плане привязки к принципу объективности. Область объективности у Агацци всегда более ограничена, чем область реальности, и никогда не совпадает с ней. Всякая объектификация зависит от точки зрения внутри другой, более широкой точки зрения, в которой даны «вещи». Эта широкая точка зрения исторически изменчива, вписана в релятивный культурный контекст. Она детерминирована господствующей формой (гештальтом) восприятия реальности, в том числе, социальной. Центральный тезис концепции научной объективности, отстаиваемый Агацци, состоит в следующем: «Каждая наука рассматривает реальность с некоторой специфической «точки зрения», с которой связываются некоторые операциональные критерии референциальности, имеющие целью обеспечить эмпирическую проверку того, что говорится о реальности с этой точки зрения. Ясно, что указанные точки зрения уже выражают первую гештальтическую – а значит, герменевтическую – ориентацию, которая поэтому лежит в основе самого построения научных объектов. Это просто начальный момент, направляющий идентификацию данных любой актуальной науки» [1, с. 490].

Согласно Агацци, научный объект не тождественен просто «вещи» (событию, процессу). Ученый, сконструировав некоторую критериально-целевую рамку, «вырезает» из вещи отдельные элементы. «Различение вещи и объекта – при котором объект

понимается как вещь, рассматриваемая с некоторой точки зрения – напоминает различение «материального объекта» (соответствующего нашей «вещи») и «формального объекта» (соответствующего нашему «объекту»), обычного в традиционной эпистемологии» [1, с. 184]. Можно «отказаться от метафоры «вырезания» и выразить ситуацию в лингвистической форме, сказав, что некоторый объект данной науки содержит только (и все) аспекты некоторой «вещи», которые можно охарактеризовать базовыми предикатами этой науки» [1, с. 137]. Научные объекты «вырезаются» из вещей операциональными (эмпирически фиксируемыми) предикатами (атрибутами), определяемыми на основе операциональных процедур. Каждая область знаний имеет свой набор операций, следовательно, и собственные базовые предикаты. Например, социальную справедливость или чувство тревоги нельзя измерить весами, хронометром или линейкой; они не имеет таких базовых предикатов как температура или объем. Поэтому социальная справедливость и чувство тревоги не могут быть объектами механики и/или термодинамики. Здесь обнаруживается один из проблемных моментов философии и социально-гуманитарных наук. Их объекты, как правило, операционально и инструментально не доступны, не измеряемы, не переводимы на язык математики.

Объекты социально-гуманитарных наук нередко конструируются с опорой на субъективные ценности (убеждения, предпочтения) и приватные чувственно-эмоциональные восприятия. Однако результатом, как измерений, так и оценок или переживаний, являются абстрактные объекты. Таковыми, в равной степени, являются числа и математические выражения, естественнонаучные термины (сила, ускорение, светимость, валентность) и понятия ТГО (общественные отношения, власть, свобода, легитимность). Разумеется, специалист в области ГО «вырезает» из реально существующего социума базовые предикаты, отличные от базовых предикатов этнографа или религиоведа. В этом причина релятивности любых научных знаний, ибо объект всегда относителен. Более того, он детерминирован культурно-исторически. Все научные объекты могут считаться абстрактными, ибо они в полной мере определяются через множество отобранных атрибутов, организованных в рационально (и конвенционально) спланированную структуру. Языковые выражения, которые мы используем, говоря об объектах, состоят из абстрактных понятий, которые не обязательно означают «чистые» свойства и отношения. Но любое такое абстрактное понятие имеет конкретные референты в независимой от субъекта реальности. Ученый может эту реальность «доукомплектовывать», не выходя за границы объективного мира. У каждого массива наук есть свои «пограничные столбы» и нормы демаркации реального и возможного. Только если эти границы четко обозначены, научный прогноз будет максимально точным. На роль научных способны претендовать объекты, обладающие такими характеристиками как интерсубъективность, инвариантность, простота, воспроизводимость, проверяемость, фиксируемая причинность, наличие лимитированных связей с другими объектами.

Понятие «ГО», указывающее на некий независимый от познающего субъекта объект, имеет множество дефиниций. ГО определяется как закономерный результат социально-исторического развития западного социума, идеальный тип демократического устройства, стержень общественных отношений, витальный ориентир, базовый фактор реализации общественных потребностей и интересов, влиятельная среда теоретической и практической коммуникации, звено, без которого невозможно представить социальную сферу современной цивилизации и т. д.

Дж. Л. Коэн и Э. Арато разграничивают ГО и политическое общество. Они дают структурно-функциональное определение: «Под гражданским обществом, понимаются такие структуры, как социализация, ассоциация и организованные формы в той мере, в какой они институционализированы или находятся в процессе институционализации»

[2, с. 9]. Институционализация осуществляется в программе реализации субъективных прав и законов, которые цементируют социальную дифференциацию. Нельзя не отметить, что именно на правовом поле ГО приобретает максимально четкие конфигурации. Философы могут дискутировать и иметь разные точки зрения на предмет того, что такое «толерантность», а вот статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» трактуется однозначно. И нельзя не признать, что данная статья реально стоит на защите ряда положений ТГО. Р. Дарендорф предлагает экзистенциально-функциональное определение, с указанием на отсутствующий признак. Он видит в ГО ткань совместной жизни людей, которая не нуждается для своего существования в поддержке государства. ГО имеет место за счет инициатив снизу и множества ассоциаций, которые предотвращают монополию большинства над меньшинством и, наоборот [4, с. 64].

Все многообразие ТГО в отечественной мысли, считают Н. А. Колесникова и Е. Л. Рябова, можно объединить в две парадигмы. В рамках первой, понятие ГО используется для характеристики определенного состояния социума, при котором ГО отождествляется с государством особого типа. В таком государстве политически, экономически, социально и юридически обеспечены (защищены) основные права, свободы и интересы личности. Вторая парадигма базируется на положении: ГО – определенная сфера бытия социума – сфера внегосударственных отношений, структур и институтов [5, с. 35–36]. Эти две парадигмы открыты для синтеза, если рассматривать один объект (ГО) в двух познавательных программах – как макроструктуры, и как относительно независимой микроструктуры. В последнем случае, ГО – специфическая социальная автономия, маркер которой – свободная личность (соответственно, базовые предикаты – преимущественно антропологические). В рамках макроструктуры, ГО – сложная система связей между разноуровневыми элементами; здесь индивид отчасти лишается субъектности, его права и свободы – производная некой всеохватывающей социальной субстанции. Соответственно, базовые предикаты располагаются в социологическом, политологическом и правовом ареалах. Разумеется, все эти разнообразные базовые предикаты можно объединить, что и делает (весьма когерентно и непротиворечиво), например, В. М. Шамаров: «Гражданское общество – это определенная историческая ступень развития социума, современная форма человеческой общности, независимая от государства, но находящаяся с ним в диалектическом противоречивом единстве, в котором человек признается высшей ценностью, соблюдаются и защищаются его права и свободы, а самостоятельные и независимые индивиды создают путем самоорганизации некую негосударственную общность людей, объединенную по различным признакам в определенные формирования и действующую в целях удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей и реализации потенциальных возможностей сообщества и отдельных личностей» [6, с. 142]. Следует признать, что в данном случае перед нами не один объект, а несколько. Поэтому и изучать его должны ученые, имеющие разные специализации. Но как они достигнут конвенции на поле междисциплинарности? Вопрос дискуссионный.

Трудно поставить под сомнение тезис о том, что ГО – современная форма человеческой общности. ТГО, возникшую в эпоху Нового времени, уместно считать исключительно пропедевтической, так как ее объект имел отличный от нынешнего набор атрибутов (связей, отношений). Этот объект был погружен в совершенно иной культурно-исторический «резервуар», его предикаты формировались в пространстве самобытного (идиографического) и, соответственно, не редуцируемого к современности мировоззренческого гештальта.

Уместно, считают некоторые исследователи, различать три типа ГО: античное, новоевропейское, современное. «Эти типы качественно различны, имеют различные базовые ценности. Античное гражданское общество было обществом доблести. Гражданское общество Нового времени – обществом торговли и частного интереса, современное – обществом толерантности и личной ответственности. При всей фундаментальной разнице их объединяет одно – центральная фигура – гражданин. Поэтому самым общим, кратким и безупречным определением гражданского общества будет такое: «гражданское общество – это общество граждан» [3, с. 117]. Лишь в отношении современного этапа развития ГО допустимо использование эмпирических методов и в редких случаях – методов математических. Предикаты античного и новоевропейского ГО исследователь способен только реконструировать, они полностью во власти идеографической методологии.

Следует признать, что ТГО демонстрирует многие черты гносеологического релятивизма (который, следует отличать от релятивности). Черты релятивизма: многозначность, условность, ситуативность, контингентность, субъективность познания. Релятивизм – подход, согласно которому, поиски истинного знания избыточны, ибо нет достоверных теорий, адекватно отражающих реальное положение дел, все они равнозначны и равноправны. П. Фейерабенд пишет: «Для каждого утверждения, теории, точки зрения, которые приняты (считаются истинными), существуют аргументы, показывающие, что конкурирующая альтернатива столь же хороша, а может быть, даже лучше» [7, с. 100]. Только на практическом уровне, после продолжительной апробации, определенная концепция ГО может быть принята в качестве условно правдоподобной. У Запада нет «патента» на ТГО. Он не имеет оснований для навязывания собственного видения социальной реальности, а также имплементации неких проектов в жизнь. ГО, конструируемое с помощью принуждения – нонсенс. То, что ростки ГО появились в Западной Европе и западные мыслители первыми осуществили анализ ГО, ни о чем не свидетельствует. Иначе мы должны признать, что философия принадлежит грекам, а классическая механика, по причине великих открытий Галилея и Ньютона, итальянцам и англичанам.

Добавим, что объект, именуемый «гражданин», можно погрузить в проблемные матрицы различных наук. Это история, социология, антропология, политология, юридические дисциплины, социальная философия и т. д. Данные области знаний возникли и сформировались, пройдя самобытный и сложный эволюционный путь, отнюдь не одновременно. Они имеют собственные операциональные критерии и процедуры, оригинальные понятийные аппараты. Другими словами, аномалии и противоречия в понимании объекта неизбежно будут иметь место еще и на дисциплинарном уровне.

С нашей точки зрения, понятие ГО говорит о том, что объект (объекты), на который он указывает, является абстрактным (абстрактными). И эта абстракция в современных исследованиях отражает исключительно состояние социума второй половины XX – начала XXI столетия. ГО – гармоничное, имманентно свободное начало социальности, которое самоорганизуется за счет конвенций (в т. ч. и с государством). ГО уходит в область конкретного, когда насыщается адекватными исторической ситуации правовыми основаниями. Только при наличии правового базиса возможна реализация социальных программ под эгидой ТГО. Эти программы предполагают: 1) наличие «точек сборки» общих и единичных интересов; 2) легитимный контроль власти со стороны общества; 3) отношения партнерства между государством и обществом; 4) стабильный социальный порядок, политическую устойчивость, материальное благосостояние большей части общества. Наиболее уязвимым является первое положение, ибо современный социум невозможно в принципе редуцировать к некому набору общих интересов. Не

стоит забывать и о часто диаметрально противоположных интересах отдельных государств. Поэтому представить себе существование некоего вселенского ГО невозможно. Апелляции к ТГО в целях создания «демократических» обществ за пределами Западной цивилизации – контрпродуктивны. Уже потому, что объекты социальной реальности на региональном уровне – не тождественны. Насильственное построение ГО – утопия. Реализация остальных пунктов также имеет множество препятствий. Следовательно, ГО имеет черты гипотетического объекта.

ГО есть смысл рассматривать в качестве социального проекта. Априорная проблематичность полной реализации такого проекта, относительность интерпретаций фундаментальных свобод, релятивность общественных отношений позволяют говорить о том, что ГО – это теоретический инструмент, пусть и апробированный в ареале западной цивилизации (пока нет оснований утверждать, что однозначно успешно). Это своего рода не жесткая инструкция по выявлению новых подходов к исследованию реального социума и построению нового *возможного* общества достатка, свободы, творчества, правовых гарантий. Такое общество можно рассматривать как цель, достижение которой проблематично, хотя и желательно. Любое социально-философское исследование является конструктом, проектом, который может быть реализован, а может быть, и нет. В конструкте обязательно присутствуют противоречия, ошибки, аномалии, он неизбежно будет диссонировать с реальностью.

Как отмечает О. С. Волгин, сколько бы ни писали о ГО, само это понятие по-прежнему остается проблемным. Оно не попадает ни в одну известную классификацию. ГО не вписывается в марксистскую формационную «пятичленку» Его нельзя поставить в парное отношение к азиатскому способу производства. Оно не ложится в триаду «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное» общество. Не является антиподом «атомистического общества». Его нельзя поставить в понятийный ряд с обществом тоталитарным, авторитарным или демократическим, хотя демократический стиль организации органично и присущ ГО. Оно не есть общество в таком значении, в котором мы ставим знак равенства между обществом и государством. ГО не представляет собой совокупность множества самостоятельных, добровольных, самоорганизующихся сообществ, потому что давать определение чему бы то ни было через указание на совокупность составляющих его частей, является логически ошибочным способом [3, с. 116].

Заключение. Подвижность и семантическая насыщенность социальной реальности, ее историческая изменчивость и принципиальная контингентность требуют применения специфической познавательной матрицы. Программы исследования ГО аксиологически нагружены, конвенционально и ситуационно зависимы. Они базируются на неклассической логике, предусматривают использование недемонстративных умозаключений, нагружены предположениями, ориентированы на доминирование оценок над проверяемыми дескрипциями.

ГО – идеальный объект, с явными чертами гипотетического конструкта. К ТГО не применим предикат «истинная», но лишь «правдоподобная», «релевантная». Каждая наука «вырезает» из объекта, именуемого «ГО», свои базовые предикаты. Отдельные науки облекают предикаты преимущественно в качественные (не измеряемые, не переводимые на язык математики) понятия. Атрибуты этих понятий не поддаются однозначному эмпирическому тестированию. Относительной строгостью обладают лишь правовые трактовки ГО, ибо в юридических науках имеется устойчивый, общезначимый и необходимый массив осмысленной информации в лице нормативно-правовых актов. В отношении ГО номотетические методы не применимы. Релятивность объекта ТГО продуцирует нестабильность объяснений и вариативность прогнозов. Есть основания рассматривать ГО как множество дисциплинарных объектов.

На роль базовых предикатов объекта ТГО претендуют свойства и отношения, выражаемые с помощью следующих понятий: «гражданин» (пожалуй, единственное понятие, претендующее на статус конкретного), «свобода», «справедливость», «консенсус», «общественная гармония», «толерантность», «солидарность», «ответственность», «интерес», «потребность», «жизненный мир», «дискурс». А также: «институционализация», «гармонизация», «легализация», «общественный порядок», «власть», «государство», «самоуправление», «общественная группа», «политическая стабильность», «частная собственность», «материальное благополучие».

Проблематичность внедрения идей ТГО в жизнь состоит в противоречии между теорией и практикой. То, как видят объект ученые, и то, каким он есть в реальности (если он вообще есть) – разные сущности. Наличные теории ГО релятивные, телеологически и функционально разнообразные. Положения ТГО не прошли достаточной апробации. Некоторые из этих положений отличаются утопизмом и оказались фальсифицированными вне пространства Западной цивилизации. Несмотря на это, ведущие западные интеллектуалы и политики продолжают настаивать на адекватности ТГО, по сути, превращая данную теорию в догму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Эвандро Агацци; пер. с англ. Лахути Д. Г.; под редакцией и с предисловием Лекторского В. А. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 688 с.
2. Арато А. Гражданское общество и политическая теория / Арато Э., Коэн Дж. Л.; пер. с англ.; общ. ред. И. И. Мюрберг. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 784 с.
3. Волгин О. С. Еще раз о понятии «гражданское общество»: философский аспект / О. С. Волгин // Философские науки. – 2018. – № 10. – С. 114–129. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-114-129.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Ральф Дарендорф; пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002. – 284 с.
5. Колесникова Н. А. Гражданское общество в современной России: Монография / Н. А. Колесникова, Е. Л. Рябова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
6. Шамаров В. М. Гражданское общество: содержание понятия / В. М. Шамаров // Вестник Екатерининского института. – 2019. – № 3 (47). – С. 137–146.
7. Фейерабенд П. Прощай, разум / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: Астрель, – 2010. – 480 с.

Поступила в редакцию 05.09.2021 г.

CIVIL SOCIETY AS A SCIENTIFIC OBJECT

I.I. Bartagariyeva

The object of the civil society theory is explored in terms of Evandro Agazzi's idea of scientific objectivity. There are analyzed existing definitions of the notion in question. Besides, the author gives her own contextual definition of civil society. Basic predicates of civil society are highlighted. It is determined, that this object has the following gnosiological traits: weakness of the operational (empirical) basis, relativity and meaningful instability of the basic predicates, hypothetical character. The relativity of the object of the civil society theory results in instability of explanatory schemes and forecast variability. It also leads to discrepancy between theory and practice. There are emphasized gnosiological advantages of legal interpretations of civil society.

Key words: object, objectivity, civil society, theory of civil society, relativity.

Бартагариева Ирина Ириковна
Старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: ira@donnu.ru

Bartagariyeva Irina Irikovna
Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SEI HPE "Donetsk National University",
Donetsk, DPR.
E-mail: ira@donnu.ru

УДК 791.43.01

РОЛЬ ТИШИНЫ В ЗВУКОВОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

© 2021. *Е.С. Беломоина*

В статье проанализирована роль тишины в звуковом кинематографе, представлены теоретические разработки теоретика кино Мишеля Шиона. В статье исследованы фильмы Ф. Феллини, А. Хичкока, Ф. Ланга на предмет использования режиссерами тишины в немом и звуковом кинематографе.

***Ключевые слова*:** тишина, немое кино, звук, звуковой кинематограф, зритель, кинематографическое восприятие.

Введение. Когда в контексте кино упоминается понятие тишины, первое, что возникает в воображении, – это немой кинематограф. На самом же деле немое кино никогда не было немым – его персонажи говорили. Отсутствие доступной технической возможности записи и синхронного воспроизведения звука в фильмах первых десятилетий существования кинематографа, а именно совокупности этих фильмов принятого называть «немым кино», компенсировалась специфической выразительностью актерской игры, субтитрами, иногда музыкальным аккомпанементом. В техническом плане выразительность достигалась чрезвычайно хорошо развитыми средствами монтажа. Именно поэтому, во вполне дерридианском смысле, дозвуковое кино никогда не было «немым» [2]. Более того, «глухое кино» (термин Шиона), до появления звукового, не осознавало своего «изъяна». Настоящая тишина впервые появилась именно в звуковом кинематографе, поэтому, собственно, и говорить о понятии тишины в кино можно лишь в контексте звукового кинематографа.

Целью статьи является философско-эстетический анализ тишины в звуковом кинематографе и определение основных ее разновидностей.

Основная часть. Звуковому кино пришлось пройти нелегкий путь поиска новых средств художественной выразительности, потому что, как ни странно, звук «отобрал» у фильма понимание, однако принес с собой новый компонент, организующий внимание зрителя, – акустический [1]. Именно поэтому, после безумного успеха первой звуковой киноленты «Певец джаза» 1927 года, так много режиссеров немого кинематографа резко выступили против появления звука. Однако звук, «в сотни раз усилил имитативную мощность важнейшего из искусств (а также и его пропагандистский потенциал), лишь добавился к массовому процессу непрерывной артикуляции и производства максимально понятных, а не проблематичных смыслов» [2]. И все же, самое главное, по мнению Ф. Феллини, что принес с собой звук в кинематограф, – это тишина [3]. Именно звуковой кинематограф впервые позволил показать немоту, хотя последняя, как невозможность высказывания, за редким исключением, до сих пор игнорируется кинематографом [2].

Немота, так же, как и оппозиционный ей звук, всегда имеет источник своего происхождения, и таким источником, по мнению французского теоретика кино М. Шиона, выступает фигура немого кино. М. Шион в своих кинематографических исследованиях упорно уделял особое внимание звуковой составляющей кинолент в целом и тишине как отсутствию звука в частности. Именно поэтому в рамках этого исследования мы считаем целесообразным представить теоретические разработки М. Шиона, однако не ограничиваться ими.

Говоря о немом, сначала нужно четко уяснить разницу между собственно немотой (mutité) и молчанием (mutisme) [4]. В первом случае речь идет о физической

неспособности говорить, которая может быть вызвана поражением центральной нервной системы или какого-то органа. Второй случай представляет добровольный или принудительный отказ говорить, что также может быть вызвано психологическими факторами, но без поражения центральной нервной системы или какого-то органа. Итак, когда в киноленте появляется немой, сразу же возникает вопрос: он не хочет говорить или не может? В этом и заключается первая определяющая черта существования фигуры немого в кино. Сознательно или бессознательно, уже самим своим появлением в кадре этот персонаж вызывает сомнения. Наличие немого всегда предполагает присутствие другого человека в том же самом пространстве, ведь лишь в сравнении зритель может осознать разницу между персонажами. Когда в кадре остается только один персонаж, это не обязательно означает, что он будет держать монолог, то есть говорить, наоборот, чаще всего персонаж начинает действовать или размышлять, что редко сопровождается голосовым комментарием. Поэтому, очевидно, для того чтобы удостовериться в немоте персонажа, его нужно увидеть рядом с другим персонажем, в котором, словно в зеркале, эта немота станет явной.

Немой почти никогда не бывает главным персонажем, обычно он является второстепенным, маргинальным, но всегда значимым. Киноленте он нужен для придания сюжету некой мистичности, загадочности. Присутствие немого в кадре беспокоит, смущает, он обязательно является катализатором, и, в определенной степени, инструментом [4]. Его фигура часто отождествляется с фигурой хранителя тайны, что, собственно, и является его главной задачей в кинокартине. Фактически, все вышеперечисленное можно свести к одной простой формуле: есть немой – внимание: есть тайна. Тайна в основном бывает очень неприятной: проявления предельной жестокости, криминальных событий (немой может быть свидетелем убийства) или же может иметь черты мифического секрета [4]. В таком случае фигура немого в киноленте становится выразителем определенного рода упрека, немого упрека, а сам немой отождествляется с совестью. Собственно, чаще всего именно с этой целью фигура немого и вводится в сюжет. Его молчаливая фигура вызывает чувство беспокойства, и даже некомфортности как у других персонажей, так и у зрителей, ведь создается впечатление, что весь мир виноват в том, что он немой.

Знание немого не лимитировано, структура кинолент, содержащих подобный персонаж, предполагает, что он всегда знает все, по крайней мере почти все. Немой выступает в роли персонажа, который множеством сюжетных линий всегда связан с другими героями, часто он проясняет, эксплицирует их действия. Он знает последнее, такое нужное слово, но не может или не хочет поделиться им с другими. Он – самый надежный хранитель, вместилище слова, и с уверенностью можно сказать, что это слово никогда не заменит своего вместилища и не станет общим достоянием. Как и в подавляющем большинстве физических увечий, немота часто становится показателем необычайного гипертрофированного чутья другого органа. Считается, что немой почти на физическом уровне может увидеть больше, он может и даже должен видеть все (возможно, именно отсюда и происходит осознание немого как того, кто все знает).

В кинолентах Ф. Феллини немой является тем глазом, что смотрит и, самое главное, видит. Часто немой может читать по губам, даже если говорящий человек находится на очень большом расстоянии (примером может быть немой мальчик из фильма Жака Турнера из прошлого (Build my Gallows High) (1947 года). Итак, немой является неким свидетелем, глазом, мимо которого ничто не пройдет незамеченным. Так же у зрителя складывается впечатление о постоянном присутствии немого, он как будто является вездесущим. Иногда даже непонятно, каким образом он передвигается в пространстве. Немой – фигура, не связанная с голосом, и, следовательно, может быть ангелом или дьяволом, в некотором смысле. Очень часто в кинолентах немой персонаж

появляется в кадре совершенно странным образом: иногда даже невозможно установить путь, которым он попал в кадр. Итак, немой знает все, или почти все; видит все, или почти все; присутствует повсюду, или почти повсюду одновременно. Складывается такое впечатление, что немой выступает в роли странного мольфара: знаю, вижу, но не скажу. Так оно и есть, определенным образом немоту в кинематографе можно прочитывать как зеркальное отражение, своеобразную обратную сторону акусматического голоса. Акусметр, как голос без тела, и немой, как тело без голоса. И хотя они и являются антиподами, немому персонажу присущи те же свойства, что и акусматическому голосу.

Конечно же, роль немого персонажа не всегда является такой могущественной, наоборот, чаще всего она даже и не второстепенная, а вообще просто вспомогательная. В таком случае немой выступает как силуэт, как тень. Он может быть превосходным служкой, непревзойденным официантом, хорошим клерком. Он может подать кофе и пирожные и его никто не заметит: ни зритель, ни другие персонажи. Но такой тенью он остается лишь до того мгновения, пока кто-то к нему не обратится. В этот самый миг даже самый незаметный из немых персонажей превращается в объемную фигуру, совершенно неограниченную и важную. Именно этот момент столкновения двух персонажей – немого и говорящего, – и является чрезвычайно интересным, а, следовательно, должен быть острым. Такая сцена предстает как противопоставление, как, в определенном смысле, показ обратной стороны, как оппозиция, где есть норма и девиация. Здравый смысл подсказывает, что нормальным является тот, кто говорит, но действительно ли это так? Немота является неизбежным следствием и условием речи так же, как и смерть является неизбежным следствием и условием жизни. Исходя именно из этого принципа, М. Шион и делает вывод о том, что в художественном фильме немота является определенной привилегией [4].

С точки зрения назначения все роли немого персонажа М. Шион условно разделяет на три группы. Первая группа, которая, вероятно, является самой большой, представляет немого в роли тени, служки, совести. Он может явиться, чтобы предупредить о смерти или принести какую-нибудь другую горькую весть. Такой была роль Чарльза Бронсона в фильме «Однажды на Диком Западе» (1968 г.), балерины в черном в хичкоковском фильме «Разорванный занавес» (1966 г.). Что касается роли служки, то немой официант или служанка давно уже стали харизматичными образами для кинематографа. Немые персонажи, роли которых можно отнести ко второй группе, включающей в себя объекты желания, которыми невозможно овладеть, встречаются в кинематографе гораздо реже. Одним из примеров такой роли немого является юный красавец из киноленты Ф. Феллини «Сатирикон», который остается немым даже тогда, когда три мужчины между собой решают его судьбу, и, едва улыбаясь, кажется, остается счастливым. На протяжении всего фильма он остается немым, кроме единственного момента, того, когда он совершает собственный выбор между двумя друзьями, говоря: «ты». Голос, которым он произносит это единственное слово, совершенно не соответствует его внешнему виду, что производит на зрителя еще более удручающее впечатление. К последней, третьей группе относятся все остальные случаи, в которых немой персонаж не является служкой, не исполняет чужих желаний, зато представляет собой определенный символ. Он может быть символом метаний, некой потерянности. Третья группа совсем немногочисленна, но от того не менее значима. Вообще, все указанные функции немого персонажа действительны не только для кинематографического образа, но и для других видов искусства, таких как театральное представление или роман. Исходя из всего сказанного выше, М. Шион говорит о существовании двух разновидностей немых персонажей: 1) кинематографический немой (le muet cinématographique) то, что отсылает к первичным источникам

кинематографа, туда, где находится «большая тайна», которую немой и охраняет; 2) фильмический немой (le muet cinéma) – отсылает к кинематографическим средствам, таким как завесы, укрытия... Он по-новому ставит вопросы целого и части и предлагает их решения в художественных кинолентах. И, что самое важное, он отсылает к статусу голоса, речи и речи в кинематографе.

Как уже отмечалось, тело без голоса отсылает к рассмотрению изменения порядка, а, следовательно, к голосу без тела, то есть акусметра. Согласно этому принципу упорядочена фильмическая система киноленты «Песня Индии». М. Дюрас удалось построить сложную систему постоянного перехода от одного порядка к другому, постоянное колебание между показом немых тел и презентацией бесплотных голосов. Выразительность достигается с помощью видеоряда, а также средствами звукоряда. Интересной является симметричная взаимосвязь между голосом без тела, принадлежащего полноценному акусметру, и немым персонажем. В обоих случаях (голос без тела и тело без голоса) предполагается, что персонаж в той или иной степени является всевидящим, вездесущим и всезнающим. В обоих случаях границы его существования и границы его тела невозможно определить, хотя он и находится в рамках определенной роли, определенного места, а его действия лимитированы. Наконец, в обоих случаях открытие то ли голоса, то ли тела, то ли лица разбивает, полностью разрушает определенный шарм, привлекательность, переводит персонаж из привилегированной категории в категорию обычной, обыденной. Это открытие моментально уничтожает некую полумистическую ауру, что всегда сопровождает персонажей такого рода. Происходит кое-что, очень похожее на эффект фрустрации – крушение мечты, к которой очень долго идешь, мечты, которая ценна именно потому, что недостижима, а следовательно, самая желанная. Именно такую фрустрацию можно увидеть в кинолентах «Человек-слон» Дэвида Линча, «Номер семнадцать» Альфреда Хичкока и в бергмановской «Персоне», когда немые начинают говорить. На этом, собственно, общие черты и в определенной степени некоторый параллелизм между акусматическими и немыми персонажами заканчиваются, поскольку эти действующие лица все же принадлежат к двум противоположным кинематографическим полюсам. На первом полюсе находится картинка без звука, образ, созданный еще немым кинематографом. В своем арсенале этот образ еще имеет крайний случай желания условно немого заговорить. Другой полюс представлен голосом без образа, без физического тела, без картинки. Это также может быть голос, который надвигается на зрителя с совершенно черного экрана, полюс, к которому и сегодня часто обращается так называемый экспериментальный кинематограф, но уже довольно широко представленный классическими кинолентами. В них голос возникает на фоне черного экрана с субтитрами, или выходит из черной глубины между двумя эпизодами, или льется с экрана, что демонстрирует совершенно абстрактную картинку, какой-то пейзаж [4]. Поэтому разница между двумя полюсами является очевидной, значимой и весомой.

Голос, который называют sound-off, существует в кинематографическом пространстве и функционирует в нем почти полностью самостоятельно и независимо. Он является центром, главной фигурой, комментирует, напоминает, помогает представить, рассказывает... В отличие от него немой персонаж очень редко бывает центральным, потому что почти всегда существует как вспомогательный. Как уже отмечалось, рядом с ним всегда должен существовать другой, тот, кто своим присутствием предоставит немому определенные функции, обращаясь к нему, тот, кто его раскроет как немого. Иными словами, для того чтобы появился немой, совершенно необходимым условием является присутствие по крайней мере двух персонажей в кадре. Голос без тела и тело без голоса также могут существовать как две половинки, разделенные в совершенно мистический, необъяснимый способ, ярким примером чего может быть кинолента

Фрица Ланга 1932 года «Завещание доктора Мабузе». Эта кинолента дает возможность проследить за тем, каким образом Мабузе-без голоса выходит за грани немого кинематографа, трансформируясь в Мабузе-без тела. Интересно, что в ленте во время этого процесса, несмотря на всю глубину трансформаций, происходит укоренение мифа. Нельзя сказать, что Мабузе постоянно завладевает другим голосом, голосом, что выпадает за пределы всеобщего внимания. Наоборот, ценой, которую он платит за сохранение бессмертия его бренного тела, всегда есть некая неполноценность. Мабузе очень похож на египетского бога Осириса, который всегда является неполным, у него постоянно недостает какой-то части. Именно поэтому он должен демонстрировать свое существование и свое могущество с помощью подручных, временных средств.

Вполне справедливо мнение, что немой персонаж в кинематографе является своеобразным эквивалентом не только акусматичного голоса, но и театрального мима. Ведь искусство пантомимы, так же, как и немой персонаж, предполагает наличие определенной системы договоренностей со словом. Вообще, можно говорить о существовании почти вечной оппозиции пантомима/театр, которую можно бесконечно сравнивать с другой, не менее известной оппозицией – немой кинематограф/звуковой. Общим в этих оппозициях является то, что их последний компонент постоянно обращается к первому. Именно поэтому Чарли Чаплин, который в течение длительного времени неистово противостоял звуковому кинематографу и который признавал немой кинематограф искусством, максимально приближенному к пантомиме, очень хорошо знал, что на самом деле немое кино – это не только и не столько «записанная на пленку пантомима», так же, как и звуковой кинематограф не является записанной на пленку театральной постановкой.

Как это часто бывает, в период появления первых звуковых лент никто и не говорил о них как о рождении нового искусства, всегда рассматривая лишь в контексте старого жанра. В фильме Марселя Карне «Дети Райка» (1945 г.) рассказывается полуанекдотическая история, ставшая замечательной иллюстрацией этого. В зените своей славы великий мим Дебюро убивает актера, который постоянно преследует его жену. И вот судебный зал, в котором проходил процесс, на множество дней превращается в место паломничества всех парижан и гостей города. Люди идут для того, чтобы, наконец, услышать голос великого мима. Именно этот голос и становится самой большой проблемой защиты, ведь убитого знали все, а человек, оказавшийся на скамье подсудимых, в одно мгновение, едва открыв рот, из самого известного мима страны превратился в сплошного незнакомца. Эффект Дебюро заключается именно в том, что зритель постоянно хочет знать больше, он постоянно хочет заглянуть за занавес.

Кинематограф и сегодня продолжает использовать так называемый эффект Дебюро. Кинопародия Мела Брукса «Немое кино» (1976 г.) представляет собой очень странный сплав из звуков и музыки и совершенно не использует слов. Актер Мел Брукс, воссоздавая знаменитый образ мима Марсо, на протяжении всего фильма остается немым, даже не разжимая рта. Из его уст срывается единственное за весь фильм слово: «нет!» – как ответ на сделанное ему предложение. Очевидно, что и в «Немом кино», и в «Детях Райка» активно демонстрируется тесная связь между жанром пантомимы и немым кинематографом. В обоих фильмах также противопоставляются жанры искусства, которые не требуют использования голоса, и жанры, в которых голос играет едва ли не ведущую роль, – театр и звуковой кинематограф. В «Детях Райка» немота Дебюро является залогом его невиновности: и именно поэтому, совершив преступление, убив человека, он должен открыть свой голос публике. Можно утверждать, что в этом случае открытие голоса и является настоящим наказанием за совершенный грех. В «Детях Райка» создана определенная невозможность, определенное проклятие, что обыгрывалось связями речи и желание, а немой играл роль обличителя

и был тем местом, в котором происходит проекция. В фильме восстановлен миф о невинности и о вероятном всеведении немого кинематографа, оставляя немого персонажа вечным хранителем «великой тайны». К сожалению, в своих исследованиях Н. Шион рассматривает лишь того немого персонажа, который остается немым в течение всего фильма, а этот вид «кинематографической немоты» не так уж и часто используется в кинематографе. Гораздо чаще в нем встречается такое художественное средство, как внезапная тишина, или же внезапная немота.

Выводы. Уже на раннем этапе существования звукового кинематографа режиссеры начали воспринимать звук как средство, которое повышает свободу художественного выбора, отчасти используя эту свободу. Ю. Лотман и Ю. Цивьян в книге «Диалог с экраном» приводят пример чрезвычайно удачной игры со звуком французского режиссера Р. Клера в ленте 1930 года «Под крышами Парижа». Сцену ссоры двух друзей камера презентует через стеклянные двери кофейни (на первом плане – буквы на стекле), которые полностью «глушат» звук, а следовательно, зритель может лишь догадываться о словах. Таким образом, убрав звуковую составляющую и оставив зрителю лишь визуальный поток информации, режиссер породил незнание, а следовательно, и волнение, беспокойство, страх из-за невозможности прогнозирования последствий. Следовательно, можно вполне согласиться с Ю. Лотманом и Ю. Цивьяном, которые утверждают, что «молчание кадра, его беззвучность в эпоху звукового фильма – одно из самых сильнодействующих художественных средств» [1], ведь «неожиданное полное отключение звука может повлечь на аудиторию современного кино почти шокирующее влияние, создавая атмосферу угрозы, трагедии, таинственности и т. д.» [1].

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на выявление и описание феномена тишины в кинематографе XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном / Ю.Лотман, Ю. Цивьян. – «Александра» Таллинн. – М., 1994. – 221 с.
2. Майзель Е. Великий немой, или Кино без иллюзий // Искусство кино. – 2007 – №4 [Электронный ресурс] / Е.Майзель. – Режим доступа: https://old.kinoart.ru/archive/2007/04/n4-article18 (дата обращения 16.09.2021).
3. Филиппов С. Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа. Пролегомены к истории кино // Киноведческие записки. – 2001 – № 55 – С. 149-196.
4. Chion M. La Voix au cinéma. – Paris: Edition de l'Etoile, 1993 – P. 90

Поступила в редакцию 10.09.2021 г.

THE ROLE OF SILENCE IN SOUND CINEMA

E.S. Belomoina

The article analyzes the role of silence in sound cinema, presents the theoretical developments of Michel Chion. The article examines the films of F. Fellini, A. Hitchcock, F. Lang for the use of silence by directors in silent and sound cinema.

Key words: silence, silent cinema, sound, sound cinema, viewer, cinematic perception.

Беломоина Екатерина Сергеевна
Кандидат философских наук,
доцент кафедры кино-,телеискусства ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М.Матусовского», Луганск, ЛНР.
E-mail kateturneeva@mail.ru

Belomoina Ekaterina Sergeevna
Candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Film and Television Arts Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M.Matusovsky, Luhansk, LPR.
E-mail kateturneeva@mail.ru

УДК 18:7.01

ЭВОЛЮЦИЯ ЭСТЕТИКИ ЦВЕТА

© 2021. ***О.В. Гурская***

Статья посвящена истории развития эстетики цвета в парадигме двойственной структуры цвета как эстетического объекта, представляющего собой знаково-символическую модель на основе физических данных, продуцирующую в человеке эмоциональные переживания. Знаково-символическая модель цвета анализируется семиотическими методами. Эстетические эмоции, продуцируемые цветом, формируют эстетическую ценность цвета как объекта. В статье рассмотрены эстетические модели цвета античной философии (Демокрит, Платон, Аристотель), христианской символологии (Дионисий Ареопагит), а также концепции эпохи Возрождения, учение о цвете И. В. Гёте, физические модели цвета и современная эстетическая теория цвета, разработанная в трудах по хроматизму Н. В. Серова.

***Ключевые слова*:** эстетика, эстетика цвета, история эстетики, символология, цветоформирование, эстетический объект

Эстетика как наука о формах чувственного познания мира двойственна по своему предмету. В эстетике изучаются эстетические объекты, обладающие эстетической ценностью. Эстетический объект представляет собой знаково-символическую модель события, фундированную в объективном окружающем человека физическом мире природных объектов и процессов. Однако эстетическая ценность эстетического объекта не является свойством ни физических объектов, ни их знаково-символической модели. Эстетической ценностью обладает эстетическое чувство индивида, возникающее в процессе общения с знаково-символической моделью [4, с. 94–95]. Таким образом, эстетика изучает как знаково-символические модели событий, так и вызываемые ими чувства. Эстетика не изучает физические модели событий, ее предметом являются знаково-символические модели с одной стороны и эмоции человека с другой. При анализе цвета как эстетического объекта нужно учитывать обе его стороны – как знаково-символическую, так и чувственную. Рассмотрим основные этапы становления эстетики цвета.

Эстетика цвета начала формироваться еще в античности. Философское осмысление цвета имело место также в рамках христианской религиозной мысли. Цвет привлекал внимание мыслителей эпохи Возрождения. Становление новоевропейской науки в XVII – XVIII вв. привело к первым попыткам дать научный взгляд на проблему цвета, но только в XX веке эстетика цвета сформировалась как философская наука.

Цвет является предметом размышления античных философов в контексте общей онтологической и гносеологической проблематики. Для Демокрита цвет вторичен по отношению к геометрической форме атомов, хотя и безусловно принадлежит самим вещам. Платон и Аристотель поднимают проблему цвета в связи с онто-гносеологическим разделением мира на мир неизменных умопостигаемых идей и изменяющихся чувственно-воспринимаемых вещей [8, с. 5]. К умопостигаемому миру принадлежит свет, модификации которого в мире чувственно-воспринимаемых вещей порождают разные цвета. В античной философии особое внимание уделяется как физической природе цвета, так и его символическим функциям, но практические не разработано учение об эмоциях человека, вызываемых тем или иным цветом.

Демокрит относится к философами-досократикам. Он создал оригинальное учение о цветах независимо от Платона. После Платона каждая возникающая философская

система испытывала сильное влияние платоновской философии и вынуждена была считаться с теориями Платона даже критикуя и опровергая их. Рассмотрим учение Демокрита, затем теорию цвета Платона, а из послеплатоновских философов остановимся на Аристотеле как самом влиятельном авторе смыслопорождающих текстов, играющих большую роль в эстетике цвета в течение столетий вплоть до XVII века.

Демокрит написал трактат «О цветах», до нас не дошедший. Этот трактат известен по изложению ученика Аристотеля Теофраста, который дал критику теории Демокрита с аристотелевских позиций [11, с. 513]. Учение Демокрита о цвете излагает и анализирует А. Ф. Лосев в своей фундаментальной работе об античной эстетике [11, с. 513-529].

Демокрит постулирует существование четырех простых цветов: белого, черного, красного и желто-зеленого. Все остальные цвета он считает результатом смешения простых цветов. Этот принцип в дальнейшем будет использоваться во всех античных теориях цвета, включая концепции Платона и Аристотеля. Разница между философскими системами возникает при определении основных цветов и объяснении их природы.

В философии Демокрита цвет является производной от формы атомов. Белым является то, что гладко, белый цвет имеют тела, состоящие из гладких круглых атомов. Черный цвет порожден грубыми и шероховатыми атомами. Красное состоит из тех же атомов, что и теплое. О них Демокрит говорит, что эти атомы большие, а родство красного и тепла выражается в том, что при нагревании тела краснеют. Желто-зеленое состоит из смели плотного и пустого в разных пропорциях.

А.Ф. Лосев подчеркивает путаный характер эстетики Демокрита, однако указывает, что теория цвета Демокрита носит в целом не физический, а эстетический характер [11, с. 527–528]. Свои простые и смешанные цвета Демокрит находит в разных предметах, подмечает, что цвета являются характеристиками эстетического объекта, связывает цвета и их появление с формой предметов, однако дальше случайных замечаний о грубости черного и яркости красного Демокрит не идет. Анализируя эстетику цвета Демокрита с позиций двойственной структуры эстетического объекта, можно сказать, что у Демокрита нет представления о знаково-символической природе цвета, он характеризует цвет целиком как природный объект. Чувственную сторону цвета Демокрит, судя по дошедшим до нас данным, не анализирует систематически, хотя некоторые замечания на этот счет у него присутствуют.

Эстетику цвета у Платона рассматривает А. Ф. Лосев [10, с. 690–700]. Платон касается философии цвета в разных своих произведениях. Особую роль цвет играет в диалогах «Тимей» и «Государство», посвященных онтологическим и гносеологическим проблемам.

Цвет у Платона непосредственно связан со светом, поскольку возникает при прохождении света через какую-то среду [10, с. 697]. Свет же играет центральную роль в онтологии и теории познания Платона. Солнце, излучающее свет, в онтологии Платона является зримым проявлением Блага, богом, оживляющим всё. В знаменитом мифе о пещере из диалога «Государство» свет, испускаемый солнцем, является символом истинного бытия, в отличие от теней, которые видят на стене пещеры ее узники. Познание истинного бытия, символизируемого светом, делает возможным любое другое познание, то есть свет играет решающую роль и в гносеологии Платона.

Центральное место категории света в учении Платона приводит и к повышенной значимости цвета, который, однако трактуется двойственно: цвет имеет природную основу, но в то же время находится на небе и обладает космическим характером [10, с. 694]. Платон выбирает четыре основных цвета: белый, черный, красный и яркий (блестящий). Из них образуются естественные цвета, которые одновременно являются

символами космических и бытийных сущностей: белый цвет подобает божественному, блестящий – Солнцу, желтоватый – Сатурну и так далее. Конкретные же цвета образуются из смеси и соединения естественных цветов, включая белый и черный. Таким образом, Платон строит свою эстетику цвета на основе своей онтологии: обычные цвета земной действительности являются изменчивым отражением идеальных цветов и божественного света.

Анализируя это учение с позиций бинарной природы эстетического объекта как знаково-символической модели, порождающей эмоции, мы можем сделать вывод, что Платон уделяет основное внимание первому элементу, но не касается второго. Платон еще не строит знаково-символической модели цвета, однако связывает цвет с космическими (планеты) и идеальными (Благо, божественное) объектами. Платон, как и все античные философы, склонен отождествлять физическую и символическую модель объекта. Эти модели у него не различаются явно и часто заменяют друг друга. В эстетике цвета Платона можно рассматривать цвета как символические или дейктические знаки идеальных объектов, на основе которых формируется знаково-символическая модель явления, часто совпадающая с его физической моделью. Эмоциональное воздействие цветового объекта на человека Платон не рассматривает.

Оставаясь в русле платоновских идей, строит теорию цвета и Аристотель. Среди работ Аристотеля есть трактат, специально посвященный вопросу о цвете и носящий название «О цветах». Хотя авторство Аристотеля сейчас не принимается, произведение несомненно принадлежит аристотелевской школе и отражает бытующие в ней взгляды на природу цвета. Кроме того, вопросов цвета Аристотель касается в трактатах «О душе» и «О чувственном восприятии и чувственно-воспринимаемом» [9, с. 338]. Учение Аристотеля о цвете изучала современная российская исследовательница С.В. Месяц [13].

Для Аристотеля цвет формируется на основе четырех физических элементов, причем специфическим принципом цветоформирования, как и у Платона выступает свет. Согласно аристотелевской физике, любое тело содержит смешанные в разных пропорциях четыре элемента: землю, воду, воздух, огонь. Два из этих элементов (воздух и вода) прозрачны, а два непрозрачны. Таким образом, каждое тело потенциально содержит какую-то часть прозрачности. Огонь переводит прозрачность из потенциального состояния в актуальное, а актуальная прозрачность представляет собой свет. В меру актуализации света в телах формируются разные цвета, видимые человеком [13, с. 37]. Простые цвета по природе принадлежат самими четырем элементам: воздух, вода и земля белы, огонь желтый, черный появляется при переходе элементов друг в друга [9, с. 348]. Все остальные цвета получаются при смешении простых цветов [9, с. 341].

Усилия Аристотеля как философа направлены на то, чтобы сформулировать физическую теорию цвета. Символике цвета Аристотель не уделяет большого внимания, критикуя эту часть учения Платона. Таким образом, вместо знаково-символической модели цвета Аристотель строит физические модели цвета как природного объекта. Эмоциональной составляющей цвета Аристотель специально не занимается.

Многочисленные философские школы античности не уделяли много внимания эстетике цвета, а когда занимались этим вопросом, оставались в русле демокритовской, платоновской и аристотелевской трактовки, поэтому специально заниматься этими учениями мы не будем. Подводя промежуточный итог античной эстетики цвета с позиций бинарной структуры цвета как эстетического объекта, можно сказать, что античные философы занимались знаково-символической природой цвета в онто-гносеологическом контексте, укореняя цвета в структуре космоса и бытия, соотнося их с космическими и идеальными объектами, и не разделяли четко физические и знаково-

символические модели объектов. Часто у античных философов функции знаково-символической модели цвета выполняет его физическая модель. Несформированность учения о знаке в эту эпоху приводит к тому, что связь цвета с означающим идеальным или космическим объектом считается существующей вечно и основанной на природе космоса. Эстетические чувства, вызываемые цветом, в античности специально не изучались, хотя некоторые случайные несистематизированные замечания на эту тему можно найти.

Роль света и цвета в рамках христианского религиозного мировоззрения от античности до русской религиозной философии начала XX века включительно изучает Исаев А. А. в диссертационном исследовании «Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа» (2006) [8, с. 5].

В христианской патристике к эстетике цвета имеют непосредственное отношение работы Дионисия Ареопагита. До нас дошли четыре трактата («О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О Божественных именах», «О мистическом богословии») и десять писем, написанных на рубеже V – VI вв. и приписываемых ученику апостола Павла Дионисию Ареопагиту [3, с. 7]. Идеи этих работ, известных как «Ареопагитики», оказывали влияние вплоть до XVII века как в западном, так и восточном христианском культурном регионе [Там же]. Идеи и эстетические интуиции как схоластической эстетики в католичестве, так и символической мистики иконы в православии восходят к «Ареопагитикам» [3, с. 140].

Центральное место в учении Дионисия Ареопагита занимает категория света. Согласно унаследованным от античности эстетическим теориям, свет прямо связан с цветом, и эстетика цвета получает новый импульс благодаря переосмыслению категории света.

Как показывает современный исследователь работ Дионисия В. В. Бычков, Красота и Свет в системе Дионисия являются одними из главных имен Бога. Как следствие, «всю систему передачи знания от Бога к человечеству осмысливает как систему эстетического опыта» [3, с. 137]. Метафизика Дионисия Ареопагита представляет собой световую эстетику. Вся небесная сфера наполнена красотой и светом, доставляя человеку, способному с ней соприкоснуться, огромную радость, восторг, воодушевление, энтузиазм, восхищение. Само сакральное знание Дионисий понимает как особого рода сияние, а передачу этого сияния человеку называет фотодосия (светодаяние, светодарение) [3, с. 138].

Знание передается не только в системе церковного опыта, но и в процессе символического толкования текстов христианского канона. Для этих целей Дионисий Ареопагит разрабатывает оригинальную теорию символа, оказавшую огромное влияние во всем христианском культурном ареале. В символологии Дионисия Ареопагита выделяются апофатические символы, катафатические символы (подобные подобия) и неподобные подобия Бога и божественной сферы [3, с. 87].

Апофатические символы указывают на Бога с помощью отрицательно-превосходительных префиксов (нерожденный, сверхразумный) [3, с. 87]. Катафатические символы указывают на божественную сущность, будучи подобны ей. Это подобие не значит, что в Боге имеется именуемое катафатическим символом свойство (красота, мудрость, благость), это означает, что Бог является причиной всех свойств бытия. Подобными в собственном смысле слова могут быть только одноуровневые существа (люди подобны другим людям, ангелы – другим ангелам), а подобие в катафатическом символе идет от Бога к творениям и не идет в обратном направлении [3, с. 88].

Неподобные подобия совершенно несходны с божественным, они безобразны, неприглядны, уродливы. Такой их характер должен оттолкнуть воспринимающего

человека от их формы и направить дух на нечто диаметрально противоположно форме символа – на божественные тайны духовной сферы [3, с. 138].

Свет является катафатическим символом, указывая не только на сакральную сферу, но и на ту восторженную радость, которую человек испытывает, созерцая ее. Античные представления о роли света в формировании цвета не претерпели изменения в христианском мировоззрении. Цвет у византийцев по-прежнему выступает в качестве материализованного света [1, p. 5]. Цвет в византийской эстетике рассматривается преимущественно в живописи, где существует три системы носителей света: система золотых фонов и нимбов; система высветления ликов и наложения пробелов; система красок.

С помощью системы золотых фонов и нимбов создается эффект восприятия изображения, существующего в другом мире. Золотое сияние создает символический эффект, проявляющий смысловую сторону изображаемого события. Система высветления ликов и наложения пробелов позволяет создавать эффект излучения света ликом. Краски в византийской живописи почти всегда светоносны. Исследователь византийской эстетики В. В. Бычков так описывает эстетическое воздействие византийской живописи: «Яркие локальные цвета, включаясь в сложные художественные взаимосвязи, как со светом золотых фонов и нимбов, так и с внутренним светом ликов, создают богатую свето-цветовую симфонию, возбуждающую глубокий эстетический отклик у зрителей» [2, с. 115].

Таким образом, в византийской эстетике, возникшей на основе учения Дионисия Ареопагита о свете, можно проследить значительную эволюции обоих компонентов эстетики цвета. Дионисий уделяет внимание как учению о знаково-символической модели объекта, так и уяснению его эмоционального воздействия. Для работы со знаково-символическими моделями Дионисием создана оригинальная символология, включающая три вида символов: апофатические, катафатические и неподобные. Символология Дионисия нацелена на выявление природы и сущности божества, то есть призвана отразить воплощение сакральной сферы в материальных объектах и в человеческой личности путем фотодосии, передачи светозарности. Таким образом, специфика византийской эстетики заключается в ее предмете, которым является сфера сакрального, а не область чувственно-данных объектов.

С предметом византийского искусства тесно связано и учение об эмоциях в византийской эстетике: фотодосия порождает чувство радости, восторга, восхищения, благоговения, причастности божественным сферам, духовного просветления. Другие эмоции византийская эстетика принципиально не рассматривает, не формирует в человеке с помощью искусства и не изучает.

Тем не менее византийская эстетика представляет собой большой шаг вперед по сравнению с эстетикой античной, поскольку оба компонента эстетического объекта регулируются одним принципом – направленностью на сферу сакрального, и кроме того, в византийской философии создано учение о символе, хотя и относящееся в строгом смысле к семиотике, но использованное в эстетике и для уяснения природы эстетических объектов.

Рассмотренные особенности христианской эстетики цвета составляют ее существенную часть, которая разрабатывалась разными авторами на протяжении полутора тысяч лет, однако в существенных своих элементах не менялась. Среди философов, теологов и религиозных мыслителей, строивших эстетику цвета на основе учения о божественном свете можно назвать Я. Бёме, Ф. Этингера, Е. Трубецкого, П. Флоренского.

В эпоху Возрождения в Европе начала формироваться научная картина мира. Это происходило путем отказа от схоластических католических интеллектуальных форм и возрождения античных философских концепций. Живопись оказалась в центре

культуротворчества эпохи. В философии Леонардо да Винчи живопись – наука всех наук, только ей доступно подлинное постижение мира [12, с. 116]. Хотя цвету уделялось большое внимание, первое место в эстетике итальянского Возрождения занимала форма [12, с. 111]. Это вполне в русле античных теорий цвета, в которых физическая модель объекта смешивается со знаково-символической и часто заменяет ее. Внимание Возрождения к конкретным объектам и явлениям физического мира позволило создать картины, отличные от икон по включению наблюдателя в структуру живописного произведения: в станковой картине выделяется одна точка зрения, позиция наблюдателя [12, с. 114–115]. Решающую роль в этом процессе сыграло открытие и применение перспективы, то есть изучение геометрических структур, а не цветовых моделей. Таким образом, эстетика цвета в эпоху Возрождения играла второстепенную роль, не выходя за рамки античных теорий. В эпоху Возрождения акцент в эстетике цвета делался на физическую модель цветового объекта, а эстетические чувства, порожденные объектом в человеке, не изучались специально.

В XVII веке окончательно оформляется мировоззренческий переворот в западноевропейском культурном ареале, и эстетика цвета развивается в рамках возникших в это время рационализма, сенсуализма и эмпиризма. Необходимо заметить, что самостоятельного значения эстетика цвета не имеет, особого внимания философов того времени не привлекает и рассматривается в контексте учения о первичных и вторичных качествах вещей.

Различение первичных и вторичных качеств проводили Демокрит, схоластики, Галилей, Декарт и Гоббс, однако решающую роль в разработке этих категорий сыграл Д. Локк, гносеология которого подробно изложена в «Опыте о человеческом разумении» (1690).

Как показывает Г. А. Зайченко, «в сенсуалистической и эмпирической программе «Опыта» теория первичных и вторичных качеств занимает особое место. Исходные идеи этой теории сводятся к тому, что ряд качеств, и прежде всего механико-математические качества природы, существуют объективно в то время, как таким качествам, как цвет, запах, теплота, должно быть отказано в праве считаться объективными» [7, с. 82]. В рамках философских направлений рационализма, сенсуализма и эмпиризма в XVIII веке возникло учение Ньютона о свете и цвете, в котором ученый дает физическую модель явлений, не касаясь их эстетического аспекта.

Неспособность философии XVII-XVIII вв. решить проблему связи объектов природы и субъективных впечатлений открыло возможность субъективистского толкования качеств вещей. Дж. Беркли объявил все качества субъективными, Д. Юм и И. Кант отрицали сходство объектов и впечатлений. В целом эти философские направления не уделали внимания эстетике цвета, поскольку цвет как категория не имел значения в соответствующих философских системах.

Следующий шаг в эволюции эстетики цвета представляет собой учение о цвете И. В. Гёте. Гёте был не только великим немецким поэтом, но и оригинальным ученым. В настоящее время Гёте признан как основатель физиологической оптики, морфологии растений и животных, создатель современной раскраски географических карт [16, с. 182]. Свою теорию цвета, противопоставляемую ньютоновской, Гёте изложил в книге «К учению о цвете» (1810), которая опубликована на русском языке с параллельным немецким текстом в 2010 году в серии «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах» [14].

В эстетике цвета Гёте сохраняется античная идея о том, что цвет представляет собой модификации света [14, с. 5]. В то же время Гёте отказывается сводить цвет к каким-то физическим процессам, колебаниям или движениям корпускул, и изучает его

именно как цвет, без какой-либо редукции к физическому. Гёте разделяет физическую и символическую природу цвета. Он считает, что цвет присущ всей природе, но в то же время цвета представляют собой семантические объекты [16, с. 183]. Кроме того, особое внимание Гёте уделяет чувственно-нравственному воздействию цветов на человека [14, с. 346–396]. Гёте описывает чувственно-нравственное воздействия разных цветов, их оттенков, природных цветных объектов и произведений живописи. Гёте сделал много значимых наблюдений в сфере эстетического воздействия света. Хотя выводы и наблюдения Гёте не могут считаться окончательными, его безусловной заслугой является само включение эстетических эмоций в научное рассмотрение, что представляет собой новый этап развития эстетики цвета.

В XIX–XX вв. цвет чаще рассматривается как природное явление, а не в качестве эстетического объекта. Цвет изучали физики, физиологи, химики, биологи. Закономерностями процесса возникновения цветовых ощущений занимались Г. Гельмгольц, Р. Фейнман, П. Линдсей, Д. Норманн, проблему восприятия цвета изучали Д. Гилберт, В. Д. Глезер, В. Демидов, Е. П. Кожевников, П. Колере, Л. Сивик, значение и роль цвета в жизнедеятельности живых организмов и растений играет важную роль в исследованиях биологов Л. Дж. Милна, М. Милна, О.Ю. Орлова, Р. Хайнда. С помощью математики строятся методы описания и измерения оттенков цвета. Ведущее место среди естественных наук, изучающих цвет, занимают психофизика, физиология восприятия и колориметрия [8, с. 5].

Успехи гуманитарных наук в XX веке привели к тому, что цвет стали изучать лингвисты, психологи, культурологи, искусствоведы. Основное внимание исследователей этих направлений уделяется семантике цвета, что есть знаково-символическим моделям цвета, их отражением в разных языках, литературе, искусстве, культурах мира. Серди гуманитариев, изучающих семантику цвета, можно называть А. Вежбицку, Р. М. Фрумкина, И. С. Жемчужного, С. С. Хорошилову, Э. В. Грымзину, О. Е. Железняка, К. Роу, В. Тернера [8, с. 6].

Цвет как эстетическое явление рассматривает С. Е. Гудина, останавливаясь на роли цвета в достижении гармонии и умиротворения, но не уделяя особого внимания другим эстетическим эмоциям [5; 6]. Теория двойственной структуры эмоционального объекта у этой исследовательницы не разработана, вследствие чего ее наблюдения и выводы можно отнести скорее к семантике цвета, чем к собственно эстетике, изучающей эмоции человека.

Особое место в эстетике цвета занимают работы современного петербургского исследователя Н. В. Серова, который занимается хроматизмом несколько десятилетий и посвятил этой теме ряд работ. Рассмотрим теорию цвета Н. В. Серова на основе его работы «Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма» (1997). Эта теория развивалась позже в работах «Цвет культуры. Психология, культурология, физиология» (2004), «Хроматизм как методология культурологических исследований» (2007), «Хроматическая антропология интеллекта» (2010), «Хроматическая идентичность поляков и русских» (2012) и других.

В работе «Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма» Н. В. Серов обращается к понятию «хром», которое включает три составляющие: «Цвет как идеальное, Краска как материальное и Чувство как их отношение» [15]. В работе Н.В. Серова центральное место занимает концепция эстетического чувства. Эстетическое восприятие цвета автор понимает как интегрирующую деятельность интеллекта, сопоставляющего ощущение цвета, поступающее из внешней среды в бессознательное, с существующими в подсознании хроматическими свойствами архетипов. Эмоциональная характеристика хрома предполагает, что синтез идеального

и материального осуществляется в цвете, а цвет как сублимат выступает характеристикой архетипа. На основе архетипов коллективного бессознательного, найденных К. Юнгом, можно исследовать семантику неосознаваемого воздействия цвета и изучать вызываемые цветом эмоции.

Таким образом, в эстетике цвета Н. В. Серова двойственная структура цвета как эстетического объекта, фундированного на физическом, отражена в полной мере. Цвет в физическом цветовом объекте является элементом знаково-символической модели. Физический цветовой объект воздействует на бессознательное, продуцируя эстетические эмоции, закодированные в архетипах коллективного бессознательного. Кроме того, синтез физического и идеального в человеке осуществляется как синтез интеллектуального и бессознательного, то есть эмоции продуцируются не только воздействием на бессознательное, но и интеллектуальными данными, полученными человеком от цветового объекта.

Итак, мы проследили эволюцию эстетики цвета как приближение к пониманию двойственной структуры цвета как эстетического объекта, представляющего собой знаково-символическую модель на основе физических данных, продуцирующую в человеке эмоциональные переживания. В анализе знаково-символической модели цвета эстетика использует достижения семиотики как науки о знаках. При изучении чувств, формирующих эстетическую ценность цвета, эстетика опирается на данные психологии и психолингвистики. Эстетика как философская наука синтезирует разные данные и разные подходы, и показывает, как формируется эстетическая ценность знаково-символической модели события, заключающаяся в эстетических чувствах индивида. Специфика эстетики заключается в изучении не столько индивидуальных, сколько коллективных эстетических чувств и закономерностей их формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mathew, G. Byzantine Aesthetics / G. Mathew. – London: John Murray, 1965. – 189 p.
2. Бычков, В. В. Малая история византийской эстетики / В. В. Бычков – Киев : Путь к истине, 1991. – 408 с.
3. Бычков, В.В. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита / В.В. Бычков. – М.: ИФРАН, 2015. – 143 с.
4. Воеводин, А. П. Эстетическая антропология: Монография / МВД Украины, Луганский государственный университет внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2010. – 368 с.
5. Гудина, С. Е. Методологические принципы изучения цвета в эстетической науке / С. Е. Гудина. – Ленинград: Наука, 1986. – 123 с.
6. Гудина, С. Е. Цвет как эстетическое и художественное явление / С. Е. Гудина // Философские науки. – №3. –1986. – С.33–40.
7. Зайченко, Г. А. Джон Локк / Г. А. Зайченко. – М.: Мысль, 1973. – 208 с.
8. Исаев, А. А. Феномен цвета в контексте бытия человека: опыт философского анализа: дис. … к. филос. н. : 09.00.01. – Онтология и теория познания. – Магнитогорск, 2006. – 24 с.
9. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М. : АСТ, 2000. – 880 с.
10. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.
11. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
12. Майорова, Е. Д. Мыслители итальянского Возрождения XV – начала XVI веков о сущности живописи и ее месте в культуре эпохи / Е. Д. Майорова // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. – 2017. – № 3. – С. 105–117.
13. Месяц, С. В. Аристотель о природе цвета / С. В. Месяц // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – С. 28–39.
14. Месяц, С. В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (часть первая) / С. В. Месяц. – М.: Кругъ, 2012. – XXXII + 464 с.

15. Серов, Н. В. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма / Н. В. Серов. – СПб, ФПБ – ТОО «БИОНТ», 1997. – 64 с.
16. Шалимова, Л. А. Эстетико-феноменологический подход к изучению цвета в исследованиях И. В. Гете / Л. А. Шалимова // Мир науки, культуры, образования. – № 2 (39). – 2013. – С. 180–183.

Поступила в редакцию 21.06.2021 г.

EVOLUTION OF AESTHETICS OF COLOR

O.V. Gurskaya

The paper focuses on the history of the development of color aesthetics in the paradigm of the dual structure of color as an aesthetic object, which is a sign-symbolic model based on physical data, producing emotional experiences in a person. The symbolic-symbolic model of color is analyzed by semiotic methods. The aesthetic emotions produced by color form the aesthetic value of color as an object. The article discusses the aesthetic color models of ancient philosophy (Democritus, Plato, Aristotle), Christian symbolology (Dionysius the Areopagite), as well as the concepts of the Renaissance, the doctrine of color by I.V. Goethe, physical models of color and the modern aesthetic theory of color, developed in the works on chromatism N.V. Serov.

***Key words*:** aesthetics, aesthetics of color, history of aesthetics, symbolology, color formation, aesthetic object.

Гурская Ольга Владимировна
Преподаватель кафедры кино-, телеискусства
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств им. М.Матусовского»,
Луганск, ЛНР.
E-mail: agreutt@mail.ru

Gurskaya Olga Vladimirovna
Lecturer at the Department of Cinematography and Television Art,
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Lugansk, LPR.
E-mail: agreutt@mail.ru

УДК [323.2: 316. 334.3] – 043.86

СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

© 2021. ***М.А. Малькова***

В статье исследованы становление и развитие социальной политики в истории цивилизационного развития человечества. Обобщены основные направления и особенности социальной деятельности в различных исторических формах организации общественной жизни. Определены основные периоды генезиса и эволюции социальной политики. Исследованы философские и социально-политические идеи, предшествующие становлению и развитию социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, социальная деятельность, социальная защита, социальное страхование, социальное обеспечение, социальные права.

Введение. Важнейшей задачей стоящей перед человечеством в XXI века, является достижении такого уровня развития, исходной и конечной целью которого есть человек со всеми его разнообразными потребностями и интересами. Это означает признание ведущей роли социальных факторов в решении проблем человечества, а, следовательно, социальной политики.

Эволюция социальной политики проходила в течение длительного времени от стихийных мероприятий до современных спланированных систем на уровне государства. Учитывая этот неопровержимый факт, считаем необходимым рассмотреть сущностные особенности социальной политики, как общественно-исторического явления.

Целью статьи является критический анализ и определение основных исторических периодов генезиса и эволюции социальной политики, обобщение философских, социальных идей, социально-политических учений как предпосылки ее становления.

Основная часть. Социально ориентированная деятельность в тех или иных проявлениях присутствовала во всех исторических формах организации общественной жизни. В истории человечества никогда не было общественных формаций, в которых так или иначе не решались бы социальные проблемы, не учитывались бы интересы граждан или, если оперировать современной терминологией, не проводилась бы социальная политика.

Древнейшие сведения о социальной помощи найдено в Древнем Египте, где еще в XXVII–XXV веках до н.э. в храмах осуществлялось бесплатная раздача голодающим хлеба [12]. Весомыми истоками становления социальной политики были личная благотворительность и общественная опека, которые присущи человечеству еще с доисторических времен. Именно семья или домохозяйство было первичным очагом социальной деятельности [7].

Первые истоки современной социальной политики заложены во времена основания первых государств и формирования законодательных документов, среди которых особое социальное значение имели следующие:

1) трактат «Артхашастра» (IV–III вв. до н.э.) – памятник древнеиндийской политической и экономической мысли, где отмечалось, что «сила государства – в людях, поэтому правитель должен заботиться об удовлетворении общегосударственных потребностей, защищая не землю, а людей» [5];

2) кодекс законов вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), который закреплял тезис о том, «чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы сироте и вдове оказана была справедливость» [17];

3) положения Устава ланувимской коллегии (133 г. н.э.), предполагали внесение первоначальных и ежемесячных денежных платежей, предназначенных для получения потомками для захоронения в случае смерти члена коллегии [1].

На рубеже второго тысячелетия (X в.) идеология социальной политики европейских государств формировалась под влиянием двух основных типов социальных организаций, а именно церкви и государства [10]. В результате постепенного становления внутриполитического общественного порядка возрастала роль власти в реализации социальных задач. Семейная и общинная формы социальной деятельности дополнялись общественной (государственной), субъектом которой преимущественно были правители (монархи, князья).

Социальная политика правителей реализовывалась преимущественно форме «родительской» заботы о населении, что воплощалась в подаянии милостыни, проведении различных социальных мероприятий (раздача продуктов питания в период голода и войн, предоставление убежища и медицинской помощи и т.д.), иногда имела место демонстрация «идеального» правосудия [2].

Активным участием в социальной защите отдельных слоев населения с X в. отличились религиозные движения и общины, в частности христианство. Именно в эти времена зародилась христианская концепция помощи, основополагающими основами которой была философия любви к ближнему. Деятельность социальной защиты со стороны религиозных учреждений распространялась на монастыри [13]. Вместе с идеологической составляющей церкви и монастыри активно приобщались к строительству больниц, образовательных учреждений, материально поддерживали нетрудоспособных, выступали своеобразными посредниками между богатыми «благодетелями» и беднотой.

Стоит отметить, что социальная деятельность правителей как представителей общественной власти часто принимала форму благотворительной деятельности на базе церковных институтов. Таким образом, в X–XV в. развитие социальной политики характеризовалось широким привлечением церкви к социальным и благотворительным проектам. Значимость общественной власти в социальной сфере постепенно формализовалась, хотя четкого разграничения между общественной и церковной формами социальной деятельности не было. Фактически, церковь была благотворительной организацией и своеобразным исполнительным институтом государства [6].

Социальная политика того времени фактически сводилась к благотворительной деятельности как своеобразному проявлению еще не окончательно сформированной социальной политики. Социальный вектор деятельности характеризовался незначительным объемом вмешательства государства в социальную сферу и, соответственно, отсутствием понимания государства как ведущего субъекта социальной политики.

Дальнейшее развитие социальной политики характеризуется возникновением двух полюсов, имеющих антагонистический характер. На одном полюсе, происходит дальнейшее развитие социальной благотворительности, ее структурирование, увеличение сферы распространения, создание специализированных институтов, а на другом полюсе, государство рассматривает нищету и социальную ущербность, как порок и борется с ними административными методами [8].

С XVI в. в Европе появляются законы против отдельных социальных групп (бродяг, нищих, сирот и больных), создаются специализированные пенитенциарные

учреждения, а именно «усмиряющие», рабочие дома, карантины, в которые отправляли насильно. Так, в Англии с 1531 года разрешается просить милостыню только калекам и пожилым людям, а с 1536 г. нищие подпадают под ответственность судов. Аналогичные законы принимают Франция и Германия. Показательно, что в этот период социальная деятельность государств осуществляется министерствами внутренних дел и полицией [8].

Повышение уровня социального участия государства оказывается в поддержке традиционных и содействии развития новых форм социальной деятельности в обществе. Показательно, что государство в этот период не принимает на себя социальных функций, но всячески способствует их развитию в обществе. Прежде всего, это проявляется в инициировании создания богаделен, больниц, лепрозориев, домов инвалидов [8].

При этом в ряде государств центром социальной деятельности оставались церкви и монастыри при поддержке государства. Следует подчеркнуть, что государство не брало на себя четко определенных и гарантированных обязательств по финансированию социальной помощи, она осуществлялась преимущественно за счет пожертвований и милостыни. В то же время социальные мероприятия, инициированные и реализованные государством, были единичными и негарантированными.

Одним из важных социальных достижений того времени является введение пенсионного обеспечения (введено министром Франции Кольбером в 1681 г.), что распространялось на моряков и было так называемым фундаментом для дальнейшего развития пенсионных систем [5].

Таким образом, период XVI–XVII вв. вошел в историю как время активного становления государства как субъекта социальной политики. Однако четкого разграничения социальной деятельности общественной власти и церкви в данный период общественного развития еще не произошло. В указанный исторический период государство выполняет патерналистскую функцию в социальной сфере лишь эпизодически и выборочно, что является скорее проявлением снисхождения или милости, а не выполнением гарантированных социальных прав. Социальная деятельность государства была не обязанностью, а актом личной благотворительности правителя, потому осуществлялась в форме благотворительной деятельности. Следовательно, говорить о целостной и четко очерченной государственной социальной политике на этом этапе нельзя.

С XVII в. постепенно формируется и распространяется представление о том, что государство создается главным образом для защиты и удовлетворения потребностей людей. Таким образом, постепенно государство начинает рассматриваться как один из социальных институтов. Распространение соответствующих идей знаменовало следующий этап развития и становления социальной политики, который для европейских государств продолжался со второй половины XVIII в. по 70-е гг. XIX в. [8]. Характерной особенностью этого этапа является возрастающая ответственность государства за удовлетворение социальных потребностей всех социальных групп, фактически можно говорить о возникновении у государства собственно социальных функций.

Понимание необходимости государственной поддержки социально незащищенных слоев населения было поднято на новый уровень, фактически в данный исторический период были заложены основы современной социальной политики [16].

С конца XVIII в. начинает формироваться государственно-административная система общественной опеки (институциональное становление системы помощи, формирование правовой базы, административное управление, включая территориальные структуры, частичное финансирование государством социальной помощи). Как

считает Т. Сидорина, уже в XVIII в. отчетливо проявляются предпосылки социальной политики будущего, сочетается принятие свободы индивида в решении социальных проблем с участием государственных институтов [11]. Необходимо отметить, что на этом этапе противопоставление милосердия и благотворительности полицейскому государственному подходу к бедности и нищете нивелируется. Государство уже не преследует за нищету, однако еще не ставит целью ее устранение.

К этому же времени относится возникновение идей социального страхования (в терминологии того времени оно называлось «взаимной социальной выплатой»), который позже станет основным инструментом солидарной социальной ответственности.

В наиболее развитых капиталистических странах Европы – в Англии и Франции, добровольное страхование получило заметное распространение уже в середине XVIII в. В Англии, в частности, возникли так называемые дружеские общества, основной задачей которых была взаимопомощь при различных несчастных случаях, из-за болезни и смерти. В конце XVIII в. и в течение первой половины XIX в. профессиональные рабочие союзы появляются во всех капиталистических странах Европы и Америки. Начался процесс страхования не только рабочих, но и их семей; иногда организуется страхования от безработицы.

Следующий этап развития социальной политики начинается во второй половине XIX в. и характеризуется переходом социальных функций общества к государству [13]. Этот этап становления социальной политики начался в 1863 с образованием в Швейцарии общества Красного Креста как специального института, который создавал госпитали, пункты питания, проводил санитарное просвещение населения, оказывал помощь раненым в боях, инвалидам, сиротам [4]. Несмотря на то, что такая социальная деятельность была достаточно ограниченной и имела благотворительный характер, все же она стала фактором трансформации общественного мнения о необходимости организации государственной системы социальной поддержки. На этом этапе развития социальной политики можно говорить о существенных изменениях в социальной ответственности различных субъектов в пользу государства.

Фактически государство признало себя ответственным за условия жизни людей, социальная функция стала функцией государства. Формальным признаком фиксации нового качества государства в социальной сфере стало введение в 1850 году в научный оборот понятия «социальное государство».

С индустриальным развитием государств, при гильдиях и ремесленных цехах основана взаимопомощь в случае увечья, несчастных случаев на производстве. Получила дальнейшее развития такая форма социальной поддержки, как пенсионное обеспечение, распространялось на государственных служащих (1790 г.), военных (1831 г.), а впоследствии и на служащих местных органов власти, банков, железной дороги. Стоит отметить, что важной составляющей социальной политики того времени, выступало социальное страхование (законодательно обязательное государственное социальное страхование было закреплено в Германии в 1883 г.) [4]. В след за Германией соответствующие законы были приняты в других странах Европы: в Англии в 1911–1913 гг. введено страхование по безработице, болезни и инвалидности; во Франции в 1911 г. принят закон о страховании, в 1929 г. закон о страховании по болезни; в Швеции в 1913–1915 гг. принят закон об обязательном государственном социальном страховании старости и инвалидности.

Для второй половины XIX в. и начала XX ст. одной из самых острых политических и экономических проблем был «рабочий вопрос», порожденный индустриальной технической революцией. В качестве главных социальных проблем можно

выделить: массовое освобождение наемных рабочих, безработица, миграция [4]. Масштабный экономический кризис 1929–1933 гг. потребовал законодательного закрепления на государственном уровне социальных прав и гарантий, имплементацию в национальные законодательные акты института социального страхования и социального обеспечения. В XX в. системы социального обеспечения введены почти во всех странах мира [14]. Государство берет на себя функцию управления здравоохранением и образования. Резкий рост уровня социальной ответственности обусловил существенное повышение притязаний общества к ней как субъекту социальной политики, что в дальнейшем привело к возникновению дефицита бюджета ряда государств, а, следовательно, невозможности государства выполнить социальные обязательства на фоне растущих патерналистских настроений населения (так называемый кризис государств всеобщего благосостояния) [12].

Все это стало основой для переосмысления роли государства в социальной сфере. С середины 90-х гг. XX в. формируются новые представления о социальной роли государства как механизма снятия противоречий между законами рынка и социальными целями.

В отличие от государства дарования всеобщего благосостояния, современное государство стремится отказаться от патерналистской роли, иждивенчества. Приоритетами его деятельности в социальной сфере является обеспечение социальных прав и создание условий для их реализации через социально ориентированное рыночное хозяйство, повышения эффективности социальных программ. Государство как субъект социальной политики всесторонне способствует расширению субъектов социальной деятельности (благотворительные, конфессиональные, общественные, некоммерческие организации социальной направленности, выступают как коллективные представители гражданского общества).

Кроме того, все большее проявление социальной ответственности проявляют работодатели и бизнес-структуры, расширяются масштабы деятельности международных организаций в социальной сфере. То есть современный этап развития социальной политики характеризуется изменением уровня и вектора социальной ответственности в пользу личности (семьи), всесторонним содействием государства в реализации социальных прав, государственным обеспечением базового уровня социального обеспечения наиболее нуждающихся слоев населения, расширением субъектов социальной политики (на международном уровне).

Стоит отметить, что в конце XIX в. – первой половине XX в. социальная политика, рассматривалась исследователями, как разновидность или вектор экономической политики [15]. В то же время современная государственно-политическая мысль формируется на основе осознания новой роли социальной политики в обеспечении экономической и социальной динамики, а именно в государстве социального типа, в обществе, в котором человек рассматривается не только как фактор, но и как главная ценность; целью социально-экономического развития является то, что экономическая политика должно рассматриваться исключительно как составная часть социальной политики, а не наоборот.

Становление и развитие социальной политики происходило на протяжении всей истории цивилизационного развития общества и государства. Концептуальные основы социальной политики осмысливались в течение многих веков, находили свое отражение в комплексе доктрин, теорий, концепций относительно общественного устройства, социального взаимодействия, формирования отношений между гражданами и государством.

Выводы. Социальные проблемы были объектом пристального внимания во все исторические периоды развития общества. Истоками становления социальной политики является благотворительность, которая присуща человечеству с доисторических времен. Генезис социальной политики прошел в своем развитии путь от неорганизованной социальной деятельности до организованных социальных систем при участии государства и других субъектов социально политики. На основании проведенного исследования предложена периодизация генезиса социальной политики, которая отражает трансформацию форм и приоритетов социальной деятельности через призму цивилизационно-исторического и экономического развития общества.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на выявление и описание феномена солидарности как способа приспособления личности к условиям социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадак А.Н. История Древнего Мира. Древний Рим / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. – М.: Харвест, АСТ, 2015. – 864 с.
2. Байкин И.А. К вопросу о понятиях «социальная справедливость», «социальная защищённость», «социальная незащищённость» / И.А. Байкин // Вестник МГТУ Станкин. – 2018. – № 2. – С. 26–30.
3. Бонгард-Левин Г.М. Индия: этнолингвистическая история, политико-социальная структура, письменное наследие и культура древности / Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, 2003. – 428 с.
4. Волгин Н. Социальное государство: учебник / Н. Волгин, Н. Грищенко, Ф. Шарков. – Москва, 2003.– 274 с.
5. Доренко К.С. История возникновения социальной политики в современных государствах / К.С. Доренко // Право и управление. XXI век Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – №3(20), 2011. – С. 46-55.
6. Зиновьева В.И. История социальной работы: Учебное пособие [Электронный ресурс] / В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев. – Томск: ТУСУР, 2018. – 130 с. – Режим доступа: https://edu.tusur.ru/publications/8094 (дата обращения: 14.08.2021).
7. История философии : учебное пособие / А.В. Перцев, В.Т. Звиревич, Б.В. Емельянов [и др.]. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 324 с.
8. Калашников С.В. Очерки теории социального государства / С.В. Калашников. – М.: Экономика, 2006. – 362 с.
9. Касавин И.Т. Социальная философия науки: российская перспектива / И.Т. Касавин. – М.: КноРус, 2018. – 479 с.
10. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве / Л.Н. Кочеткова. – М.: ИНФРА. – М, 2016. – 216 с.
11. Сидорина Т. На пути к мировой социальной политике. Журнал исследований социальной политики / Т. Сидорина. – 2005. – Т. 3, № 1. – С. 29–38.
12. Сидорина Т.Ю. История и теория социальной политики / Т.Ю. Сидорина. – М.: РГГУ, 2014. – 564 с.
13. Социальная политика. Социальная защита. Социальная работа: библиогр. науч.-вспом. аннот. указ. / Федер. агентство по образованию, Сев.-Зап. акад. гос. службы; [сост.: Е.М. Ляшедько, В.А. Михайлова]. – СПб.: СЗАГС, 2009. – 239 с.
14. Социальная структура и социальные процессы: словарь справочник / под ред. В. Осипова. – Москва: Наука, 1990. – 346 с.
15. Черныш М.Ф. Концептуальные основы социальной политики: достоинство, справедливость, равенство // Михаил Федорович Черныш / Социологический журнал. – 2020. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-sotsialnoy-politiki-dostoinstvo-spravedlivost-ravenstvo (дата обращения: 10.03.2021).
16. Шарков Ф.И. Основы социального государства: учебник / Ф.И. Шарков, А.Н. Аверин. – М.: КНОРУС, 2018. – 312 с.
17. Шарпен Д. Хаммурапи, царь Вавилона / Пер. с фр. Б.Е. Александрова. – М.: РГГУ, 2013. – 312 с.

Поступила в редакцию 08.05.2021 г.

THE ESSENTIAL FEATURES OF SOCIAL POLICY AS A SOCIAL AND HISTORICAL PHENOMEN

M.A. Malkova

The article explores the formation and development of social policy in the history of civilization development of mankind. The main directions and features of social activity in various historical forms of organizing public life are summarized. The main periods of the genesis and evolution of social policy are determined. Studied philosophical and socio-political ideas that precede the formation and development of social policy are investigated.

Key words: social policy, social activity, social protection, social insurance, social security, social rights.

Малькова Марина Александровна.
Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский государственный педагогический
университет», Луганск, ЛНР.
E-mail: miel78@mail.ru

Malkova Marina Aleksandrovna
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR.
E-mail: miel78@mail.ru

УДК 1(091)

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

© 2021. ***А.А. Миргородский***

В статье рассматривается концепция любви в художественной литературе XX века в контексте философии права и свободы. Содержание феномена любви имеет важное значение в контексте философии права и свободы, потому что свобода является важной идеей художественной литературы XX века.

Ключевые слова: государство, любовь, право, свобода, ценность.

Концепт любви в художественной литературе в XX веке в ответ на бездуховность раскрывается с новой силой. Концептуальной остается вера в человека и гуманизм. Так, во французской литературе великий гуманист XX века Ромен Роллан считает, что для достижения любви в обществе, необходимо гуманизировать культуру, создать новое искусство, а с ним и новые эстетические ориентиры. Главным в его произведениях выступает внутренний мир героя, его великое сердце, отважная и бездонная душа, способная вместить другие души, готовая отдать все лучшее в себе. Таковы и герои Жан-Кристоф, Аннета Ривьер. С. Цвейг назвал Р. Роллана совестью Европы. Р. Роллан обращается к творческому наследию Мохандуса Ганди, для которого ненасилие (ахимса) – оружие сильных. Любовь властвует над страхом. Каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни.

Теоретико-методологическую основу данной работы статьи составляет учение о любви, основанное на соединении ценностей права и свободы в современных социальных условиях. Базовым является понимание сущности и смысла философии права, которое состоит в уважении к свободе человека, его творческому потенциалу.

Цель статьи – философское исследование форм проявления феномена любви в художественной литературе XX века с позиции правовой философии, в которой на первом плане находятся интересы личности.

Последовательно идею гуманной и христианской любви в своем творчестве проводит писатель Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944). Его повести проникнуты жизнеутверждающей верой в человека. Он прославлял труд и подвиг, крепкую мужскую дружбу. Свое отношение к феномену писатель выражает афористично: «…любить – это не значит смотреть друг на друга, любить – это значит вместе смотреть в одном направлении» [2, с. 337].

В повести «Южный почтовый» даже подчеркивается, что почта влюбленных драгоценней, чем сама жизнь [2, с. 22]. Философская сказка «Маленький принц» является классической энциклопедией любви-долга. Сказка посвящается другу. Необходимо уметь любить и видеть сердцем. «Главного глазами не увидишь. Зорко только сердце!». Любовь Маленького принца к своей Розе – это вечная любовь героя к простому цветку, обреченному на увядание. То, что люди ищут, можно найти в одной розе или в глотке воды. Автор ставит проблему ответственности, вопрошая о том, как внушить людям, как уверить людей, что каждый человек в ответе за судьбу каждой розы и всей планеты. Любовь возвращает человеческий облик. Катализатором превращения служит человеческое участие – жалость и любовь.

Немецкая литература указанного периода стала манифестом антифашизма. Жизнелюбие противостоит фашизму у Георга Гейслера – героя произведения Анны Зегерс. Седьмой крест – символ непобедимости антифашистских сил и бессмертия. Тема любви звучит и в интеллектуальном романе. В романе Томаса Манна «Иосиф и его братья» утверждается мысль о неизбежности победы созидательных сил в будущем. Происходит примирение Иосифа с братьями, которых герой прощает. Но концепт любви особенно явственно проявился в произведении Германа Гессе «Игра в бисер». Главная идея игры в бисер – высшее познание и любовь, приятие любой действительности, бодрствование на краю всех бездн и пропастей, стремление к гармонии и совершенству. Цель провинции (избранных, отшельников) Касталия – покорить (воспитать) тело и возвысить дух. Патер Иаков высказывает мысль о том, что «истинными грешниками» могут быть только знающие, вкусившие от древа познания, а не люди из другого неискушенного мира, «ибо они – дети, имеющие чистый опыт реальности». Человеку не следует стремиться к бегству из активной жизни (vita activa) в созерцательную жизнь (vita contemplativa). Но он должен пребывать в бесконечных странствиях между ними, чувствовать себя как дома одновременно тут и там. Эта мысль родственна философии Серебряного века. Для Патера Иакова в истории важны общества, которые делают попытки сплотить людей при наличии духа, культуры, а не при помощи кровопролитий. Нужно применять власть только в благородных целях, потому властвовать – значит советовать и примирять. Для героя Йозефа Кнехта главным выступает понятие жертвы, которую он приносит мужественно и с радостью. Т. е. путь к преобразованию общества в духовном перевоспитании личности, а не в применении силы. Не может быть никакого абсолютно верного учения («божественное в тебе»). Но есть истина, к которой должно стремиться, «познавать ее и ею жить».

Тема любви активно проявляется и в литературе Великобритании, где атеистическое сознание приходит к вере через любовь и дружбу. Грэм Грин повествует о католическом священнике, которого преследует за его религиозные взгляды мексиканский режим [1]. Священник выражает сочувствие любому человеческому существу, противопоставляясь абстрактному гуманизму. Айрис Мердок раскрывает любовь зрелого мужчины Брэдли и юной Джулии («любви все возрасты покорны»).

В литературе США Т. Драйзер, Д. Лондон, Д. Сэлинджер («Над пропастью во ржи»), Ф. Фицджеральд не принимают отношений буржуазного общества. Писатели исследуют конфликт между этическими ценностями и желанием добиться карьеры, создают сатиру на потребительское общество. При этом герои-нонконформисты проявляют сострадание и «носят бремя неразделенной любви к людям». Например, Бланш – героиня пьесы Т. Уильямса – верит в жизнь, в человеческое тепло и участие, от этого идеала она не отрекается и в падении. В литературе «потерянного поколения» на первом плане дружба и любовь, товарищество и общение («Три товарища», «Время жить и время умирать» Ремарка). В повести Э. Хэмингуэя «И восходит солнце (Фиеста)» герой Джейк Барнс проповедует идею единства. Кэтрин и Фредерик в романе «Прощай, оружие!» друг другу говорят: «Ты моя религия. Ты все для меня». В романе «По ком звонит колокол» [4] любовь как великая жизненная сила противостоит войне, что характерно для философии Серебряного века. У героев присутствует стремление к другой жизни, мотив бессмысленности войны и ее несовместимости с любовью. Происходит переворот в душе героев, способность наслаждаться простыми радостями бытия, любовь к жизни. То есть первоосновы жизни там, где есть место дружбе, добрым товарищеским отношениям.

В романе «По ком звонит колокол» испанка Мария и американец Роберт Джордан любят со светлой чистотой чувств и наивной беззащитностью. Их любовь – оазис в пепеле войны. «Время остановилось, и только они двое существовали в неподвижном

времени, и земля под ними качнулась и поплыла, этот маленький и теплый комочек. Он сказал, что когда он с нею, ему хочется умереть, так он ее любит … Пока один из нас жив, до тех пор живы мы оба. Ты теперь – это и я тоже» [4]. Эта соборность душ восхищает. Т. Уайлдер в своих романах раскрывает подлинную веру простых людей. Здесь любовь – не просто интимный мир двух людей, а работа всей жизни, единственный смысл жизни человека.

Таким образом, в центре внимания писателей XX века – всегда человек. Писатели верят, что человек «все выстоит, преодолеет все препятствия и победит, он не для того создан, чтобы терпеть поражения». Они верят в преображение мира и пробуждения человечности силой человеческого духа. Писатели считают, что люди должны осознать изжитость стереотипов, призывают каждого вспомнить, что он – человек. По существу, художественную литературу XX века и философию Серебряного века роднит вера и любовь к человеку самому по себе.

Наиболее созвучной философии любви Серебряного века (в частности – лирике В.С. Соловьева) явилось творчество А.А. Блока (1880–1921). А.А. Блок откликается на учение о Вечной Женственности циклом стихотворений под названием «О Прекрасной Даме» [60]. «Безбрежный» поэт ради возлюбленной Незнакомки «с ясной улыбкой на милых устах» готов «все сущее – увековечить, безличное – вочеловечить, несбывшееся – воплотить!». А.А. Блок поет гимн любви «золотой и лазурной» Вечной Женственности. Образы брачной и лучезарной зари, невесты с женихом, среди золотых нив и в церкви. Одновременно происходит борьба между земной и небесной любовью как общечеловеческого чувства.

И.А. Бунин в цикле рассказов «Тёмные аллеи» изображает любовь, которая переменила отношение к людям, где все представляется в новом свете. Любовь присутствует «в каждом листе, крике птицы и комке земли». Это не просто чувство, потому что весь мир соединяется в любви. М.А. Волошин переплавляет мир во Вселенную свободы и любви. Его единственный идеал – град Божий. Жизнь человека предстает как откровение своей подлинной личности, сотворчество Софии, обретающей себя в человеке, и Вселенной. «Люби далекий парус корабля. И песню волн, шумящих на просторе. Весь трепет жизни всех веков и рас живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас». Стремление «все понять и за всех пережить!». Любовь – самая единственная новость, которая всегда нова в ощущении родства со всем окружающим. В рассказах А. Куприна («Гранатовый браслет», «Суламифь») поется гимн неразделенной и сильной любви, которая стоит вне экономики и сословных предрассудков. Чиновник Желтков пишет письмо и дарит гранатовый браслет женщине высшего света Вере. Любовь – наивысшее проявление человечности, которую олицетворяет образ розы и аккорды бетховенской сонаты («Мастер и Маргарита»).

Любовь стала центральной темой в творчестве Б.К. Зайцева. В повести «Преподобный Сергий Радонежский» раскрывается жизнеописание знаменитого русского святого 14 века, праведника, без которого «не стоит земля наша» Вот почему святой Сергий Радонежский посвятил церковь в своем монастыре Св. Троице, для того чтобы созерцающие истину божественного триединства монахи имели возможность сделать все, что было в их силах, для воплощения этой истины в жизнь. Сергий излучает тихий свет – незаметно и постоянно. Святость растет в нем органично, он тверд и непреклонен, дает обет бедности. Сергий завоевывает на Руси нравственный авторитет, который позволяет ему совершить подвиги вечной любви, которая неподвластна смерти. Приобщение к этому знанию наделяет человека терпением во скорбях, смирением в страдании. Грехи же – раны души человека (православие). А их излечение – путь труда, который дается Богом из любви к человеку. Образ Божией Матери, которая любит и

молится за всех грешников, всем хочет спасения. (Богоматерь – воплощенная милость и жалость к миру для православия). Центральное произведение всего творчества И. Шмелева «Лето Господне» начинается с Чистого понедельника – первого дня Великого поста, который следует за Прощеным воскресеньем, когда все просят прощение у всех, забывая былые обиды [5], проявляя дух смиренномудрия.

Преодоление смерти и утверждение любовной памяти раскрывается в произведениях данного периода [3]. Жизнь – работа по разгадке и преодолению смерти, а бессмертие – другое название жизни. Загробное нас окружает всегда, а вовсе не лежит в конце пути. Человек бессмертен, потому что имеет душу. Бессмертие подтверждается во снах, в которых происходит встреча с живыми и невредимыми отцами. Доказывается, что и смерть может быть счастливым даром (как апостол Павел), рождением к новой, величественной жизни, «порогом», за которым воссоединяются. В творчестве Б. Пастернака фигурируют образы метели и снегопада, которые соединяются со свечой, символизирующая свет жизни и любовь (любовь Юрия Живаго к двум женщинам одновременно).

В русской литературе XX века доминирует идея В.С. Соловьева о единении космоса, земли и человека. Только через категории Другого Я может стать объектом своего собственного восприятия. В произведениях XX века выдвигается на первый план идея человечности, духовного преображения человека, преодоления отчуждения между людьми. Это надежда на пробуждение человека, вера в человека, а также в то, что в каждом из нас запасы человечности неиссякаемы. Звучат мотивы любви к родине, к отчему дому, к детям и природе. С этими мыслями, чувствами человек является в мир, но проходит вся жизнь, чтобы через метания и пустую суету, сомнения, заблуждения открыть эти истины как в первый раз. Например, В. Астафьев сталкивает чувствительность с грубым бытом войны. В единственную ночь, которая была отпущена влюбленным, в памяти Бориса и Люси всплывают символы вечной, нетленной, небесной любви, детские воспоминания, когда он с матерью ходил в театр, где танцевали пастух и пастушка.

Таким образом, русская философия как основу целостности человека утверждает любовь, направленную на такое значительное сакральное содержание, которое составляет смысл бытия. На наш взгляд, феномен любви лучше всего раскрывается именно в эпоху Серебряного века русской философии.

Таким образом, философское осмысление концепции любви в художественной литературе, по существу в XX веке имеет важное значение для философии права и свободы. Анализ зарубежной и русской художественной литературы XX века показал, насколько это имеет первостепенное значение для развития правовой философии на основе ценности свободы. Ценность свободы соединяется с ценностью любви. Эти понятия являются взаимозаменяемыми и не существуют одно без другого, что ярко проявилось на материале литературы указанного в статье периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грин Г. Сила и слава: [роман] / Грэм Грин; [пер. с англ. Н. Волжиной]. – М.: АСТ, 2009. – 317, [3] с.
2. Сент-Экзюпери А. де. Ночной полет. Южный почтовый. Планета людей: [романы]: [пер. с фр.] / Антуан де Сент-Экзюпери. – М.: АСТ, 2007. – 348, [4] с. – (Классическая и современная проза).
3. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы и проза / Б. Л. Пастернак. – М.: АСТ: Олимп, 2002. – 703 с.
4. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / Эрнест Хемингуэй; [пер. Н. Волжиной и Е. Калашниковой] // Э. Хемингуэй. Собрание сочинений: в 4-х т. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 89-331.
5. Шмелев И. Лето Господне: Праздники. Радости. Скорби / И. С. Шмелев. – М.: Сов. Россия, 1988. – 384 с.
6. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве / Н.Ф. Федоров. – М.: АСТ, 2006. – 539 с.

Поступила в редакцию 11.09.2021 г.

THE CONCEPTION OF LOVE IN THE IMAGINATIVE LITERATURE OF THE XX-th CENTURY IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF LAW

A.A. Mirgorodskiy

The article examines the concept of love in the imaginative literature of the 20th century in the context of the philosophy of law and freedom. The content of the phenomenon of love is important in the context of the philosophy of law and freedom because freedom is an important idea of the imaginative literature of the 20th century.

Key words: state, love, law, freedom, value.

Миргородский Андрей Александрович
Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР», Донецк, ДНР.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich
Candidate of philosophical Sciences
The Donetsk Academy of internal Affairs,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Donetsk, DPR.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 111

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© 2021. ***И.С. Половинкина***

В статье исследуется личностный и социальный аспекты экзистенциального переживания в среде виртуальной реальности. Установлено, что возможности виртуальной реальности могут оказывать терапевтический эффект для человека, испытывающего социальное отчуждение или личностный кризис. Один из основных методов рефлексии над экзистенциальными проблемами в виртуальном пространстве – текст или же язык как ограничитель возможностей осмысления.

***Ключевые слова*:** виртуальная реальность, экзистенция, страх смерти, текст, гипертекст.

В рамках изучения виртуальной реальности (далее – ВР) ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно сущности понятия ВР и его отличительных черт. Открытым остается вопрос, как ВР влияет на человека; какое место данный феномен занимает в индивидуальном сознании. Отсутствие однозначных ответов на сформулированные вопросы свидетельствует об актуальности темы и ее прикладном значении, как на теоретическом уровне, так и на обыденном.

Очевиден тот факт, что ВР стала неотъемлемой частью повседневной жизни. Беспрецедентно также и то, что явление, став столь популярным и востребованным, порожденное человеком и способное функционировать автономно, настолько мало изучено в плане его влияния на личность, а не только в контексте технических достижений современной культуры.

Одна из центральных задач философии ВР – адекватная оценка ее сути и влияния на индивида. Так как ВР стала, в некотором роде, пространством для жизни, она во многом «подменяет» физическую действительность. Оценка экзистенциального переживания ВР, можно предположить, позволит понять не только новый формат бытия современного человека, но и перспективы развития общества, сильные и слабые стороны ВР, возможности корректировки ее влияния (негативного и положительного) на каждого социального субъекта.

Об актуальности тем и рубрик ВР свидетельствуют работы таких авторов, как М. Хайм, Ж. Бодрийяр, М. Ю. Севальников и др. Предметно-проблемное поле, на котором происходит изучение ВР, отличается масштабностью и неоднородностью. Одна из наиболее острых проблем обнаруживается при оценке социального аспекта ВР, а также потенциальных возможностей ее ресурсов в части разрешения внутренних конфликтов человека как объекта экзистенциальной философии.

Цель статьи – установить экзистенциальные параметры и терапевтическую эффективность переживаний виртуальной реальности в антропном и социальном измерении.

В ходе исследования используются преимущественно контекстуальный и аналитический методы научного познания.

Прежде чем исследовать формат экзистенциального переживания ВР индивидами, следует определить, что понимается под данным феноменом, по крайней мере, в рамках настоящей работы. ВР – это сумма определенных влияний на ощущения и восприятия человека (актуальность ВР), а также набор физических элементов и материалов, которые нуждаются во внешнем источнике инициативы для дальнейшего существования (потенциальность ВР). То есть, являясь катализатором существования

ВР, человек погружается в специфическое киберпространство, наполненное теми атрибутами и характеристиками, которые удобны пользователю.

Как отмечал Н. А. Носов, для ВР характерны такие признаки, как порожденность, актуальность, автономность и интерактивность [1, с. 34]. Последнее подразумевает влияние ВР на субъекта, вовлечение его в процессы виртуального мира, а также одновременное воздействие факторов ВР на физическую действительность. Если выражаться более конкретно, на тот объем действительности, который охватывает сознание пользователя.

ВР не способна полностью заменить физический мир, как не способна создать обособленное полноценное пространство для функционирования индивидов или, по крайней мере, одного индивида. Виртуальность не может отвечать всем запросам пользователей или бытийствовать сама по себе без заданных алгоритмов и созданных систем. Автономность ВР, несмотря на ее возможность, относительна. Однако несмотря на то, что ВР не может породить такой мир, где было бы все, что пользователь хочет видеть, она может создать такое временное пространство, где не будет того, что пользователь видеть не хочет. Это достигается, благодаря «умным» алгоритмам социальных сетей, фильтрации поисковых систем, ручным отбором пользователем источников информации.

Это приводит сначала к частичному, а далее к более глобальному отказу субъекта от осмысления объективной реальности. Экзистенциальный комфорт достигается побегом от отчужденного мира.

Э. Фромм отмечал, что человек явно испытывает глубокую потребность в проникновении в глубины своего социального и природного бытия, гонимый желанием вырваться из тех рамок, в которые он закован [3, с. 107]. Условия, которые предлагает ВР, – новый формат выхода за рамки привычного. И если раньше «выход за рамки» воспринимался социумом, скорее, как постижение чего-то, что ранее постигнуто не было, то в данном контексте «выйти за рамки» означает абстрагирование и отчуждение. Уместно предположить, что ресурсы ВР – один из способов отсрочить или преодолеть экзистенциальный кризис (состояние тревоги, ощущение глубокого психологического дискомфорта при возникновении вопроса о смысле существования и смерти).

При возникновении такого кризиса, существование из неподлинного становится подлинным, исходя из терминологии С. Кьеркегора. Подлинное бытие подразумевает начало поиска индивидом своего предназначения, то есть – смысла жизни. Функции ВР в данном вопросе могут реализовываться следующим образом.

1. Содействие. Благодаря наличию альтернативного формата существования, человек борется с ощущением одиночества, находит новые пути и форматы преодоления пограничных ситуаций, проблем поиска смысла жизни, свободы и выбора.

2. Десоциализация. Благодаря ВР пользователь создает для себя такую виртуальность, в которой вопросы о собственном существовании не достигают осознанности по причине обилия «информационного мусора».

Так или иначе, индивид погружается в ВР с целью преодоления наличного кризиса. В современных условиях ВР, можно предположить, один из немногих массовых рычагов вытеснения осознания проблем индивидуальной экзистенции. Среди общего информационного шума индивид просто не в состоянии прийти к «бытию самого себя», так как «бытие с другими» обретает превосходную степень. Теперь категория Хайдеггера «бытие с другими» существует повсеместно − наряду с удобством от использования мессенджеров и продуктов ВР, появляется постоянное социальное давление (ленты новостей, микроблоги, «новые медиа» и т. д.). Поток различных, даже отфильтрованных установок, создает некий вакуум – состояние, при

котором, несмотря на обилие различных, в том числе, философских вопросов, индивид регулярно обращается к постороннему опыту и ощущению, игнорируя свой опыт. «Бытие самого себя» не достигается, так как происходит отказ от ощущения суровости действительности – единственного пути, который ведет к себе [4, с. 400].

Существует несколько «якорей», по мнению М. Хайма, которые позволяют субъекту «остаться» и прожить действительность в ее изначальном понимании. Всего имеется три «якоря»: смертность, переход между прошлым и будущим, тревога [5, с. 27].

Факт смертности, по мнению К. Ясперса, создает условия для «пограничных» ситуаций. В социальном и в экзистенциальном смысле – это обстоятельства, при которых человек, испытывающий близость смерти, ощущает реальность как никогда тонко и полноценно. В общефилософском же смысле пограничная ситуация – это уход от социальных установок, освобождение от влияния, контроля и давления предметного мира, и обращение к миру внутреннему. В философском контексте, пограничная ситуация – это своего рода максимальная рефлексия над собой, кардинальная перепрошивка мировоззрения.

Что касается смерти, то у ВР множество способов и вариантов смоделировать ее, попытаться объяснить и описать, раскрыть теории, гипотезы и даже предложить зафиксированные результаты мистического опыта других людей. Множество способов, за исключением одного – ВР не позволяет пережить смерть так, как это происходит в физической действительности. Это положение можно трактовать в двух контекстах:

1. Смерть как осознание. Человек понимает смерть как неизбежную перспективу, что, в основном, и порождает экзистенциальный кризис. Осознание – долгий процесс принятия, который чаще всего начинается в детском или юношеском возрасте. В этом смысле ВР дает главное – информацию, ведь для анализа человеку, так или иначе, нужны данные. Именно ВР может помочь смоделировать возможные исходы – если не в текстовом формате (книги, статьи, научные работы), то в интерактивном (визуализация, художественная репрезентация).

2. Смерть как процесс. В ВР невозможно физически пережить смерть. Во-первых, сам феномен смерти не может быть полноценно проверен и оценен. Во-вторых, ВР ограничена в плане физического воздействия на индивида. Но уместно принять за точку отсчета смерть как явление, провоцирующее экзистенциальный кризис. В таком случае понять ее посредством ВР мешает сенсуальный детерминизм. Человек изначально убежден, что все должно быть эмпирически подтверждено. По этой причине спорят о существовании души, эйдосов Платона, Бога и сознания, но при этом не спорят о существовании Пизанской башни, «Джоконды», или стула, на котором сидит читатель. Хотя значимость и подлинность обеих обозначенных групп явлений парадоксальным образом одновременно и сомнительно, и очевидно.

Следовательно, смерть в ВР условна и неполноценна. Попытка индивида прожить ее в ВР есть способ запустить механизм преодоления отчуждения. Само отчуждение в данном контексте, как отсрочка, как временное игнорирование, не дает полноценно преодолеть страх смерти и ее саму, как объективное явление.

Еще один «якорь» − переход между прошлым и будущим. Такая темпоральность предопределена. Время, как известно, линейно, события следуют друг за другом. Нельзя выбросить или фактически стереть какой-либо эпизод, происходивший в частной жизни индивида или истории. Память изменчива, но объективная история − накопительна. ВР же позволяет стирать события в буквальном смысле. Достаточно задать некую комбинацию символов или кодов, чтобы удалить ту или иную информацию. Факты, фиксируемые в любых источниках, могут обновляться, изменяться и «подстраиваться» под желания того, кто этот факт фиксирует. В ВР невозможны факты

сами по себе. Их доступность – результат множества намеренных процессов, в то время как в физической действительности очень редко удается отследить длительную ретроспективу любого факта, так что их проще воспринимать как единицы измерения, наделяя атомарностью, а не как совокупности еще более незначительных фактов.

Что касается тревоги – третьего «якоря» Хайма, − то она всегда обусловлена конечностью и хрупкостью человеческого существования. Жизнь коротка и быстротечна. Это приводит субъекта к переживанию ее приближающегося конца. Тревога появляется от страха физического урона, несовершенства и ограниченности человеческого естества. ВР же позволяет нивелировать эти аспекты в рамках информационного потока, а значит – экзистенциальная тревога в ней неподлинна.

По мнению Хайма, если ВР сможет ликвидировать эти якоря, то она получит все признаки действительности. Разница только в том, что ВР по-прежнему будет управляемой, создаваемой и технически обусловленной. Это породит несвободу человеческого существования. А один из основных лозунгов экзистенциализма – обреченность человека на свободу.

История демонстрирует, что индивид предпочитает физическую действительность иллюзорным формам существования. Однако уместно задаться вопросом: почему так? Если в середине прошлого века компьютеризация и технологизация могли предложить сложно устроенные, но мало результативные ЭВМ, то сейчас ресурсы ВР позволяют моделировать даже космическое пространство. Тогда почему человек выбирает физическую действительность, полную переживаний и экзистенциальных трагедий? Причина в том, что человеческая жажда истины побеждает тягу к комфорту или в том, что ресурсы ВР не могут заменить реальность во всех ее физических проявлениях? А, может, в том, что даже если бы ресурсы ВР были на это способны, такие условия были бы доступны далеко не каждому жителю планеты, а значит – фокус-группа для анализа оказалась бы крайне мала и необъективна?

ВР могла бы стать в какой-то степени решением экзистенциального кризиса, но оговоренные вопросы остаются открытыми. Впрочем, они тоже возникли не сразу. Еще в 1999 года герои «Матрицы» (реж. братья Вачовски), как продукта культурного отношения к ВР конца XX века, в любых условиях стремились соотнести себя с «подлинной» действительностью и вернуться в физический мир. Однако уже в 2011 году героини эпизода «Сан Джуниперо» популярного научно-фантастического сериала «Черное зеркало» полностью, абсолютно и бесповоротно отдают предпочтение виртуальной реальности. Разница в том, что в первом случае «матрица» представлялась враждебной средой, в то время как к 2011 году художественная интерпретация виртуального города «Сан Джуниперо» демонстрирует возможность преодоления старости и смерти, а также возможность исполнения желаний за счет отказа от физической реальности. То есть, представления о способностях ВР трансформировались в некое условно идеальное пространство. Если предположить, что в недалеком будущем возможности ВР смогут эволюционировать до условно идеальных, станет ли человек, спасаясь от экзистенциального кризиса, по-прежнему выбирать физическую реальность? Останется ли К. Ясперс прав, утверждая, что главное условие существования – бытие в суровой действительности?

Говорить о социальном типе экзистенциального кризиса без его частного переживания не имеет смысла. Сначала человек сталкивается с частным, и только затем – с общим. Однако если при личностном переживании такого кризиса ресурсы ВР проявляют себя, скорее, негативно, то при переживании индивидом отвержения социумом, ВР становится едва ли не единственным выходом. Результаты такого отчуждения от социума: поколение сатори в Японии, NEET в Британии, «клубничное

поколение» в Китае или поколение «Z» в России. То есть, многочисленные группы молодых людей, разочаровавшихся в социально-экономической системе, и предпочитающие одиночное существование, в котором лейтмотивом выступает использование для жизни ресурсов ВР, как основного источника общения, развлечений и образования. Отвержение социума при этом наступает не из-за девиантности или нонконформизма, а от осознанного намерения таких людей отстраниться от социума из-за экономического, гендерного, репродуктивного и личностного давления.

Но социальный экзистенциальный кризис не может лишить человека потребности во взаимодействии с другими людьми, общении и одобрении. Если во времена первобытного человека отделение от общества означало смерть, то сейчас есть возможность перенаправить затрачиваемые энергетические ресурсы с «реального» общества на виртуальное. Так человек погружается в киберпространство в социальном аспекте. Конечно, современные технические возможности еще не позволяют перенести человека в иную действительность в полноценном виде. До тех пор, пока это невозможно, основным механизмом взаимодействия субъекта с виртуальным социумом и, можно предположить, самореализации в целом, выступает текст в локальном значении и гипертекст в его абсолютном проявлении.

С философской точки зрения, гипертекст – идеальная масштабная ветвистая структура, в которой каждый последующий текст состоит из множества заимствованных мыслей и идей предыдущих текстов. Наиболее полно, по мнению автора, его трактует Р. Барт. «Идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они «неразрешимы» (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [2].

Гипертекст с философской точки зрения представляет собой условную структуру, в которой нет изначальной точки отсчета, но есть факт наличия текста. Из каждого такого текста образовывается бесконечное количество других текстов. Само словосложение словно ускоряется, следуя этому порядку; информационные потоки образуют лабиринт без тупиков. В результате и появляется виртуальное пространство в масштабе индивида. Субъект погружен в паутину гипертекста, как в общество. И более того – он сознательно в него погружается, игнорируя социальный аспект. Но полноценной подмены не происходит. Виртуальность становится, как было отмечено выше, механизмом отчуждения, а физическая действительность для погруженного в ВР – временной буферной зоной.

В киберпространстве субъект может рефлексировать, самовыражаться, общаться, благодаря тексту. Каждый такой текст становится структурным элементом гипертекста. Или, если понимать это слово с программистской точки зрения, каждое написанное субъектом слово и есть гипертекст, как закодированный набор символов. Единственное ограничение для создания гипертекста в данном случае – языковые возможности человечества, а не отдельного индивида. Но если речь идет об отдельном субъекте – среднестатистическом пользователе – то в этой ситуации единственное ограничение для самореализации в киберпространстве – его собственные языковые возможности.

Используя текст как инструмент рефлексии и борьбы, пользователь будто спускается по лестницам многоуровневой постройки, стремясь к выходу – то есть, к преодолению страхов и пониманию себя. Аналогично этому пользователь создает уникальные единичные тексты, которые в дальнейшем становятся структурными элементами гипертекста.

Тогда возникает закономерный вопрос: получается, что через текст или, шире – через язык, можно преодолеть экзистенциальный кризис, и, по большому счету, – страх смерти? Следуя этой логике, проблема только в том, чтобы подобрать верные слова для упорядочивания в своем сознании смерти как явления? Тогда, может быть, светлейшие умы истории не боялись смерти, ведь их возможности языка были менее ограничены, чем аналогичные способности любого, кто только учится мыслить философски? На эти вопросы ответ будет скорее отрицательный. Текст выступает средством терапии, можно предположить, самой терапией, но не решением экзистенциальных переживаний.

В ВР, по аналогии с физической действительностью, текст следует за мыслью. Письменная мысль более упорядочена, структурирована и последовательна, чем устная. В этом смысле пользователь в ВР может в любой момент вернуться к своему раннему тексту (формату размышлений) и оценить характер своих переживаний. В физической действительности это удается редкому человеку, обладающему феноменальной памятью. Но, так или иначе, именно текст выступает основной формой трансформации человека как социального субъекта в человека как часть ВР.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что виртуальность в той форме, в которой она доступна сегодня, не может преодолеть ни страх смерти, ни экзистенциальный кризис. Будет ли это актуально при условии развития электроники и способности подмены ВР физической действительности – открытый вопрос. Сегодня основной метод реализации себя в ВР – текст. Моделируя ситуации, общаясь с людьми, строя теории или просто пространно рассуждая, человек обращается к мысли, а отсюда – к слову. Не обличенная в слово мысль не имеет значения – она либо ничтожна, либо бессмысленна. Даже мистические явления, откровения, наитие, интуиция и другие иррациональные аспекты не могут быть не обличенными в слова. Если же таковое происходит, это приводит рассуждающего субъекта в логический и языковой тупик, следовательно – не может быть воспринято и оценено интерсубъективно.

Язык, в отличие от множества других методов переживания собственного несовершенства и конечности жизни, доступен любому. Терапия языка позволяет постепенно продвигаться в тернистом сознании конкретного индивида. Известная истина: чем больше человек рефлексирует, тем больше он обнаруживает внутренние проблемы и тем больше у него возможностей с ними бороться. Сама обстановка ВР – это обстановка текста, слов, языка. Если для разработчика имеют значение материалы, то для пользователя, о котором идет речь, все превращается в символическую кодировку. Любой код, программа или симулякр, прежде всего, − набор символов, не имеющих внелингвистических референтов.

Таким образом, попытка преодоления экзистенциального кризиса (личностного или социального) в ВР – это, прежде всего, рефлексия, выражаемая в словах. ВР создает информационный шум, бессмысленные развлечения, эффективно «убивает» время, но, если пользователь выберется из этой скорлупы «неведения», он обнаружит причинно-следственную связь, приведшую его в текущее состояние. Отсюда и начинается увлекательный путь преодоления последствий трагедии человеческого бытия. ВР – это обстановка или условия, метод игнорирования, анестезия от болезненного воздействия физической действительности. Пока формат ВР остается в ее текущем состоянии, кризис будет только отсрочен. Но если этот формат преобразуется

и выйдет на принципиально новый уровень, перед человеком возникнет очередной выбор: продолжать страдать или получить цифровое забвение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Носов Н. А. Виртуальный человек: очерки по виртуальной психологии детства / Н. А. Носов. − М.: Магистр, 1997. – 192 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Эссе. – URL: https://lingvotech.com/barthes-94e (дата обращения – 24.05.2021 г.).
3. Фромм Э. Гуманистический психоанализ / Эрих Фромм. – М: Пинтер. – 2002. – 288 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс; Пер.: М. И. Левина. – М.: Политиздат. – 1991. – 527 с.
5. Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. – New York, Oxford: Oxford University Press. – 1993. – 175 p.

Поступила в редакцию 24.05.2021 г.

VIRTUAL REALITY: THE EXISTENTIAL DIMENSION

I.S. Polovinkina

The article examines the personal and social aspects of existential experience in the virtual reality environment. It has been established that the possibilities of virtual reality can have a therapeutic effect for a person experiencing social alienation or personality crisis. One of the main methods of reflection on existential problems in virtual space is text or language as a constraint on the possibilities of comprehension.

Key words: virtual reality, existence, fear of death, text, hypertext.

Половинкина Ирина Сергеевна
Аспират кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР.
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

Polovinkina Iryna Sergeevna
Postgraduate of the Chair of Philosophy,
Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

УДК 18.03“17”

ИДЕЯ РУССКОГО МИРА КАК ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНБАССА

© 2021. *В.С. Ромадыкина*

В статье проводится социально-философский анализ специфики идеи Русского мира и региональной идентичности Донбасса. Делается вывод, что специфики идеи Русского мира заключается в объединении всего Русского мира – всех, кто, не зависимо от места проживания, считает себя частью русской цивилизации. Выявляется, что основная особенность региональной идентичности Донбасса заключается в том, что Донбасс изначально формировался, и остался таковым, как уникальное образование Русского мира имеющее, однако, свои специфические черты в виде высокой урбанизации и, как следствие, развитого рационального и критического мышления; интенсивной депопуляции, возникшей в результате разрушения базовых социальных структур; высокой унификации культурно-языкового пространства в контексте пространства Русского мира; осознанной ориентации на сохранение единства с Русским миром. Указывается, что данная ориентация согласуется с хронотопом культурной памяти Донбасса основанного на концепте «Русский мир», который в XXI столетии становится всё более и более актуальным под влиянием геополитических факторов, определяющих внешнеполитические интересы ДНР и ЛНР, выступая опорой в противостоянии Украине, ЕС и США, с ярко выраженной ориентацией на интеграцию с РФ.

Ключевые слова: Русский мир, Донбасс, Украина, идентичность, региональная идентичность, война идентичностей, интеграция.

Донбасский регион предстаёт как традиционный среди сообщества регионов – носителей «новороссийской» идентичности. И это является следствием не только особенностей исторического развития и социокультурных характеристик, но и ментальных. Именно данная совокупность факторов, не смотря на усиленную политику украинизации со стороны правящей власти в Украине после развала СССР, защищая сознание населения Донбасса, позволила сохранить им ощущение самодостаточности. Как указывал в работе «Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов» В.Ю. Даренский, по результатам исследований, проведённых в конце 1990-х среди жителей Донбасса к «населению Украины» себя относили 23 %; 34 % индентифицировали себя как «население бывшего СССР»; на 2014 год, перед началом вооружённого конфликта, около половины жителей Донбасса, хотя и относили себя к «украинцам», однако имели при этом ввиду не этническое происхождение, а гражданство, так как «<…>этническое происхождение, стало безразличным вследствие своей абсолютной неактуальности в монолитной русскоязычной среде» [7]. И на этом фоне вполне закономерным выглядит тот факт, что на фоне усиливающихся военных действий со стороны киевской власти в ответ на массовые протесты донбассцев, начавшихся после переворота на Украине и отстранения Януковича, на неподконтрольных территориях Донецкой и Луганской областей 11 мая 2014 года были проведены референдумы о самоопределении. Результаты были следующие: в ДНР в референдуме приняло участие 75 % населения, из которых за самоопределение проголосовало 89,7 %; в ЛНР из 81 % участвовавших в референдуме за самоопределение проголосовало 96,2 %.

Результаты социологических исследований [24], проведённых на Донбассе в 2016 году, констатировали углубление феномена региональной идентичности: «<…> По итогам опроса жителей двух республик в мае 2016 года (по 1000 респондентов,

доверительный интервал не превышает ±3 %) по 63 % жителей как наиболее важную для себя назвали региональную идентичность <…> Этот феномен можно объяснить реализацией советской национальной политики в бурно развивавшемся индустриальном регионе. По словам эксперта А.Е. Пургина: «Формат заселения – американский, с 49 по 54 год (XX в.— прим. авт.) заехали две трети жителей, из разных областей, разного говора. Это породило сильную региональную идентичность «я − житель Донбасса» и региональный патриотизм» (Интервью № 5) <…>» [4].

Иное объяснение формированию данного феномена региональной идентичности дают Дибиров Абдул-Насир Зиарович и Евгений Васильевич Белоусов в работе «Война идентичностей», которые полагают, что поскольку большинство современного населения данного региона находятся примерно в возрасте сорока лет, то это «<…> однозначно говорит, что по своей идентичности они − советские люди, их идентичность – это советская интернациональная идентичность. Ещё двадцать с небольшим лет назад практически всё украинское общество, за исключением исторической Галиции, состояло из советских людей. На мартовском 1991 г. референдуме 70 % – абсолютное большинство! – населения Украины высказалось за сохранение СССР. А выступавшие против этого западно-украинские ультра националисты воспринимались как откровенные маргиналы. И если бы украинские власти проводили ту же самую политику создания национальной идентичности на мощном фундаменте советской, что и власти Беларуси, сегодня Украина была бы монолитным сплочённым государством <…>» [8].

Однако, если заглянуть вглубь истории, то видно, что формирование особой донбасской региональной идентичности началось ещё в Имперский период во время реформ Столыпина, который надеялся «<…> Превратить страну из дворянской, «элитной», в Россию общенародную, то есть сформировать крепкое гражданское общество, <…> за двадцать мирных лет <…> Аграрная реформа П.А. Столыпина проходила на территории всей Российской Империи и, естественно, и на Донбассе<…>» [9, с. 11].

То есть, Донбасс изначально формировался (и остался таковым) как уникальное образование Русского мира имеющий, однако, свои специфические черты в виде:

1) высокой урбанизации и, как следствие, развитого рационального и критического мышления;

2) интенсивной депопуляции, возникшей в результате разрушения базовых социальных структур;

3) высокой унификации культурно-языкового пространства в контексте пространства Русского мира;

4) осознанной ориентации на сохранение единства с Русским миром [7].

Фактически и военный конфликт 2014 года переросший в военное противостояние растянувшееся на восемь долгих лет, унёсшее жизни многих людей, в том числе и мирного населения, изменившее судьбы всех донбассцев, представляет собой, по сути, войну идентичностей [8].

Проведённое «New Image Merketing Group» с 7 по 31 октября 2019 года на территории ЛДНР социологическое исследование [14], в результате которого было опрошено 1606 жителей Донецкой и Луганской республик, показало следующее: более 60% населения хочет, чтобы Донбасс присоединился к России: из них: «войти в состав РФ» − 51 %; «войти в состав РФ с особым статусом» − 13 %; только 5 % хотели бы «быть частью Украины как прежде»; для 13 % −предпочтителен особый статус в составе Украины; более 60 % − считают, что для блага народа должно произойти объединение Украины с Российской Федерацией; 64,3 % − убеждены, что ДНР и ЛНР в

будущем войдут в состав Российской Федерации. Кроме того, 76 % участников исследования квалифицируют конфликт в Донбассе как «внутриукраинский». Только 3,1 % оценивают его «как войну, начатую «Россией и пророссийскими группировками». 86 % считают, что Россия вообще не имеет никакого отношения к началу боевых действий.

В результате проведённого на стыке социолингвистики и психолингвистики исследования посвящённого анализу трансформации самоидентификации жителей непризнанных республик Донбасса [3] происходящей в результате вооружённого конфликта, по протяжённости уже превзошедшего знаменитую Семилетнюю войну, на основе психосемантического анализа материалов общения в интернете, диалогов, речевых манифестаций и через соотнесение их с категориями маркированными местоимениями «мы», «наши», «все», «вы» были выявлены особенности регионального деления в дихотомии «свои – чужие», где критерием выступает позиция как к конфликту в целом, так и отдельным его аспектам.

Как указывает Т.Ю. Власкина, были получены следующие данные: «<…> Согласно проведенному исследованию, ведущей темой происходящей на Донбассе трансформации самосознания остается отторжение навязываемой украинской национально-политической идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта как донецкие / луганские русские <…>» [3].

Что же даёт силу для сохранения стойкости духа и верность идеалам в этих условиях затяжной вялотекущей войны? Думается, что ощущение причастности единому пространству Русского мира, поскольку «<…> Достоверно известно, что в тяжелейших испытаниях, смертельно угрожающих условиях – в плену, в болезни – выживают сильные духом люди. Т.е. для человека важны идея, смысл существования и преодоления. Зачастую более важны, чем материальные условия <…>» [21, с. 60].

Не случайно в Донецке в конце января 2021 прошёл интеграционный форум «Русский Донбасс», эхо от которого не утихало в СМИ почти четыре месяца, вызвав колоссальный резонанс. Например, О.Николаенко, представитель МИД Украины, прокомментировал его как «попытку России переделать Украину на свой лад», а П.Климкин, экс-глава МИД Украины, развил эту мысль, вменив России стремление присоединить Донбасс в свой состав силой. Вторили им и представители иностранных посольств в Москве, закидав официальных лиц запросами о фразе, произнесённой на форуме М.Симонян: «Россия-матушка, забери Донбасс домой». И это всё не смотря на то. что Н.Никонорова, глава МИД Донецкой народной республики прямо сказала, что доктрина, принятая на форуме «Русский Донбасс» показывает желание всего населения Донбасса Присоединиться к Российской Федерации и вполне согласуется с Минским соглашением.

То есть, данный интеграционный форум фактически стал, за всё время гражданской войны в Донбассе, мероприятием, значение которого можно причислить к мировому уровню, поскольку символически стал знаком к объединению всего Русского мира – всех, кто, не зависимо от места проживания, считает себя частью русской цивилизации. При этом, если бы власти Украины задумались о действительном прекращении этого военного конфликта, то пошли по пути федерализации [6, с. 45].

Однако вместо этого власти Украины ведут агрессивную неонацистскую пропаганду. И форум «Русский Донбасс» стал своеобразным ответом на неё, свободным волеизъявлением людей, открыто заявившим о своём самоопределении, о своём выборе, о понимании своего места именно в рамках Русского мира. И это нашло отклик в сердцах людей, продемонстрировав всему мировому сообществу солидарность, существующую внутри российского общества, задав новый вектор в контексте принятой на форуме доктрине по построению «русских национальных государств»

интегрированных с Российской Федерацией, вернув на политическую арену забытое интегративное понятие, вбирающее в себя все русскоговорящие и культурно родственные России, на сегодняшний момент входящие в состав Украины, области Одесская, Херсонская, Николаевская, Днепропетровская, Харьковская – «Новороссия». Именно Донбасс выступает центром их притяжения и залогом возможного политического воссоединения с Русским миром восточных областей разлагающейся Украины, а доктрина «Русский Донбасс» задаёт новую стратегию взамен устаревшей «Минской» [19].

При этом вопрос перспектив развития Донецкой и Луганской народных республик в качестве самостоятельных субъектов международной политики рассматривали, ещё в 2018 году. Так, И.М.Узнародов и Д.И.Узнародов [23] выделиили три гипотетических сценария развития событий. Первый сценарий – трансформация ДНР и ЛНР в де-факто независимые частично признанные государства – «абхазский». Второй сценарий – «крымский», по мнению учёных, наиболее вероятен при нарастании дестабилизации политической обстановки на Украине и формировании новых очагов напряжённости вследствие чего Донбасс полностью выйдет из-под власти Украины. Третий вариант – «боснийский», − наиболее вероятен при нарастании вооружённого конфликта.

Как показало время, наиболее реален, на настоящий момент, «крымский» сценарий. При этом, с экономической точки зрения [11], такой сценарий имеет преимущества, поскольку в советский период и постсоветский до 2014 года, существовали тесные экономические связи старопромышленного Донбасса и России, что создавало благоприятные условия для развития индустриального потенциала Донбасса. В результате военного конфликта промышленный потенциал Донбасса понёс значительные потери. Кроме того, отсутствие легитимного политического статуса Донецкой народной республики и Луганской народной республики спровоцировало потерю рынков сбыта, стагнацию экономики и закономерное в этих условиях обострение социальных проблем.

Однако и в этих непростых условиях Россия и Донбасс поддерживают торговые отношения: из Донбасса в Россию идут поставки высококачественного антроцитового угля; из России в Донбасс – электроэнергия, газ, продовольствие. Также российские предприятия, расположенные в юном регионе РФ, осуществляют тесное сотрудничество с предприятиями Донбасса. Фактически доля импорта республик в РФ превышает 80%. То есть, доминирующим геополитическим фактором, определяющим внешнеполитические интересы ДНР и ЛНР, выступает противостояние Украине, ЕС и США, с ярко выраженной ориентацией на интеграцию с РФ: «<…>Будучи политическим продуктом «Русской весны» (серии массовых акций протеста русского и русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины в начале 2014 г.), ДНР фактически представляет собой русское государство-нацию – тип государства, при котором оно является результатом и воплотителем интересов образовавшей его нации. В первую очередь, это проявляется в символическом поле политики: под местные условия была адаптирована русская государственная политическая символика, а русский язык при формальном двуязычии является де-факто единственным официальным <…>» [13]. Данная ориентация вполне логична, поскольку согласуется с хронотопом культурной памяти Донбасса основанного на концепте «Русский мир», который в XXI столетии становится всё более и более популярным: «<…>В наше сложное время мы должны искать новые адекватные формы исторической общности людей. Русский мир может и должен объединить всех тех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами, и к какой бы этнической группе не принадлежали <…>» [15].

По своей сущности «Русский мир» − это воплощенное на символическом уровне культурное и историческое единство людей, считающих себя причастными к русской культуре, не зависимо от межгосударственных границ. Само название идеи, состоящее из двух слов − «русский» (исторические корни) и «мир» (все люди), − указывает на это духовное единение, «духовного собирания и возрождения Великой России» [17]. И это название, как нельзя лучше отражает специфику сопричастности русской/российской культуре, поскольку генетической особенностью российской нации всегда было распространение в пространстве и времени. И именно эта особенность оказала сильное влияние на историю формирования государства: расширение территориального пространства от Киевской Руси до Аляски; перемещения в результате Первой и Второй мировых войн, эмиграционные волны в последние два столетия – всё это привело к тому, что несколько миллионов людей географически оказались за пределами своей Родины. Но быть «за пределом» географически никогда не означало «потерять духовную связь». И именно это неразрывное единение вызвало к жизни тот социальный уникальный феномен, который теперь называется «Русский мир». Он не ограничен не только государственными границами РФ, но и собственно русским этносом [2], поскольку интерес к русской культуре и стремление поближе познакомиться с достижениями России на всех уровнях, приобщиться к её живительной культуре, является интегрирующим фактором не только для собственно носителей русской культуры, но всех тех, кто не зависимо от национальности, считает себя русским. В принципе, в этом и заключена основа самой концепции «Русский мир» возникшей в середине 90-х годов прошлого столетия как способ примирения имперского, советского прошлого с настоящим посредством воссоединения разбросанных по всему миру бывших граждан Российской Империи и Советской России. И сам этот феномен «Русский мир», настолько непонятный для иных этносов, населяющих нашу планету, только добавил флёру к уже давно известной загадке о русской непостижимой душе, который вот уже на протяжении веков будоражит умы вначале мыслителей и представителей искусства, позднее – учёных и журналистов.

Вероятно, русскую душу можно попытаться понять только через анализ содержания культурного пространства в котором наиболее важными, как считают исследователи, являются следующие три элемента: культурные темы, эстетические нормы, типы социального взаимодействия, проявляющие себя на таких уровнях, как социальный, ценностно-символический, информационно коммуникативный [22, с. 8].

Из всех перечисленных для понимания социокультурных феноменов «русская душа», и «Русский мир» наиболее важен ценностно-символический уровень бытования культурной темы, поскольку именно ценности и символы выступают тем базисом, на котором возведен собор (соборность) русского культурного пространства. И именно этот, ценностно-символический, уровень наиболее важен для понимания соотношения «<….>русского и донбасского культурных пространств <….> Донбасс представляет собой культурную единицу, сформированную в рамках русского культурного пространства. Специфика культурного пространства Донбасса объясняется его географическим положением на границе разных культурных миров и многовековой функцией рубежа русского мира, которую выполнял этот регион от древних времен до настоящего времени<….>» [10]. То есть, через ценностно-символический уровень Русский мир на Донбассе консолидирует различные социальные группы, создавая качественно новое, целое, завершая процесс формирования обновлённой идентичности донбасского регионального социума в котором «<…> мощным сплачивающим эффектом обладают символы ЛДНР: флаг, герб, гимн, памятники, страницы политической истории.

Важно подчеркнуть, что многочисленные политико-патриотические акции, различные конференции, проходившие в Донецке, Луганске в конце XX – начале XXI вв., обращались к исторической памяти, связанной с существованием Донецко-Криворожской республики, других героических событий прошлого<…>Сущность донбасского социума заключается в особой межличностной психологии, устоявшихся неформальных связях, уникальной культуре <…>» [18]. Именно поэтому связь, существующая между Донбассом и Россией, неразрывна, и разорвать её, как бы этого ни «хотелось и мечталось» прозападно настроенным украинским националистам невозможно.

Таким образом, «Русский мир», в отличие от русской цивилизации, которая представляет собой уже устоявшееся и изученное явление, – является неизведанным пространством архитектоника которого включает в себя, безусловно, цивилизационный, религиозный, моральный, эстетический, политический элементы. При этом «Русский мир» − это весьма динамическое пространство, позволяющее причастным к нему, по сравнению с другими, более легко справляться с вызовами современности. Есть версия, по которой этому способствует именно та неразрывная связь с цивилизационными истоками, которые и по нынешний день питают корни родословного древа и сохраняющими суверенитет русского духа. Хотя, безусловно, этим функции «Русского мира» не исчерпываются, включая в себя:

1) сохранение языка и культуры;

2) развитие языка и культуры;

3) защиты веры;

4) защита и укрепление моральных норм и ценностных оснований, свойственных русской цивилизации;

5) защита русских общин, находящихся за пределами государственных границ РФ;

6) укрепление российской государственности.

Если рассматривать в контексте выше перечисленного, то жители Донбасса в течении последних семи лет доказали всему миру свою причастность к «Русскому миру», поскольку их мужество и стойкость, верность идеалам и выбору, сделанному в 2014 году, и целеустремлённость конгруэнтены именно ему. Ведь фактически тогда, после отмены депутатами Верховной рады в Киеве закона о русском языке как втором государственном, вопрос стоял именно о выборе между принадлежностью к русской цивилизации или выходу из неё, так как язык является не только и не столько средством коммуникации, но, прежде всего, кодом доступа к сокровищам культуры.

Одним из отличительных свойств «русскости» является терпение. Не «толерантность», как сейчас модно говорить, а именно терпение, предполагающее несогласие, но принятие при условии, что границы твоего мира остаются неприкосновенными. И донбассцы это терпение проявили в полной мере, когда последовательно в течении нескольких лет украинские националисты находящиеся у власти «проталкивали» в Раде антирусские законы: о высшем образовании только на украинском языке, о делопроизводстве только на украинском языке. Но у терпения есть и обратная сторона – взрыв. Это свойство, как отличительная черта «русскости», также подробно описана и изучена. И на этом фоне вполне ожидаемым, прогнозируемым предстаёт то, что Донбасс взялся за оружие, когда ему было отказано в праве причастности к Русскому миру, в праве быть собой. Это можно сравнить с ситуацией, в которой оказались советские люди в годы Второй мировой войны: отстоять для себя и своих потомков право быть собой или умереть достойно.

И Донбасс в той ситуации одновременно оказался и достойным памяти великих предков и образцом для всего Русского мира в последовательном отстаивании его идеалов с оружием в руках. Как подчеркнул председатель Госсовета Крыма

В. Константинов на торжественном собрании по случаю Дня Луганской Народной Республики (ЛНР) 12 мая 2021 года: «<…> Жесткое последовательное отстаивание наших интересов, интересов Русского мира, наших традиционных ценностей − вот наш единственный путь. Я верю в будущее ЛНР, ДНР. Этот путь непростой, но он обязательно завершится победой и возвращением в лоно матери <…> Мы, по сути, один народ, и вся наша совместная история пропитана очень важными историческими скрепами. Но урок украинского кризиса очень важно нам вынести, чтобы все те невзгоды, которые выпали на судьбы Луганска, Донецка, не прошли даром. Это есть тот урок, который мы должны вынести, мы должны отстаивать права русскоязычных, которые испытывают колоссальный гнет, находясь на Украине <…>» [5].

Власть Украины в течение семи лет периодически приводит переговоры о мирном урегулировании вооружённого конфликта в Донбассе в тупик, втянув в него и страны Европы, которые давно потеряли свой статус «гарантов конфликта», так как сменили нейтралитет на односторонне украинизированный взгляд на происходящее. И именно пользуясь этой поддержкой, Киев всё больше делает ставку именно на силовой вариант развития событий, что приводит к эскалации ситуации на границах соприкосновения.

Так 15 февраля 2021 года Киевом был спланирован теракт в отношении командира батальона Народной милиции ЛНР, который, к счастью, не пострадал. Символично то, что 12 февраля минуло шесть лет с момента подписания знаменитых Минских соглашений («Минск – 2») по урегулированию ситуации на Донбассе, которыми Киев маркировал всё это время. По инициативе Москвы для обсуждения ситуации в ЛДНР 12 февраля 2021 года было проведено заседание Совбез ООН, на котором Германия и Франция неожиданно изменили свою позицию, выступив на стороне Украины и перенеся всю ответственность за невыполнение Минских соглашений на Россию, потребовали провести решение данного вопроса в формате нормандской четвёртки, исключив представителей ДНР и ЛНР из обсуждения, как нелегальных и угрожая введением нового пакета секторальных санкций в отношении России в случае отказа. И это на фоне опубликованного госструктурами Украины пакетов документов по регламентированию жизни донбассовцев в случае возвращения под контроль Украины, в которых указаны, в частности, поражение в гражданских правах, «особый правовой режим», люстрации, репрессии по отношению ко всем, кто занимал административные посты или сотрудничал с администрацией, а также предписание отмечать «день памяти жертв вооруженной агрессии РФ».

То есть, местному населению, при возвращении «под крыло» Украины, приготовили положение унтерменшей в нацистской Германии. Кроме того, А. Арестович, пресс-секретарь украинской делегации в ТКГ, пообещал «к лету» активизацию военных действий, объявив, что в этом виновата Россия. Однако, в своей предвыборной кампании В. Зеленский обещал, в том числе, мирное урегулирование ситуации в Донбассе, но придя к власти начал репрессивную политику в отношении всех, кто призывает к этому на территории Украины, используя фантом «дело рук Москвы» для прикрытия и оправдания практически всех социальные и экономические проблем в своей стране. При этом, даже антироссийски настроенные исследователи не могут обойти тот факт, что в Украине растёт недовольство правящей властью и увеличивается ориентация на Русский мир: «<…> политически неоднозначные тенденции <…> В своей сумме они представляют собой проблематичные черты постмайданной Украины, несущие в себе опасность, как дестабилизации внутри украинского государства, так и новых напряжений в международных отношениях Киева <…>» [1].

Но разговор с Россией на языке силы был всегда бессмысленен и история тому подтверждение. Не исключение и данная ситуация, поскольку русские своих не

бросают ни при каких обстоятельствах. И это тоже из ценностей Русского мира, которые подтвердил сам президент России В.Путин на встрече с представителями СМИ: несмотря ни на что Россия Донбасс не бросит. И в качестве альтернативы мрачному будущему уготованному властью Украины ЛДНР, подтверждении позиции России в отношении Донбасса и в контексте идеологемы Русский мир на интеграционном форуме в Донецке была презентована новая доктрина «Русский Донбасс» [20]. « <…> Ни одно государство не в состоянии выстроить свой политический курс без собственной идеологии. Без базовых принципов, целей, убеждений и объединяющей идеи общество теряет единство. Своевременно сформированные идеи, идеологические доктрины позволяют разработать адекватные подходы к оценке социальных процессов, к определению текущих и перспективных целей политики государства, государственная идеология должна обеспечить единство общества, объединить граждан вокруг общенациональных задач, адекватных веяниям современного времени. <…> Мы должны помнить о своём суверенитете и следовать собственным идеологическим курсом, характеризующимся преемственностью исторических, культурных и политических задач, стоящих перед нашим обществом. Кроме того, государственная идеология – это тот образ страны, который мы предъявляем миру» [12, с.68, 70].

Доктрина «Русский Донбасс», кроме своего политического значения, обладает и иными важными составляющими, поскольку составлена с позиции взаимодействия национальной культуры, региональной идентичности и модернизации [16], то есть в контексте одной из главных целей национальной политики России – государственной поддержки сохранению и развитию в условиях современности этно-национальной и региональной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреас Умланд Крайне правые в Украине: до и после Евромайдана: от ультронационалистической партийной политики к этно-центристскому «негражданскому» обществу // Сравнительная политика. – 2021. – №1. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krayne-pravye-v-ukraine-do-i-posle-evromaydana-ot-ultranatsionalisticheskoy-partiynoy-politiki-k-etno-tsentristskomu (дата обращения: 15.05.2021).
2. Астахов Е.М., Астахова Е.В. Россия и «Русский мир» // Вестник МГИМО. – 2011. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-russkiy-mir (дата обращения: 12.05.2021).
3. Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей непризнанных республик Донбасса: по материалам общения в интернете // Вопросы психолингвистики. – 2021. – №1 (47). [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-zhiteley-nepriznannyh-respublik-donbassa-po-materialam-obscheniya-v-internete (дата обращения: 15.05.2021).
4. Внукова Л.Б. Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – №4. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-i-sotsialno-ekonomicheskie-vyzovy-v-kontekste-obschestvennyh-nastroeniy-i-identichnosti-na-donbasse-po-materialam (дата обращения: 09.05.2021).
5. Глава Госсовета Крыма: отстаивание Русского мира является единственным путем для Донбасса /ТАСС/ Луганск, 12 мая 2021 [Электронный ресурс] – URL: https://tass.ru/politika/11355653 (дата обращения: 09.05.2021).
6. Гуляков А.Д. К вопросу об особенностях Украины как государства и возможностях её федерализации (регионализации): историко-государственное и теоретико-правовое исследование // Общественные науки. Право. – № 1 (53). – 2020. – С. 45-57.
7. Даренский В. Ю. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов // Историческая психология и социология истории. – 2014. – №1. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-tipy-moderna-v-ukraine-kak-istochnik-mentalnyh-konfliktov (дата обращения: 29.04.2021).

8. Дибиров Абдул-Насир Зирарович, Белоусов Евгений Васильевич Война идентичностей // Вестник Института социологии. – 2014. – №4 (11). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voi-na-identichnostei (дата обращения: 05.05.2021).
9. Дрожжина С.В., Кушаков М.Н. Реформы П.А. Столыпина как фактор формирования российского гражданского общества // Научный потенциал. – 2020. – № 3(30). – 137 с. – С. 7–14.
10. Ищенко Н.С. Хронотоп культурной памяти Донбасса на примере книги Андрея Чернова «Донбасский код» // Культурный ландшафт регионов. – 2020. – №3-4. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-kulturnoy-pamyati-donbassa-na-primere-knigi-andreya-chernova-donbasskiy-kod (дата обращения: 12.05.2021).
11. Митрофанова И. В., Ялмаев Р.А., Ялмаева М.А. Экономическая интеграция России и Донбасса: реальность и перспективы // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – №6 (59). [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-rossii-i-donbassa-realnost-i-perspektivy (дата обращения: 09.05.2021).
12. Одинцова Е.А. Государственная идеология: стратегия становления современного общества // Научный потенциал. – 2020. – № 3(30). – 137 с – С. 67–70.
13. Онопко О.В. Внешняя политика Донецкой Народной республики: интересы и идеология // Via in tempore. История. Политология. – 2018. – №2. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-donetskoy-narodnoy-respubliki-interesy-i-ideologiya (дата обращения: 09.05.2021).
14. Политические новости от 8 мая 2021 (7529)/Русская правда [Электронный ресурс] – URL: http://ruspravda.info/Kiev-o-Donbasse-Prochtite.-Eto-bolno.-No-eto-otrezvlyaet-37879.html (дата обращения: 13.05.2021).
15. Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 г. б/н [Электронный ресурс] – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522 (дата обращения: 09.05.2021).
16. Развернутая и полная версия основных идей и предложений уральских ученых к проекту «Доктрина национального единства» [Электронный ресурс] – URL: https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/doktrina-natsionalnogo-edinstva-konflikt-tsennostnykh-techeniy/ (дата обращения: 15.05.2021).
17. Семиков И.О. Русский мир // БМИК. – 2017. – №6. [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-mir (дата обращения: 12.05.2021).
18. Скорченко Ю.А. Значимость социальных связей в контексте формирования гражданского общества в Донбассе // Основы ЭУП. – 2021. – №2 (27). [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-sotsialnyh-svyazey-v-kontekste-formirovaniya-grazhdanskogo-obschestva-v-donbasse (дата обращения: 15.05.2021).
19. Союстов А. Россия всерьез задумалась о Новороссии как альтернативе «Минску-2»/Федеральное агенство новостей. 03 февраля 2021. [Электронный ресурс] – URL: https://riafan.ru/1380814-rossiya-vserez-zadumalas-o-novorossii-kak-alternative-minsku-2 (дата обращения: 12.05.2021)
20. Сосютов А. Россия отвергла ультиматум Запада по Донбассу с ужасающими последствиями для Украины [Электронный ресурс] – URL: https://cont.ws/@Novoross/1919228 (дата обращения: 15.05.2021).
21. Сулакшин С.С. Национальная идея России. Программа действий (постановка задачи) // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – Вып. 5. – С. 60-79.
22. Тулиганова И. В. Социокультурное пространство современного города: автореферат ... канд. филос. наук : 09.00.11. – Саратов, 2009. – 18 с.
23. Узнародов И.М., Узнародов Д. И. Перспективы развития народных республик Донбасса в качестве самостоятельных субъектов международной политики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2018. – №3 (199). [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-narodnyh-respublik-donbassa-v-kachestve-samostoyatelnyh-subektov-mezhdunarodnoy-politiki (дата обращения: 12.05.2021).
24. Яковенко А. В. Социолог в условиях вооруженного противостояния в Донбассе // Социологические исследования. – 2019. – № 7. – С. 143-151. DOI: 10.31857/S013216250005800-3

Поступила в редакцию 15.09.2021 г.

THE IDEA OF THE RUSSIAN WORLD AS THE BASIS FOR DEFINING THE REGIONAL IDENTITY OF DONBASS

V.S. Romadykina

The article provides a socio-philosophical analysis of the specifics of the idea of the Russian World and the regional identity of Donbass. It is concluded that the specificity of the idea of the Russian world is to unite the entire Russian world – all who, regardless of their place of residence, consider themselves a part of the Russian civilization. It is revealed that the main feature of the regional identity of Donbass is that the Donbass was initially formed, and remained so, as a unique formation of the Russian world, which, however, has its own specific features in the form of high urbanization and, as a result, developed rational and critical thinking; intensive depopulation resulting from the destruction of basic social structures; high unification of the cultural and linguistic space in the context of the space of the Russian world; a conscious focus on maintaining unity with the Russian world. It is indicated that this orientation is consistent with the chronotope of the cultural memory of Donbass based on the concept of "Russian World", which in the 21st century is becoming more and more relevant under the influence of geopolitical factors that determine the foreign policy interests of the DPR and LPR, acting as a support in the confrontation between Ukraine, the EU and the United States. , with a pronounced focus on integration with the Russian Federation.

***Key words*:** Russian world, Donbass, Ukraine, identity, regional identity, identity war, integration.

Ромадыкина Виталия Сергеевна
Кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР.
E-mail: vitalija.romadykina@gmail.com

Romadykina Vitaliya Sergeyevna
Candidate of Philosophy, Docent,
Professor of the department of Philosophy
SO HPE «Donetsk National University of Economics and Trade named after Michael Tugan-Baranovsky», Donetsk, DPR.
E-mail: vitalija.romadykina@gmail.com

УДК 172.15

ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПАТРИОТИЗМА И «ЛЖЕПАТРИОТИЗМА»

© 2021. ***Е.В. Рочняк, Р.А. Баталин***

В статье проанализированы существующие в научной среде основные классификации понятий «патриотизма» и «лжепатриотизма», рассмотрены подходы к структурированию и систематизации данных явлений, а также предложено исследовать поляризованность феномена «патриотизма» не только в рамках системного, но и – диалектического подхода.

Ключевые слова: патриотизм, классификации патриотизма, лжепатриотизм, просвещенный патриотизм.

Как показывает история, актуальность проблемы патриотизма характерна для любой культурно-исторической эпохи. Именно на чувстве патриотизма выстраивается отношение человека к своей стране, к согражданам, к родной культуре, традициям и менталитету. Патриотизм является основным компонентом коллективного сознания общества. Поэтому он всегда будет являться объектом внимания различных научных исследований, направленных на поиск общественного идеала.

Базовая функция и даже смысл феномена «патриотизм» – это умение сберечь целостность страны, сохранить единство нации. И в тоже время патриотизм не ограничивается только защитной функцией, а является, как показывает исторический опыт, мощным катализатором в становлении и развитии государства.

Цель нашего исследования: проанализировать существующие в научной среде классификаций «патриотизма» и «лжепатриотизма». Соответственно задачами будет рассмотрение и сравнение основных подходов и направлений в структурировании и осмыслении данных понятий.

В своем диссертационном исследовании С.Ю. Иванова отметила существующее многообразие подходов к пониманию патриотизма и предложила дифференцировать по основным направлениям, имеющим глубокую историко-философскую традицию, а именно: духовный, личностный, гражданский и государственный патриотизм. При этом Светлана Юрьевна обратила внимание на то, что данные подходы не совпадают по содержанию, а порой и противоречат друг другу [6].

А в статье «Российский патриотизм (концептуальный анализ)» В.И. Лутовиновым были выделены шесть, по мнению автора, основных направлений:

1. «Возвышенно-эмоциональное», определяющие патриотизм через чувство любви к Родине, Отечеству.

2. «Деятельностное», основанное на понимании того, что патриотизм как чувство должно побуждать субъекта (личность, группу, нацию) к активным реальным действиям на благо Родины.

3. «Государственный патриотизм» как «общественное явление», содержание и характер которого в значительной степени обусловлены особенностями исторического развития общества, политикой его правящей элиты.

4. Направление, в котором патриотизм представляется как одно из явлений духовной жизни общества, а в контексте развития отечественной истории как проявление специфических черт общественного сознания и национального менталитета.

5. Направление, определяющееся как «патриотизм личности», где личность занимает доминирующее положение среди остальных субъектов патриотизма.

6. «Духовно-религиозное», в котором содержание патриотических качеств личности связывается с религиозным началом и рассматривается как важнейший фактор духовного развития личности, ее самовыражения. [12]

Позже, в статье «Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления», В.И. Лутовинов более подробно охарактеризовал вышеперечисленные направления, подчеркнув их сильные и слабые стороны. Также он обратил внимание на появление нового «социального подхода» к патриотизму и выразил мнение, что «обновленный, вернее, пока еще обновляемый патриотизм, как знамя возрождения новой России, может явиться одним из факторов консолидации и развития нашего общества, преодоления многих негативных сторон современной жизни». Кроме того, в этой статье он рассмотрел «классовый», «социалистический», «народный», «русский», «гражданский», «рационально-критический» патриотизм и отнес их к второстепенным направлениям, отметив, что различные направления и определения патриотизма не противоречат друг другу, а взаимодополняют, т.к. каждое из них в отдельности является односторонним и неполным, отражая лишь какую-то одну сторону патриотических отношений в обществе [13].

Интересной нам видится и точка зрения А.М. Репьёвой, изложенная в коллективной монографии «Патриотизм как фактор развития российской государственности», где автор перечислила шесть направлений, упомянутых В.И. Лутовиновым, и выразила свою позицию относительно спектральности точек зрения в отношении феномена «патриотизм», объясняя данный факт не только многокомпонентностью содержания и разноплановостью структуры, но и недостаточной четкостью и убедительностью критериев для его классификации. Сама же автор наиболее продуктивным основанием считает уровень сознания, выделяя чувственный, эмоциональный и рациональный, понятийный патриотизм, а также патриотизм на уровне индивидуального и общественного сознания [16, с. 109-126].

Т.Е. Вежевич предложила рассматривать патриотизм на макро- и микроуровне:

- на макроуровне (общество в целом) патриотизм представляется значимой частью общественного сознания, проявляющейся в коллективных чувствах, настроениях, оценках, в системе основополагающих ценностей, в отношении к своему государству, народу, истории, культуре, образе жизни. Он является цементирующей основой существования и развития наций. Полиэтничность страны, многообразие культур и их взаимное проникновение способствуют прогрессу общества;

- на микроуровне (отдельная личность) патриотизм выражается как важнейшая, чувственно-эмоциональная и рационально-волевая особенность человека, проявляющаяся в его мировоззрении, духовно-нравственных идеалах и поведении [2].

По ключевому признаку – направленности на социокультурное пространство – Е.С. Троицкий выделяет местный региональный и государственный патриотизм [18, с. 433-434].

Структура патриотизма, изложенная в статье А.И. Мурзина «Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность», включает в себя сознание, отношение и деятельность. Патриотическое сознание представляет собой понимание субъектом роли Отечества в его жизни и готовности защищать свои национальные интересы. Патриотические отношения отражают реальную связь субъекта с объектом действий и выступают предпосылкой материализации патриотического сознания и

осуществления патриотической деятельности, которая понимается как материальная, ощущаемая и видимая основа патриотизма [15].

Такого мнения придерживаются и А.В. Кузьмин с Ю.Н. Трифоновым. Под патриотизмом они понимают комплексное духовно-практическое образование, в основе которого лежит патриотическое сознание, выражающееся в патриотическом отношении и проявляющееся в патриотической деятельности. При этом они добавляют, что нельзя забывать о важности субъектов патриотизма – государственных и общественных организациях. Если его не учитывать, то может возникнуть опасность формирования не патриотизма, а его усеченного проявления или суррогата, а то и антипода [10].

В статье «Лжепатриотизм – социальный парадокс постмодерна» И.Л. Грошев и И.А. Грошева предложили понятие «патриотизм» рассмотреть в структурно-функциональном анализе, выделив структурные компоненты феномена, функциональную область и признаки качества (табл. 1).

Таблица 1

Структурный компонент	Функциональная область	Признак качества
Приверженность политическим принципам и идеям, поддержка государственного курса	Стратегическая	Устойчивость поведенческой модели, обладающей эволюционным характером развития
Нравственность как приоритетное чувство	Эмоционально-психологическая	Доминирование позитивной коллективной морали
Любовь к отечеству	Аксиологическая	Формирование устойчивых ориентаций и установок гражданственности
Преданность отечеству	Практическая	Готовность участвовать в позитивных изменениях на благо Родины
Гордость за прошлое и настоящее отечества	Образовательная	Хорошие познания истории государства, причинно-следственных связей в исторических процессах
Стремление защищать интересы родины	Мотивационная	Служба в ВС РФ, законопослушное поведение, соблюдение социальных норм общежития
Привязанность к родной земле	Охранительная	Чувство «хозяина», бережное и рациональное использование ресурсов, уважительное отношение к природе
Привязанность языку	Лингво-коммуникативная	Владение родным языком в совершенстве, грамотная и культурная повседневная речь
Привязанность к традициям	Историческая	Генеалогическая преемственность поколений, основанная на накопленном опыте предков
Единение человека и общества	Воспитательная	Отстаивание общественных интересов как своих собственных, нетерпимость к асоциальным формам поведения других лиц
Уважение к народам других стран	Гуманистическая	Проявление толерантности к людям вне зависимости от национальности и места рождения
Чувства, идеи, возвышающие личность	Социальная	Активная жизненная позиция, нацеленная на позитивные преобразования, непременное участие в общественно-значимых мероприятиях

Авторы также выразили мнение, что в понимании сложной, многокомпонентной сущности данного феномена было бы разумно использовать прием «зеркального

анализа». Например, в конкретизации понятия «патриот» дать характеристику «не-патриота», предполагая, что все, кто не соответствует такой характеристике по определению, являются патриотами, а в понимании «патриотизма» соответственно, имеет смысл обратить внимание на лжепатриотизм и псевдопатриотизм [4].

Грошевы считают необходимым «отличать "лжепатриотизм" от "псевдопатриотизма", который имеет идеологическую составляющую. Псевдопатриотизм проявляется в различных социальных движениях и может стать предметом отдельного научного исследования» [4]. Они утверждают: «Патриотизм без внутренней положительной мотивации целесообразно определить как "лжепатриотизм"… Оперирование личной выгодой культивирует образ "современного героя", добивающегося успеха во всем и всегда минимальными усилиями и за короткое время». В качестве внешней мотивации авторы приводят в пример участие в митингах и шествиях за деньги, волонтерскую работу как средство карьерного роста и др., при этом душа человека остается «патриотически пустынной и мертвой» [4].

И.А. Ильин классифицирует патриотизм по уровням развития духовности личности как «мнимый» и «истинный». Первый присущ большинству людей и представляет собой «неразумную склонность», которая теряет свою силу в мирные времена и в противоположной ситуации «вспыхивает слепою и противоразумною страстью, пожаром проснувшегося, испуганного и ожесточившегося инстинкта, способного заглушить в душе и голос совести, и чувство меры и справедливости, и даже требования элементарного смысла». Истинный же патриотизм присущ немногим. «Истинный патриот любит свое отечество … духовною, зрячею любовью; не только любит, но еще утверждает совершенство любимого…» [7, с. 171-178].

В.И. Лутовинов [12], А.Н. Вырщников и М.Б. Кусмарцев [3] считают, что лжепатриотизм имеет в своей основе подмену представлений о преданности Отечеству в неадекватном контексте (политические интересы и пристрастия, мода, иллюзии, имидж и т.д.), а также духовный, идейный и ценностный вакуум, в котором оказалось подавляющее большинство молодежи. Его параметры определяются от полного безразличия к судьбе Отечества до воинственного, немотивированного национализма. Они классифицируют проявления лжепатриотизма следующим образом.

К разновидностям лжепатриотизма первого рода относят преднамеренные извращения истинного смысла и значения патриотической идеи. Где выделяют три направления: «политизацию», «космополитизацию» и «национал-патриотизм».

При «политизации», патриотическая идея усиленно используется, обыгрывается многими известными политиками, политическими партиями и движениями для наживания политического капитала, преследуя своекорыстные интересы расширения собственной социальной базы.

В рамках «космополитизации» извращение патриотизма осуществляется особенно активно и целенаправленно за счет принижения, всемерного подавления не только советских, классовых, но и традиционных духовно-нравственных и историко-культурных ценностей. Космополитизм антинационален по своей сути и предполагает освобождение от ощущения национального в себе, от национальной гордости и, естественно, от патриотизма.

Третье направление – «национал-патриотизм». Он связан с чрезмерной национализацией его сущности, содержания и, что особенно важно, внешнего (реального) проявления. Возникновение и развитие данного направления, как считают авторы, вызвано тотальностью и агрессивностью антинационального по своей сущности космополитизма. Его сторонники считают, что на пути к глобальной

вестернизации происходит неравномерное развитие стран, что ведёт к усилению экстремизма.

Разновидности лжепатриотизма второго рода, по мнению авторов, связаны с неоднозначностью проблемы ввиду ее сложности, присущи некоторым писателям, публицистам, культурным, общественным и государственным деятелям. К ним относят:

- «просвещенный» патриотизм, как стремление к гармонии разнородных политических, идеологических и хозяйственных элементов капитализма и социализма, традиций и современности, демократии, либерализма и авторитаризма, национальной самобытности и общечеловеческих ценностей;

- «стыдливый» патриотизм, как цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением, откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них... «Стыдливый» патриотизм лишён созидательного потенциала, поскольку понуждает нас «посыпать головы пеплом», раскручивает новые витки неумеренной самокритики, агрессивного самообличения мазохистского самоуничижения;

- «интимный», «скрытый» патриотизм полагает, что любовь к Родине, как и иная любовь, – дело сугубо интимное. Такая позиция, как считают авторы, ставит под сомнение деятельностный компонент патриотизма, особенно в групповом, массовом проявлении».

Но, используя прием «зеркального анализа», предложенный Грошевыми, стоит отметить, что и в рассмотрении явлений лжепатриотизма, псевдопатриотизма, мнимого патриотизма можно также обнаружить разброс точек зрения.

Например, в интеллектуальной среде хорошо просматриваются различные отношения к усилению национального сознания, порой перерастающего в вышерассмотренный «национал-патриотизм». Эти мнения могут варьироваться от «относительно-настороженного» отношения к национализму, до восприятия национализма как крайности патриотизма, а может восприниматься как необходимое условие развития государственности и патриотизма.

Е.С. Троицкий выразил точку зрения, что прогресс в развитии государства, или «русский прорыв», возможен именно благодаря «взрыву здорового патриотизма и национализма… Порицать нужно не национализм вообще как таковой, а ксенофобию, шовинизм, расизм, фашизм либо, наконец, агрессивный национализм» [19]. Евгений Сергеевич также обратил внимание на классификацию национализма в историко-географическом измерении предложенную Л. Снайдером:

1. Интегрирующий национализм (1815–1871) представлял собой объединительную силу, способствовавшую консолидации народов Германии, Италии, пребывавших в состоянии феодальной раздробленности.

2. Разъединяющий национализм (1871–1890), стимулировавший освободительную борьбу в Османской, Австро-Венгерской и других империях, способствуя их распаду.

3. Агрессивный национализм (1900–1945), вызванный столкновением противоположных интересов, идентичный империализму. Привел к двум мировым войнам.

4. Современный национализм (1945–…) был порожден антиколониальными революциями и привел к глобальному распространению идеологии национализма.

К этим четырем типам Е.С. Троицкий добавил пятый и шестой типы национализма:

5. Новейший дезинтегрирующий национализм (1990-…), приведший к распаду Советского Союза, Югославии, Чехословакии, всего социалистического блока, и угрожающий расколоть США (движение нации ислам), Канаду (сепаратизм в Квебеке).

6. Новейший интегрирующий национализм (1990–…), приведший к восстановлению единства Германии, стало быть, к краху концепции двух немецких наций, а также, побуждающий патриотическое стремление к возрождению сплоченности триединого русского православного народа.

Как и в случае с патриотизмом, мы видим проблему классификации национализма, по содержанию проявляющегося в диаметрально-противоположных тенденциях.

Разброс точек зрения можно отметить в восприятии и отношении к понятию «просвещенный патриотизм». Если В.И. Лутовинов, А.Н. Вырщников и М.Б. Кусмарцев относят его к лжепатриотизму второго рода, то не менее известные представители научного сообщества В.Д. Зорькин, Е.С. Троицкий, А.А. Кокошин, М. Мертес, А.В. Лубский именно в просвещенном патриотизме видят осознанный, ответственный, конструктивный подход в формировании патриотизма, и не только как чувства, но и как национальной идеи.

Рассмотрев вышеперечисленные подходы в понимании патриотизма, напрашивается вывод о многовекторности мнений и разбросе точек зрений в отношении данного феномена. А сходство, в большей степени, видится в части восприятия «патриотизма» как сложного, многоаспектного, многокомпонентного в содержательном плане и структурировании явления, которое имеет различные этапы, а также уровни развития, проявляющиеся в многообразных формах в важнейших сферах жизни общества. В силу чего патриотизм по-разному понимается, проявляется и многовариантно трактуется.

На наш взгляд, такое многообразие (как схожих, так и диаметрально-противоположных) подходов, мнений в отношении патриотизма, обусловлено еще и диалектическим законом, а также противоречивой сущностью самого феномена. Интересной в этой связи считаем мысль Э.А. Самбурова: «Любое реальное событие – это противоречие, т.е. взаимодействие большого числа сторон, свойств, сил, тенденций, порой даже диаметрально-противоположных… Количественные и качественные изменения объектов взаимосвязаны, цикличны, формируют определенный ритм динамики изменений» [17]. Не менее важным является утверждение известного философа Н. Бердяева: «Всякая народная индивидуальность, как индивидуальность человека есть микрокосмос и поэтому заключает в себе противоречия… Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей» [1, с. 31-32].

В стремлении структурировать, систематизировать понятие «патриотизм», с целью его осмысления и развития, мы конечно можем ориентироваться на вычленение его конструктивных элементов и акцентировать на них свое внимание, но игнорировать поляризованность данного феномена означает пренебрежение опытом. Это может привести нас, образно выражаясь, к «топтанию на месте», или еще хуже – к «эффекту грабель». Такие явления как «лжепатриотизм», «псевдопатриотизм», «мнимый патриотизм» и другие девиации патриотизма являются частью динамического процесса и требуют к себе не меньшего внимания, чем непосредственно патриотизм. И рассматривать их следует не только с позиции системного, но и диалектического подхода. А одной из главных задач, конструктивного, осознанного или, как некоторые авторы стали его называть, «просвещенного патриотизма», видится нам не только и не столько борьба с противоположностями, сколько осмысление и разрешение противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Русская идея. / Н.А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2015. – 320 с.
2. Вежевич, Т.Е. Моделирование региональных систем патриотического воспитания школьников / Т.Е. Вежевич // Автореферат диссертационного исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/modelirovanie-regionalnykh-sistem-patrioticheskogo-vospitaniya-shkolnikov (дата обращения: 28.08.2021).
3. Вырщиков, А.Н. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Монография. / А.Н. Вырщиков, М.Б. Кусмарцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kilinson.com/story/2019/03/19/patriotichyeskoye-vospitaniye-molodyozhi-v-sovryemyennom-rossiyskom-obshchyestvye/ (дата обращения: 18.08.2021).
4. Грошев, И.Л. Лжепатриотизм – социальный парадокс постмодерна / И.Л. Грошев, И.А. Грошева // Научная конференция: Практическая философия: состояние и перспективы. Судак, 24-25 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36637558 (дата обращения: 28.08.2021).
5. Зорькин, В.Д. «Патриотизм истинный и ложный» / В.Д. Зорькин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N1-2_95/1-2_03.HTM (дата обращения: 02.03.2020 г.).
6. Иванова, С.Ю. Патриотизм в культуре современной России / С.Ю. Иванова // Автореферат дис. доктора философских наук: 09.00.13 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 46 с.
7. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Ильин И.А. // Собр. соч. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1993. – 543 с.
8. Кокошин, А.А. «Просвещенный патриотизм» / А.А. Кокошин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.trud.ru/article/30-07-2003/59929_prosveschennyj_patriotizm.html (дата обращения: 30.07.2021).
9. Круглов, В.В. Патриотизм истинный и ложный / В. В. Круглов, С. В. Монахов // Народное образование. – 2015. – №2 (1445). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-istinnyy-i-lozhnyy (дата обращения: 28.08.2021).
10. Кузьмин, А.В. О структуре патриотизма / А.В. Кузьмин, Ю.Н. Трифонов // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2016. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-patriotizma (дата обращения: 08.08.2021).
11. Лубский, А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе / А.В. Лубский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-patriotizm-o-sovmestimosti-patriotizma-i-grazhdanstvennosti-v-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 05.08.2021).
12. Лутовинов, В.И. Российский патриотизм (концептуальный анализ) / Лутовинов В.И. // Обозреватель. 1997. – № 11(94). – С. 12-15.
13. Лутовинов, В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления / Лутовинов В.И. // Studia Humanitatis. – 2013. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya (дата обращения: 25.08.2021).
14. Мертес, М. Просвещенный патриотизм и национализм / М. Мертес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opencity.hrworld.ru/arhiv/6/pechat5.htm (дата обращения: 25.08.2021 г.).
15. Мурзин, А.И. Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность / А.И. Мурзин // Аналитика культурологии. – 2006. – №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossiyskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost (дата обращения: 08.08.2021).
16. Патриотизм как фактор развития российской государственности // Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И. В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.
17. Самбуров, Э.А. Системно-диалектическая методология и теория предвидения / Э.А. Самбуров // Вестник ИрГТУ. – 2007. – №1 (29). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-dialekticheskaya-metodologiya-i-teoriya-predvideniya (дата обращения: 10.08.2021).
18. Троицкий, Е.С. Русский народ в поисках правды и организованности (988–1996) / Е.С. Троицкий – М., 1996. – 455 с.

Поступила в редакцию 29.08.2021 г.

MAIN CLASSIFICATIONS OF PATRIOTISM AND "FALSE PATRIOTISM"

E.V. Rochnyak, R.A. Batalin

The article analyzes the approaches to the phenomenon of "enlightened patriotism" existing in intellectual discourse, its natural, evolving essence is considered in the coordinate system, the features and patterns of the transformation of patriotism are determined, and the dynamics of its development are proposed.

***Key words*:** patriotism, classification of patriotism, false patriotism, enlightened patriotism.

Рочняк Елена Владимировна
Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков», г. Горловка, ДНР.
E-mail: lero1981@yandex.ru

Баталин Руслан Александрович
аспирант кафедры философии и истории
ГОУ ВПО «Горловский институт
иностранных языков», г. Горловка, ДНР.
E-mail: rusbat79@yandex.ru

Rochnyak Elena Vladimirovna
Candidate of Philosophy,
associate professor of the Department
of Philosophy and History,
EE HPE «Gorlovka Institute for Foreign Languages»,
Gorlovka, DPR.
E-mail: lero1981@yandex.ru

Batalin Ruslan Aleksandrovih
graduate student of the Department of Philosophy and
History,
EE HPE «Gorlovka Institute for Foreign Languages»,
Gorlovka, DPR.
E-mail: rusbat79@yandex.ru

УДК 130.2+124.5

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2021. *И.Г. Сухина*

Представлена концептуальная трактовка культурных универсалий как структурообразующего элемента культуры, феномена и императива культурно-цивилизационного развития в условиях современной глобализации, и особенно – ее информационной модальности, инспирируемой инновационным развитием «высоких» – информационно-компьютерных технологий и глобальной коммуникативной инфраструктурой. Производимая глобализацией и НТП трансформация культурно-цивилизационного процесса в планетарном масштабе рассматривается в корреляции с активацией культурных универсалий, удостоверяющих собой общечеловеческие ценности как форму аккумуляции культурного достояния, магистральный коммуникативный канал и платформу культурного единения цивилизованного человечества. С позиции инициируемой глобализацией необратимой и усиливающейся интеграции современного мира и культурно-цивилизационного развития в нем, актуализирующихся в этих условиях культурных универсалий рассмотрен многомерный диалог культур как раскрывающий их имманентный потенциал способ их существования и оптимальная модальность мирового культурно-цивилизационного процесса.

Ключевые слова: глобализация, культура, культурные универсалии, ценности, модернизация, коммуникация, диалог культур, цивилизация, интеграция.

Вводная часть. На современном этапе культурно-цивилизационного развития человечества, в условиях полномасштабной и необратимой глобализации, интегрирующей мир, превращающей его в планетарную миро-систему коммуникативных связей, проблема диалога культур и фундирующих его культурных универсалий – как его нормативных оснований, проводников и императивов, выходит на передний план и становится магистральной. Многомерный диалог или полилог культур на фундаментальной основе их универсальных форм – культурных универсалий может рассматриваться стратегией или стратегемой оптимизации процесса глобализации. Ее суть – интегрированное в цивилизационном единстве многообразие культур, раскрывающее в нем посредством культурных универсалий свою планетарную синергию. И это стратегема оптимизации – оптимизации современного мира как хронотопа глобализации, интегрирующими скрепами которого выступают культурные универсалии. Культура – главный адресат упований и надежд на перспективу оптимизации человеческого бытия в глобализирующемся мире.

Задействованная в статье комплексная проблематика предполагает анализ исследований в областях глобалистики, универсалий в сфере культуры и ее диалоговой интерпретации. Как междисциплинарная область знания о глобализации, глобалистика представлена во множестве работ современных исследователей – философов, социологов, футурологов, экономистов и др. Вместе с тем большое значение для изучения комплексного феномена глобализации имеет его культурно-цивилизационное измерение, которое воплощает его креативный, инновационный, коммуникативный и преобразующий потенциал, во многом определяющий состояние и развитие современного мира. Глобализация рассматривается и анализируется в статье именно в этом аспекте.

Универсальные формы культуры или культурные универсалии как ее семантически общезначимые инвариантные элементы, закономерно представляют собой прио-

ритетную сферу культурологических исследований, особенно – в логике акцентирующего общечеловеческое (общегуманистическое) начало культуры культурного универсализма.

Глобализация в силу интеграционной логики своего мировлияния, как никогда еще в истории, актуализирует универсальные культурные формы – культурные универсалии, раскрывает их культуро- и человеко- образующий потенциал. На уровне инспирируемых глобализацией кросскультурных коммуникативных связей культурные универсалии проявляются в качестве фундирующих диалог культур оснований и начал, конституирующих культурную (гуманистическую) определенность процесса глобализации. Именно в таком качестве они представляются и анализируются в статье.

Логике культурного универсализма соответствует концепция «осевого времени» К. Ясперса [12], согласно которой история человечества предстает как детерминированный культурой единый культурно-исторический процесс.

Диалог культур, занимающий свое центральное место в культурной эволюции человечества, становится предметной сферой культурологических исследований, начиная с эпохи Просвещения, с формированием зрелой культурологической мысли. В работах российских философов М. Бахтина, В. Библера, М. Кагана и др. тема диалога культур приобрела концептуальный характер. Большое значение имеет исследование диалога культур именно в условиях растущего интеграционного мировлияния глобализации, что и предпринято в статье, представляющей диалог культур ее магистральным направлением.

Концептуальный каркас статьи логически выстраивается следующим образом: современный этап глобализации – коммуникативная интеграция образований и субъектов культуры в мозаику современной цивилизации – актуализация универсальных инвариантных форм культуры в виде культурных универсалий – многомерный диалог культур на этом основании – стратегия культурно адекватной оптимизации процесса глобализации. Согласно логике этого построения статьи определяется ее цель.

Цель статьи: анализ феномена современной глобализации в ее культурно-цивилизационном измерении с позиции многомерного диалога культур на основе культурных универсалий как стратегии ее оптимизации. При этом глобализация представляется синонимом цивилизованной современности.

«*По широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение*» (*Карл Ясперс* «*Смысл и назначение истории*» [12, с. 29]).

«*Все утверждения о совершенной чуждости людей, о невозможности взаимопонимания – не что иное, как выражение разочарованности, усталости, отказ от выполнения настоятельного требования человеческой природы, возведение невозможности данного момента в абсолютную невозможность, угасание внутренней готовности*» (*Карл Ясперс* «*Смысл и назначение истории*» [12, с. 270]).

Основная часть. С развертыванием с начала XX столетия процесса глобализации, его переходом в современную стадию в 60-е гг. XX века, интенсификацией в 90-е гг. XX века, вследствие революционного, в условиях научно-технического прогресса, развития информационно-компьютерных технологий (ИКТ), их безграничных коммуникативных возможностей, историческое время автономизированных культурных типов, герметически замкнутой, циклической их эволюции окончательно прошло.

Введенный американским экономистом Т. Левиттом в 1983 г. в обиход термин глобализация (англ. globalization, от global – всемирный, планетарный, глобальный), в

90-х гг. XX века прочно закрепился в научном и общекультурном лексиконе. Его значение, сигнификат указывает на планетарный характер процессов и явлений, на интеграцию о современного миропорядка. Глобализация – процесс формирования нового миропорядка, в ходе которого мир преобразуется в единую, интегрированную миро-систему. Она находит свое выражение в интенсификации культурных трансформаций [13, p. 843]..

Постоянно расширяющееся и интенсифицирующееся, как никогда ранее в истории, коммуникативное взаимодействие людей, социальных общностей, обществ и культур в условиях глобализации инспирирует ее интеграционный потенциал, раскрывающийся в современном культурно-цивилизационном развитии в условиях техногенных достижений НТП. При этом процессы взаимодействия можно понимать как диалог, а их формы как различные виды коммуникативных диалогических связей и отношений.

Глобализация четко выразила тенденцию окончательного преодоления локальной замкнутости культур, которая длительное время имела место в человеческой истории, и очевидно стала преодолеваться с началом процесса модернизации общества и культуры на научно-технической основе, с 60-х гг. XVIII века (первоначально – Англия, английская промышленная революция). Глобализация связана с модернизацией, производна от нее, имеет реальный базис в научно-техническом прогрессе и социально-экономическом развитии на этом исторически прогрессирующем инновационном основании.

Глобализацию можно рассматривать как апогей модернизационного пути развития общества, культуры, цивилизации, развертывания потенциала его инновационных интенций. Так, российский философ, академик В.Степин отмечает: «современная глобализация вырастала из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры, которые трансплантировались в традиционалистскую почву» [9, с. 8-9]. При этом «в процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами. Эта же позиция пока доминирует и в современных процессах глобализации» [9, с. 9].

Глобализация проявляется в современном мире как интегрирующее и модифицирующее его универсальное начало. Она активно воздействует на все аспекты социокультурной жизни, меняет ее уклад, сложившиеся представления, нормы и ценности, втягивает общества и культуры в постоянный диалог, размывает границы между национальными экономиками и государствами. Английский социолог Э.Гидденс квалифицирует феномен современной глобализации как «…процесс всеобщей интенсификации социальных отношений и взаимозависимости» [2, с. 75]. Гидденс отмечает при этом, что «…главной движущей силой глобализации служит развитие информационных технологий…, благодаря которым значительно возросла интенсивность взаимодействия людей в разных странах мира» [2, с. 75]. В духе концепции глобального общества он констатирует становление на рубеже XX–XXI веков черт «глобального космополитического общества», всеобщего космополитического миропорядка. Это происходит совместно со становлением высокотехнологичного информационного общества в наиболее развитых странах мира (например, в странах «Большой семерки», G7), отличающегося всесторонней информатизацией своих структур и функций.

Современная глобализация, активирующая и использующая научно-технологические достижения модернизации, обусловила исторически беспрецедентную взаи-

мосвязь народов, обществ, стран, регионов, культур, которая замещает обособленность, замкнутость, локальность целостностью, интегральностью миропорядка. Стратегический вектор ее развития – растущая цивилизационная миро-целостность, превозмогающая, трансцендирующая все наличествующие границы.

Современную глобализацию в ее цивилизационном влиянии можно представить глобальным информационно-коммуникативным процессом, охватывающим и интегрирующим современную культурную ойкумену [10, с. 334]. В этих условиях становится невозможной закрытость, локальная обособленность циклической эволюции автономных прежде культурных типов, которые в динамике своего развития вовлекаются в некую единую коммуникативную магистраль всемирного цивилизационного процесса.

Формирующая современный мир в его интеграции глобализация являет собой комплексный социальный макропроцесс, включающий: научную, технологическую, информационную, экономическую, организационно-управленческую, политическую составляющие. Важнейшим направлением ее осуществления является информационное, с которым, прежде всего, связано становление универсально интегрированной цивилизации. Современная глобализация, как отмечает немецкий социолог У.Бек, стала неустранимым условием человеческой деятельности с конца XX века [1, с. 34]. При этом Бек подчеркивает значение информационной глобализации, предполагающей вхождение в глобальную информационную сеть, в пространство глобальной коммуникации [1, с. 37]. В условиях ее растущего влияния, превращающего мир в «глобальную деревню» (концепт канадского философа М.Маклюэна), «…включение отдельных культур в единый мировой процесс означает, как отмечает российский философ А. Кармин, что для них *больше нет ни независимости, ни замкнутости, ни цикличности*… Они получают возможность развиваться, осваивая и модифицируя по своему достижения других культур, и обогащать мировую культуру своими достижениями…» [5, с. 417]. «Возникающее, по словам Кармина, ныне – впервые в истории – культурное единство человечества принципиально изменяет механизмы, определявшие до сих пор судьбу отдельных культур…» [5, с. 417].

В ходе неизбежного, необратимого коммуникативного диалогического взаимодействия культур осуществляется их соответствующая современности модернизация; понятие коммуникация (лат. communication – сообщение, передача; от лат. communicare – делать общим, связывать) может означать многообразные процессы передачи и восприятия информации, а также связи взаимодействия между субъектами или системами. Если говорить о социокультурной коммуникации в целом, то она, как отмечает российский культуролог А. Флиер, «выступает одним из базовых механизмов и неотъемлемой составляющей социокультурного процесса, обеспечивающей саму возможность формирования социальных связей…» [11, с. 194].

В процессе инспирируемой глобализацией интеграции современного цивилизованного миропорядка происходит трансцендирование замкнутости отдельных культур, в которых выявляется наличие культурных универсалий, пусть и выраженных в специфических формах. Их можно определить как универсальные элементы культуры, фиксирующие и сублимирующие культурный опыт деятельности социальных общностей и базирующиеся на атрибутах человеческого бытия, имеющие в них свою архетипическую фундацию. Они являются наиболее значимыми универсализациями социально-антропологического плана человеческого «бытия в культуре». По словам А. Кармина, «существование культурных универсалий обусловлено тем, что любые культуры суть разные воплощения «человечности», т.е. того, что составляет природу человека. Ведь культура и есть то, что делает человека – человеком, а группу людей – человеческим сообществом. Никакая культура не была бы культурой, если бы она не

содержала в себе нормы, определяющие подлинно человеческие способы поведения. Закрепленные в культурных универсалиях общечеловеческие ценности и идеалы обеспечивают выживание и совершенствование человечества» [5, с. 415].

Исходя из теоретико-методологической позиции культурного универсализма, присущей ему идеи единства человеческой истории культуры, американский антрополог Д. Мердок выделил 7 общих, присущих всем типам культуры аспектов [7, с. 49-55]: 1) культура передается посредством научения; 2) культура прививается воспитанием; 3) культура социальна, т.е. культурные привычки разделяются людьми, живущими в организованных коллективах, общностях; 4) культура идеационна, т.е. концептуализирована в виде идеальных норм или паттернов поведения; 5) культура удовлетворяет базисные биологические и вторичные человеческие потребности; 6) культура адаптивна, т.е. культурные изменения адаптивны, как и эволюция в органическом мире; 7) культура интегративна, т.е. ее элементы обладают тенденцией к образованию социальной целостности.

Представляя культуру комплексом универсальных структурных элементов, Д. Мердок выделил свыше 70 присущих ей социокультурных «матриц» – от труда, его разделения и кооперации, трансляции культурного наследия посредством процесса обучения – до религиозных верований, поселенческих правил, приветствий, обычаев дарить подарки, похоронных обрядов, и др. При этом он полагал, что культуре присуща формирующая ее структурно-функциональную определенность тенденция к обретению целостности, интеграции образующих ее элементов.

В свою очередь российский философ Т. Ойзерман, указывая на общую для всех культур (антропологическую) «субстанцию», укорененную в основных, базовых антропологических характеристиках человека, в его природе [8, с. 54], выделил такие показательные и общезначимые культурные универсалии, как: уважение к труду, благоговейное отношение к материнству, гостеприимство, восхищение смелостью и мужеством, связанную с выбором спутника жизни индивидуальную любовь и др. [8, с. 56-57]. Культурные универсалии, как подчеркивал Ойзерман, имеют морально нормативный характер, и в этом своем качестве являются таковыми даже «…вопреки тому, что речь зачастую идет не столько о сущем, сколько о должном, осуществимость которого не гарантирована какими-либо объективными условиями или законами государства» [7, с. 57]. Очевидными универсалиями культуры являются: язык, религиозные культы, творчество. В аксиологическом (греч. axia – ценность) плане культурные универсалии выступают в виде общезначимых, общечеловеческих (культурных) ценностей: священного, истины, добра, красоты, долга, и др.

С позиции логики культурного универсализма, при всем многообразии культур, создаваемых и развиваемых человечеством в истории, все они содержат нечто общее – универсальные культурные формы, т.е. универсалии. Согласно Т. Ойзерману, «универсалии культуры – это специфические, образующие культуру явления, например, орудия труда, формы общения, нормы нравственности, исторически определенное в*и*дение мира…» [8, с. 51]. Культурные универсалии являются формами аккумуляции культурного достояния, обретая в этом общечеловеческую значимость. Они выступают скрепами культуры, фундирующими ее морфологическую определенность элементами.

Сублимирующие, в нормативных рамках, значимый культурный опыт культурные универсалии могут быть представлены реперными точками исторически развертывающегося культурно-цивилизационного процесса, его раскрывающей и реализующей сущностные силы человеческой природы в социально-конструктивных преемственных формах направленности; они могут быть представлены в качестве актуализирующего

свой культурный потенциал конститутивного каркаса культурно-цивилизационного процесса развития человечества.

Ситуация актуализации культурных универсалий, их утверждения, распространения и коммуникативного действия в мировом масштабе кардинально изменилась в результате, во-первых процессов модернизации, их интенсификации, а во-вторых процессов глобализации культурно-цивилизационного развития человечества, его переходом в эпоху Нового времени к всемирной истории, ее логике интеграционного развития. «…Сегодня, как подчеркивает российский философ Б. Губман, нельзя не рассматривать историю в ракурсе ее «всемирности»…» [3, с. 10], при этом всемирность человеческой истории рассматривается Губманом с позиции универсализации коммуникативных связей между странами, народами и регионами [3, с. 10].

Очевидно, что всемирность человеческой истории корреспондирует глобализации, ее интеграционной логике. Переход, транзит к всемирной истории способствовал преодолевающему локализацию обособленности культур/культурных типов их вовлечению в единую коммуникативную магистраль всемирного культурно-цивилизационного процесса, инспирирующего многомерный диалог или полилог культур. Трансформация современного цивилизационного развития воплотила собой транзит в эволюции культур – от дифференцированного многообразия к интегрированному единству их коммуникативных связей в глобально масштабной континуальности этого развития. В наше время, как пишет А. Кармин, «...локальные культурно-исторические процессы сливаются в целостный мировой культурно-исторический процесс» [5, с. 416].

В условиях связанной с информационной революцией, прогрессом информационно-компьютерных технологий современной глобализации (с 90-х гг. XX в.), антропологическое единство человечества как биологического вида дополняется его культурным единством, обращенным к диалогу культур, активирующему культурные универсалии как скрепы и проводники, каналы его коммуникативности. Т. Ойзерман отмечал: «антропологическое единство человечества все более становится культурно-историческим единством, которое находит свое выражение в растущем взаимопонимании народов, в осознании ими общих, общечеловеческих, глобальных, неотложных проблем» [8, с. 59]. Соответственно, универсалии культуры, согласно утверждению Ойзермана, приобретают всемирно-историческое значение [8, с. 59].

В условиях интегрирующего и мобилизирующего современный мир мощного влияния глобализации можно, используя концепт К. Ясперса [12, с. 32] говорить о тенденции к новому «осевому времени» как новому открытию культурного единства человечества в истории. Согласно словам Ясперса, «…если мы не хотим, чтобы история распалась для нас на ряд случайностей, на бесцельное появление и исчезновение, на множество ложных путей, которые никуда не ведут, то от идеи единства в истории отказаться нельзя. Вопрос заключается в том, как постигнуть это единство» [12, с. 266].

Способом постижения, актуализации, обеспечения и упрочнения этого единства может стать сегодня многомерный диалог культур. Эта аккумулирующая культурно-цивилизационную интеграцию человечества как исторического культурогенного субъекта тенденция соответствует оптимизации процесса глобализации.

Многомерный Диалог культур как совокупность коммуникативных, связанных с трансляцией и информационным обменом культурным достоянием, опытом, связей и отношений между культурами, инициирующих взаимные изменения в них, способствующих их обогащению в развитии, можно рассматривать способом обре-

тения интегрированного культурного единства человечества в условиях НТП и глобализации.

Диалог оптимизирует культуру, делает возможным ее существование и развитие как взаимодействующей с социокультурной средой открытой системы; предполагающий направленность культуры на коммуникативное взаимодействие, диалог является нормой культурного развития, поскольку культура должна всемерно обогащаться за счет этих диалогических коммуникативных взаимодействий.

М. Бахтин и В. Библер последовательно проводили идею диалога (греч. dialogos – разговор, беседа) как адекватной формы бытия в культуре, формы общения культур и понимания культуры, рассматривая диалог культуры самоопределением человеческого сознания и бытия. В свою очередь российский философ В. Межуев констатировал, что «потребность в диалоге относится к числу фундаментальных потребностей человеческой природы, обусловлена самой спецификой человеческого сообщества» [6, с. 384].

Диалог представляет собой способ существования и развития культуры, особенно в современных условиях глобализации, способ, который все более раскрывает свои культурогенные возможности. С семантической точки зрения действенный диалог культур или «культурных миров» способствует актуализации ими своих смысловых потенциалов, проявляющих в зонах коммуникативного взаимодействия свою синергию.

Глобально развертывающаяся коммуникативная интегрированность диалогических культурных связей, превращающая современный мир в «глобальную деревню» (М. Маклюэн), задает новое качество культурно-цивилизационного развития, его новую – интеграционную логику развертывания. На передний план выходит сопровождающий глобализацию, неотъемлемый от нее, многомерный диалог культур; многомерный потому, что, как подчеркивает российский философ и культуролог М. Каган, «…в отличие от всех предыдущих эпох с диалогической доминантой, действовавшей лишь в каком-то направлении и в каких-то разделах культуры, наше время должно сделать диалог *универсальным*, *всеохватывающим* способом существования культуры и человека в культуре» [4, с. 405]; соответственно современную культурную ситуацию Каган квалифицирует наступающей эпохой *многомерного диалога* [4, с. 405].

Согласно этой новой логике «коммуникативной интегрированности» современного (глобализирующегося) культурно-цивилизационного развития участие в многомерном диалоге становится важнейшим условием эволюции культуры как открытой системы. Отсутствие системных коммуникативных/диалогических связей с другими культурами обрекает сегодня на отставание от темпов и уровня мирового культурного развития. Вовлеченность в него через многомерный диалог культур является показателем уровня развития культуры, ее зрелости, состоятельности, которая выражается в способности восприятия и усвоения ею культурных достижений, и в способности обогатить другие культуры своими достижениями, привнести их в мировое культурное развитие. В этом заключается логика «коммуникативной интегрированности» социокультурного развития, предполагающая механизм обмена культурными достижениями или благами, который зиждется на культурных универсалиях, их общезначимости, фундируется ими.

Поскольку стратегический вектор глобализации – необратимая интеграция миропорядка, преодолевающая все наличествующие (культурные) границы/барьеры, постольку многомерный диалог культур – это магистральная линия и универсальная форма мирового культурного развития. Становящееся миро-пространство «коммуникативной интегрированности» выступает полем семантического и праксеологического

согласования культурных паттернов, в которых в качестве общезначимых – общечеловеческих ценностей актуализируются культурные универсалии.

Именно в культурных универсалиях (лат. universalis – всеобщий) как универсальных элементах культуры, фиксирующих и сублимирующих общезначимые паттерны – структуры имеющего нормативно значимый характер культурного опыта, с присущими им ценностями, диалог культур обретает свою подлинную и достаточную фундацию. Они представляют собой онтологические и аксиологические константы человеческого бытия в культуре. Они создают те, связанные с тяготением значимого культурного опыта сингулярные «фокусы», в сфере действия которых конституируются эталоны культуры как универсальные матрицы культурогенной жизнедеятельности ее субъектов. Вместе с тем они выступают содержащим непреходящие культурные смыслы/значения семантическим фундаментом диалогической коммуникации, которая ориентирована на достижение взаимопонимания, т.е. того, что способствует гармонизации, единству в культурном многообразии человечества.

Будучи фундаментальными опорами культуры, узловыми элементами, скрепами ее структуры, культурные универсалии архетипичны. В культурно-антропологическом плане они придают человеческой природе культурную оформленность, выступают важнейшим фактором инкультурации и социализации личности, ведущим фактором культурной интегрированности человеческого бытия на индивидуальном и коллективном уровнях. Они, как отмечает А. Флиер, объединяют историческое многообразие культур в культуру как специфическую модальность человеческого существования [11, с. 52].

И если в «локальные» исторические эпохи, которые предшествовали модернизации и глобализации культурные универсалии воспринимались как значимые в рамках отдельных культурных типов (образцовые/эталонные) элементы, то в условиях модернизации, и особенно – информационной модальности глобализации, с переходом человечества к всемирной истории они все более обнаруживают свой общезначимый, общечеловеческий характер. Как отмечал Т. Ойзерман, «превращение истории человечества во всемирную историю означает становление универсалий культуры в масштабе человечества» [8, с. 62]. Более того, – он указывает на то, что, будучи фактом, универсалии культуры в условиях глобальных проблем современности выступают императивом, который также надо рассматривать в качестве феномена культуры [8, с. 62].

Наличие культурных универсалий как архетипических культурно-антропологических констант, их реактивация и модификация в современных исторических условиях позволяет говорить об общечеловеческих началах культуры, которые в их актуализации в качестве общезначимой культурной нормативности ценностности, в качестве мировой мета-культуры могут и должны стать действенной основой солидарного человеческого взаимодействия в глобальном масштабе.

Можно сказать, что в современных условиях информационной модальности глобализации на основе реактивирующего и модифицирующего потенциал культурных универсалий, коммуникативно раскрывающего их синергию, многомерного диалога культур впервые в человеческой истории формируется глобальная мета-культура, хотя процесс это неоднозначный и далекий до завершения.

Создателем и носителем становящейся современной глобальной мета-культуры потенциально является все цивилизованное человечество, так или иначе вовлекаемое в глобализирующийся коммуникативный дискурс диалога культур. Одно из направлений становления и экстенсивного развития на основе достижений НТП, и особенно – в области информационных технологий, глобальной мета-культуры в ее унифицированной модальности – это массовая культура.

Вместе с тем становление глобальной мета-культуры, что всецело соответствует интеграционной логике современного культурно-цивилизационного развития – глубокий и сложный процесс, который стандартами массовой культуры никак не ограничивается, и в своих исходных основаниях фундируется культурными универсалиями, выступающими скрепами диалога культур. Они обеспечивают его фундаментальность, коммуникативную функциональность и семантическую полноценность.

Многие авторитетные ученые и философы считают правомерным говорить о становлении единой мета-культуры или цивилизации, а также о новом – планетарном стиле мышления, корреспондентном новой логике культурно-цивилизационного развития. Такой глобалистский подход к пониманию социокультурной современности представлен в концепциях «постиндустриального общества» (Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. К. Гэлбрейт), «информационного общества» (Е. Масуда, Ф. Махлуп, М. Кастельс, Д. Нэсбитт), «ноосферы» (П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, Н. Моисеев).

Очевидно, что глобализация проявляет себя как эпохальный транзит к новому, не имеющему аналогов в человеческой истории, социокультурному миропорядку коммуникативной интегрированности, требующему осмысления с позиции истоков, нынешнего состояния и особенно – перспектив. И если говорить о культурной претензии цивилизованной современности и, конечно, ее перспективе – это мировое диалогическое со-общество культур, скрепами коммуникативных связей и взаимодействий которого выступают культурные универсалии, которые, при должной их актуализации, могут придать глобализации ценностно-ориентированный на общечеловеческие интересы и нормы характер. В такой модальности современная эпоха НТП и глобализации может воплотить тенденцию «осевого времени», – культурного многообразия в ценностно-выверенном цивилизационном единстве, и стать адекватным «ответом» на «вызов» своей оборотной стороны – глобальных проблем современности, решение которых требует скоординированных усилий всего цивилизованного человечества.

В этом перспективном направлении (неунифицированного) единства в культурно-цивилизационного развитии, адекватном интеграционной логике глобализации, важнейшая – стратегическая задача заключается в том, «…чтобы при сохранении и должном овладении выдающимися модернизационными достижениями западной инновационной культуры, упрочить подлинно гуманистические ценностные ориентиры и цели культурного развития человечества в условиях глобализации» [10, с. 357]. Это придаст новое качество глобализационному культурно-цивилизационному развитию. И это качество, по крайней мере, в культурном аспекте, должно быть фундировано общечеловеческими ценностями как подлинными универсалиями культуры, удостоверяющими собой антропологические константы культуротворчества.

Глобализация станет либо качественно новым этапом культурно-цивилизационного развития человечества, либо завершением его истории в условиях нарастания глобальных проблем современности, имеющих свои истоки в человеке, в ценностных детерминациях его исторически развертывающегося культурогенного бытия в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
2. Гидденс Э. Социология. При участии К. Бердсолл / Э. Гидденс; пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
3. Губман Б.Л. Смысл истории: очерки современных западных концепций / Б.Л. Губман. – М.: Наука, 1991. – 189 с.
4. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
5. Кармин А.С. Культурология / А.С. Кармин, Е.С. Новикова. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.

6. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
7. Мердок Д.П. Фундаментальные характеристики культуры / Д.П. Мердок // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / Мердок Д.П. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 49-56.
8. Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1989. – №2. – С. 63-74.
9. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей / В.С. Степин // Век глобализации. – 2011. – № 2. – С. 8-17.
10. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГО ВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.
11. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
13. Western Civilization: Ideas, Politics & Society / M. Perry, M. Chase, J.R. Jacob, et al. – Third Edition. – Boston etc.: Mifflin, 1989. – 862, [23] p.

Поступила в редакцию 08.05.2021 г.

CULTURAL UNIVERSALITY AND DIALOGUE OF CULTURES IN THE CONDITIONS OF MODERN GLOBALIZATION

I.G. Sukhina

A conceptual interpretation of cultural universals as a structure-forming element of culture, phenomenon and imperative of cultural and civilizational development in the conditions of modern globalization, and especially its information modality, inspired by the development of «higher» – information and computer technologies and communicative infrastructure, is presented. Globalization's transformation of the cultural and civilizational process on a planetary scale is seen in correlation with the activation of cultural universals that certify universal values as a form of accumulation of cultural heritage, a main communication channel and a platform for the cultural unity of civilized humanity. From the perspective of the irreversible and increasing integration of the modern world and cultural and civilizational development initiated by globalization, cultural universals, which are updated in these conditions, are considered a multidimensional dialogue of cultures as revealing their inherent potential as a way of their existence and the optimal modality of the world cultural and civilizational process. It is stated that modern globalization manifests itself as a landmark transition, a transit to a new, unparalleled in history, socio-cultural order of universal communicative integration, which requires its philosophical reflection from the point of view of the origins, the current state, and especially the prospects for optimization on the fundamental basis of cultural universals.

Key words: globalization, culture, cultural universalism, communication, values, modernization, dialogue of cultures, civilization, integration.

Сухина Игорь Григорьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР.
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigoryevich
doctor of philosophical sciences, the associate professor, professor of department of philosophy
SO HPE «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Donetsk, DPR.
E-mail: suhina_igor@mail.ru

УДК 111.85.7.01

ГЕНЕЗИС ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2021. ***Д.А. Ушакова***

Статья посвящена философско-эстетическому осмыслению музыкального исполнительства и искусства интерпретации со времен античности до наших дней. Автор обращается к истории исполнительства и отмечает его эстетические особенности в каждую эпоху. В статье охарактеризована феноменологическая позиция Р. Ингардена, дифференцирующая роли самого музыкального произведения и его исполнения. Отмечены пути дальнейшего исследования музыкального исполнительства и интерпретации через призму философско-эстетического опыта.

Ключевые слова: эстетическая интерпретация, музыкальное исполнительство, философия музыки, музыкальное произведение.

Со времен античности до настоящего времени музыка является предметом исследования не только для самих музыкантов, но и ученых – философов. В отдельную научную область сформировались такие разделы, как философия и эстетика музыки. Музыкальное исполнительство и интерпретация, являясь сравнительно молодыми научными сферами, нуждаются в философско – этетическом осмыслении. Несмотря на то, что теория исполнительства откристаллизовалась только к середине XIX века, исполнительство возникает одновременно с появлением самой музыки, что нельзя сказать об интерпретации. На наш взгляд, понятие интерпретация применимо только к композиторскому творчеству, оно начинает функционировать с того момента, когда появляется необходимость в трактовке музыки предыдущих столетий. Таким образом, цель данной статьи – проследить эволюцию музыкального исполнительства и интерпретации музыки в философско-эстетическом контексте и определить ее роль в каждую историческую эпоху.

История эстетики, а также и музыкальное учение начинается с древнего пифагореизма. Достоверных источников по пифагорейской школе фактически не существует. Всё, чем располагают исследователи – это трактат философа Ямвлиха (IV в.) «О пифагорейской жизни», о котором фрагментарно говорится в музыкальных трактатах Плутарха, Квинтилиана, Марциана Капелла. Конечно, мы не можем уверенно полагаться на них, поскольку эти источники поздние и носят мифологический характер. Тем не менее в них выражены важные философские идеи, которые имеют важное значение для современных исследователей. Одной из таких идей является учение о музыкальном катарсисе. Древнегреческое понимание катарсиса, как нравственно-эстетического очищения через музыку, весьма отличается от пифагорейского. Для Пифагора музыка была наравне с медициной и служила конкретно-практическим целям. Другая важная музыкально-философская идея – учение о гармонии сфер. По мнению пифагорейцев, движение небесных сфер создает прекрасную музыку. В отличие от музыкального катарсиса, учение о гармонии сфер не имеет практического назначения, и его понимание современными исследователями весьма расплывчато. Пифагорейцы понимали его как сочетание противоположностей. Однако, понятие «гармония» актуально на сегодняшний день. Отметим, что пифагорейские учения послужили своего рода фундаментом для дальнейшего изучения теории музыки, а также музыкального исполнительства. К примеру, проблемы

акустики интересны для музыкантов-исследователей в настоящее время, а уже в V – IV вв. до н.э. Архитом Тарентским было сделано важные открытия в области акустики – зависимость высоты звука от длины струны, появление звука от колебаний струны.

Учения пифагорейской школы стали основой для музыкальной эстетики античности. Исследование античной музыки сталкивается с рядом серьезных трудностей. Во-первых, мы не представляем ее реального звучания и рассуждаем о ней только с теоретической позиции. Во-вторых, само понятие музыка у древних греков было весьма обширное – под этим термином понималось «мусическое искусство» или «искусство муз». Тем не менее, музыка имела важную роль в жизни Древней Греции, она была непосредственно связана с поэзией, ритмикой, танцем и сценическим искусством. Как известно, главная функция музыки в эпоху античности состояла в воспитании. «Платон и Аристотель рассматривали музыку как важнейшее средство воздействия на нравственный мир человека, как средство исправления и воспитания характеров, создания определенной психологической настроенности личности – этоса» [5, с. 6]. Таким образом, философско-эстетические идеи музыкального исполнительства античности основываются на теории музыкального этоса. Эстетическое воспитание – центральная идея, которая проходит «красной нитью» через всю античную эстетику, а главным средством достижения этой высшей цели являлась музыка. Важным моментом для нас – исследователей музыкального исполнительства, является тот факт, что Аристотель считал необходимым не только слушать музыку, но и владеть каким-либо музыкальным инструментом. Это является предпосылкой к развитию дальнейшего музыкального исполнительства в целях эстетического воспитания.

Однако, в эпоху эллинизма появились идеи, отрицавшие воспитательную функцию музыки – так эпикурейцы считали, что музыка не имеет никакого этоса и не может принести человеку ни пользы, ни вреда. Не смотря на существование критической оценки музыкального этоса, музыка, с одной стороны, остается неразрывной частью воспитания, этики, эстетики и всей философии античности в целом, а с другой – она становится особым объектом исследования для античных мыслителей. А. Ф. Лосев пишет о том, что древние греки отмечают именно эстетические свойства музыки: «Уже Демокрит, разделяя звуки на гладкие и шероховатые, нежные и твердые, усладительные и неприятные, резкие и расплывчатые, проявляет тонкое понимание эстетических свойств элементов музыки» [5, с. 7].

Эпоха средневековья, вступая на руинах античной культуры, коренным образом переосмысливает музыкальное искусство. Мировоззрение эпохи средневековья, как известно, отличалось теоцентризмом. Эта особенность не могла не отразиться на музыкальном искусстве. Несмотря на церковную идеологию, согласно которой эмоционально – выразительные возможности музыки значительно ущемлялись, музыкальное исполнительство развивалось в рамках преобладавшей культовой музыки. Музыка и ее исполнение были довольно статичными, вырабатывалось обобщенное вокальное и инструментальное звучание, поскольку выразительные средства и приемы исполнения были весьма ограничены. Тем не менее, музыкальное искусство и исполнительство развивались и занимали важное место в церковном богослужении. В церковной музыке сформировался многоголосный полифонический склад, и следовательно способы коллективного музицирования. Появилась необходимость в записи музыки, первыми приблизительными формами такой записи послужила невменная, а затем мензуральная нотация.

Музыкальное исполнительство эпохи средневековья было основано на правилах и условностях, его выразительные возможности были весьма ограничены, личность

исполнителя была отодвинута на второй план. По этим причинам исполнение существовавшего в то время нотного текста представляется нам своего рода «ремеслом», а эстетическая сторона исполнения музыки была малосодержательна. В. Шестаков отмечает: «…это была музыка не для слушателей, а для исполнителей, поскольку слушателей не было, – пела вся церковь» [7, с. 70].

Средневековое музыкальное исполнительство к X в. перестает быть сугубо аскетичным. Теоретики начинают признавать чувственную природу музыкального искусства, считая важным не только церковное пение, но и светское инструментальное исполнительство. Эстетическую важность такой музыки они принимают только в границах христианской морали.

Итак, центральная идея эстетики средневековья заключается в моральном значении музыки. Многое было заимствовано из древнегреческого учения о музыкальном этосе. Эта модификация послужила связующим элементом между античной эстетикой и эстетикой Возрождения. В отличие от музыкального этоса античности, средневековое учение о моральном значении музыки призвано осуществлять только одно – исцелять дух, стремясь к благочестию души посредством очистительного, катартического свойства исполняемой музыки. Поэтому в музыкальном исполнительстве эпохи средневековья главенствующая роль принадлежит не самой музыке, а смыслу, который она несет через слово. Эту особенность подчеркивает В. Шестаков: «Наиболее характерной чертой средневековой эстетики является нравственный ригоризм, строгое подчинение искусства и музыки морали. Это проявляется уже в том, что отцы церкви требовали подчинения мелодии тексту, ставили слово, текст выше музыкального исполнения» [7, с. 84].

Отрицая светское музыкальное исполнительство, отцы церкви не принимали инструментальную музыку и признавали только музыку вокальную, для которой были характерны два вида исполнения – гимн и псалм. При этом гимн ценился выше, поскольку исполнялся хором без аккомпанемента, в отличие от псалма, имеющего инструментальный аккомпанемент. Последний считался более несовершенной формой музыкального искусства. Таким образом. развитие инструментального виртуозного исполнительства было весьма затруднено. В целом музыкальное исполнительство не имело важного значения для теоретиков средневековья. Теория музыки и ее смысл, напротив, имели главенствующую роль.

Бурный расцвет исполнительства, а также всех сфер музыкального искусства и эстетики приходится только в новую эпоху Возрождения. Кардинально меняется представление о гармонии – теперь она понимается как диалектическое единство материального и идеального, телесного и духовного. Философская основа музыкальной эстетики ренессанса состоит в пантеизме – первой форме нового, материалистического мировоззрения.

Роль музыки и ее назначение также меняются – философы и музыкальные теоретики эпохи Возрождения указывают на чувственную природу музыки, отдавая особую роль эстетической стороне. Если средневековое исполнительство сосредоточивалось исключительно на хоровой и вокальной музыке, то исполнительство Возрождения ставит на новый высокохудожественный уровень инструментальную музыку. Это связано не только с изменением музыкального мировоззрения, но и главным образом, с расширением и усовершенствованием инструментария, с появлением новых жанров инструментальной музыки. «В этой тяге к инструменталистике, к эмоциональному, индивидуализированному исполнению проявляется характерное для Возрождения стремление к выявлению личности» [6, с. 76] – пишет в своем исследовании В. Шестаков. Действительно, все внимание исследователей сосредо-

точено теперь на личности композиторов и исполнителей, на их индивидуальных особенностях. В эту эпоху происходит невероятный переворот в музыкальном исполнительстве – теоретики и музыканты заняты не только вопросами теории, но и импровизации, исполнения, выразительности игры на инструментах. Образ музыканта того времени представляет собой и творца и исполнителя в одном лице. Такой музыкант – исполнитель обладал незаурядными способностями, в совершенстве владел техникой игры на инструменте, свободно импровизировал.

Универсальность исполнителя того времени отмечают многие музыковеды – исследователи. К примеру, А. Д. Алексеев в «Истории фортепианного искусства» отмечает: «Исполнитель в этот период отнюдь не рассматривался лишь как посредник между автором и слушателем. Исполнение, согласно воззрениям той эпохи, было неотделимо от сочинения музыки и должно было сохранять с ним органическое единство. Этот синтез осуществлялся в импровизации, являвшейся основой исполнительского искусства» [1, с. 7].

Итак, философско-эстетический смысл музыкального исполнительства эпохи Возрождения сосредоточен вокруг чувств человека и его индивидуальности. Исполнитель, выражая через игру свои личные переживания, стремится затронуть чувства слушателя. Смысл исполнительства, заключенный в эмоционально – чувственной передаче, был заложен именно в эпоху Ренессанса и сохранен до сегодняшнего дня.

XVII век характеризуется исследователями в области музыкальной эстетики неоднозначно – одни считают, что в это время продолжается развитие идей эпохи Возрождения, а другие видят «откат» к средневековью. Конечно, развитие науки не могло сказаться и на всей культуре XVII века. Это выражается в желании систематизировать музыкальное искусство, «свести к законам механики» [7, с. 180]. Среди философских музыкальных концепций важное место занимает идея о мировой гармонии и учение об аффектах, которые неразрывно связаны с пифагорейской гармонией сфер и древнегреческим учением о музыкальном этосе. Согласно концепции И. Кеплера, гармония – это универсальный мировой закон, которому подчиняется всё – и музыка, и небесные сферы и человеческое познание. Учение о музыкальных аффектах получило свое теоретическое обоснование в работах основоположника французской рационалистической философии Рене Декарта. В нем философ не только дает характеристику различной музыке, но и подробно описывает условия, при которых совершается наиболее благоприятное восприятие музыки. Музыка интересует И. Кеплера и Р. Декарта не с практической стороны, а скорее с позиции математических закономерностей и психофизиологических характеристик.

Не смотря на противоречивые мнения исследователей, в эту эпоху происходит немыслимый расцвет музыкальной культуры, именно в XVII веке формируются такие жанры, как опера, концерт и соната. Вместе с тем развивается музыкальное исполнительство, а также возникают предпосылки к появлению искусства интерпретации – толкованию исполнителем чужого композиторского творчества. Принято считать, что интерпретация появляется в связи с разграничением творчества композитора и исполнителя примерно к концу XVIII – началу XIX вв., однако процесс формирования интерпретаторской практики начинается гораздо раньше. Это подтверждает исследование Корыхаловой Н. П.: «В действительности эта проблема возникает много раньше и связана не только с дифференциацией композиторской и исполнительской деятельности, а с целым комплексом процессов в европейской музыкальной культуре на протяжении по меньшей мере нескольких столетий» [4, с. 7]. Среди других причин появления интерпретации, автор выделяет следующие:

становление понятия музыкального произведения, формирование понятия авторства, появление к концу XV века нотопечатания, в дальнейшем – интенсивное развитие концертной жизни. Тем не менее музыканта XVII–XVIII вв. еще нельзя назвать интерпретатором, поскольку он обычно выступал перед сравнительно небольшой аудиторией, исполняя главным образом свои собственные произведения. Такой тип музыканта А. Рубинштейн назвал «сочиняющим виртуозом».

Важно отметить философско-эстетическую позицию в отношении музыки французского математика, физика и философа-просветителя Д'Аламбера. В своем «Очерке происхождения и развития наук» (1751) ученый отмечает, что музыкальное искусство меньше всех других искусств является подражательным. Он сравнивает музыку с языком и речью, подчеркивая ее способность выражать чувства, а не подражать природе. Исходя из этого мнения, роль музыканта – исполнителя сосредоточена не на подражании, а на выражении чувств через игру. Постепенно понятие «исполнение» начинает вытесняться такими понятиями как «выражение», «передача», поскольку за исполнением понимается скорее не одухотворенная личным отношением игра, а чисто техническая реализация музыки.

К концу XVIII века происходит создание новой формы музицирования – публичному платному концерту и появлению эстрады, которые посещал широкий круг слушателей, а также осуществлялись концертные поездки на долгое время и большие расстояния. Это было предопределено демократизацией форм организации музыкальной жизни, а также социальными изменениями состава аудитории. К этому времени возникает кардинальное разграничение деятельности композитора и исполнителя. Эстетика и искусство импровизации, которые были так популярны в начале XVIII столетия, еще не исчезают, но заметно утрачивают былое значение. Стремительно растет интерес к эстетике исполнительского мастерства. Итак, XVIII в. принято считать временем появления отдельного «витка» в музыкальном исполнительстве – искусства интерпретации. Ямпольский И. М. в музыкальной энциклопедии дает определение понятию «интерпретация», а также сведения об истории его возникновения: «Искусство интерпретации, предполагающее индивидуальный подход исполнителя к сочинению и наличие у него собственной творческой концепции, его самобытность и уникальность, возникло в середине XVIII века и развивалось в процессе отделения исполнительства от композиторского творчества – его превращения в самостоятельную профессию, поскольку понятие «интерпретация» подразумевает истолкование не собственных сочинений, а произведений других авторов» [8].

Искусство интерпретации, на сегодняшний день, является областью для исследования не только в музыкознании, но и эстетике, философии, герменевтике и феноменологии. Разделение функции композитора и интерпретатора к концу XVIII – началу XIX вв. привело к возникновению множества вопросов, которые нуждаются не только в музыкально-теоретическом, но и философско-эстетическом осмыслении. Среди них проблемы смысла музыкального произведения и его трактовки, передача замысла композитора, вопросы объективного и субъективного прочтения музыкального текста, стилевые особенности и др.

Дифференциация роли композитора и интерпретатора сформировало важную идею о том, что музыкальное произведение и его исполнение не идентичны. Немецкий писатель В.-Г. Вакенродер в своей работе «Фантазии об искусстве» отмечает, что примитивно написанное в учебных целях музыкальное сочинение может стать прекрасным в руках талантливого исполнителя, и напротив, «наделенные черствой и вялой душой люди грубо запускают руку в сокровищницу звуков, вырывают их из их

привычных положений, так что в их произведениях слышно только, как терзаемый гений кричит от боли» [2, с. 172-173]. Эта же идея рассматривается с феноменологической позиции в исследовании польского феноменолога XX столетия Р. Ингардена. Исследователь говорит о том, что «музыкальное произведение и его исполнение – это не одно и то же» [3, с. 410], а также приводит конкретные аргументы. Относительно музыкального исполнения, Р. Ингарден выделяет следующие отличительные особенности, свойственные только ему:

1. Индивидуальное протекание, развивающееся во времени. «Оно начинается в некоторый определенный момент, ход его длится некоторый период времени, и в какой-то определенный момент оно заканчивается» [3, с. 411].

2. Акустическая процессуальность, осуществляемая через физические и психические действия исполнителя.

3. Пространственная локализация. «…исполнение произведения совершается для нас в пространстве в некотором определенном месте в виде звуковых элементов, следующих друг за другом, развивающихся во времени» [3, с. 412].

4. Музыкальное исполнение дано только через множество слуховых восприятий, непрерывно переходящих из одного в другое Р. Ингарден называет их слуховыми «видами» или «феноменами» [3, с. 413].

5. Отличие одного исполнения от другого, даже если их воспроизводит один исполнитель.

Также Р. Ингарден анализирует музыкальное произведение:

1. Музыкальное произведение возникает в определенный момент и существует как одно и то же произведение. Исследователь называет его «предметом, длящимся во времени» [3, с. 416]

2. Отсутствие обусловленности возникновения процессами, которые осуществляются в исполнении. То есть для создания музыкального произведения используются другие психофизические процессы, в отличие от исполнения.

3. Не имеет пространственной локализации.

4. Является уникальным, в отличие от вариантной множественности исполнений.

Проанализировав концепцию Р. Ингардена, подведем некоторые итоги. Мы можем сделать вывод, что музыкальное произведение и его исполнение – это во многом различные явления, хотя и имеющие сходства. Отметим, что ученый не упоминал важный факт – изобретение на рубеже XIX–XX веков грамзаписи. Теперь каждый исполнитель имеет возможность зафиксировать свое исполнение. Это обстоятельство во многом меняет особенности «живой» интерпретации и зафиксированной в записи. На наш взгляд, это изобретение стало огромным прорывом в развитии интерпретаторского искусства. Об исполнительском облике музыкантов прошлых столетий мы можем судить, опираясь не только на словесные описания, но и на аудио – видеозаписи.

На сегодняшний день, мы можем без сомнений утверждать, что искусство интерпретации находится на высочайшем техническом и художественно-эстетическом уровнях – большинство выпускников консерваторий блестяще исполняют сложнейшие произведения мировой классики. Конечно, не каждому удается удержаться на сцене и запечатлеть свое имя в истории, но это уже вопрос другого характера. Он требует дальнейшего изучения не только с позиции музыковедения, но и философии, эстетики, психологии, феноменологии и герменевтики. Проблемы изучения исполнительства и интерпретации, на наш взгляд, кроются в обособленности друг от друга вышеперечисленных наук.

В нашем исследовании мы не брали во внимание интерпретацию новой музыки (а именно авангард первой и второй волны, постмодерн), поскольку эта область довольно обширная и не может ограничиться рамками данной статьи. К тому же сфера авангарда и постмодерна имеет другие философско-эстетические основания и открывает новые горизонты для исследователей в области музыкального исполнительства и интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. История фортепианного искусства: Учебник. В 3-х ч. Ч.1 и 2. – 2-е изд., доп. – М. 1988. – 415 с.
2. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве Пер. с нем. Вступит, статья А. С. Дмитриева. Коммент. Ал. В. Михайлова, М.: Искусство, 1977. – 263 с.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике Перевод с польского А. Ермилова и Б. Федорова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 572 с.
4. Корыхалова Н. Интерпретация музыки: Теоретические проблемы муыкального исполнительства и критический анализ их разработки в современной буржуазной эстетике. Л.: Музыка, 1979. – 208 с.
5. Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. – Москва: Гос. муз. изд-во , 1960. – 304 с. с ил.
6. Памятники музыкально – эстетической мысли. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения. Составление текстов и общая вступительная статья В. П. Шестакова, М. 1966, – 363 с.
7. Шестаков В. П. От этоса к аффекту: история музыкальной эстетики от античности до XVIII в. – М., 1975. – 351 с.
8. Ямпольский И. М. Интерпретация // Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю. В. Келдыша. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1974. – Т. 2. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (Дата обращения 04.05.2021 г.)

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.

GENESIS OF PERFORMANCE AND INTERPRETATION OF A MUSICAL WORK IN A PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CONTEXT

D.A. Ushakova

The article is devoted to the philosophical and aesthetic understanding of musical performance and the art of interpretation from antiquity to the present day. The author turns to the history of performing and notes its aesthetic features in each era. The article describes the phenomenological position of R. Ingarden, differentiating the roles of the musical work itself and its performance. The ways of further research of musical performance and interpretation through the prism of philosophical and aesthetic experience are outlined.

Key words: aesthetic interpretation, musical performance, philosophy of music, piece of music.

Ушакова Дарья Алексеевна
Аспирант
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»,
г. Владимир, РФ.
E-mail: sacredvice@mail.ru

Ushakova Daria Alekseevna
Graduate student
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, RF.
E-mail: sacredvice@mail.ru

УДК 167.1-167.7

ПРИМЕНЕНИЕ РАСШИРЕННОГО ПРИНЦИПА СООТВЕТСТВИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2021. *Э.Г. Эйлазян*

Статья посвящена вопросам практического применения расширенного принципа соответствия при решении проблем, возникающих на разных этапах научных исследований. Дается классификация проблемных ситуаций по степени их сложности. Вводится типология различных видов соответствия и рассматриваются различные схемы действия расширенного принципа соответствия. Эффективность использования предлагаемого метода продемонстрирована на примерах из истории развития научного знания.

Ключевые слова: расширенный принцип соответствия, формализация, научная проблема, классификация.

В статье «Расширенный принцип соответствия» [1] была дана формулировка и обоснование методологического принципа, в котором получили развитие идеи классического принципа соответствия. Было показано, что предложенный принцип имеет не только философско-методологическую, но и практическую ценность как удобный эвристический инструмент для решения научных проблем.

Цель статьи – продемонстрировать возможности применения расширенного принципа соответствия в научных исследованиях при поиске решений научных проблем различного уровня сложности.

Как было показано в работе [1] соответствие между научными теориями устанавливается посредством процедуры формализации. Эта процедура применима не только к научным теориям, но и к объектам исследования, к процессам и явлениям, к проблемным ситуациям, к методам решения, к идеям, гипотезам, подходам, принципам, законам и т.д. Можно привести огромное число примеров проявления действия расширенного принципа соответствия, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с устойчивой закономерностью.

Так, классификация объектов в любой области научного знания – пример установления соответствия между объектами по ряду существенных признаков [2]. Предполагается, что объекты одного класса описываются одной теорией. Но это вовсе не означает, что все объекты, описываемые одной теорией, входят в одну предметную область. Теория дифференциальных уравнений, вариационное исчисление, теория колебаний, теория групп, теория вероятностей и статистический анализ, теория игр, теория систем, – все эти теории одинаково хорошо описывают объекты и явления различной природы.

В данной работе не ставится задача выяснения условий, при которых выводы по аналогии строго обоснованы и дают решение поставленной задачи. Этой теме посвящена обширная литература [3–6]. Метод, основанный на применении расширенного принципа соответствия (РПС-метод), можно отнести к классу эвристических. Он предназначен для выявления перспективных направлений поиска решения научной проблемы путем установления соответствия с проблемами других областей знания. Решение задач подобного рода – в высшей степени творческий процесс. Стратегия, основанная на применении РПС, не гарантирует успех, но дает гораздо больше шансов на получение результата, чем простой метод проб и ошибок.

Предпосылкой проведения научных исследований является *проблемная ситуация*.

Введем классификацию проблемных ситуаций по *сложности:* вопрос, задача, проблема.

На *вопрос* надо дать *ответ*. Часто это не вызывает особых затруднений. Но иногда простой на первый взгляд *вопрос* превращается в *задачу*, а иногда в *проблему*.

Задачу необходимо *решить*, при этом предполагается, что *алгоритм* решения известен. Решение сложной задачи можно свести к решению более простых задач и к поиску ответов на ряд вопросов.

Проблема – это ситуация, содержащая *противоречие*. Проблема не поддается решению стандартными методами, поскольку не известен алгоритм ее решения (в противном случае мы имели бы дело с Задачей). Для *разрешения* проблемы необходимо выявить и устранить противоречие. Тем самым проблему можно свести к задаче или ряду задач, методы решения которых известны.

Противоречие может быть вызвано различными причинами. Перечислим несколько типичных противоречий, создающих Проблемы.

1. Противоречие между уровнем сложности поставленной задачи и недостаточным для ее решения уровнем развития науки создает Проблему Горизонта.

Чем выше уровень развития науки, тем чаще возникают новые задачи, для решения которых накопленного объема знаний недостаточно, понятийный аппарат слишком узок, стандартные подходы и методы не работают. Такие ситуации служат мощным стимулом для развития науки.

2. Противоречие, обусловленное отсутствием методов решения задач данного типа, создает Проблему Метода.

Разработка нового метода для решения конкретной задачи может привести к решению целого класса задач и даже к появлению новых разделов и направлений в науке. Так, решение задачи о брахистохроне, поставленной И. Бернулли в 1696 году, привело к созданию вариационного исчисления, а попытки разобраться с решением алгебраического уравнения пятой степени – к открытию теории групп.

3. Противоречие между четкой постановкой цели и отсутствием каких-либо ориентиров при выборе пути ее достижения создает Проблему Выбора.

Эту проблему можно считать *главной проблемой.* На практике очень часто возникают ситуации, когда последствия выбора из множества альтернатив невозможно оценить достаточно точно и, как следствие, невозможно определить в какой мере данный выбор способствует достижению поставленной цели.

4. Противоречие между уровнем сложности задачи и уровнем квалификации исследователя (специалиста) создает Проблему Компетентности. Этот вид противоречия встречается чаще других, и его можно назвать *основным противоречием*.

Введенная здесь классификация проблемных ситуаций носит весьма условный характер. Возникающие на практике вопросы, задачи и проблемы могут иметь различную степень сложности, зависящую от многих объективных и субъективных факторов. Но для наших целей такая *классификация по сложности* необходима по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, применяя РПС-метод мы заинтересованы в том, чтобы перейти от нашей проблемной ситуации к менее сложной. Допустим, столкнувшись с проблемной ситуацией, мы при помощи процедуры формализации установили соответствие между нашей проблемой и проблемой из другой области знания. Не исключена возможность, что сходная проблема уже решена, разработан метод и даже построена теория решения задач подобного типа. Это сразу же упрощает и нашу проблемную ситуацию – нам

остается лишь перевести метод решения на язык нашей предметной области (РПС-редукция) и оформить решение нашей задачи.

Но проблемные ситуации, между которыми установлено соответствие по схеме РПС, могут иметь различную степень сложности даже в том случае, когда ни одна из них ещё не решена. Вот простой пример для иллюстрации. Пусть требуется найти площадь плоской фигуры, ограниченной заданной линией. Линию можно задать в декартовых координатах, в параметрической форме или в полярных координатах. Очевидно, между различными формами задания кривой имеется соответствие – все они представляют одну и ту же кривую, свойства которой инвариантны относительно выбора системы координат. При этом сложность решения поставленной задачи в каждом конкретном случае напрямую зависит от выбора формы представления линии.

Во-вторых, сложность проблемной ситуации зависит ещё и от того, перед кем она стоит. Как было сказано выше, *основное противоречие* создает проблему компетентности. Не секрет, что компетентность ученого, его зрелость и профессионализм определяются еще и тем, что для него является Вопросом, Задачей и Проблемой.

Говоря о границах применимости метода надо отметить, что очень трудно найти хотя бы два объекта, между которыми абсолютно невозможно установить какое-либо соответствие. Любые два объекта связывает хотя бы то, что они являются объектами нашего рассмотрения. Интуитивно понятно, что между объектами может быть установлено соответствие разной степени близости. Вот как эту мысль выразил Д. Пойа: «Аналогией проникнуто всё наше мышление, наша повседневная речь и тривиальные умозаключения, язык художественных произведений и высшие научные достижения. Степень аналогии может быть различной. Люди часто применяют туманные, двусмысленные, неполные или не вполне выявленные аналогии, но аналогия может достигнуть уровня математической точности» [7, с. 44-45].

Можно условно выделить три типа соответствия по степени близости сопоставляемых объектов.

1-й тип. Ассоциация (Метафора, Аллюзия, Аллегория, Созвучность …);

Хорошо известно высказывание Эйнштейна о Достоевском, оказавшим на него сильное влияние, более сильное, чем даже Гаусс. Интересно также отметить, что многие работы создателя молекулярно-кинетической теории газов Людвига Больцмана снабжены поэтическими эпиграфами. Особенно он отмечал влияние на него творчества Ф. Шиллера («Тем, чем я стал как ученый, я обязан Шиллеру»). Венский классик Людвиг ван Бетховен произвел на Больцмана столь же сильное впечатление своей музыкой.

И таких примеров влияния искусства и художественной литературы на творчество людей науки можно привести великое множество. Во всех этих случаях между художественными образами и научными идеями устанавливается ассоциативная связь, механизмы возникновения которой не вполне изучены, но проявляется она ярко и убедительно.

2-й тип. Аналогия (Однородность, Общность, Родство, Подобие, Сходство: внешнее, структурное, функциональное, терминологическое, генетическое, концептуальное…).

«Аналогия, по-видимому, имеет долю во всех открытиях, но в некоторых она имеет львиную долю.» [5, с.39].

Установление соответствия по аналогии – самый распространенный прием для выявления сходных свойств изучаемых объектов. Аналогия имеет свою градацию по глубине и силе сходства: аналогия может быт поверхностной, установленной по случайному признаку, а может быть глубокой, содержательной. Хорошо известно высказывание по этому поводу польского математика Стефана Банаха: «Математик –

это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями, лучший математик – тот, кто устанавливает аналогии доказательств, более сильный математик – тот, кто замечает аналогии теорий; но можно представить себе и такого, кто между аналогиями видит аналогии».

Вот один из самых известных примеров. Исторически важным этапом на пути формирования современных представлений о строении вещества была планетарная модель атома, предложенная Э. Резерфордом в 1911 году по аналогии с Солнечной системой. Разумеется, ни о какой глубокой связи, а тем более идентичности, этих двух материальных систем речь не идет: движения тел в Солнечной системе описываются законами классической механики, а движение электронов в атоме подчиняется законам квантовой механики. Но предложенная аналогия сыграла важную роль в становлении новой физики. В данном случае мы имеем простую аналогию, построенную на внешнем, структурном сходстве.

Пример наиболее сложной (по Банаху) аналогии можно найти в [1, с. 131]. Применение расширенного принципа соответствия к классическому принципу соответствия Бора приводит к формулировке *всеобщего принципа соответствия*, что, по существу, является установлением аналогии между аналогиями.

3-й тип. Эквивалентность (Совпадение, Равенство, Изоморфизм, Идентичность, Тождественность).

В качестве примера можно привести ряд законов, относящихся к разным областям знания, но эквивалентных по форме и содержанию: закон Ципфа, закон Зипфа, закон Уилкса, как закон Парето, закон Брэдфорда. Эти законы – частные проявления общесистемного принципа ранговых распределений [1, с. 133].

Второй пример. Для описания явлений микромира в середине 20-х годов прошлого столетия были разработаны две самостоятельные теории: волновая механика Шрёдингера и матричная механика Гейзенберга. Естественно, возник вопрос: как эти теории согласуются между собой? Ведь они описывают одни и те же процессы и явления. Математическая *эквивалентность* матричной и волновой механик была доказана в 1926 году в одной из работ Э. Шредингера. Тем самым было установлено, что матричная механика и волновая механика – две формы представления одной теории, получившей название квантовой механики.

Процесс разрешения проблемных ситуаций на основе РПС-метода в общем случае содержит ряд этапов:

1. Четкая формулировка проблемы (постановка задачи);
2. Формализация – формулировка проблемы без использования специальных терминов;
3. Поиск сходной проблемной ситуации на основе формализации;
4. Установление соответствия между исходной проблемой и сходной;
5. Формализованное представление решения сходной проблемы;
6. Представление решения исходной проблемы в исходных терминах (редукция).

Продемонстрируем некоторые схемы действия РПС на конкретных примерах. В каждом случае выделим объекты соответствия и полученный результат.

1. Деятельность и действие.

Соответствие: вопрос 1 – вопрос 2. Результат: правильный ответ.

В монографии [8] авторы описывают простой, но весьма убедительный пример использования схемы РПС для решения одного принципиального методологического вопроса. Проблема возникла при выяснении связи между понятиями *деятельности* и *действия.* Вопрос: *состоит ли деятельность из действий?* Если да – то в каком точно смысле? Если нет – то каково их взаимоотношение? В результате логических

рассуждений авторы приходят к выводу, что считать деятельность состоящей из действий бессмысленно. Но как тогда к деятельности относятся действия?

При решении этого вопроса оказалась полезной одна аналогия из математики.

Для строгого обоснования дифференциального и интегрального исчисления необходимо было получить ответ на важный вопрос: *состоит ли линия из точек?* Проблему решил Д.Гильберт. Он показал, что геометрия не изменяется, если мы вместо отношения «составленности» прямой из точек возьмем другое: «точка лежит на прямой».

Авторы воспользовались *приёмом* Гильберта при решения своей проблемы.

Вместо того чтобы выяснять, состоит деятельность из действий или не состоит, гораздо разумнее ввести отношение «*действие включено в деятельность*».

На этом достаточно простом примере покажем, как работает РПС-метод.

Исходная проблемная ситуация представлена в виде *вопроса* с двумя возможными альтернативными ответами. Применение к ней процедуры формализации приводит к “обобщеннойю” формулировке:

Состоит ли объект A из некоторого множества объектов b или объект b включен в A?

Затем «вспоминаем», что проблемная ситуация с подобной формулировкой уже встречалась в математике. Между двумя проблемными ситуациями *соответствие* установлено. В математике проблема была решена так: «*точка лежит на прямой*», что равносильно ответу «*объект b включен в A»* в “обобщенной” формулировке. Теперь возвращаемся к исходной терминологии (редукция) и записываем решение исходной проблемной ситуации: «*действие включено в деятельность*».

2. Закон Ома.

Соответствие: процесс 1 – процесс 2. Результат: новый закон

Закон Ома был установлен на основе определенного сходства между движением заряженных частиц в проводнике и потоком жидкости. Сила потока жидкости определяется двумя параметрами: разностью высот и длиной данного участка русла. Согласно РПС между параметрами этих двух сходных физических процессов (но различных явлений) может быть установлено *соответствие*.

Разности высот *соответствует* разность электрических напряжений на концах проводника – электродвижущая сила, а длине русла *соответствует* длина проводника. Отсюда следует, что сила тока (при условии однородности цепи) должна быть пропорциональна напряжению и обратно пропорциональна длине пути тока. (В общем случае параметр “длина проводника” заменяется на “сопротивление”.)

3. Закон Кулона.

Соответствие: сжатие – кручение. Результат: прибор для измерения сил (метод).

Соответствие: прибор (метод) – задача под метод. Результат: новый закон.

Очень интересный пример применения РПС дает нам история открытия закона Кулона в 1785 году. Ш. Кулон, инженер по образованию, занимался изучением механических свойств нитей и проволок при деформации кручения. Эти исследования по теории упругости носили самостоятельный характер и никак не были связаны с измерением сил взаимодействия электрических зарядов. В 1678 году в одной из своих работ Роберт Гук дает описание изобретенных им “Философских весов”, пригодных для определения веса любого тела без применения гирь. В конструкции этих весов использовался закон упругих деформаций, открытый Р. Гуком.

Ш. Кулон, следуя примеру Р. Гука, использовал имеющуюся у него установку для изучения свойств нитей при деформации кручения в качестве крутильных весов для

измерения сил взаимодействия электрических зарядов. Только Р. Гук использовал свои весы для измерения сил при деформации *сжатия* (растяжения), а Ш. Кулон – при деформации *кручения.* Так был открыт закон взаимодействия электрических зарядов – закон Кулона. Совершенно очевидно, что в данном случае была использована (явно или неявно) схема расширенного принципа соответствия. Однако, главная особенность данного примера в том, что не метод разрабатывался для решения задачи, а задача подбиралась под имеющийся метод! В приведенном примере представлены сразу две схемы установления *соответствия:* сходство методов измерения сил при разных видах деформации и поиск *соответствующей* задачи под известный метод.

4. Закон Кулона.

Соответствие: форма закона 1 – форма закона 2. Результат: новая теория.

История открытия закона Кулона дает нам еще один пример действия РПС. На этот раз объектом нашего внимания будет *форма* закона. Нельзя не заметить, что закон Кулона для силы взаимодействия электростатических зарядов по своей математической форме совпадает с законом Ньютона для силы взаимодействия гравитационных масс.

(Удивительным образом и здесь Роберт Гук оказался предтечей Шарля Кулона! Дело в том, что Р. Гук отправил в 1679 году Ньютону письмо, где, в частности, было изложено предположение об убывании силы притяжения планет к Солнцу обратно пропорционально квадрату расстояния.)

Именно на этот факт обратил внимание С.Д. Пуассон и в своей работе 1811 года предпринял попытку применить хорошо разработанную в теоретической механике математическую теорию потенциала для описания электрических полей. Попытка эта оказалась столь удачной, что привела к бурному развитию теории электричества.

Как видим, здесь основанием для установления *соответствия* явилось внешнее сходство двух законов, относящихся к различным физическим явлениям. В результате (согласно схеме действия РПС) была построена новая теория по известному образцу.

5. Квадрирование квадрата. Метод интерпретации.

Соответствие: объект1 – объект 2. Результат: решение задачи.

Квадрирование квадрата – геометрическая задача о разбиении квадрата на конечное число попарно неравных между собой квадратов. [9, с. 305–326.]. Преодолеть все трудности удалось лишь после того, как задача с помощью так называемой диаграммы Смита была переведена на язык теории электрических цепей, а затем снова на язык геометрии. Это позволило применить для решения задачи квадрирования хорошо разработанную теорию электрических цепей, в частности, правила Кирхгофа.

В данном случае *соответствие* было установлено между объектами различной природы, что позволило применить известную теорию для решения исходной задачи.

Такой метод решения задач хорошо известен в науке и носит название «Метод интерпретации».

6. Великая теорема Ферма (*ВТФ*).

Соответствие: объект 1 – объект 2. Результат: новая гипотеза.

Соответствие: гипотеза 1 – гипотеза 2. Результат: доказательство теоремы.

Доказательство Великой теоремы Ферма стало одним из самых значительных событий в математике XX века. Её условие формулируется на уровне элементарной математики, однако на поиски доказательства лучшие умы человечества потратили более 350-ти лет. Она была доказана в 1994 году Эндрю Уайлсом, а его 130-страничное доказательство было опубликовано в 1995 году в журнале «Annals of Mathematics». Историю доказательства мы описывать не будем [10], отметим лишь те моменты, которые представляют для нас интерес.

В 1957 году была сформулирована гипотеза Таниямы-Шимуры согласно которой каждой эллиптической кривой *соответствует* модулярная форма. «Это открытие было поразительным, потому что не было никакой видимой причины, по которой модулярную форму можно было связать с эллиптической кривой… Установление взаимосвязи между, казалось бы, различными объектами чрезвычайно плодотворно не только в математике, но и в любой науке. Такая взаимосвязь указывает на какой-то глубокий принцип, лежащий в основе обоих объектов и позволяющий глубже понять их.» [10, с. 178-179].

Осенью 1984 года немецкий математик Герхард Фрей высказал утверждение: если бы удалось доказать гипотезу Таниямы-Шимуры, то тем самым была бы доказана и Великая теорема Ферма. Логика рассуждений Фрея сводилась к следующему: каждому гипотетическому решению уравнения Ферма можно поставить в соответствие эллиптическую кривую Фрея, для которой нет соответствующей модулярной формы. Таким образом, существование эллиптической кривой Фрея отрицает гипотезу Таниямы-Шимуры. Но если гипотеза Таниямы-Шимуры всё же верна, то уравнение Ферма не может иметь решений, т.е. верна Великая теорема Ферма.

Двумя годами позже Кен Рибет доказал, что этой гипотетической эллиптической кривой Фрея невозможно поставить в *соответствие* модулярную форму. Тем самым была установлена логическая связь – *соответствие* – между гипотезой Таниямы-Шимуры и гипотезой Ферма (пока ВТФ не была доказана, она имела статус гипотезы).

19 сентября 1994 года Эндрю Уайлс с помощью Ричарда Тейлора завершил свой многолетний труд по доказательству Великой теоремы Ферма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ключевую роль в решении труднейшей математической проблемы сыграл факт установления *соответствия* между объектами, которые на первый взгляд между собой никак не связаны!

Еще одно обстоятельство, которое также не может не вызывать удивления, состоит в том, что между двумя совершенно разнородными утверждениями было установлено *соответствие* на уровне причинно-следственных связей!

Таким образом, предлагаемый в данной работе метод решения проблем, основанный на расширенном принципе соответствия (РПС-метод) показал свою высокую эффективность, что подтверждается многочисленными примерами из истории научных открытий. РПС-метод относится к классу эвристических методов. Применение его на практика требует широкой эрудиции, наблюдательности, критического мышления, научной интуиции и творческого подхода.

Возможности РПС-метода многократно возрастут при использовании достижений в области новых технологий. Это, прежде всего, создание баз данных, адаптированных к РПС-методу, и разработка специализированных систем искусственного интеллекта.

Одним из перспективных направлений расширения возможностей РПС-метода является использование технологии краудсорсинга для решения научных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйлазян Э.Г. Расширенный принцип соответствия / Э.Г. Эйлазян // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 129-135.
2 Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. – М.: Радио и связь, 1982. – 152 с.
3. Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования / А.И. Уемов. – М.: Наука, 1970. – 262 с.
4. Александров Е.А. Основы теории эвристических решений / Е.А. Александров. – М.: Сов. радио, 1975. – 256 с.
5. Пойа, Д. Математика и правдоподобные рассуждения / Д. Пойа. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
6. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Контакт–Альфа, 1995. – 340 с.

7. Пойя, Д. Как решать задачу. Пособие для учителей / Д. Пойя. – М.: Учпедгиз, 1959. – 208 с.
8. Боровских А.В., Розов Н.Х. Деятельностные принципы в педагогике и педагогическая логика. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 80 с.
9. Гарднер М. Математические головоломки и развлечения / М. Гарднер. Пер. с английского Ю. Данилова. – М.: Оникс, 1994. – 512 с.
10. Сингх С. Великая теорема Ферма. / Перевод с английского Ю. Данилова. М.: МЦНМО, 2000, – 288 с.

Поступила в редакцию 11.09.2021 г.

APPLICATION OF THE EXTENDED PRINCIPLE OF CORRESPONDENCE IN SCIENTIFIC RESEARCH

E.G. Eilazyan

The article is devoted to the issues of practical application of the extended principle of correspondence in solving problems arising at different stages of scientific research. The classification of problem situations according to the degree of their complexity is given. A typology of different types of correspondence is introduced and various schemes of the extended principle of correspondence are considered. The effectiveness of using the proposed method is demonstrated by examples from the history of the development of scientific knowledge.

Key words: extended principle of correspondence, formalization, scientific problem, classification.

Эйлазян Эдуард Гайкович
Кандидат химических наук, доцент,
ГУ «Институт прикладной
математики и механики», г. Донецк, ДНР.
E-mail: ed.eil.ing139@gmail.com

Eilazyan Eduard Gaikovich
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
GA "Institute of Applied Mathematics and
Mechanics", Donetsk, DPR.
E-mail: ed.eil.ing139@gmail.com

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.025

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УЧЕБНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

© 2021. ***В.С. Гончарова***

В современных условиях формирование творческой личности является приоритетной задачей всей образовательной системы, как части общего процесса формирования активного, творчески мыслящего поколения. В статье особое внимание уделено рассмотрению механизма создания художественной работы с учетом проявления закономерностей этого процесса и при исполнении творческих учебных заданий по рисунку, живописи и скульптуре. Обосновано, что образное мышление как основа творческой деятельности проявляется на любых этапах выполнения учебной работы. Автором предложен ряд методических заданий на развитие образного мышления студентов.

***Ключевые слова*:** воспитание, искусство, формирование, образное мышление, творчество, творческая личность, педагогические принципы, методика

Введение. На сегодняшний день существует острая необходимость в подготовке квалифицированных специалистов, обладающих высоким профессионализмом и творческой мобильностью.

Важная роль в реализации этой цели принадлежит профессиональному образованию, которое обеспечивает целенаправленное развитие молодого человека, способствует его профессиональному самоопределению. В сфере профессионально-художественного образования актуальность приобретает обучение, ориентированное на развитие образного мышления с учетом современных эстетических требований. Перед художественной школой стоят задачи, которые должны быть решены прежде всего в процессе освоения дисциплин предметного блока: рисунка, живописи, скульптуры, композиции, поскольку именно эти дисциплины играют главную роль в формировании творческих способностей будущего специалиста.

Учитывая, что высокая результативность процесса обучения на современном этапе развития художественно-профессиональной школы возможна только при условии применения теоретических достижений науки, значимость приобретают научные разработки психологии в понимании этого вопроса, поскольку само мышление человека является его компетенцией и поэтому всегда остается одной из самых актуальных тем для исследования.

Цель статьи – на основе анализа принципов формирования образного мышления разработать методические рекомендации для улучшения профессиональной подготовки и творческой самореализации студентов в учебном художественном процессе.

Важно отметить, что проблемы изучения общих и специфических законов микро- и макро- развития мышления давно глубоко беспокоили ученых. В отечественной науке эта отрасль представлена теориями И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Л.С. Выготского. С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, П.Я. Гальперина, П.А. Шеварева, Н.А. Менчинской, В.В. Давыдова, А.В. Брушлинского и др.

В таких работах, как: «О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания» А. Столяра (1972), «Порождение образа» В. Зинченко, Г. Вучетича, В. Гордона (1973), «Искусство как мышление» Г. Ермаша (1982), «Мышление» А. Брушлинского (1986) и других рассматриваются вопросы природы творческого мышления, составляющих процесса мышления, взаимодействия мышления и творчества и тому подобное.

Так, мышление (по А.В. Брушлинскому) – форма творческого отражения действительности, порождающая такой результат, которого в самой действительности или у самого субъекта на данный момент не существует [1, с. 11].

С.Л. Рубинштейн считает мышление процессом обобщенного и опосредствованного речью отражения действительности [2].

В.Д. Шадриков рассматривает мышление как способность. Утверждая, что «как способность мышление будет иметь индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии порождаемых мыслей и работе с мыслями при решении задач, стоящих перед субъектом» [3, с.10].

Изложение основного материала статьи. Мышление художника (будущего художника в том числе) – это творческое мышление, характерное, прежде всего, тем, что происходит в форме художественных образов. Именно характер деятельности, сама практика в области изобразительного искусства формирует способность не только своеобразного восприятие мира, но и профессиональные особенности мыслительных процессов.

Поскольку художественное или образное мышление значительно отличается от научного или обыденного, то в отношении искусства психологи выделяют мыслительные процессы трех типов.

Первый – это исследовательское мышление, когда идет формирование идеи, концепции произведения, осмысление действительности в категориях художественного образа.

Второй – так называемое «техническое мышление». Результатом этого типа мышления является выбор определенных выразительных средств, композиционной структуры, с помощью которых автор может воплотить свой замысел, чувства, идеи в колористическом, пластическом, стилевом решении произведения.

Третий – визуальное мышление. Психологи определяют его как начальное в едином процессе умственной деятельности художника при создании произведения. Уже в начале восприятие предмета или явления художник определяет степень его важности для своего творчества. Умственные процессы еще не осознаются и проходят на эмоциональном уровне, но существенно влияют на все последующие этапы внутренней и внешней работы над художественным образом [4].

Таким образом, мышление творческого человека (а именно таким человеком и должен быть будущий художник) обязательно будет связано с восприятием, изучением, освоением реальной действительности и с переложением ее на условный язык изображения в том или ином материале. Мышление выступает источником познавательной активности, которая приводит к творчеству во время учебной работы над изображением. В наше время проблема заключается в наиболее рациональном применении достижений психологии в понимании процесса действия психологических механизмов на «продуктивный» процесс формирования специалиста.

Постигая художественный образ как сложную систему воспроизведения объективной действительности, будущий специалист познает ее постепенно, переходя от непосредственного эмоционального восприятия ко все более высоким уровням познания благодаря мышлению. Выделение предмета из фона, оценка пропорций,

освещенности, анализ деталей, из которых состоит предмет, сопоставление данного предмета с уже познанными предметами подобного типа, выбор изобразительных средств для выражения характера – все это этапы одного процесса познания и творчества.

Так же как и у профессиональных художников, способность мыслить образно на уровне понятий и мыслей развивается у будущего художника на основе наглядно-действенного и наглядно-образного мышления. В отличие от логического, образное мышление (несмотря на присутствие в нем идей и абстракций), имеет в своей основе конкретные образы восприятий и образы представлений.

Мышление художника всегда наглядное в том смысле, что направлено на поиск художественной формы образа, который формируется в сознании на основании представления. Творческий подход к изображению натуры, необходимый для подготовки специалистов в наше время, способствует развитию именно этого типа мышления у студентов: от наглядно-действенного к наглядно-образному мышлению и далее – к художественно-образному. Этот путь развития способности к воспроизведению действительности в форме художественных образов студенты должны пройти в процессе восприятия учебной постановки, ее изучения и изображения.

Освещая вопрос мышления именно в учебном творчестве, важно подчеркнуть, что воспроизведение действительности в художественных образах существенно отличается от копирования, срисовывания, списывания с натуры. Именно благодаря мышлению осуществляется абстрагирование и обобщение при анализе объекта отображения. Это дает студентам возможность подниматься выше случайных фактов и отдельных явлений, устанавливать те или иные связи, то есть мыслить на уровне понятий.

Таким образом, рождается новая ступень в развитии способностей – продуктивное, творческое мышление. Восприятие выходит на интеллектуальный уровень, а сами интеллектуальные процессы характеризуются постепенным переходом от репродуктивных к продуктивным, от простого воспроизведения – к творческим действиям.

Данное утверждение является базовым при выполнении интерпретационных решений по одной и той же постановке, особенно с условием комплексного выполнения задач в рисунке, живописи, скульптуре – наиболее рационального на сегодняшний день принципа подготовки специалиста.

Относя данный принцип обучения к проблемному, можно отметить, что в проблемном обучении имеет значение не только нахождения результата, но и сам процесс поиска. По мнению ученых-психологов, умственная деятельность активизируется в случае возникновения препятствий, при попытке осознать свои действия с целью устранения этих препятствий [5]. Особенно это важно при создании изображения как «формализации» результатов восприятия и мыслительного процесса в ходе работы с натурным материалом.

В виду того, что обучение художественным дисциплинам на данном этапе развития художественной школы имеет вектор проблемно-творческой направленности, изучение закономерностей творческих процессов становится важнейшим для педагога в сфере обучения изобразительному искусству, поскольку современный педагог изобразительного искусства – это еще и мыслящий художник.

Изображения с натуры, а потом ее интерпретация требуют решения большого количества сугубо творческих проблем (композиционных, конструктивных, пластических, формообразующих и многих других).

По мере развития способности оперировать образами, в сознании повышаются творческие качества мышления. Как показывает практика, студенты, которые умеют вести работу таким образом (не копируя натуру, а анализируя и интерпретируя ее),

добиваются лучших результатов как в традиционном объемно-пространственном изображении, которое проявляется в конструктивном, осмысленном построении формы, так и при решении композиционно-пластических задач. Значение в этом процессе имеет тот факт, что исполнитель становится художником – глубоким, самобытным и одаренным мыслителем.

Образное мышление художника включает субъективную логику мысли о вещах, логику оценок и отношений, но не выходит за пределы логики самих вещей. Художественная деятельность, а к ней мы относим выполнение задач в учебном рисунке, живописи, скульптуре, сочетает воедино объективную и субъективную сферы сознания человека. В соотношении этих двух начал заключен бесконечный спектр художественных вариантов изображения объективно существующих предметов.

Логика художественного произведения субъективна относительно его автора к предмету изображения, но объективна по существу. Субъективно-логический процесс художественного творчества как процесс образного мышления происходит относительно самостоятельно. Логика в искусстве подчиняется идейному замыслу художника и раскрывает значение реально существующих предметов. Возникает вопрос о соотношении объективного и субъективного в академических задачах по специальным дисциплинам, о соотношении образного и логического в учебном процессе. В связи с этим мы отметим следующее. Академические рисунок, живопись, скульптура могут рассматриваться и как моделирующие объект воспроизведения, и как упражнения по приобретению художественно-технического мастерства в каждом из них, и как предметы самовыражения на основе натуры и поисков формальных средств изображения. Но те или иные задачи должны решаться в определенной последовательности и с определенной взаимозависимостью.

Методически это может быть осуществлено следующим образом.

Первое. Выполняются работы «классической», то есть академической трактовки формы по всем правилам построения и объемно-пространственного отображения с целью передачи объема и пространства с четким выявлением материальных качеств предметов изображения. Такая постановка задачи будет способствовать совершенствованию принципов объемно-пространственного изображения натуры, необходимого для воспроизведения визуально воспринимаемой действительности. Выполнение работ может осуществляться различными материалами и техниками как в рисунке, так и в живописи. В рисунке: карандаш, сангина, соус, тушь-размывание, одноцветная акварель и т.п. В живописи: цветная акварель, гуашь, темпера, масло и т.п. Решение, в соответствии с разными психофизиологическими особенностями исполнителей, возможно как «спокойное», так и «экспрессивное», как «графическое», так и «живописное», как «темное», так и «светлое». В живописи – как «холодное», так и «теплое» и т.п. В скульптуре, в рельефной пластике, в глине, гипсе, слабо обожженной керамике.

Второе. Проводится повторение изображения по предварительному рисунку и живописи с сохранением силуэта предметов, их пропорций и объемно-пространственных качеств (возможно копирование изображения на другой лист бумаги с помощью кальки или через стекло). В данном случае используется отличная от предыдущего выполнения техника. Применяется любой выразительный технический прием, например, – монотипия (черно-белая или с цветными приложениями), оригинальная штриховка, выдувание, какая-нибудь механическая фактура, воссозданная с помощью тампонирования и тому подобное. Постановка задачи способствует выявлению возможностей того или иного материала, технического приема возможных художественных эффектов, которые могут возникнуть при их использовании.

Третье. Осуществляется выполнение натуры с использованием оригинальных пластических трансформаций формы (с возможной деформацией), но при сохранении взаимного расположения ее элементов. При этом также используются различные технические приемы (не повторяющиеся одним и тем же исполнителем). В данном случае постановка задачи способствует развитию у исполнителей сознательного использования качеств пластической организации и интерпретации форм на основе визуально воспринимаемой натуры.

Четвертое. Создается замкнутая композиция на основе натуры, с оригинальным композиционным решением и техническим обыгрыванием изобразительной поверхности. В этом случае составляющие постановки могут переставляться местами, стилизоваться с изменением, при необходимости, пропорций и т.п. Задания выполняются как в рисунке и живописи, так и в скульптуре. Такая постановка задач направлена на развитие композиционных способностей обучающихся, их творческой фантазии.

Принимая во внимание, что вышеперечисленные задания разнообразны, можно подчеркнуть: решение этих задач создаст необходимые условия для развития творческого потенциала студентов уже на первом курсе учебного заведения. В зависимости от склонностей каждого эти решения будут способствовать раскрытию индивидуальных качеств будущих художников. Характерно, что особенностью процесса обучения должно быть умение обосновывать тот или иной принцип решения, четко и ясно сформулировав суть творческой идеи.

Выводы. Творческое мышление формируется в процессе художественной деятельности. Отсюда чрезвычайно важным становится привитие эстетического понимания различных стилевых решений, возникающих в процессе работы с натуры с учетом законов и закономерностей искусства. Именно поэтому всестороннее, творческое использование в процессе обучения психологических механизмов предопределяет полноценное развитие творческих качеств будущего специалиста. Содействие этому развитию, на основании новейших достижений науки, и является первостепенной задачей современной художественно-профессиональной школы.

Умелое использование психологических механизмов приводит к тому, что студенты в процессе освоения учебных задач изображения формы учатся искусству отчетливого изображения, учатся понимать свои чувства и свое отношение к тому, что изображается. Творческие задания сосуществуют вместе с учебными и могут быть представлены как учебные, которыми они на самом деле и есть в условиях учебного процесса независимо от образно-стилевого решения изображения. Познавательные процессы выполнения работ требуют и логического, и образного подхода к созданию изображения. Студент как творческая личность при создании изображения всегда оперирует двумя составляющими своей умственной деятельности: объективным и субъективным.

Логическое мышление формируется в процессе объективного понимания окружающего мира независимо от ощущений и чувств: образное мышление формируется в процессе личных ощущений. В ходе выполнения работы с натуры возможны переходы мышления от образного к логическому и обратно, как возможно изменение характера восприятия от субъективного к объективному. Особенно это может проявляться при комплексном решении учебно-творческих задач в рисунке, живописи, скульптуре, как наиболее рациональном на сегодняшний день методе всестороннего развития будущих специалистов творческих профессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А.В., Тихомиров О.К. О тенденциях развития современной психологии мышления // Национальный психологический журнал. – 2013. – №2(10). – С.10-16.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Электронный ресурс]. – URL: http://rubinstein-society.ru/engine/documents/document51.pdf (дата обращения 23.04.2021).
3. Шадриков, В. Д. Мышление как проблема психологии / В. Д. Шадриков // Высшее образование сегодня. – 2018. – № 10. – С. 2-11. – DOI 10.25586/Rnu.Het.18.10.P.02.
4. Тихомиров О.К. Психология мышления: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.К. Тихомиров. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
5. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека: Монография. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 274 с. (Достижения в психологии)

Поступила в редакцию 14.09.2021 г.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PRINCIPLES OF FORMING THE IMAGED THINKING OF STUDENTS IN EDUCATIONAL CREATIVITY

V.S. Goncharova

In modern conditions, the formation of a creative personality is a priority task of the entire educational system, as part of the general process of forming an active, creatively thinking generation. The article pays special attention to the consideration of the mechanism for creating an artwork, taking into account the manifestation of the laws of this process and when performing creative educational tasks in drawing, painting and sculpture. It has been substantiated that figurative thinking as the basis of creative activity is manifested at any stages of educational work. The author offers a number of methodological tasks for the development of figurative thinking of students.

Key words: education, art, formation, imaginative thinking, creativity, creative personality, pedagogical principles, methodology

Гончарова Виктория Сергеевна
Кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального педагогического образования
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: vk.goncharova@donnu.ru

Goncharova Victoria Sergeyevna
Candidate of Art, Associate Professor of the Musical Pedagogical Education Department,
SEI HPE «Donetsk National University», Donetsk, DPR.
E-mail: vk.goncharova@donnu.ru

УДК 37.018.2

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2021. ***Н.В. Гризодуб, И.В. Сотникова***

В статье рассматриваются особенности проявления повышенной тревожности у обучающихся старших классов образовательных организаций. Дается определение понятиям: тревожность, самосознание личности, самооценка. В статье представлены анализ психолого-педагогической литературы, позволяющий выделить структуру самосознания личности и проявление самооценки старших школьников, относительно учебной деятельности, в учебном процессе общеобразовательных организаций. В статье авторы рассматривают тревожность и самооценку, как факторы регуляции формирования личности, где существенным является осуществление педагогического сопровождения учащихся с целью снижения уровня тревожности.

Ключевые слова: учебный процесс, обучающиеся, тревожность, самосознание личности, самооценка.

Введение. Проблема тревожности для современного общества является насущной и многогранной, которая отрицательно влияет на формирование личности, особенно у старших школьников. Именно старший школьный возраст, с подростковыми новообразованиями, является предпосылкой для формирования эмоциональной неустойчивости, в том числе, в виде повышенной тревожности, которая может быть обусловлена, как особенностями высшей нервной деятельности и являться биологически обусловленным, врожденным качеством, так и зависеть от особенностей формирования личности, социальной ситуации – таким образом, можно сказать, что тревожность у подростка – это фактор, опосредующий его поведение и имеет влияние на успешность осуществления учебной деятельности.

Основная часть. В процессе переживания тревоги у старшего школьника актуализируются чувства зависимости и одиночества, неполноценности, незащищенности, что влечет за собой всплеск эмоциональных переживаний и занижение самооценки. Небылицын В.Д. тревожность рассматривает как «постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека находиться в состоянии беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях» [5, с. 23].

Согласно трактовке данного понятия энциклопедией, можно утверждать, что «Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги» [1, с. 483].

Таким образом, тревожность и самооценку можно рассматривать как факторы регуляции поведения индивида, а также как одни из основных компонентов его самосознания, а именно:

- тревожность, как саморегулятивный компонент;
- самооценку, как ценностный компонент.

Итак, поскольку самооценка является одной из неотъемлемых составляющих самосознания, рассмотрим более подробно именно понятие «самосознание» в контексте его определения.

С.Л. Рубинштейн определял, что самосознание человека – это феномен, являющийся результатом познания, но не присутствующий непосредственно в

переживаниях [7]. А.Н. Леонтьев характеризует самосознание личности как осознание себя в системе общественных отношений [3]. Ю.Б. Гиппенрейтер характеризует самосознание как образ «Я» и самоотношение [2]. С точки зрения А.Б. Орлова, самосознание определяется через самоотождествление и самопринятие человека [6].

Таким образом, мы можем выявить черты развития самосознания личности в контексте ведущей деятельности – учебной, которые проявляются в следующих аспектах:

- самонаблюдении, осознании своего реального и идеального «Я» в учебном процессе. Выражается в удовлетворенности школьником своими реальными и ожидаемыми учебными результатами путем оценивания возможного результата собственной учебной деятельности и путей его достижения;
- рефлексии собственной учебной деятельности. А именно, осознание субъектом образования своей деятельности, как ученика, так и учителя. Задача учителя – создать необходимые условия, способствующие обратной связи, в отношении деятельности обучаемых. В результате у учеников формируется устойчивое желание анализировать собственную учебную деятельность и деятельность других учащихся класса;
- оценке своих положительных и негативных качеств личности, способствующих или негативно оказывающих влияние непосредственно на сам процесс учения и получение новых знаний, умений и навыков;
- ответственности за свои достигнутые учебные результаты. При этом важно наличие сформированных умений самоорганизации, планирования и корректирования собственной учебной деятельности.

Учитывая обозначенные аспекты, определим, что самосознание – это приобретаемая в действии и социуме психологическая особенность, с помощью которой человек познает себя и получает представление о себе, формируя «Я – образ» и «Я – концепцию», т.е. можно сказать, что самосознание является основой для формирования самооценки личности обучаемого.

Необходимо отметить, что относительно структуры самосознания в научных кругах также нет единого мнения. Рассмотрим трактовку структуры самосознания в психолого-педагогической литературе.

Так, концепция В.С. Мухиной представляет структуру самосознания, состоящую из следующих элементов:

- идентификация с телом и именем;
- самооценка;
- представление о себе, как о представителе определенного пола;
- представление о себе настоящем, прошлом и будущем;
- оценка себя в социуме [4].

В.С. Мерлин определяет компоненты самосознания, как связанные между собой и определяющие направленность личности, это:

- сознание своего «Я» как активного начала;
- сознание тождества своей личности;
- осознание своих психических свойств;
- социально-нравственная оценка своих психических свойств [9].

По мнению В.В. Столина единицами самосознания являются:

- образ самого себя (схема тела и самочувствие);
- воспринимаемая оценка себя другими и самооценка;
- конфликтный смысл «Я», который включает в себя когнитивный и эмоциональный компоненты [8].

Обобщив опыт авторов по изученной проблеме, можно выделить в структуре самосознания следующие компоненты:

- образ «Я» (самопознание и самоотношение, самоконтроль и самооценка);
- саморегулирование;
- рефлексия;
- управление поведением и деятельностью.

Мы считаем, что самооценка – это психологическая особенность, с помощью которой происходит оценка личностью самой себя, своих возможностей, способностей, качеств, места среди других людей, также эта особенность отражает уровень самоуважения и самопринятия. Учащийся должен осознать значимость обучения, и при этом не испытывать конфликт с внутренним «Я». Следовательно, учителю необходимо направить усилия на формирование, прежде всего, зрелой личности и способствовать позиции учащегося как субъекта в учебном процессе, с полной готовностью реализовывать условия личностного и профессионального становления.

Главная функция самооценки – дать возможность личности осознать и оценить себя, вычленить из множества мотивы учения и соотнести их с результатами своей учебной деятельности, и, в зависимости от оценки достигнутых учебных достижений, откорректировать дальнейшие свои действия или поведение на занятии.

Таким образом, относительно учебной деятельности у старших школьников подразделяем самооценку на: адекватную, завышенную и заниженную. Рассмотрим ее проявление в учебном процессе общеобразовательных организаций:

1. Адекватная самооценка позволяет личности относиться к себе критически, правильно соотнести свои силы с поставленными целями и задачами различной трудности. Учащиеся способны сравнивать ранее поставленные учебные цели с уже достигнутыми результатами учебной деятельности, влияя также лично на выбор цели и способов ее достижения.

2. Завышенная самооценка проявляется в завышенных ожиданиях от социума, что приводит к депрессии, в случае неспособности старшего школьника удовлетворить свои притязания в учебном процессе. Проявляется в доминировании таких поведенческих реакций, как упрямство. Старший школьник считает себя лучше всех, уверен в своей правоте, имеет проблемы в межличностных контактах, испытывает страх ошибиться.

3. Заниженная самооценка встречается у старших школьников чаще, чем завышенная самооценка. В большей части это связано с развитием таких особенностей, как самокритичность и стремлением к реализации «Я – идеального». Ученик с заниженной самооценкой воспринимает временные трудности и неудачи, как постоянные, делает неверные выводы и отказывается работать над своими ошибками. На замечания учителя может в поведении проявлять агрессивность и обидчивость.

В целом, формирование и развитие самооценки старших школьников происходит непосредственно в процессе осуществления ими собственной учебной деятельности, а также и межличностного взаимодействия под влиянием социума – педагогической оценки, родителей подростка, социально-психологического статуса в коллективе сверстников.

Заключение. Таким образом, самооценка учебной деятельности – это осознание старшим школьником значимости своей учебной деятельности. Задача преподавателя – осуществлять педагогическое сопровождение учащихся с повышенным уровнем тревожности, которое будет способствовать обратной связи, в отношении деятельности обучаемых. В результате у школьников будет формироваться устойчивое желание

анализировать собственную учебную деятельность и деятельность других учащихся класса.

Именно, педагогическое сопровождение позволяет преподавателю изначально проектировать цели обучения, тем самым направлять вектор учебного процесса в нужное русло, в зависимости от конечного, запланированного изначально результата. Именно оно должно содействовать эффективному и планомерному процессу развития и становления личности обучаемого, корректируя уровень тревожности и его проявление в учебной деятельности обучаемых.

Процесс педагогического сопровождения предлагает: создание на учебных занятиях ситуаций успеха; доверительной обстановки на учебных занятиях (интеллектуальные игры, диспуты, викторины и пр.); привлечение старших школьников к помощи в школьной деятельности, не требующей сидения на месте (организации школьных праздников, соревнований); проявлять эмпатию к обучаемым – «мягко, но настойчиво требовать спокойных, обдуманных ответов, систематически напоминать о сдержанности в поведении в отношениях с товарищами и взрослыми»; в учебной деятельности необходимо воспитывать последовательность, аккуратность, порядок, требовать качественного выполнения заданий; создание условий для личностного роста и дальнейшего профессионального определения; формирования чувства собственного достоинства и активной жизненной позиции.

В целом, педагогическое сопровождение старших школьников с повышенным уровнем тревожности должен быть нацелен на развитие новых качеств личности, необходимых для успешного самоопределения, ведущей к саморазвитию и самосовершенствованию, что в итоге будет содействовать снижению уровня тревожности в учебном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. – М., 2015. – 352 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 2005. – 352 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.
5. Небылицын, В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий / В.Д. Небылицын. – Издательство: Наука, 1998. – 336 с.
6. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. – М., 2002. – 272 с.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб., 2012. – 288 с.
8. Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983. – 284 с.
9. Столяренко Л.Д. Основы психологии. – Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 475 с.

Поступила в редакцию 10.06.2021 г.

TO THE PROBLEM OF INCREASED ANXIETY OF SENIOR SCHOOLS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

N.V. Grizodub., I.V. Sotnikova

The article examines the features of the manifestation of increased anxiety in senior students of educational organizations. The definition of the concepts is given: anxiety, personality self-awareness, self-

esteem. The article presents an analysis of psychological and pedagogical literature, which makes it possible to highlight the structure of personality self-awareness and the manifestation of self-esteem of senior schoolchildren regarding educational activities in the educational process of general educational organizations. In the article, the authors consider anxiety and self-esteem as factors in the regulation of personality formation, where the implementation of pedagogical support of students in order to reduce the level of anxiety is essential.

***Key words*:** educational process, students, anxiety, personality self-awareness, self-esteem.

Гризодуб Наталья Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: natalyagrizodub@mail.ru

Сотникова Ирина Валентиновна,
магистр ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.

Grizodub Natalya Viktorovna,
candidate of Pedagogical Sciences,
associate Professor of the Department of Pedagogy
SEI HPE “Donetsk National University”, Donetsk, DPR.
E-mail: natalyagrizodub@mail.ru

Sotnikova Irina Valentinovna,
master, SEI HPE “Donetsk National University”, Donetsk, DPR.

УДК 378

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

© 2021. ***А.И. Дзундза, В.А. Цапов***

В статье обоснована необходимость мировоззренческого развития будущего учителя, основанная на формировании устойчивой системы нравственных ориентиров. В соответствии с этой задачей обучение математическим дисциплинам должно осуществляться согласно как классическим дидактическим принципам, так и специальным мировоззренчески ориентированным принципам обучения.

Ключевые слова: мировоззрение, эстетика математики, интеллектуально-познавательный компонент, патриотический компонент.

Мировоззрение молодежи является сложным социо-культурным, нравственным феноменом, поскольку отражает действительность сквозь призму целей и интересов личности и служит способом духовно-практического постижения мира. В последние годы возросла потребность общества в специалистах с высоким уровнем педагогического мировоззрения, владеющих всем арсеналом профессиональных знаний и умений по обучению и воспитанию высоконравственного гражданина – патриота своей страны. К сожалению, в трудах ученых констатируется недостаточная результативность существующих образовательных концепций и педагогических средств, направленных на формирование готовности будущих специалистов к осуществлению мировоззренчески ориентированного обучения. Философско-методологический подход к проблеме формирования мировоззрения студенческой молодежи разработан в работах Р.А. Арцишевского, А.А. Касьяна, Т.И. Ойзерман, А.Г. Спиркина, В.Ф. Черноволенко, В.И. Шинкарук и др. Они изучали не только структуру мировоззрения личности, но и определили педагогические условия для формирования мировоззренческих ориентиров. В трудах Б.С. Бабак, В.Л. Василенко, Л.Н. Дениско, П.А. Ландесман, А.С. Сметанина, П.Н. Федосеева проводились социологические исследования и анализировались факторы, необходимые для становления мировоззрения будущих специалистов, изучались его сущность и социальные функции.

С целью определения уровня сформированности мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики нами проводились экспериментальные исследования по разработке и реализации методической системы мировоззренчески ориентированного обучения математическим дисциплинам на базе факультета математики и информационных технологий Донецкого национального университета. В исследовании были использованы следующие методы:

- методы научного исследования (историографический, сравнительно-сопоставительный, ретроспективный, эмпирический, системно-структурный, прогнозирование, аналитический, дедуктивный);
- теоретико-методологический анализ научно-педагогических источников (ГОС ВПО, учебно-методической литературы, монографий, диссертаций, электронных источников сети Интернет и др.);
- методы диагностики и самодиагностики (педагогическое наблюдение, экспертное оценивание, анкетирование, интервьюирование, опрос, тестирование и др.);

- операциональные методы (анализ, синтез, систематизация, ннндукция, дедукция, аналогия, моделирование, мысленный эксперимент);
- экспериментально-педагогические методы (на подготовительном, констатирующем, формирующем, контрольном этапах эксперимента);
- методы математической статистики для проведения количественного анализа результатов эксперимента.

На подготовительном этапе эксперимента изучалось теоретическое и практическое состояние проблемы сформированности мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики; выявлялись склонности, потребности, отношение студентов к вопросам интеллектуально-познавательного, эстетического, нравственного, патриотического, мотивационно-волевого развития, осознание мировоззренческой позиции учителя как общечеловеческой ценности, интерес к изучению процесса совершенствования мировоззрения, практическому применению методов формирования мировоззренческих ориентиров; знание особенностей математических дисциплин и их возможностей в формировании мировоззренческих ориентиров; анализировалась готовность будущих учителей к профессионально-педагогической деятельности мировоззренческой направленности. Подготовительный этап был также посвящен поиску теоретико-методических конструктов исследования, их содержания, подбору форм, методов и средств для организации и проведения эксперимента [1-4].

С целью получения исходных данных нами был проведен анализ компетенций, представленных в ООП ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» бакалавриата по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (Профиль: Математика и информатика) и магистратуры по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (Магистерская программа: Математическое образование), а также Государственных образовательных стандартов (ГОС), на основании которых они были составлены. Было установлено, что в исследуемых документах не все компоненты системы мировоззренческих ориентиров актуализированы. В частности, эстетический, патриотический и нравственный компоненты не достаточно представлены в определениях компетенций данных направлений подготовки, что значительно сужает роль математического обучения в формировании мировоззрения студентов. Во многом это связано с традиционным взглядом на математику, как на концептуальную основу естествознания (гимнастику ума, абстрактный язык природы и пр.). К сожалению, данные стереотипы находят отражение в рабочих программах математических дисциплин [5].

Для оценки сформированности у студентов мировоззренческих ориентиров, практических умений и навыков по развитию соответствующих личностных качеств и применению их в профессиональной деятельности использовались традиционные педагогические методы: контрольные работы, индивидуальные задания, беседы, опросы, анкетирование, педагогическое наблюдение. Нами были разработаны опросники, результаты которых позволили получить общее представление об отношении студентов к различным проблемам формирования системы мировоззренческих ориентиров, и, в частности, к конкретным компонентам данного феномена: интеллектуально-познавательному, эстетическому, патриотическому, нравственному и мотивационно-волевому. Мы исследовали мировоззренческую направленность математического обучения и жизненных ориентаций студентов. К сожалению, для доминирующего большинства студентов эстетический, патриотический, нравственный мировоззренческие ориентиры не выступали как значимая профессиональная и культурная ценность.

Использовались также опросы и анкетирование студентов, в которых акцентировалось внимание на эстетическом потенциале математического образования. В ответах большая часть опрошенных студентов отмечают, что преимущественно литература, история, музыка, изобразительное искусство имеют эстетический потенциал. Это говорит о том, что будущие учителя не видят эстетического потенциала математических дисциплин. Следует отметить и низкий первоначальный уровень сформированности интеллектуально-познавательного компонента системы мировоззренческих ориентиров. На вопрос: «Что вы понимаете под словами «Красота математики»?» часто встречаемыми были такие ответы: «геометрические объекты», «правильные многогранники», «золотое сечение». По мнению отвечавших, занятия по математике, способствующие эстетическому воспитанию, обязательно должны включать в себя красоту выполнения построений и графиков на доске или на мультимедийной доске и соответствующий подбор учебного материала, задач, наглядных пособий. Это говорит о том, что студенты в основном понимают красоту математических объектов окружающей действительности и совершенно не воспринимают эстетических достоинств, совершенства математических рассуждений, изящности доказательств и универсальности математического языка в его строгости и лаконичности. Эти фрагментарные, поверхностные знания далеки от понимания внутренней красоты математики.

Интересными, на наш взгляд, были и результаты анкетирования, в котором нами были заданы следующие вопросы: «Какие методы работы учителя в большей мере способствуют эстетическому воспитанию на занятиях по математике?». Предложено было также расположить в порядке приоритета следующие позиции: эмоциональность; строгость изложения; пунктуальность; требовательность; аккуратность выполненных записей на доске; культура речи; уважительное отношение к обучающимся; подбор интересных задач и наглядного материала; увлеченность преподавателя своим предметом; умение преподавателя заинтересовать, привлечь внимание к предмету. Важнейшим фактором большинство студентов считают «уважительное отношение к студентам». Это свидетельствует о том, что далеко не у всех преподавателей высшей школы сформирован на необходимом уровне нравственный компонент системы мировоззренческих ориентиров.

Еще более сложная ситуация сложилась с формированием патриотического компонента системы мировоззренческих ориентиров. При ответе на вопрос: «Какие дисциплины, на ваш взгляд, в большей степени влияют на формирование ваших патриотических чувств», к сожалению, даже студенты-математики не указывали математические дисциплины. На уточняющие вопросы о патриотическом потенциале математического образования в малом количестве присутствовали ответы «задачи, содержащие сведения о родном крае»; «данные о периодизации Великой Отечественной войны». Практически все студенты не представляют четко смысла понятия «мировоззрение». Поэтому закономерно, что большинство студентов свой уровень сформированности системы мировоззренческих ориентиров оценили как низкий (72,2 %).

На основании полученных результатов нами определены цели и содержание педагогического эксперимента:

1. Организовать и провести констатирующий этап эксперимента, в ходе которого определить начальный уровень сформированности компонентов системы мировоззренческих ориентиров студентов – будущих учителей математики.

2. Провести поисковый этап эксперимента. Подготовить учебные и учебно-методические материалы для студентов экспериментальной группы. Разработать методическую систему мировоззренчески ориентированного обучения математическим дисциплинам будущих учителей математики.

3. Организовать и провести формирующий этап эксперимента. На этом этапе внедрить в учебный процесс методическую систему мировоззренчески ориентированного обучения математическим дисциплинам будущих учителей математики.

4. Разработать критерии, уровни и показатели сформированности компонентов системы мировоззренческих ориентиров студентов – будущих учителей математики.

5. Провести контрольный этап эксперимента, на котором определить итоговые показатели уровня сформированности компонентов системы мировоззренческих ориентиров студентов - будущих учителей математики.

Главной целью констатирующего этапа педагогического эксперимента было определение начального уровня сформированности интеллектуально-познавательного, эстетического, патриотического, нравственного и мотивационно-волевого компонентов системы мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики. Для достижения поставленной цели нами были составлены авторские опросники, а также тесты по аналогии с анкетами А.А. Горчинской, Д.В. Григорьева, Е.В. Дьяченко, Е.Н. Прошицкой, Т.Л. Романовой, С.Л. Семеновой, Н.Е. Стамбуловой, Н.Е. Щурковой.

Интеллектуально-познавательный компонент системы мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики является важной составляющей профессионально-педагогического мировоззрения, включающей в себя три грани: а) интеллектуально-познавательное сознание – широкий круг профессиональных знаний, являющихся основой научно-педагогических взглядов и убеждений – основных структурных единиц мировоззрения; б) интеллектуально-познавательную деятельность, в которой проявляются особенности интеллектуальной активности современного студента, которая дает возможность квалифицировать содержательную сторону ориентации личности, профессиональные цели педагога; в) интеллектуально-познавательное саморазвитие – процесс самосовершенствования и роста интеллектуального уровня, самореализации профессиональной индивидуальности.

Значительный практический интерес и особую научную значимость для нашего исследования представляет изучение уровня активности (интенсивности) познавательного интереса студентов университета.

При этом нами использовались различные виды опросов. Благодаря опросу, фрагмент которого представлен в таблице 1, нами были установлены уровни активности (интенсивности) познавательного интереса.

Таблица 1

Фрагмент опроса для определения уровня активности (интенсивности) познавательной деятельности студентов в экспериментальной и контрольной группах

Вопрос	Вариант ответа		
1. Насколько часто ты тратишь много времени на умственную работу?	Часто	Не часто	Крайне редко
2.Что предпочитаешь ты, когда задается вопрос на сообразительность?	Подумать самому в поисках ответа	По разному, в зависимости от ситуации	Узнать от других готовый ответ
3.Много ли дополнительной литературы по интересующим вопросам ты читаешь?	Регулярно много	Периодически читаю	Редко и очень мало читаю
4. Эмоционально ли ты реагируешь на занятия, связанные с увлекательной для тебя умственной работой?	В высшей степени эмоционально	По-разному	Эмоции не проявляю
5.Как часто ты пытаешься задать вопросы?	Часто	По разному, в зависимости от ситуации	Очень редко

Результаты опроса для определения уровня активности (интенсивности) познавательной деятельности студентов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровни активности (интенсивности) познавательной деятельности студентов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе эксперимента

Группы / **Уровни**	Экспериментальная, **количество человек, %**	Контрольная, **количество человек, %**
Низкий	168 (72,1 %)	174 (69,3 %)
Средний	52 (22,3 %)	63 (25,1 %)
Высокий	13 (5,6 %)	14 (5,6 %)
Всего	233 (100 %)	251 (100 %)

Заметим, что, низкий уровень активности познавательной деятельности студентов на констатирующем этапе эксперимента существенно выражен и в экспериментальной группе – 72,1 %, и в контрольной группе – 69,3 %.

В таблице 3 представлен фрагмент опроса для определения порога познавательной активности, как элемента интеллектуально-познавательного компонента.

Таблица 3

Фрагмент опроса для определения порога познавательной активности

Вопрос	Вариант ответа	
	Да	Нет
1. Я долго настраиваюсь перед выполнением ответственного задания		
2. При возникновении проблемной ситуации я стараюсь использовать все возможности для ее решения		
3. На мой взгляд, решительность не является чертой моего характера		
4. Я предпочитаю командную работу, а не решение проблем в одиночку		
5. Иногда, по моему мнению, я готов к свершению больших дел		
6. Я часто уклоняюсь от полезных и интересных дел, при условии возникновения организационных трудностей (стояние в очереди, сбор справок, доставание билетов)		

Результаты исследования по определению порога познавательной активности на констатирующем этапе эксперимента представлены в таблице 4.

Таблица 4

Порог познавательной активности, студентов в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе эксперимента

Группы / **Уровни**	Экспериментальная, **количество человек, %**	Контрольная, **количество человек, %**
Низкий	161 (69,1 %)	176 (70,1 %)
Средний	54 (23,2 %)	64 (25,6 %)
Высокий	18 (7,7 %)	11 (4,3 %)
Всего	233 (100 %)	251 (100 %)

Как видно из представленных данных, порог познавательной активности студентов на констатирующем этапе эксперимента и в экспериментальной и в контрольной группах находятся на достаточно низком уровне. Значительное количество студентов с низким порогом познавательной активности, говорит о том, что

студенты инертны, «тяжелы на подъем», отсутствует активная жизненная позиция, более склонны не к внешней активности, а к «внутренней жизни». Необходимые действия не предпринимают, а откладывают «на потом». Не любят работать в команде, не проявляют настойчивости в достижении цели, предпочитают проводить время в одиночестве. Подолгу и эмоционально переживают возникающие проблемы.

Эстетический компонент системы мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики является важной составляющей профессионально-педагогического мировоззрения включающей в себя следующие грани: а) эстетическое сознание учителя – эстетические чувства, эстетический вкус и идеалы, выраженные средствами образного мышления и логической культуры, абстрактности, дедуктивности и структурности как источники эстетического наслаждения в процессе изучения математики, интерпретация и восприятие красоты в общности математических структур; б) эстетическую деятельность учителя – деятельность, направленную на трансляцию или создание эстетических ценностей, с помощью математического аппарата, являющегося необходимым инструментом познания законов гармонии объективного мира, организацию профессионального взаимодействия в соответствии с эстетикой математического содержания (алгебраических и числовых выражений; формул; законов; теорем; методов и др.), эстетикой математического рассуждения (обоснования выводов, доказательства теоремы, решения задачи, построения геометрических фигур и др.), эстетикой математического познания; в) эстетическое саморазвитие и самореализацию в профессиональной деятельности.

Нами проводилось исследование уровня сформированности эстетического компонента системы мировоззренчески ориентированного обучения математическим дисциплинам студентов. С помощью опроса, фрагмент которого представлен в таблице 5, нами был установлен уровень эстетического развития студентов.

Таблица 5

Фрагмент опроса студентов для установления отношения студентов к элементам, раскрывающим внутреннюю сущность личностных эстетических качеств в экспериментальной и контрольной группах

№	Вопрос	Вариант ответа		
		Да	Иногда	Нет
1	На исходе дня, вспоминаешь ли ты эстетически приятные для тебя места (выставки, концерты, музеи, театры)?			
2	Любишь ли ты сочинять истории с несуществующими героями?			
3	Нравится ли тебе проводить время на природе, слушать журчанье ручья, шум листьев, пение птиц и др.			
4	Останавливаешь ли ты свое внимание на картине, цветке, травинке, жучке, зеленом листке и др.			
5	Делишся ли ты с родителями эмоциональными переживаниями (о книге, о музыке, о фильме и т.д.).			
6	Записан ли ты в публичную библиотеку?			
7	Ощущаешь ли ты комфорт от чистой и опрятной одежды?			
8	Стараешься ли ты быть вежливым в общении с одноклассниками?			
9	Нравится ли тебе читать литературу об искусстве?			
10	Посещаешь ли ты в Интернете сайты, посвященные живописи, классической музыке?			

В таблице 6 представлен фрагмент опроса студентов по осознанию эстетического потенциала математического образования.

Таблица 6

Фрагмент опроса студентов по осознанию эстетического потенциала математического образования

Вопрос	**Вариант ответа**			
1. В процессе решения задачи по математике тебя привлекает больше всего	процесс решения	сюжет	герои	оценка
2. Важно ли для тебя, в какие цвета раскрашен учебник по математике?	да		нет	
3. Нравится ли тебе иллюстрации к математическим задачам?	да		нет	
4. Как ты реагируешь на красивый ответ математической задачи, например, получив в ответе 111?	Красивое число	Ура! Ответ найден!	Мне безразлично	
5. Любишь ли ты самостоятельно придумывать задачи?	да		нет	
6. Является ли математика, по твоему мнению, творческим предметом?	да		нет	
7. Нравится ли тебе математические задачи в картинках?	да		нет	
8. Интересуешься ли ты историческими фактами из жизни великих математиков?	да		нет	
9. Аккуратно ли ты ведешь записи в тетради по математике?	да		нет	

В таблице 7 содержатся результаты уровня сформированности знаний студентов по определению эстетического потенциала математического образования в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе эксперимента.

Таблица 7

Уровни осознания эстетического потенциала математического образования в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе эксперимента

Группы / **Уровни**	**Э**кспериментальная, **количество человек, %**	Контрольная, **количество человек, %**
Низкий	149 (63,9 %)	162 (64,5 %)
Средний	61 (26,2 %)	58 (23,1 %)
Высокий	23 (9,9 %)	31 (12,4 %)
Всего	233 (100 %)	251 (100 %)

На вопрос «Важно ли в современном мире быть эстетически воспитанным человеком и почему?» студенты, отвечали: «Человек должен быть разносторонним и интересоваться не только наукой, но и творчеством»; «Каждый человек должен быть хорошо образован и развит, не только умственно, но и духовно»; «Важно, как для саморазвития, так и для того, чтобы оставаться индивидуальным, выделяться из толпы современников, у которых это не принято»; «Чтобы можно было поддерживать дискуссии на различные художественные, идеологические темы»; «Чтобы быть интересным в общении и передавать свои знания будущему поколению»; «Так как это целенаправленный процесс формирования творческой личности»; «В современном мире нужно быть культурным и образованным», «Чтобы быть полноценной личностью». На вопрос «Что вы понимаете под словами «Красота математики»?», студенты отвечали: «Это ее способность заставлять мыслить человека нестандартно, быстро и логично»; «Интересные преобразования, лаконичность записей»; «Математика очень интересная, хоть и сложная, наука и чем больше я получаю знаний, тем счастливей я становлюсь»; «Логичность рассуждений. Интересные, неожиданные доказательства»; «Математические объекты окружающей действительности»; «Заключается в нестандартных и творческих методах исследования и решения задач».

В таблице 8 представлен фрагмент опроса по определению уровня сформированности восприятия красоты математики студентами.

Таблица 8

Фрагмент опроса по определению уровня сформированности восприятия красоты математики студентами

1. В чем вы видите красоту математики и эстетическое совершенство	
	творческом процессе решения нестандартных задач, красоте вычислений
	красивых, неожиданных, изящных доказательствах, а также в их строгости
	правильной организации условий проведения урока (мультимедийная доска, наглядные пособия, презентации, доклады по истории математики и другое)
	логичности математических рассуждений
	лаконичности математических записей и математического языка
	красоте математических формул
	математических объектах окружающей действительности, элементах культуры, искусства, музыки и литературы
2. На Ваш взгляд, урок математики, способствующий эстетическому воспитанию, включает	
	четкость, правильность, продуманность действий учителя
	проведение контрольных, самостоятельных работ и устного опроса
	элементы творчества учеников при выполнении математических заданий
	логичность математических рассуждений
	красоту выполнения построений и графиков на доске или на мультимедийной доске
	соответствующий подбор учебного материала, задач, наглядных пособий
3. В чем заключается эстетика ведения записей в тетради учащегося	
	последовательность расположения записей на доске
	четкий и аккуратный почерк
	ясные, эстетически продуманные графики и чертежи
	использование мелков разного цвета
	активное использование мультимедийной доски
4. Какие методы работы учителя в большей мере способствуют эстетическому воспитанию на уроках математики? Отметьте в порядке приоритета	
	эмоциональность
	строгость изложения
	пунктуальность
	требовательность
	аккуратность выполненных записей на доске
	культура речи учителя
	уважительное отношение к учащимся
	подбор интересных задач и наглядного материала
	увлеченность учителя своим предметом
	умение учителя заинтересовать, привлечь внимание к предмету?

В таблице 9 содержатся сведения о результатах опроса по определению уровня сформированности восприятия красоты математики студентами на констатирующем этапе эксперимента.

Таблица 9

Результаты опроса по определению уровня сформированности восприятия красоты математики студентами на констатирующем этапе эксперимента

Группы / **Уровни**	Экспериментальная, **количество человек, %**	Контрольная, **количество человек, %**
Низкий	169 (72,5 %)	172 (68,5 %)
Средний	49 (21,1 %)	66 (26,3 %)
Высокий	15 (6,4 %)	13 (5,2 %)
Всего	233 (100 %)	251 (100 %)

Интересными, на наш взгляд, были результаты анкетирования при ответе на 4 вопрос таблицы 8: «Какие методы работы учителя в большей мере способствуют эстетическому воспитанию на занятиях по математике?». В качестве ответа предложено было расположить в порядке приоритета следующие позиции: эмоциональность; строгость изложения; пунктуальность; требовательность; аккуратность выполненных записей на доске; культура речи; уважительное отношение к обучающимся; подбор интересных задач и наглядного материала; увлеченность преподавателя своим предметом; умение преподавателя заинтересовать, привлечь внимание к предмету. Важнейшим фактором в экспериментальном и в контрольном потоке большинство студентов считают «уважительное отношение к студентам». Это, в частности, свидетельствует о том, что далеко не у всех преподавателей высшей школы сформирован на необходимом уровне нравственный компонент системы мировоззренческих ориентиров.

Результаты педагогического эксперимента свидетельствуют о необходимости формирования системы мировоззренческих ориентиров у будущих учителей математики. При этом процесс формирования данного феномена должен основываться на принципах Закона об образовании Российской Федерации Закона об образовании ДНР, где указано, что высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии. Так, в статье 3 Закона об образовании делается акцент на необходимости гуманистического характера образования, воспитания трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности. Проектирование педагогической деятельности по формированию данных качеств личности у будущего учителя математики должно также опираться на положения «Концепции воспитательной работы ДонНУ», в которой воспитательный процесс представлен органичной частью системы профессиональной подготовки. Специалист должен владеть надлежащим уровнем профессиональных и общекультурных компетенций, комплексом профессионально значимых качеств личности, твердой идеологически-ориентированной гражданской позицией и системой социальных, культурных и профессиональных ценностей.

Таким образом, приоритетным направлением гуманизации педагогического образования является актуализация личностного общекультурного развития будущего учителя, основанная на формировании устойчивой системы мировоззренческих ориентиров. Обучение математическим дисциплинам должно осуществляться согласно классическим дидактическим принципам научности, систематичности и последовательности, связи обучения с практической деятельностью, единства образовательных, развивающих и воспитательных функций обучения. Эти принципы должны быть дополнены принципами мировоззренческой направленности и личностной ориентации педагогического образования, учета специфики предмета математики как грани культуры, приоритетности инновационного развития образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзундза А.И. Математическое обучение как средство патриотического воспитания цифрового поколения / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ / редкол.: Е.И. Скафа (научн. ред.) и др.; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2019. – Вып. 50. – С. 41-47.
2. Дзундза А.И. Проблема формирования эстетического компонента системы мировоззренческих ориентиров будущих учителей математики / А.И. Дзундза, В.А. Цапов //Дидактика математики:

проблемы и исследования: международный сборник научных работ / редкол.: Е.И. Скафа (научн. ред.) и др.; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2020. – Вып. 52. – С. 45-49.
3. Цапов В.А. Прикладные математические задачи как средство повышения экономической культуры учащихся / В.А. Цапов //Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ / редкол.: Е.И. Скафа (научн. ред.) и др.; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2016. – Вып. 44. – С. 49-53.
4. Цапов В.А. Проблема проектирования математического образования с учетом личностных параметров современных студентов цифрового поколения / В.А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ / редкол.: Е.И. Скафа (научн. ред.) и др.; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2018. – Вып. 47. – С. 20-28.
5. Дзундза А.И. Мировоззренческий потенциал математики / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ / редкол.: Е.И. Скафа (научн. ред.) и др.; Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2016. – Вып. 43. – С. 7-12.

Поступила в редакцию 01.07.2021 г.

ORGANIZATION OF EXPERIMENTAL WORK ON FORMATION OF WORLDVIEW GUIDELINES OF FUTURE TEACHERS OF MATHEMATICS

A. Dzundza, V. Tsapov

The article substantiates the need for the worldview development of the future teacher, based on the formation of a stable system of moral guidelines. In accordance with this task, teaching mathematical disciplines should be carried out in accordance with both classical didactic principles and special worldview oriented teaching principles.

Key words: worldview, aesthetics of mathematics, intellectual and cognitive component, patriotic component.

Дзундза Алла Ивановна.
Доктор педагогических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: alladzundza@mail.ru

Dzundza Alla Ivanovna
Doctor of Pedagogy, Professor.
Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: alladzundza@mail.ru.

Цапов Вадим Александрович
Кандидат физико-математических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: tsapva@mail.ru.

Tsapov Vadim Aleksandrovich
Candidate of Physico-Mathematical Sciences,
Associate Professor.
Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: tsapva@mail.ru.

УДК 372.851

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

© 2021. ***Е.Г. Евсеева, А.С. Гребенкина***

Рассмотрен вопрос применения информационных технологий в процессе математической подготовки будущих инженеров пожарной и техносферной безопасности. Указаны используемые специализированные математические и статистические пакеты прикладных программ и учебные задачи, которые могут быть решены с их помощью. Приведены примеры методических разработок, направленных на реализацию практико-ориентированного обучения математическим дисциплинам посредством электронных средств обучения.

Ключевые слова: высшая математика, практико-ориентированное обучение, информационно-коммуникационные технологии.

Введение. Устойчивая тенденция к цифровизации образования требует применения в учебном процессе электронных средств обучения. Внедрение цифровых программ предполагает создание, тестирование и применение учебно-методических материалов с использованием технологий машинного обучения, искусственного интеллекта и т.п. Методы, приемы, средства обучения должны быть нацелены на эффективное и гибкое применение новейших технологий для перехода к персонализированному и ориентированному на результат образовательному процессу [1].

В практико-ориентированной математической подготовке специалистов для Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Донецкой Народной Республики (далее – МЧС ДНР) цифровизация отражается на всех элементах методической системы обучения. Но студенты младших курсов еще не имеют необходимых навыков работы с пакетами прикладных программ, применяемых в решении служебных задач инженеров гражданской защиты. Поэтому, информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) рассматриваем как средства обучения, обеспечивающие разнообразие форм и методов обучения.

Проблеме обучения высшей математике средствами ИКТ посвящены работы Д. Д. Бычковой [2], В. С. Ижуткина, Г. А. Красновой [3], Е. В. Малкиной [4],М. Л. Палеевой [5], В. А. Петрук [6], Н. А. Прусовой, Э. С. Ризоева, Е. А. Ровбы, И. Н. Семенова [7], В. И. Токтаровой, Е. Н. Трофимеци др. Тем не менее, в имеющихся исследованиях особенности практико-ориентированного подхода к математической подготовке будущих специалистов МЧС не учтены.

Цель данной статьи – рассмотреть информационно-коммуникационные технологии, которые служат средством практико-ориентированного обучения математическим дисциплинам студентов пожарно-технических специальностей, а также учебные задачи, решаемые посредством применения этих технологий.

Основная часть. В исследовании Э. С. Ризоева [8, с. 9] указано, что применение информационных технологий при обучении высшей математике в вузах дает возможность обогатить содержание и внести изменения в формы и приемы освоения учебного материала; повысить мотивацию учебно-творческой работы студентов; позволяет студентам получать абсолютно новые знания для их дальнейшего

применения на практике. Соглашаясь с ученым в целом, уточняем, что в практико-ориентированном обучении ИКТ должны обеспечивать не просто передачу новых знаний или повышение мотивации студентов к изучению дисциплины. В процессе обучения математике должны быть сформированы навыки применения пакетов прикладных математических программ в решении служебных задач инженера гражданской защиты, обработки данных и поиска необходимой информации посредством различных компьютерных технологий.

Для выбора информационных технологий как обучающих средств необходимы:

– разработка и внедрение учебно-методических комплексов компьютерно-ориентированных дисциплин;

– анализ технических возможностей используемой электронной платформы;

– анализ учебных задач, для решения которых разрабатывается ресурс;

– формирование устойчивой положительной мотивации к изучению и применению ИКТ в будущей профессиональной деятельности [9, с. 29].

Решение математических моделей, требующих сложных вычислений с последующим представлением результатов в символьном или графическом виде, следует выполнять в специальных пакетах прикладных программ – *MathCAD, Webmath, Maple, MatLab, Mathematica, MathMat* и т.д.

Мы считаем, что в процессе обучения математике студентов пожарно-технических специальностей наиболее рационально использовать программу *MathCAD*. Во-первых, данная программа содержит все инструменты, необходимые для выполнения расчетов, возникающих в практических задачах пожарной и техносферной безопасности. Во-вторых, в пакете *MathCAD* используются классические математические обозначения, а не искусственные языки программирования, что значительно упрощает студентам работу с ней.

В практико-ориентированном обучении математике программа *MathCAD* является эффективным средством для:

– быстрого выполнения вычислений, требующих многошаговых преобразований;

– представления результатов расчетов в символьном виде;

– представления динамики процессов и явлений в графическом виде.

Математические модели, учитывающие особенности представления объектов и описания процессов в сфере гражданской защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) и их последствий, чаще всего сопряжены с громоздкими расчетами. Предлагаем на практических занятиях по высшей математике часть заданий абстрактного характера также выполнять в среде *MathCAD*. Например, изучая тему «Дифференциальные уравнения первого порядка», можно рассмотреть алгоритм решения уравнений с разделяющимися переменными на примере нескольких уравнений абстрактного характера. Одно из них следует решить, используя возможности пакета *MathCAD*.

Задача 1. *Найти общее решение дифференциального уравнения*: $2x + 2xy^2 + \sqrt{2 - x^2}\, y' = 0$.

Скрин-копия решения задачи в среде *MathCAD* приведена на рис. 1.

При изучении этой же темы на практическом занятии может быть рассмотрена следующая практико-ориентированная задача.

Задача 2. *Поступление продуктов пиролиза в поток воздуха описывается уравнением* $\frac{dm}{dt} = -k(m - I)$, *где m(t) – массовая скорость выгорания на единицу*

площади горения, кг/(м^2·с); k – коэффициент газообмена между потоком воздуха и газом в порах и трещинах в твердом материале, 1/с; t – время с начала пиролиза, с; I – расход продуктов пиролиза с единицы площади поверхности термического разложения, кг/(м^2·с). Найти зависимость расхода продуктов пиролиза от времени, если в начальный момент времени m = 0.

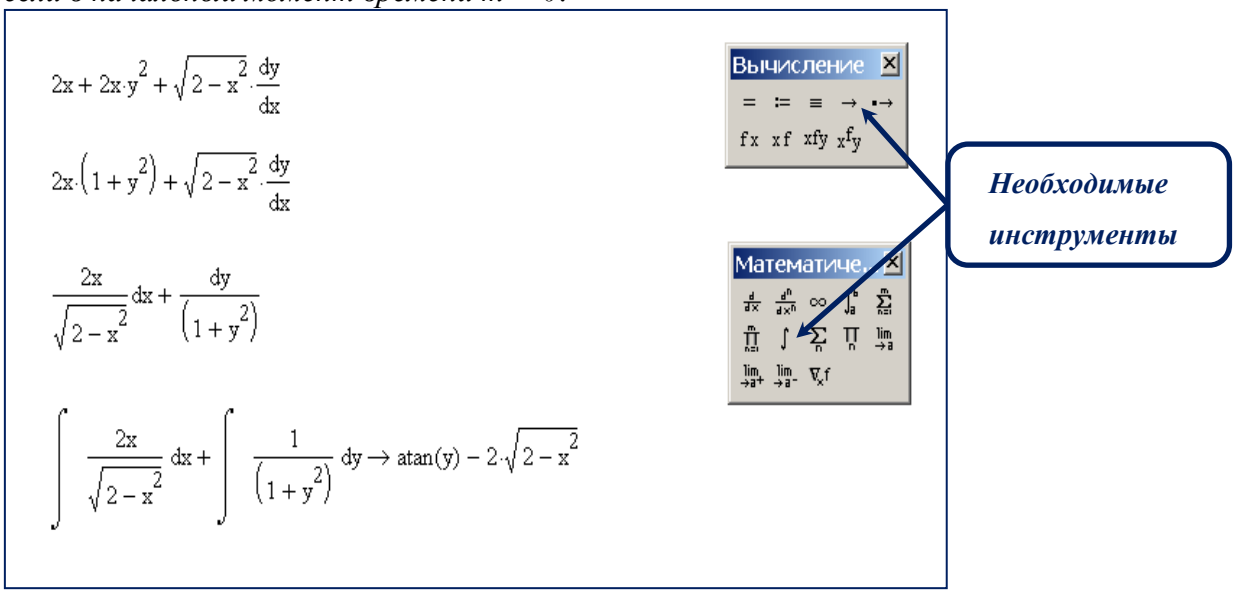


Рис. 1. Решение дифференциального уравнения в среде *MathCAD*

Алгоритм выполнения практико-ориентированного задания в программе *MathCAD* отражен на рис. 2.

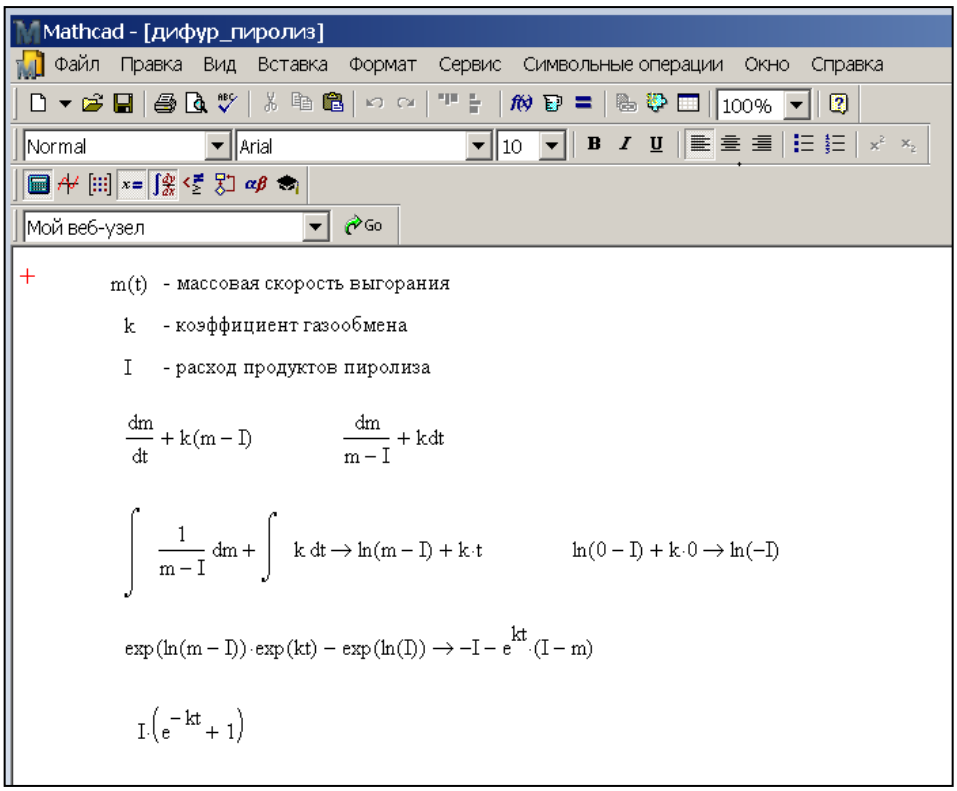


Рис. 2. Решение практико-ориентированного задания в среде *MathCAD*

В процессе математической подготовки специалистов по пожарной безопасности указанный математический пакет обеспечивает развитие умений решать системы линейных уравнений, дифференцировать и интегрировать функции, решать дифференциальные уравнения. Использование возможностей *MathCAD* на занятиях по высшей математике способствует более успешному формированию навыка решения практико-ориентированных задач с применением ИКТ.

Полезным и необходимым считаем развитие у студентов навыка работы в графических редакторах. В решении многих математических задач требуется выполнить построение графиков функций, областей в координатной плоскости *Oxy*, тел вращений, поверхностей вращения, сечений, проекций и т.п. При изучении математических дисциплин можно применять любые ИКТ, предоставляющие возможность построения графиков, чертежей, схем, диаграмм. При выборе электронной программы следует учитывать, что в процессе изучения математики этот ресурс выступает как средство обучения. Поэтому, при построении областей определения функций, графиков функций, областей интегрирования достаточно научить студентов пользоваться графическими *on-line* ресурсами: *http://matematikam.ru, http://webmath.ru, https://photomath.com, https://umath.ru*. Для построения тел вращения, проекций, сечений целесообразно использовать профессиональные пакеты прикладных программ: *MathCAD, AutoCAD, Компас*.

В дальнейшем, при изучении дисциплин специальной профессиональной подготовки уже сформированные умения строить график функции, диаграмму, поверхности и т.д. выступают средствами обучения. Например, при построении графика изменения среднеобъемной температуры пожара в помещении, при определении по графику значения коэффициента избытка воздуха (дисциплина «Прогнозирование опасных факторов пожара»). При этом обеспечивается непрерывность формирования практико-ориентированных математических умений. Подобная организация обучения математике позволяет развить у студентов умение работы с современными ИКТ, интегрировать его в учебные дисциплины «Инженерная графика», «Компьютерная графика». Затем, расширенные интегрированные умения могут быть применены при изучении дисциплин профессиональной подготовки «Пожарная безопасность в строительстве», «Прогнозирование опасных факторов пожара», «Здания, сооружения и их устойчивость при пожаре» и др. В результате, умения, сформированные в процессе изучения математических дисциплин, к концу обучения трансформируются в профессиональный навык. В служебной деятельности инженера пожарной безопасности подобные навыки необходимы при разработке планов пожаротушения, построении графиков динамики опасных факторов пожара с течением времени, разработке планов эвакуации из зданий и сооружений, разработке схем оповещения в случае чрезвычайной ситуации и т.д.

Многие служебные задачи специалистов по пожарной и техносферной безопасности связаны с обработкой статистических данных. Например, такими задачами являются:

- анализ пожаров по различным показателям: количественным – число спасенных людей, количество уничтоженной техники на пожарах, размеры материального ущерба, понесённого вследствие пожаров и т.п.; качественным – размеры зоны потери видимости во время пожара, плотность черноты дыма, среднеобъемная температура пожара и т.п.;
- прогнозирование среднего времени локализации пожара;
- расчет потенциального количества пострадавших в результате ЧС;

- расчет количества пожарных депо, необходимых для обеспечения достаточного уровня защищенности объекта надзора и т.д.

Для выполнения данных и аналогичных им задач специалисты по пожарной безопасности должны обладать такими математическими умениями, как:

- вычисление выборочныхоценокизучаемого признака;
- построение доверительного интервала для исследуемого признака;
- построение вариационных рядов;
- прогнозирование значений случайной величины, динамики процессов и явлений;
- проверка достоверности сделанного прогноза с помощью статистических критериев.

Практическое решение подобных задач сопряжено с обработкой больших массивов статистических данных математическими методами. В качестве средств выполнения расчетов могут быть применены современные статистические пакеты – программные продукты, предназначенные для статистической обработки данных. Выбор ресурса, применяемого в учебном процессе, следует сделать, опираясь на учебные цели обучения математической дисциплине и специфику будущей служебной деятельности студентов. Также, нужно учесть уровень знаний и умений студентов в области применения информационных технологий. Например, В. Л. Шимитило, предлагая в обучении математике будущих инженеров гражданской защиты использовать электронные ресурсы, содержащие возможность вероятностной и статистической обработки данных, рассматривает пакеты *Gnumeric*, *GeoGebra,* объектно-ориентированный язык программирования *R* [10]. Мы не согласны с ученым в данном вопросе. Считаем, что внедрение в учебный процесс ресурсов *Gnumeric* и языка *R*, требует от студентов навыков работы с каждым программным продуктом. Студенты первого и второго курсов обладают указанными навыками в недостаточной мер, или не обладают ими вовсе. Это обусловлено тем, что в содержании дисциплины «Информационные технологии» для студентов пожарно-технических специальностей изучение принципов работы в указанной программе и языка программирования *R*не предусмотрено.

В качестве технического средства выполнения статистической и вероятностной обработки данных предлагаем использовать табличный процессор *MS Excel*. Принципы работы в данной программе изучаются студентами в рамках дисциплины «Информационные технологии» (интеграция математики с дисциплиной естественнонаучного цикла). Именно этот табличный процессор применяется в осуществлении служебной деятельности сотрудниками подразделений МЧС ДНР. Средствами *MS Excel* формируются сведения по выездам пожарно-спасательных подразделений, строевые записки, диспетчерские журналы, данные для связей с общественностью и т. д. (реализация практико-ориентированной направленности математической дисциплины).

Развитие у студентов умений строить математико-статистические модели в сфере гражданской защиты происходит при изучении дисциплин математического цикла подготовки. Поэтому, учебные планы подготовки по направлениям 20.03.01 (бакалавриат) и 20.04.01 (магистратура) «Техносферная безопасность» содержат дисциплины «Теория вероятностей и математическая статистика» и «Математическое моделирование и методы обработки данных». Учитывая важность вероятностных методов в расчете рисков, оценке возможности возникновения ЧС, прогнозировании динамики пожарной обстановки и пр., по обеим дисциплинам предусмотрено выполнение курсовой работы. Все расчеты, проводимые в работе, а также графическое

представление результатов обработки статистических данных должны быть выполнены посредством *MS Excel*.

Отметим, что в том случае, когда выполнение любого вида задания по какой-либо математической дисциплине предполагает применение пакета прикладных программ, в методических рекомендациях к выполнению данного вида работы следует указать основные элементы этих программ, функции, встроенные инструменты, которые необходимо использовать.

Например, одно из практико-ориентированных заданий в курсовой работе по математической статистике может быть сформулировано следующим образом.

Задача 3. *Случайная величина X – среднее число потерпевших в результате стихийных бедствий, тыс.чел. Найти точечные статистические оценки ожидаемого числа потерпевших в результате прогнозируемого стихийного бедствия и возможные отклонения от него. (Выборка из генеральной совокупности данных приводится).*

Фрагмент методических указаний к порядку вычисления выборочного среднего и выборочной дисперсии с помощью *MS Excel*приведен ниже (рис. 3) [11, с. 64].

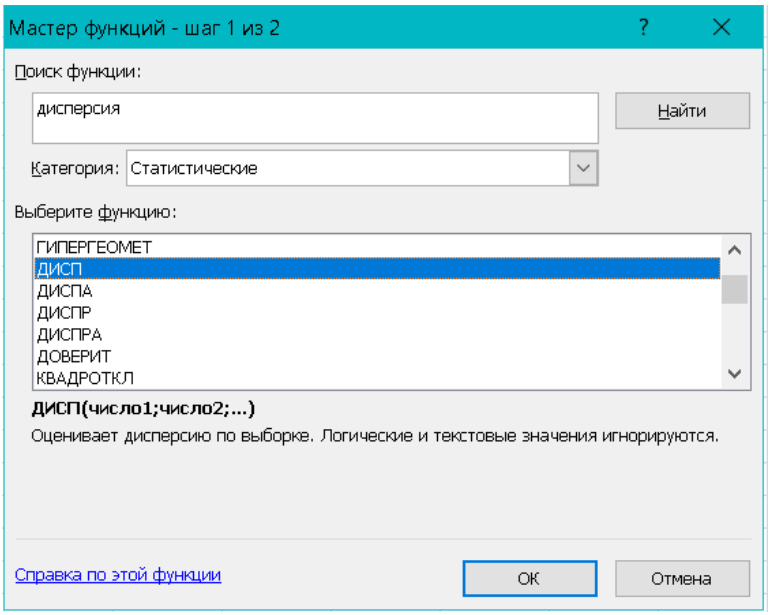
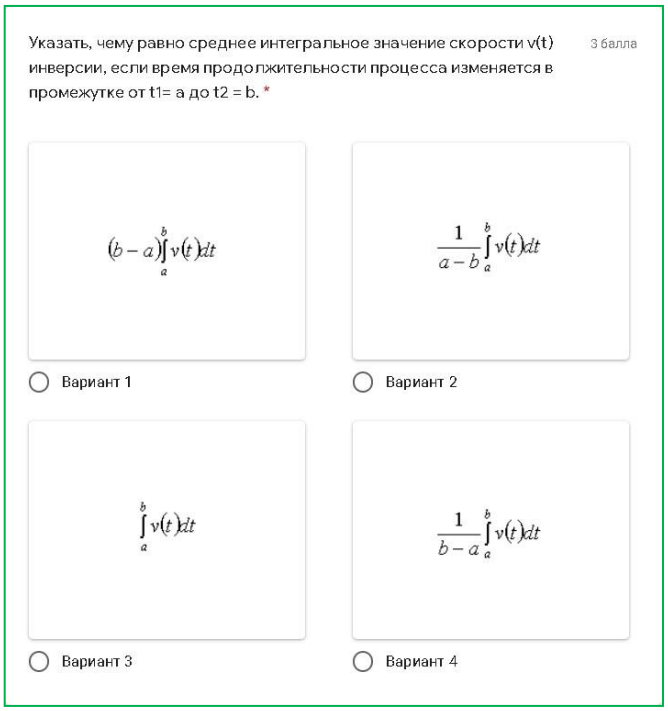


Рис. 3. Выбор встроенной функции *MS Excel*

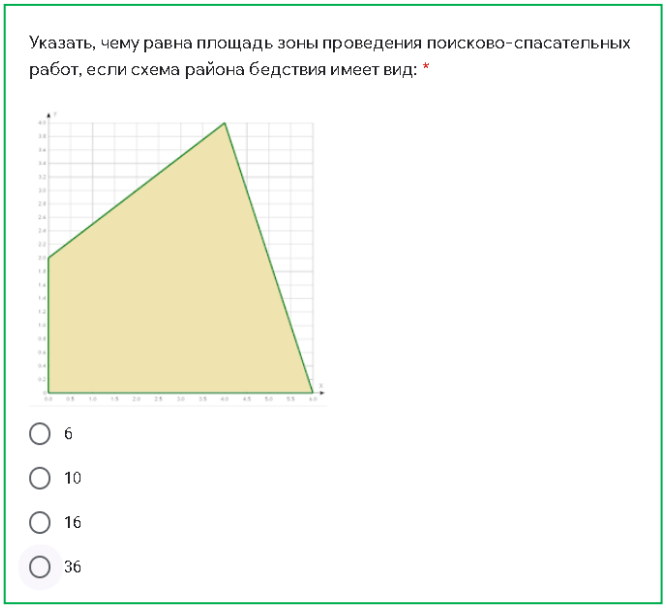
Для вычисления выборочного среднего, выборочной дисперсии (а также выборочной асимметрии и эксцесса), в MS Excel следует использовать функции ***СРЗНАЧ, ДИСП, СКОС*** *и* ***ЭКСЦЕСС*** *соответственно, инструмента* ***Мастер функций****, категория* ***Статистические функции***.

Важной частью учебного процесса является контроль обучения, имеющий двоякую цель – диагностику процесса обучения и прогнозирование его дальнейшего развития. Первая цель ориентирована на обеспечение самоконтроля студентов, вторая – на анализ содержания занятий и ранжирование студентов по уровню знаний [12, с. 146]. Эффективное средство проведения контроля результатов освоения дисциплины предоставляют *on-line* сервисы для создания анкет и тестов. На многих конструкторах сайтов, таких как *Wix*, *Wordpress*, *Ucoz*, существуют встроенные возможности для создания простых опросов. В сети Internet имеется ряд бесплатных ресурсов для разработки тестов, например, *http://ianketata.ru*, *http://webanketa.com*, *http://survio.com/ru/*, *http://master-test.net/ru/index/main.*

На наш взгляд, для проведения контроля знаний с помощью ИКТ наиболее удобным является сервис *Google Forms* [13]. На этой платформе можно бесплатно создавать неограниченное количество опросов, тестов и приглашать неограниченное количество респондентов. В текст вопроса и вариантов ответов можно добавлять изображения и видео, что способствует визуализации математических объектов. Это дает возможность включить в тест практико-ориентированные задания при проверке уровня освоения как теоретических или практический знаний (рис. 4, а), так и практических умений (рис. 4, б).



а)



б)

Рис. 4. Фрагменты заданий по высшей математике, разработанных в сервисе *GoogleForm*
а) практико-ориентированный теоретический вопрос; б) практико-ориентированная задача

Заключение. Таким образом, в зависимости от целей и образовательных задач каждого вида учебной деятельности, в практико-ориентированном обучении математике могут быть применены такие информационные средства, как математический пакет *MathCAD*, статистические пакеты (*MS Excel, Statistica*), *on-line* калькуляторы.

В практико-ориентированной математической подготовке будущих инженеров пожарной безопасности современные ИКТ обеспечивают:

– изучение математических дисциплин в интеграции с дисциплинами профессионального цикла подготовки;

– условия для формирования навыка работы с графическими объектами в различных пакетах прикладных программ и графических *on-line* ресурсах, лежащего в основе формирования ряда профессиональных компетенций;

– повышение уровня понимания математических методов, моделей за счет демонстрации практико-ориентированных математических задач из предметной области различных дисциплин, а также из будущей служебной деятельности студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семь задач цифровизации российского образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/education/5d9ccba49a7947d5591e93ee (дата обращения: 21.06.2021).
2. Бычкова Д. Д. Практико-ориентированные электронные образовательные ресурсы как средство повышения качества математического образования / Д. Д. Бычкова // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2017. – № 02 (56). – Часть 1. – С. 112-113.
3. Краснова Г. А. Технология создания электронных обучающих средств / Г. А. Краснова, М. И. Беляев, А. В. Соловов.– МГИУ, 2001. – 224 с.
4. Малкина Е. В. Интенсификация изучения математических дисциплин с использованием систем электронного обучения / Е. В. Малкина, В. И. Швецов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – №2 (42). – С. 181-187.
5. Палеева М. Л. Опыт применения электронного учебного ресурса в обучении математике студентов технического направления / М. Л. Палеева // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2020. – № 3. – С. 83-86.
6. Петрук В. А. Профессионально ориентированные интерактивные формы обучения высшей математике в технических ВУЗах / В. А. Петрук, О. П. Прозор // Сборник научных работ Военного института КНУ. – Киев, 2015. – Вып. 50. – С. 338–344.
7. Семенова И. Н. Методика использования информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе. Методология использования информационных образовательных технологий: Учебное пособие [Текст] / И. Н. Семенова, А. А. Слепухин. – Под ред. Б. Е. Стариченко. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 144 с.
8. Ризоев Э. С. Теоретико-методические основы применения информационно-коммуникационных технологий при обучении высшей математике в условиях кредитной системы обучения в высших учебных заведениях :автореф. дис. … канд. пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания» / Э. С. Ризоев.– Душанбе, 2019. – 26 с.
9. Носуля О. С. Педагогические условия формирования информационной культуры студентов химических направлений подготовки / О. С. Носуля // Дидактика математики: проблемы и исследования. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 51. – С. 28–34.
10. Шимитило В. Л. Использование статистических пакетов при решении задач по высшей математике в Академии гражданской защиты МЧС России / В. Л. Шимитило, Н. Н. Усачев // Применение математических методов к решению задач МЧС России: [сборник трудов секции № 15 XXX Международной научно-практической конференции «Предотвращение. Спасение. Помощь», 19 марта 2020 года]. – ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России». – 2020. – С. 39-44.
11. Гребенкина А. С. Методические рекомендации к выполнению курсовой работы по дисциплине «Теория вероятностей и математическая статистика» для студентов 2-го курса очной формы обучения направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность» (профиль – Защита в чрезвычайных ситуациях) / Гребенкина А. С. – Донецк : ГОУВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР, 2018. – 73 с.

12. Корнилов И. К. Инженерная педагогика – важнейший фактор развития технического образования / И. К. Корнилов // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Т. 1. – Чебоксары : Интерактив-плюс, 2017. – № 1(10). – С. 145-147.
13. Google формы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.google.com/forms/ (дата обращения: 19.06.2021).

Поступила в редакцию 02.09.2021 г.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A MEANS OF PRACTICE-ORIENTED TRAINING OF MATHEMATICS FOR STUDENTS OF FIRE AND TECHNICAL SPECIALTIES

E.G. Evseeva, A.S. Grebenkina

The issue of using information technologies in the process of mathematical training of future fire and technosphere safety engineers is considered. The used specialized mathematical and statistical packages of applied programs and educational tasks that can be solved with their help are indicated. Examples of methodological developments aimed at the implementation of practice-oriented teaching of mathematical disciplines by means of electronic teaching aids are given.

Key words: higher mathematics, practice-oriented teaching, information and communication technology.

Евсеева Елена Геннадиевна
Доктор педагогических наук, профессор,
Профессор кафедры высшей математики и методики преподавания математики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: e.evseeva@donnu.ru

Evseeva Elena Gennadievna
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Higher Mathematics and Methods of Teaching Mathematics,
Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: e.evseeva@donnu.ru

Гребенкина Александра Сергеевна
Кандидат технических наук, доцент,
Доцент кафедры математических дисциплин
ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты»
МЧС ДНР, г. Донецк, ДНР.
E-mail: grebenkina.aleks@yandex.ru

Grebenkina Aleksandra Sergeevna
Candidate of Technical Sciences, Docent,
Associate Professor of the Mathematical Sciences Department «The Civil Defence Academy» of EMERCOM of DPR, Donetsk, DPR.
E-mail: grebenkina.aleks@yandex.ru

УДК 378.146

МОНИТОРИНГ СФОРМИРОВАННОСТИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ НАВЫКОВ У БАКАЛАВРОВ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2021. ***И.В. Клименко***

Статья посвящена теоретическому анализу научной литературы и эмпирическому исследованию мониторинга сформированности универсальных навыков у бакалавров адаптивной физической культуры в процессе профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Обобщены и структуированы составляющие компетенционной модели с акцентом на мета-навыки и экзистенциальные компетенции. Дана оценка уровней сформированности универсальных навыков в зависимости от источника мотивации, что позволяет формировать траекторию индивидуального развития личностных и профессиональных компетенций.

***Ключевые слова*:** универсальные навыки, бакалавры, адаптивная физическая культура.

Введение. Современные специалисты в области педагогики, анализируя глобальные изменения в системе образования, ставят приоритетные цели фундаментального перехода от обучения только знаниям к системному мышлению. Личностно-ориентированное образование, в том числе, должно быть направлено на формирование таких «мягких» компетенций как креативность, сотрудничество с людьми, когнитивная гибкость, эмоциональный интеллект и прочее. При этом многие работодатели при приеме на работу специалистов уделяют особое внимание сформированности у выпускников soft skills. На решение этих задач нацелена реализация Национального проекта «Образование», а также Государственный образовательный стандарт второго поколения по направлениям подготовки 49.02.03, 49.04.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)». Все авторы отмечают особое место в образовательном процессе формированию у бакалавров таких навыков как саморазвитие, самоуправление и адаптация. Именно «мягкие» универсальные навыки рассматриваются как основа успешной реализации во всех отраслях деятельности человека [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Актуальность исследования обусловлена тем, что многие ученые отмечают проблему дефицита универсальных навыков у выпускников. Более того, само понятие «универсальные навыки» не имеет однозначной трактовки в научной литературе. Сохраняется дефицит диагностических критериев измерения и оценки их сформированности у бакалавров различных специальностей. Наиболее важными проблемами в области формирования универсальных компетенций, которые требуют решения, являются следующие: отсутствие системного подхода в вопросах формирования надпрофессиональных навыков в учебных планах и учебных программах; несоответствие требований работодателей к уровню сформированности soft skills в вузе у выпускников вследствие исходно нарушенных взаимодействий на уровне реализации государственного заказа с первых лет обучения будущих специалистов в вузе.

Анализ научной литературы по вопросам изучения понятия, структуры, формы и содержания универсальных навыков показывает, что среди ученых нет единого мнения в этих вопросах. Прежде всего существуют различные трактовки понятия универсальные навыки (soft skills, «мягкие навыки», «гибкие навыки», «надпрофессиональные навыки»): – социально-трудовая характеристика всех знаний, умений, навыков и мотивационной характеристики в сфере взаимодействия между людьми (О.Л. Чуланова), –

критичный характер мышления и активность (Т.Я. Яркова), – человеческие качества для достижений в профессии (О. Абашкина), – рассмотрение универсальных навыков через призму личных качеств специалиста (С. Мухлейзен, Н. Оберхуб), – комплекс социально-психологических навыков для жизненных ситуаций при взаимодействии (В. Шипилов), – приобретенные навыки с учетом личностного опыта для развития профессиональной деятельности (В.А. Давидова); – комплекс личностных качеств и коммуникативных навыков в содружестве с другими «мягкими» навыками, которые позитивно влияют на трудовую деятельность (А.Н. Шрайбер) [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

В течение последних нескольких лет был предложен новый взгляд на понятие и сущность «универсальные навыки». В большинстве исследований авторы опирались на модель надпрофессиональных навыков (soft skills), в которые включали от 7 до 12 «мягких» навыков, где ключевыми компетенциями являлись: коммуникация (communication), сотрудничество или кооперация (cooperation), креативность (creativity), критическое мышление (critical thinking). Ряд авторов включают в этот список такие навыки как ответственность, самодисциплину, скорость адаптации, коммуникативные способности, умение работать в команде, эмоциональный интеллект, управление временем, лидерские качества, критическое мышление.

П. Лукша и соавт. (2018) предложили новую компетенционную модель, в которой центральное место занимают личностные «экзистенциальные» компетенции. Составляющими новой модели являются: контекстные / специализированные навыки, кросс-контекстные навыки, экзистенциальные навыки [14, с. 31]. В доступной нам литературе мы не нашли структуированной информации по характеристике представленных групп, и поэтому предприняли попытку обобщить полученную информацию по характеристике групп компетенционной модели с последующей возможностью формирования модели подготовки специалистов адаптивной физической культуры, владеющих универсальными навыками на высоком уровне.

1. *Контекстные навыки* (*специальные, в т.ч. узко-профессионаьные*) носят узконаправленный характер, неустойчивы и напрямую связаны с решением конкретной задачи на рабочем месте. Это навыки принятия решения в сложных, нестандартных ситуациях и межличностного общения на этапе мотивации других людей. Они позволяют работать с абстрактными идеями, использовать инновационные подходы.

2. *Кросс-контекстные навыки (в т.ч. над-профессиональные)* применяются в широких сферах социальной жизни. Они наиболее важны в совместной деятельности и более устойчивы к изменениям. Примером является навык работы в команде. Это социальный навык, который не зависит от контекста деятельности.

3. *Мета-навыки* связывают с самосознанием (направленным не только на понимание себя, но и на способность управлять собой) и творчеством (не только новые идеи, а импровизация и открытие новых решений). Это ментальные навыки, которые позволяют осознанно включать процесс изменений собственной личности. Примером могут служить навыки проактивности, обучаемости, коммуникации, критического мышления.

4. *Экзистенциональные навыки* связаны с базовыми ценностями личности, полученными от рождения и развивающимися на протяжении всей жизни. Примером проявления этих навыков являются сила воли, самовоспитание, саморазвитие.

Таким образом, выстроена последовательная структура возможного пути формирования универсальных навыков: экзистенциальные навыки + метанавыки + кросс-контекстные навыки + специальные навыки, реализация которой требует объединенной работы педагогов по созданию образовательной программы, обладающей свойством

преемственности и мобильности на всех уровнях формирования универсальных компетенций (от дошкольного обучения к «life long learning»).

Анализируя материалы научно-исследовательской работы в области изучения универсальных навыков, мы отметили, что они представляют собой разноплановые исследования, которые в итоге формируют перспективные направления рассматриваемой нами проблемы: мониторинг soft-компетенций у педагогов профессиональной школы (И.В. Осипова, А.А. Шарова; М.И. Беркович, Т.А. Кофанова, С.С. Тихонова); формирование «твердых» навыков и «гибких» навыков в их единстве (Таптыгина Е.В.); развитие не только hard skills, но и soft skills (О.В. Федорова); приоритетное развитие «мягких» навыков над «твердыми» навыками (В. Давидова, А.И. Ивонина, О.Л. Чуланова, Ю.М. Давлетшина Д. Иванов, И.В. Моторина, М.А. Чошанов, О. Марушев, В. Шипилов); практическое применение универсальных навыков в период обучения в вузе (Ж.Б. Есмурзаева, Е.В. Новикова; M. Andrews); внедрение универсальных навыков в учебные планы образовательных организаций различного уровня (Л.К. Раицкая, Е.В. Тихонова); изучение soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов (Л.Н. Степанова, Э.Ф. Зеер); современные детерминанты развития универсальных компетенций (С.Н. Бацунов, И.И. Дереча, И.М. Кунгурова, Е.В. Слизкова); научные исследования по вопросам формирования универсальных навыков (И.К. Цаликова, С.В. Пахотина); зависимость успехов в профессиональной деятельности от уровня сформированности универсальных навыков (M.M. Robles, L.G.Sisson, A.R. Adams, О.Л. Чуланова, А.И. Ивонина); в числе проверяемых компетентностей – «глобальная компетентность» (global competence), направленная на формирование навыков международного межкультурного взаимодействия (И.Д. Фрумин, М.С. Добрякова, К.А. Баранников, И.М. Реморенко); внедрение преадаптивных образовательных технологий формирования soft skills, направленных на адаптацию к быстрым изменениям в социуме (А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов).

Несмотря на широкий диапазон теоретических исследований, на наш взгляд, в научном информационном пространстве недостаточно представлены результаты практических исследований аспектов формирования универсальных навыков у студентов различных специальностей, и в частности изучения их сформированности у бакалавров направления подготовки «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)».

Цель исследования: оценить уровень сформированности универсальных навыков у выпускников, будущих педагогов адаптивного физического воспитания в зависимости от их источника мотивации.

Материалы и методы исследования: теоретический анализ научной литературы и эмпирическое исследование (анкетирование). Базой исследования послужил Институт физического воспитания и спорта, кафедра адаптивной физической культуры и физической реабилитации Луганского государственного педагогического университета. В исследовании на добровольной основе приняли участие 42 выпускника направления подготовки «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)». Для изучения уровня сформированности у них универсальных навыков (в том числе кросс-контекстных, мета и экзистенциальных) использовалась анкета «Самооценка развития ключевых компетенций» (ЛК soft skills, ЮФУ). Опросник включал 56 утверждений, описывающих проявления 11 различных навыков). По итогам тестирования определялись уровни развития навыков: «начальный», «развития», «опыта», «высокий». Источник мотивации бакалавров в процессе обучения исследовался с помощью анкеты «Опросник для определения источников мотивации» (авторы J. Barbuto, R. Scholl). Он состоял из 30 вопросов, после

ответа на которые определялись пять источников мотивации как фундаментальных личностных образований.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ полученных эмпирических данных в результате исследования уровня сформированности универсальных навыков выявил следующие количественные показатели: 95,12 % бакалавров, будущих педагогов адаптивной физической культуры, имели «уровень развития». Этот уровень предполагает ограниченное владение отдельными видами универсальных навыков, часть из которых может быть реализованы только в знакомых и простых ситуациях. Бакалавры частично готовы использовать универсальные навыки, попадая в незнакомую ситуацию, которая требует творческих и неординарных подходов. И только 4,88 % выпускников имеют «уровень опыта», что позволяет специалистам успешно использовать сформированные универсальные навыки как для решения стандартных, так и нестандартных профессиональных задач, иногда действуя фрагментарно, но с учетом саморефлексии. Результаты анкетирования по 11 ключевым универсальным навыкам представлены на рис. 1.

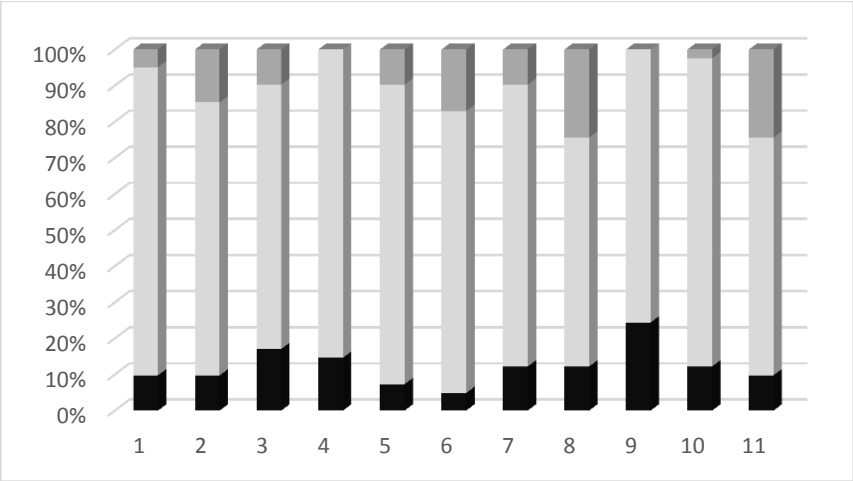


Рис. 1. Результаты оценки уровня сформированности универсальных навыков у бакалавров адаптивной физической культуры: ■ – уровень начальный; □ – уровень развития; ▒ – уровень опыта (1 – комплексное многоуровневое решение проблем; 2 – критическое мышление; 3 – креативность; 4 – управление людьми; 5 – сотрудничество с другими; 6 – эмоциональный интеллект; 7 – суждение и принятие решений; 8 – клиентоориентированность; 9 – умение вести переговоры; 10 – когнитивная гибкость; 11 – эффективный поиск работы).

Как показывают результаты исследования более высокие показатели сформированности универсальных навыков были зафиксированы по навыку «критическое мышление», который относится к группе мета-навыков (75,61 % студентов имели «уровень развития», 14,63 % – «уровень опыта», однако каждый 10-й выпускник имел «начальный уровень»). Это важный навык для специалиста в области адаптивной физической культуры. В работе с лицами с ОВЗ важно уметь обосновывать собственные предположения на основе убеждений и сформированных инклюзивных ценностей, выявлять несоответствие в рассуждениях и подходить к проблемам последовательно и системно в процессе построения адаптивных программ. Важным является умение применять анализ, синтез, общение к построению последующих действий в повседневной жизни.

Достаточно высокие показатели сформированности показывают результаты анкетирования по навыку «клиентоориентированность», который включает в себя

несколько таких качеств как активное слушание, сочувствие, решение проблем и общение (78,05 % студентов имели «уровень развития», каждый 4-й выпускник имел достаточно высокий уровень – «уровень опыта», однако у 12,2 % бакалавров этот навык недостаточно сформирован и регистрировался «начальный уровень»). «Клиенто-ориентированность» относится к группе мета и экзистенциальных навыков, потому что основывается не только на умении взаимодействовать с окружающими, но и способности понимать потребности и ценности других людей с учетом собственных ценностей.

Результаты тестирования еще одного универсального навыка «эмоциональный интеллект» представлены в следующей последовательности: «начальный уровень» имели 4,88 % выпускников, «уровень развития» был зарегистрирован у 78,05 % бакалавров и 17,07 % из них имели «уровень опыта». Важность этого навыка для личности описывает Д. Гоулман и рассматривает пять ключевых элементов «эмоционального интеллекта», таких как самосознание, саморегуляция, мотивация, сочувствие, навыки общения, целеустремленность. Эмоциональная осведомленность для специалиста по работе с детьми и взрослыми с инвалидностью является важной составляющей как профессиональной, так и личной жизни. Это означает владеть знанием того, как анализировать собственные чувства и как «безоценочно» изучать и принимать чувства окружающих людей. Эмоциональная осведомленность тесно связана с эмоциональной грамотностью: способностью обозначать чувства конкретными словесными выражениями. Практически каждый пятый выпускник на достаточно высоком уровне владеет этим навыком и его формированию способствовало не только включение в учебный план ряда дисциплин: таких, как например «Адаптивная физическая культура в системе инклюзивного образования», а также проведение внеаудиторных практических тренингов; использование проектных образовательных технологий; направленных на развитие эмпатии, навыков общения в процессе инклюзивного взаимодействия, в том числе в гибридном формате. На наш взгляд, одним из ключевых моментов развития эмоционального интеллекта у бакалавров адаптивной физической культуры является образовательная среда: студенты обучаются в инклюзивных группах на протяжении 4-х лет. В этих условиях они учатся управлять своими эмоциями, понимать, как их эмоции влияют на других и, как следствие, более эффективно управлять отношениями в группе.

Формирование универсальных навыков требует создания определенных условий, частью из которых является мотивация бакалавров к их освоению. Поиск способов повышения мотивации имеет решающее значение, потому что это позволяет развивать компетенции, проявлять творческий подход, ставить и добиваться целей. Мы проанализировали источники мотивации на основании анкетирования выпускников. Мониторинг позволил прогнозировать поведение студентов; понимать, как они принимают решения; что инициирует их принятие и поддерживает целенаправленное поведение. Результаты опроса бакалавров с целью определения выраженности источников мотивации представлены на рис. 2.

По результатам опроса было выявлено три приоритетных источника мотивации выпускников: «внутренняя Я-концепция», «интернализация цели» и «инструментальная мотивация». Наиболее выраженным источником мотивации была «внутренняя Я-концепция», которая позволяет воспринимать свое поведение, способности и уникальные характеристики в процессе самопознания и формирования идентичности. Внутренняя мотивация является более эффективным долгосрочным методом достижения целей и выполнения задач, связанных с саморазвитием, самообразованием и другими универсальными компетенциями.

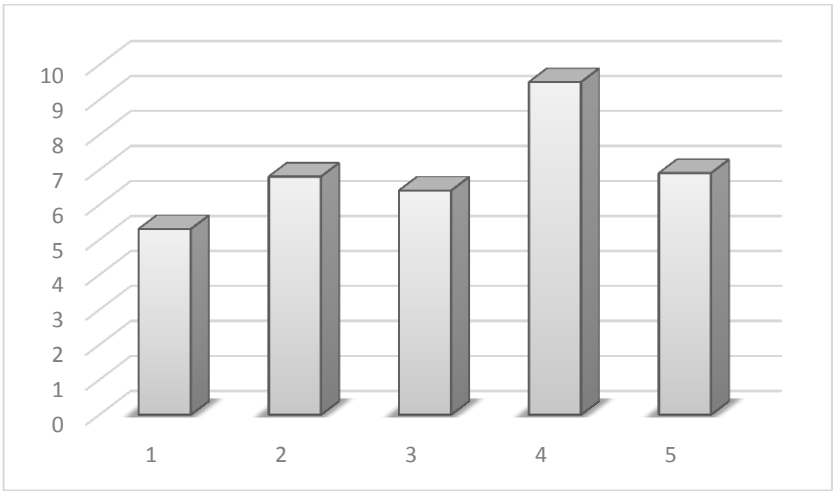


Рис. 2. Выраженность источников мотивации выпускников адаптивной физической культуры: 1 – внутренние процессы; 2 – инструментальная мотивация; 3 – внешняя Я-концепция, 4 – внутренняя Я-концепция, 5 – интернализация цели

Мы проверили связь между исследуемыми признаками сформированности универсальных навыков и показателями источника мотивации (внутренняя Я-концепция) и установили, что между этими признаками существует статистически значимая положительная зависимость ($p<0,05$). Результат исследования коэффициента ранговой корреляции Спирмена представлен на рис. 3.

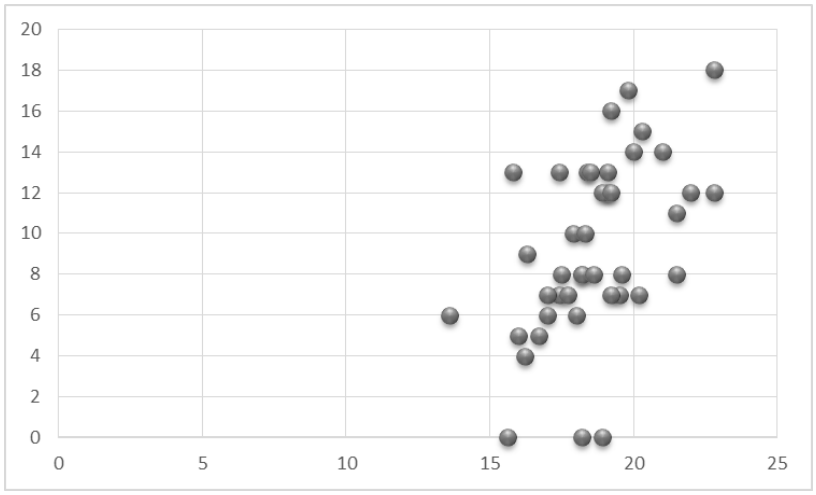


Рис. 3. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между признаками сформированности универсальных навыков и показателями источника мотивации (внутренняя Я-концепция): зависимость признаков статистически значима ($p<0,05$)

Анализ связей сформированности универсальных навыков с другими источниками мотивации (внутренние процессы; инструментальная мотивация; внешняя Я-концепция, интернализация цели) показал прямую, слабую связь и выявил не значимую статистическую зависимость признаков ($p>0,05$).

У выпускников формирование универсальных навыков связано с понятием «внутренняя Я-концепция». Развитие личности всегда обусловлено воздействием «Я-концепции», которая играет роль фильтра и обеспечивает поведенческую устойчивость, характер осознания получаемого опыта, источник ожидания. На основе концепции студент строит взаимодействие с другими людьми и с самим собой. Наличие трех компонентов: когнитивного, эмоционально-ценностного и поведенческого является

основой самопознания, самоотношения, саморегуляции. Проявление этих компонентов через эффективное взаимодействие преподавателя и студента позволит через процесс познания себя обеспечить успешность в профессиональной деятельности, социальной и личной жизни.

Заключение. Таким образом эффективной стратегией формирования универсальных навыков у студентов адаптивной физической культуры будет развитие основополагающих компетенций, относящихся к группе «экзистенциальных», на которых основывается сила воли, эмоциональная регуляция, способность к саморазвитию на протяжении всей жизни.

Установленная статистически достоверная положительная зависимость между признаками сформированности универсальных навыков с показателями источника мотивации «Я-концепции» требуют существенного изменения традиционной системы подготовки бакалавров адаптивной физической культуры. Коррекция учебных программ и самого процесса обучения будет способствовать организации опыта социального взаимодействия в предсказуемой последовательности действий, а также способности к обучению и самостоятельному развитию навыков.

Поэтому перспективным является дальнейшая разработка диагностических критериев сформированности универсальных навыков и разработка образовательных технологий, связанных с развитием личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осипова И. В. К вопросу о мониторинге soft-компетенций педагогов профессиональной школы / И. В. Осипова, А. А. Шарова // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 25-й Международной научно-практической конференции (07–08 апреля 2020 год). – Екатеринбург, Издательство: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2020. – С. 102-105.
2. Богдан Е. С. Развитие soft skills как важный компонент формирования компетенций конкурентоспособных выпускников инженерных направлений // Вестник Евразийской науки. –2019. – № 3. – Т. 11. – Режим доступа: https://esj.today/issue-3-2019.html
3. Клименко И. В. Формирование инклюзивного мышления у бакалавров адаптивной физической культуры / И. В. Клименко // Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. – 2020. – № 2 (49). – С. 79-83.
4. Раицкая Л.К. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта / Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 350-363.
5. Сдобняков В. В. Индивидуальный образовательный маршрут: диагностика готовности студентов педагогического вуза / В. В. Сдобняков, В. В. Кисова // Непрерывное образование в контексте Будущего: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, Россия, 21-22 апреля 2021 года). М.: ГАОУ ВО МГПУ, ООО "А-Приор", 2021. – С.493-498.
6. Сорокопуд Ю. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов / Ю. В. Сорокопуд, Е. Ю. Амчиславская, А. В. Ярославцева // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 1 (86). – С. 194-196.
7. Чуланова О. Л. Компетенции персонала в цифровой экономике: операционализация soft skills персонала организации с учетом ортобиотических навыков и навыков well-being / О. Л. Чуланова // Вестник Евразийской науки, 2019. –№ 2. – Режим доступа: https://esj.today/22ecvn219.html
8. Яркова Т. А. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога / Т. А. Яркова, И. И. Черкасова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 222-234.
9. Абашкина О. В. Soft skills: ключ к карьере / О.В. Абашкина // Справочник по управлению персоналом: научный журнал. – 2008. – № 9 – С. 124-126.
10. Muhleisen S. Karrierefaktor Soft Skills / S. Muhleisen, N. Oberhuber // Rudolf Haufe Verlag, Freiburg. Br., 2005. – 230 p.
11. Давидова В. А. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать [Электрон. ресурс]. / В.А. Давидова. – Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills.

12. Шрайбер А. Н. Методика формирования soft skills (мягких навыков) у студентов вузов через систему дополнительного профессионального образования / А. Н. Шрайбер // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С.145-147.
13. Гребенюк Т. Б. Формирование индивидуальности студента-будущего педагога / Т. Б. Гребенюк // Beau Bassin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. − 87 с.
14. Лукша П. Образование для сложного общества / П. Лукша, Дж. Кубиста, А. Ласло [и др.]. − М.: Global Education Futures, 2018. − 213 с.

Поступила в редакцию 25.08.2021 г.

MONITORING OF UNIVERSAL SKILLS FORMATION IN BACHELORS OF ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION

I.V. Klimenko

The article is devoted to the theoretical analysis of scientific literature and the empirical study of monitoring the formation of universal skills among bachelors of adaptive physical culture in the process of professional training at a pedagogical university. The components of the competence model are generalized and structured with an emphasis on meta-skills and existential competencies. The assessment of the levels of formation of universal skills is given depending on the source of motivation, which allows to form the trajectory of the individual development of personal and professional competencies.

Key words: universal skills, bachelors, adaptive physical education.

Клименко Ирина Викторовна
Кандидат медицинских наук, доцент.
Доцент кафедры адаптивной физической культуры и физической реабилитации
ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР.
E-mail: trainrehab@mail.ru

Klimenko Irina Viktorovna
Candidate of medical sciences, Docent,
Associate Professor of the Department of Adaptive Physical Culture and Physical Rehabilitation Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR.
E-mail: trainrehab@mail.ru

УДК 81-13:37.011.3-051:811.16

ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

© 2021. ***И.А. Кудрейко***

В статье рассматриваются технологии контрастивной лингвистики, которые способствуют оптимизации обучения славянским языкам, определяются типологические соответствия и различия в фонетике русского, украинского и польского языков. Акцентируется внимание на наиболее эффективных заданиях для бакалавров славянской филологии с целью формирования фонетической компетенции.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, фонетика, фонетическая компетенция, славянские языки, бакалавры славянской филологии.

Введение. В наши дни, когда особое внимание в сфере высшего образования уделяется интеграции в международное образовательное пространство, изучение и разработка методов совершенствования языковой подготовки будущих учителей-филологов становится основной задачей системы высшего образования, что и определяет актуальность данного исследования.

Активно в образовательном процессе применяются инновационные технологии, позволяющие достичь более эффективного, надежного и гарантированного результата, чем при использовании традиционных методик обучения [9].

Проблема преподавания русского, украинского, польского языков рассматривается в контексте технологии контрастивной лингвистики с целью выявления сходств, различий, сопоставлений на фонетическом, лексическом, грамматическом и др. уровнях языка. В нашем случае использование такой технологии позволит выявить сходства и различия фонетических систем, изучаемых разноструктурных славянских языков, что должно стать для будущего специалиста в области славянской филологии лингвистической основой становления профессионально значимых ценностей.

В лингводидактике, в рамках компетентностного подхода активно разрабатывается концепция иноязычных компетенций. Их номенклатуру, содержание, функционирование и условия формирования в процессе профессиональной подготовки лингвистов исследуют Е.В. Арцишевская, С.М. Бастрикова, Г.К. Борозинец, К.Ю. Вартанова, И.А. Зимняя, Э.Б. Иванюшина, Е.В. Кавнатская, Н.Л. Московская, В.В. Сафонова, И.С. Сахарова и другие.

В Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» при подготовке бакалавров славянской филологии к профессиональной деятельности, в процессе изучения дисциплин: «Славянский язык (украинский)», «Славянский язык (польский)» в сопоставительном аспекте, формирование иноязычной коммуникативной компетенции является основной задачей. Лингвистическая компетенция как одна из составляющих коммуникативной компетенции является важным компонентом, отвечающим за полноценную коммуникацию, соответствующую языковым нормам изучаемого языка.

Важное значение в формировании лингвистической компетенции играют фонетические средства: ритмико-интонационные, темпо-голосовые, артикуляционные,

определяющие эффективность общения [6; 12]. Вопросам фонетического оформления речи, разным аспектам формирования и реализации произносительных навыков посвящены работы таких ученых, как Р.И. Аванесов, С.В. Беляева, Р.А. Будагов, В.В. Бужинский, Л.И. Головчанская, М.В. Гордина, Л.Р. Зиндер, Н.А. Катагощина, Е.А. Когалова, Л.Л. Присная, Н.С. Трубецкой, Н.И. Формановская, К.Н. Хитрик, А.А Хомутова, В.А. Цыбанева, Т.В. Шустикова, Л.И. Щепилова, Л.В. Щерба и др.

Основываясь на вышеперечисленных разработках, рассмотрим в рамках контрастивного подхода методы и способы формирования фонетической компетенции у бакалавров славянской филологии, так как развитие профессионально значимых умений и навыков в условиях глобализации и интеграции в международное образовательное пространство требует глубокого анализа и разработки.

Цель статьи: на основании технологии контрастивной лингвистики для оптимизации обучения (ино)славянским языкам проанализировать некоторые типологические соответствия и различия на фонетическом уровне в русском, украинском и польском языках, определить наиболее эффективные задания для бакалавров славянской филологии, способствующие формированию фонетической компетенции как профессионально значимой для будущего учителя-словесника.

В нашей работе акцентируем внимание на методах и способах формирования фонетической компетенции у бакалавров славянской филологии, для которых данная компетенция является профессионально значимой, поскольку входит в состав общепрофессиональных компетенций, установленных федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения по направлению подготовки 45.03.01 Филология.

Основная часть. Формирование фонетических навыков, обеспечивающих понимание смысла высказывания и способствующих достижению коммуникативной цели, является сложным и продолжительным процессом, требующим значительных усилий от обучаемых, поскольку фонетические языковые явления в большей степени, чем лексические и грамматические, подвержены интерференции.

Рассмотрим основные дефиниции фонетической компетенции.

М.Ф. Рунец под языковой фонетической компетенцией понимает готовность и способность обучающегося применять языковые фонетические знания и навыки, оперировать ими для выражения коммуникативного намерения в соответствии с темами, сферами и ситуациями общения на рецептивном и репродуктивном уровнях [7].

А.А. Хомутова дает более подробное определение фонетической компетенции, которое включает:

- знания об артикуляторной базе изучаемого языка, знания о строении органов речи, механизме голосообразования, специфике артикуляции звуков, знание просодии, знания об интонации, знание основных фонетических явлений и терминов;
- знания о способах артикуляции звуков в родном языке, например: знания о сходстве / различии звуков, типах интонации, которые позволяют обеспечить перенос или избежать интерференции в овладении иноязычным произношением;
- знания об особенностях официальных и неофициальных стилях речи, диалектах;
- умения применять знания на практике и строить высказывания, адекватные целям и условиям [10].

Полагаясь на данные высказывания, в нашем исследовании рассматриваем фонетическую компетенцию как способность индивидуума воспринимать иноязычную речь на слух и воспроизводить ее в соответствии с артикуляционными, ритмико-интонационными и темпо-голосовыми нормами изучаемого языка.

Согласно научной позиции таких ученых, как Л.П. Дубина, Т.В. Рыло, микролингвистическая методика является одной из наиболее эффективных при сопоставительных исследованиях, так как «основывается на компонентном анализе и позволяет при сопоставлении сравнивать не отдельные фонемы, слова или грамматические формы, а компоненты этих единиц. При микролингвистической методике исследование уходит вглубь языковых форм, благодаря чему выявляются характерные особенности языков в целом» [2, с. 177].

Анализируя в сопоставительном аспекте микросистемы различных языков, преподаватель в процессе обучения определяет существующие между сравниваемыми языковыми системами сходства, различия, соответствия, позволяющие показать как универсальный характер ряда языковых категорий, так и специфику их выражения в каждом конкретном языке [3; 4; 11]. Отметим, что именно подготовленный преподаватель, в совершенстве владеющий теоретико-практическими навыками сопоставительного анализа лингвистического материала, может сформировать у обучаемых устойчивую систему знаний, умений, навыков, компетенций, профессионально-значимых ценностей по учебной дисциплине.

Предметом сопоставления в нашей работе являются акустические и артикуляционные особенности звуков русского, украинского, польского языков, а также просодические средства, позволяющие овладеть орфоэпией и усвоить произносительные нормы изучаемых (ино)славянских языков, так как плохое произношение отвлекает слушающего, принуждает концентрировать свое внимание на звуках речи.

Прежде чем рассмотреть методику формирования фонетических умений и навыков, определим регулярные русско-украинско-польские фонетические соответствия:

1) соответствие полногласных сочетаний оро, оло, ере, еле в русском и украинском языках неполногласным сочетаниям ro, lo, re, le : *борода* (рус.) – *борода* (укр.) – *broda* (польск.); *голова* (рус.) – *голова* (укр.) – *głowa* (польск.); *берег* (рус.) – *берег* (укр.) – *brzeg* (польск.); *молоко* (рус.) – *молоко* (укр.) – *mleko* (польск.); *голос* (рус.) – *голос* (укр.) – *głos* (польск.); *король* (рус.) – *король* (укр.) – *król* (польск.) и т.п.;

2) соответствия, связанные с результатами монофтонгизации: польскому носовому звуку [эн] (на письме – ę) в русском языке соответствует звук [’а], в украинском – [’а], [а] (на письме – я), а носовому звуку [он] или [ом] (на письме – ą) в русском и украинском языках соответствует звук [у]. Сравним: *имя* (рус.) – *ім’я* (укр.) – *imię* [имен] (польск.); *пята* (рус.) – *п’ята* (укр.) – *pięta* [пента] (польск.); язык (рус.) – *язик* (укр.) – *język* [ензык] (польск.) и т. д.;

3) соответствие беглых гласных, являющихся следствием падения и прояснения редуцированных. Падение редуцированных в слабой позиции привело к появлению в этих языках беглых гласных, например: *сон – сна* (рус.), *сон – сну* (укр.), *sen – snu* (польск.); *день – дня* (рус.), *день – дня* (укр.), *dzień – dnia* (польск.); *пень – пня* (рус.), *пінь – пня* (укр.), *pień – pnia* (польск.); *замок – замка* (рус.), *замок – замку* (укр.), *zamek – zamku* (польск.); *орёл – орла* (рус.), *орел – орла* (укр.), *orzeł – orła* (польск.);

4) наличие приставного і в украинском языке, например: *ржавчина* (рус.) – *іржа* (укр.) – *rdza* (польск.); *ржать* (рус.) – *іржати* (укр.) – *rżenie* (польск.); *мглистый* (рус.) – *імлистий* (укр.) – *mglisty* (польск.) и под.;

5) употребление начального о в русском и украинском языках вместо je – в польском языке. Например: *озеро* (рус.) – *озеро* (укр.) – *jezioro* (польск.); *олень* (рус.) – *олень* (укр.) – *jeleń* (польск.); *осень* (рус.) – *осінь* (укр.) – *jesień* (польск.) и т.п.;

6) ударение в русском и украинском языках является динамичным, подвижным, свободным и квантитативным, а в польском – фиксированное на предпоследнем слоге, сравним: *росá – рóсы* (рус.), *книжка – книжкú* (укр.), *nO-ga* (польск.), *Us-ta* (польск.).

Учитывая специфику формирования фонетической компетенции, в системе контрастивно-фонологических упражнений мы выделяем следующие учебные задания [1]:

1) задания, направленные на выявление сходств, различий, а также соответствий в системе вокализма русского, украинского, польского языков. Например: Обратите внимание на произношение выделенных сочетаний:

русский	***украинский***	***польский***
в**оро**на	в**оро**на	w**ro**na
г**ло**с	г**ло**с	g**ło**s
к**оро**ва	к**оро**ва	k**ro**wa

2) задания, направленные на выявление сходств, различий, а также соответствий в системе консонантизма изучаемых славянских языков, например: Обратите внимание на различие в произношении звуков «щ» и szcz:

русский	***украинский***	***польский***
щит	щит	szczyt
ещё	ще	jeszcze
щётка	щітка	szczotka

3) задания, направленные на формирование слухопроизносительных умений и навыков (интонационно-ритмических, акцентуационных, артикуляционных) в сопоставляемых славянских языках, например: Прослушайте текст, укажите, сколько раз в нем встретился звук «щ» /szcz; Расставьте в предложениях ударения, паузы, прочтите их вслух и под.

Как видим, главным условием эффективного обучения фонетическим нормам изучаемого языка является активное использование артикуляционно-моторной памяти (регулярное прослушивание и сознательная имитация фонетического материала).

Важным является использование компьютерных программ, позволяющих записать собственную речь и сравнить ее с произношением дикторов – носителей языка. Знаковым отличием в обучении неродному языку от обучения другим дисциплинам является не накопление знаний, а овладение иноязычной речевой деятельностью.

Заключение. Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что формирование фонетической компетенции у бакалавров славянской филологии на основе контрастивного подхода является эффективным, поскольку позволяет полноценно и грамотно формировать иноязычную коммуникативную компетенцию обучаемых, способствует концентрации внимания на выявлении сходств и различий в разноструктурных славянских языках, развивает аналитическое и абстрактное мышление.

Вместе с тем использование контрастивного подхода в обучении требует от будущего специалиста в области славянской филологии, как значительных временных затрат для дифференциации признаков в сопоставляемых языках, так и способности мобилизовать свои собственные усилия на систематическую умственную работу, рационально строить свою деятельность, управлять эмоциональным и психологическим состоянием, использовать свой потенциал, проявлять творческую активность, что и обеспечит успешность его будущей педагогической деятельности [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевская Д. Польский язык : Учебник / Д. Василевская, С. Кароляк. – Москва : АСТ ; Санкт-петербург : Лань, 2001. – 566 с.
2. Дубина Л. П. Современные исследования в области контрастивной лингвистики / Л. П. Дубина, Т. В. Рыло // Картина мира через призму китайской и белорусской культур : сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 г. / [редкол. : М. В. Мишкевич [и др.] ; Белорус. гос. экон. ун-т, Респ. ин-т китаеведения им. Конфуция Белорус. гос. экон. ун-та. – Минск : Издательский центр БГУ, 2019. – С. 176-179.
3. Казарян Ш. Е. Контрастивно-когнитивный подход в обучении языку / Ш. Е. Казарян, А. Э Григорян // Право и практика. – 2021. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivno-kognitivnyy-podhod-v-obuchenii-yazyku (дата обращения: 07.09.2021).
4. Караваева А. А. Особенности организации обучения грамматике немецкого языка на основе контрастивного подхода / А. А. Караваева // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2021. – №2 (50). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-obucheniya-grammatike-nemetskogo-yazyka-na-osnove-kontrastivnogo-podhoda (дата обращения: 10.09.2021).
5. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.
6. Рассказов С. А. Влияние уровня сформированности фонологической компетенции на развитие навыков и умений аудирования и говорения студентов неязыковых специальностей при реализации интегративной методики обучения / С. А. Рассказов // Известия ВГПУ. – 2021. – № 5 (158). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-sformirovannosti-fonologicheskoy-kompetentsii-na-razvitie-navykov-i-umeniy-audirovaniya-i-govoreniya-studentov (дата обращения: 09.09.2021).
7. Рунец М. Ф. Традиционные и инновационные подходы к формированию языковой фонетической компетенции / М. Ф. Рунец // Вопросы науки и образования. – 2017. №11 (12). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-i-innovatsionnye-podhody-k-formirovaniyu-yazykovoy-foneticheskoy-kompetentsii (дата обращения: 26.09.2021).
8. Скафа Е. И. К вопросу о формировании профессиональной готовности будущего учителя в условиях реформирования образования Донецкой Народной Республики / Е. И. Скафа, Н. А. Бабенко // Дидактика математики : проблемы и исследования: Международ. сборн. науч. работ. – Донецк, 2018. – Вып. 47. – С. 70–79.
9. Скафа Е. И. Технологии обучения как инструмент формирования эвристических приемов в современной школе / Е.И. Скафа // Дидактика математики : проблемы и исследования: Международ. сборн. науч. работ. – Донецк, 2020. – Вып. 52. – С. 17–21.
10. Хомутова А. А. Фонетическая компетенция: структура, содержание / А. А. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – № 10. – С. 71–76.
11. Хунтхужева Инна Хасанбиевна Сопоставительный метод как психолого-педагогический приём в обучении второму иностранному языку // Наука, образование и культура. 2018. №9 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-metod-kak-psihologo-pedagogicheskiy-priyom-v-obuchenii-vtoromu-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 12.09.2021).
12. Шамлиди Е. Ю. О фонетической компетенции переводчиков (на материале английского языка) / Е. Ю. Шамлиди // Многоязычие в образовательном пространстве. – 2019. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-foneticheskoy-kompetentsii-perevodchikov-na-materiale-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 10.09.2021).

Поступила в редакцию 15.09.2021 г.

METHODS OF FORMING THE PHONETIC COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS OF SLAVIC PHILOLOGY BASED ON THE TECHNOLOGY OF CONTRAST LINGUISTICS

I.A. Kudreiko

The article examines the technologies of contrastive linguistics, which contribute to the optimization of teaching Slavic languages, defines the typological correspondences and differences in the phonetics of the Russian, Ukrainian and Polish languages. The attention is focused on the most effective tasks for bachelors of Slavic philology in order to form phonetic competence.

Key words: contrastive linguistics, phonetics, phonetic competence, Slavic languages, bachelors of Slavic philology.

Кудрейко Ирина Александровна
Кандидат филологических наук,
И.о. заведующего кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Донецк, ДНР.
E-mail: kudrejko@mail.ru

Kudreiko Irina Aleksandrovna
Candidate of Philology,
Head of the Department of Slavic Philology and Applied Linguistics,
SEI HPE “Donetsk National University”, Donetsk, DPR.
E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 378.147.091.31:001.89 – 047.64

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ

© 2021. ***Е.А. Мелешко***

Статья посвящена теоретическому разбору и обоснованию педагогических технологий управления научно-исследовательской деятельностью студентов педагогического вуза в современных условиях. Определены уровни актуальности данной деятельности, рассмотрены особенности и понятия «педагогические технологии» и «технологии управления научно-исследовательской деятельностью», как основу и систему управления данной деятельностью у студентов. Выделены критерии, которые составляют сущность педагогической технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов, и определены их характеристики. Описаны технологии, которые на наш взгляд соответствуют педагогическим технологиям управления научно-исследовательской деятельностью студентов.

***Ключевые слова*:** педагогические технологии, управления, научно-исследовательская деятельность.

В соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов педагог высшего профессионального обучения помимо решения учебных, воспитательных и других задач должен быть способен вести научно-исследовательскую работу, направленную на самостоятельный поиск научного знания, анализ информации, выбор и использование методов исследования. Эти требования обусловливают необходимость совершенствования подготовки студентов профессионально-педагогического вуза к научно-исследовательской деятельности. При этом единого подхода к научно-исследовательской деятельности в процессе подготовки в вузе не существует.

«Научно-исследовательская деятельность» – является интеллектуальной деятельностью, направленной на приобретение и применение новых знаний для решения теоретических и практических проблем в процессе обучения (А.Л. Мазалецкая). Эта деятельность способствует расширению кругозора у студентов, стимулирует познавательный интерес в различных областях знаний, а также предоставляет дополнительные возможности для самореализации обучающихся, развивает их творческие способности [4, с. 529-530].

Целью настоящей работы является теоретический разбор и логическое определение технологий управления научно-исследовательской деятельностью студентов в процессе обучения в вузе.

При этом можно отметить противоречия управление научно-исследовательской деятельностью является ключевым в процессе обучения в вузе, так как стимулирует развитие и повышение уровня знаний у студентов. При этом педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов педагогического вуза в современных условиях актуальны, но не разработаны.

Для более глубокого анализа высказанного противоречия необходимо теоретически рассмотреть особенности и понятия «педагогические технологии» и «технологии управления научно-исследовательской деятельностью», как основу и систему управления данной деятельностью у студентов.

В педагогической науке нет единой точки зрения по отношению к понятию «педагогическая технология». Наиболее распространенными являются следующие определения:

– педагогическая технология – совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств; она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса (Т.Б. Лихачев);

– педагогическая технология – содержательная техника реализации учебного процесса (В.П. Беспалько);

– педагогическая технология – составная процессуальная часть дидактической системы (М. Чошанов);

– педагогическая технология – это система, совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методических средств, используемых для достижения педагогических целей (Н.М. Борытько);

– педагогическая технология – это содержательное обобщение с использованием определений всех предыдущих авторов (М.Н. Гуслова);

– педагогическая технология – системная совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей (М.В. Кларин).

Но опираться мы будем на определение В.М. Монахова, что педагогическая технология – продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса [2; 3; 5].

Для совмещения «педагогических технологий», если мы рассматриваем ее как модель современной педагогической деятельности и «технологии управления» можно определить как комплекс методов по обработке управленческой, педагогической информации с целью выработки, принятия и реализации методик и техник для достижения поставленной цели. Основное назначение технологии управления – установление рациональной схемы (алгоритм взаимодействия исполнителей в процессе управления и образования). Технология управления в системе образования является процессом, выполняемым руководителями-переподавателями в определенной последовательности с использованием необходимых для этого методов, средств и методик педагогической деятельности.

Соответственно «технологии управления научно-исследовательской деятельностью» – комплекс методов по обработке управленческой педагогической информации с целью выработки, принятия и реализации решений и техник для достижения и формирования готовности к научно-исследовательской деятельности у будущих бакалавров.

Целью «технологии управления научно-исследовательской деятельностью», можем определить оптимизацию процесса подготовки и активное участие в нем педагогов и студентов, рационализация его путем подбора таких педагогических технологий, которые являются актуальными и отвечают требованиям педагогической подготовки необходимым для достижения результата, в максимально краткие сроки.

Анализируя представленные определения, мы можем выделить критерии, которые составляют сущность педагогической технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов:

– четкое определение целей обучения;

– выбор и структура общения (преподаватель – студент);

– оптимизация организации учебного процесса;

– методы и средства обучения;

– объективные методы оценки результатов обучения студентов.

И собственно существенные характеристики педагогических технологий управления научно-исследовательской деятельностью, в соответствии с выведенными определениями:

– постановка диагностических целей, которые гарантируют достижение целей и эффективность процесса обучения;

– экономия, обеспечивающая резерв учебного времени, оптимизирующая работу преподавателя и достижение запланированного результата обучения в определенные промежутки времени;

– управляемость (алгоритмизируемость, проектируемость, целостность) отражающая различные аспекты педагогических технологий;

– корректность, возможность постоянной оперативной обратной связи с обучающимися, ориентированной на цели;

– визуализация, применение различного аудиовизуального и электронного вычислительного оборудования, а также разработку и применение различных дидактических материалов и наглядных пособий.

Основным при обучении в высших учебных заведениях является деятельностное и личностно-ориентированное обучение, они основаны на учете психологических и социально-педагогических характеристик личности, базируется на идеях гуманистической педагогики (Г. Песталоцци, М. Монтессори, К.Д. Ушинского и т.д.). Данное обучение создает условия, необходимые для реализации личностно-ориентированного и деятельностного подхода:

– исследование личности обучающихся (особенностей характера, темперамента, памяти, мышления и т.п.);

– вовлечение каждого обучающегося в активную познавательную деятельность при четком осознании, где, каким образом и для каких целей эти знания могут быть применены;

– свободный доступ к необходимой информации, консультативным центрам и специалистам с целью формирования собственного независимого аргументированного мнения по той или иной проблеме, возможности ее всестороннего исследования;

– совместная работа в сотрудничестве, широкое общение со студентами других вузов своего региона, страны, мира;

– постоянное испытание своих интеллектуальных, физических и нравственных сил для определения сути возникающих проблем. Наиболее эффективными методами реализации личностно-ориентированного подхода являются метод проектов, разноуровневое обучение, портфолио [2; 4].

Соответственно личностно-ориентированное и личностно-деятельностное обучение, является основным при формировании и готовности к научно-исследовательской деятельности по выбранным критериям развития:

– интеллектуальное развитие, самого бакалавра;

– личностные черты самих исследователей;

– системой знаний; системой умений;

– творческим подходом;

– самооценкой студентов;

– активное положительное отношение к научно-исследовательской работе [4; 6].

По мнению А.А. Марченко, реализация такого обучения требует перехода от жестко регламентированного процесса обучения к образованию, как индивидуальной деятельности студента, ее коррекции и индивидуальной поддержке, педагогом, научным руководителем и т.д.

Главной целью деятельностного и личностно-ориентированного обучения, является раскрытие индивидуальных познавательных возможностей обучающегося. Таким образом, мы можем наблюдать смешение традиционной образовательной парадигмы «преподаватель – учебник – студент», заменяется на – «студент – учебник –

преподаватель», который оказывает педагогическую поддержку, направляет студента и помогает ему формировать, и осознано выполнять самостоятельные исследования. А так же активизирует самопознание и самореализацию студентов и способствует активизации научно-исследовательской деятельности студентов [6; 7].

Таким образом, деятельностное и личностно-ориентированное обучение помогает сформировать самостоятельность студентов при выполнении исследований и предполагает осознано и критически, относиться к собственным исследованиям.

Л.Ю. Айснер, С.В. Бершадская, Н.С. Кулакова, О.В. Мартынова считают, что все педагогические технологии, применяемые в учебном процессе в высших учебных заведениях, реализуется через систему занятий, поэтому задача преподавателя обеспечить включение каждого студента в различные виды деятельности. Образовательные технологии предоставляют широкие возможности для дифференциации и индивидуализации образовательной деятельности и направлены на конечный результат образовательного процесса – подготовку высококвалифицированных специалистов [1; 5].

Разберем педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов, на основе деятельностного и личностно-ориентированного обучения, применяемые в современных условиях обучения, которые на наш взгляд являются наиболее актуальными. Мы считаем, что это:

– модульная технология, как сам процесс образования;

– поисковые и исследовательские технологии, как мотивация к поиску новых знаний;

– проектные технологии, как постановка четкой цели научного исследования и поиск техник и методов ее выполнения;

– технологии контроля степени сформированности компетенций, оценка преподавателя.

1. Модульная технология или модульное обучение основывается на деятельностном и личностно-ориентированном подходах. Главная цель данного обучения – создание гибких образовательных структур по организации обучения и по содержанию, что достигается путем создания образовательных программ, состоящих из модулей.

Модуль – учебный пакет (организационно-методический раздел программы), охватывающий отдельную дисциплину учебного материала. Модуль призван подготовить студентов к выполнению определенной трудовой функции, направлен на формирование определенных навыков или расширения объема знаний по различным направлениям обучения. Он имеет определенную структуру:

– набор формируемых общекультурных, профессиональных, научно-исследовательских компетенций (дидактические);

– логическое, завершение содержание единицы учебного материала (зачет, экзамен);

– методическое руководство (выполнение по методическим рекомендациям, практических заданий);

– система контроля (технологии контроля степени сформированности компетенций).

Модули, объединенные целью подготовки бакалавра к определенному виду профессиональной и научно-исследовательской деятельности, образуют блоки образовательной программы.

Данная технология, по мнению О.Н. Хохловой, позволяет быстро реагировать на изменение экономических, социальных, педагогических требований и условий, заменяя один модуль другим, а также устанавливать различный период обучения в зависимости от уровня первоначальных умений обучающихся. Это особенно актуально для системы

высшего образования с учетом постоянного становления и изменения стандартов обучения, и периодической смены государственных образовательных стандартов в высшем образовании [7, с. 13].

Мы считаем, что при рассмотрении данной технологии учитывается сам процесс обучения в высших учебных заведениях, выстраивается последовательность дисциплин (модулей). При этом изменение или замещение модулей в системе образования помогает сформировать определенные знания, умения и навыки, в том числе научно-исследовательской деятельности. Как педагогическая технология управления научно-исследовательской деятельностью определяет формирование интеллектуального развития у студентов и последовательность дисциплин, как компонента обучения, и соответственно совпадает с целью деятельностного и личностно-ориентированного обучения, является раскрытие индивидуальных познавательных возможностей обучающегося. И сами технологии помогают управлять процессом обучения с заранее заданным результатом, что можно определить, как организационные и педагогические технологии управления научно-исследовательской и учебной деятельностью студентов.

2. Поисковые и исследовательские технологии – для них характерна инициативная и субъективная позиция учащегося в учебном процессе. Студент усваивает материал не в результате слушания, а в результате самостоятельных исследовательских действий. Главным условием обучения становится включение студентов в практическую деятельность, проект, в процессе чего возникает потребность овладения новыми знаниями. А задачей педагога является в управлении исследовательской работой студентов.

В практике поисковые и исследовательские технологии имеют выраженные определенные функции педагога:

– побуждение обучающихся к формулированию имеющихся у них идей и представлений;

– разрушение стереотипов обучающихся путем приведения примеров, которые противоречат имеющимся представлениям;

– побуждение к выдвижению предположений, гипотез, догадок;

– создание условий для исследования альтернативных точек зрения;

– создание ситуаций, позволяющих студентам понять и оценить результаты собственной работы.

Знание не является целью обучения в исследовательской технологии, оно выступает средством решения проблемы, однако учащиеся понимают необходимость в новом знании, что повышает их мотивацию.

Применение исследовательских технологий способствует:

– формированию самостоятельности и культуры рефлексивного мышления;

– развитию коммуникативных навыков, в том числе навыков дискуссионной культуры;

– созданию оптимальных условий для самоопределения в профессиональной образовательной среде [7, с. 21].

Можно сделать вывод, что поисковые и исследовательские технологии мотивируют студентов на освоение новых знаний и умений, и формируют готовность к научно-исследовательской деятельности. В рассмотрении деятельностного и личностно-ориентированного обучения в отношении к научно-исследовательской деятельности, данные технологии способствуют развитию: личностных черт самих исследователей; творческим подходом студентов в исследовании; и самооценкой студентов собственной поисковой деятельностью. И сточки зрения управления научно-

исследовательской деятельности, активируют навыки и ставят научно-исследовательские цели, выполнимые в определенный период обучения.

3. Проектные технологии обучения – разработка проектов, как вариант научно-исследовательской деятельности. Технологии проектов – способ эффективного выстраивания какого-либо типа деятельности. Он, позволяет спланировать исследование, его структуру и управление и т. д., для того, чтоб достичь результата оптимальным способом. В этом смысле любая сознательная научно-исследовательская и учебно-исследовательская деятельность является проектом потому как предполагает достижение результата и работу по организации и планированию его. Нужно понимать, что проект реализации исследования не является проектом, а остается исследованием, и при этом лишь организованным проектным методом или педагогической технологией формирования готовности к научно-исследовательской деятельности или отдельной работы студента.

Проектная деятельность – это деятельность, «направленная на решение конкретной проблемы, на достижение оптимальным способом заранее запланированного результата». Полученный результат должен быть четко обозначен в начале исследования. Данная деятельность развивает личность студента и у него появляется потребность непосредственно влиять на ситуацию, таким образом, появляется активная позиция по отношению к достижению результата, и постепенно организуется как процесс создания замысла и его воплощения [2; 9].

По нашему мнению, проектные педагогические технологии ставят четкую цель с заданным ответом на поставленные вопросы, и таким образом, помогают отследить и оценить целенаправленно научно-исследовательские навыки студентов. Если рассматривать их с точки зрения деятельностного и личностно- ориентированного обучения в отношении к научно-исследовательской деятельности, то у студентов формируется активное положительное отношение к научно-исследовательской работе, в процессе выполнения проекта.

4. Технологии контроля степени сформированности компетенций в высшем образовании принято выделять следующие типы контроля.

– контроль, который проводится перед началом изучения дисциплины, для определения общего уровня знаний – входной контроль. В качестве формы контроля чаще всего используются тесты и практические задания, на выполнение которых не требуется много времени;

– контроль, проводимый в процессе аудиторных занятий и при поверке самостоятельных заданий – следящий контроль. Его целью, является выявление затруднений обучающихся, корректировка их умений и навыков. В качестве основных форм могут выступать практические работы, письменные задания разных типов (рефераты, эссе и т.д.);

– контроль, проводимый по окончанию учебного модуля – текущий контроль. Основными формами являются контрольные и курсовые работы, срезы знаний в виде объемных тестирований. К достоинствам данного типа контроля можно отнести систематичность, возможность проведения мониторинга качества обучения;

– контроль, осуществляемый в конце семестра, завершающий изучение отдельной дисциплины – промежуточная аттестация. В форме зачета или экзамена;

– контроль, который служит для проверки общих результатов обучения – итоговая государственная аттестация.

Основными формами контроля выступают:

– государственный экзамен, задания государственного экзамена могут иметь вид практических задач, и вопросов, которые выполняются индивидуально. Тематика

экзаменационных вопросов и заданий должна быть комплексной и соответствовать разделам из различных учебных дисциплин, формирующих конкретные компетенции.

– выпускная квалификационная работа (ВКР), представляет собой самостоятельное логически завершенное исследование, связанное с решением одной или нескольких научных (научно-практических) задач. В процессе защиты студент должен продемонстрировать умение решать профессиональные задачи с опорой на современные знания, а также докладывать и отстаивать свою точку зрения перед аудиторией. В качестве ВКР могут выступать различные проекты, а также использование портфолио [6, с. 39-42].

Технологии контроля степени сформированности компетенций в высшем образовании, являются обязательными и прописаны в государственных стандартах высшего образования. При этом, можно отметить что как форма контроля за образовательным процессом, с оцениванием студентов на разных этапах обучения, данная технология является управленческой основой обучения, и мы уверено можем отнести ее к педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов, так как оценка сформированности знаний, умений и навыков, есть и сама цель обучения. И в компетенциях прописаны, компетенции научно-исследовательской деятельности обязательные для освоения студентами.

Можем отметить, что описанные педагогические технологии управления научно-исследовательской деятельностью студентов, в настоящее время являются самыми актуальными. В процессе их применения, а именно в процессе обучения студентов: активизируется усвоение знаний, что является интеллектуальной составляющей; раскрываются творческие способности, что является обязательной составляющей научно-исследовательской деятельности; производится мотивация к самостоятельному поиску решения, поставленной задачи; формируется готовность к научно-исследовательской деятельности; и контролируется процесс оценивания выполненной учебно-исследовательской, исследовательской, научно-исследовательской работы или проекта. Модульные технологии помогают управлять процессом обучения с заранее заданным результатом, что можно определить, как организационные и педагогические технологии управления научно-исследовательской и учебной деятельностью студентов.

1. Поисковые и проблемные технологии способствуют развитию: личностных черт самих исследователей; творческим подходом студентов в исследовании; и самооценкой студентов собственной поисковой деятельностью. И сточки зрения управления научно-исследовательской деятельности, активируют навыки и ставят научно-исследовательские цели, выполнимые в определенный период обучения.

2. Проектные педагогические технологии ставят четкую цель с заданным ответом на поставленные вопросы, и таким образом, помогают отследить и оценить целенаправленно научно-исследовательские навыки студентов. Если рассматривать их с точки зрения деятельностного и личностно-ориентированного обучения в отношении к научно-исследовательской деятельности, то у студентов формируется активное положительное отношение к научно-исследовательской работе, в процессе выполнения проекта.

3. Технологии контроля степени сформированности компетенций в высшем образовании, являются обязательными и прописаны в государственных стандартах высшего образования. При этом, можно отметить, что как форма контроля за образовательным процессом, с оцениванием студентов на разных этапах обучения.

При этом рассмотрение педагогических технологий управления научно-исследовательской деятельностью студентов мы провели с учетом деятельностного и личностно-ориентированного обучения, которое применяется именно при обучении в вузах. Если сравнивать критериям развития и цели данного обучения с применяемыми

педагогическими технологиями управления научно-исследовательской деятельностью студентов, то можно отметить совпадение критерий и целей, с учетом запланированного результата и формирования компетенций в процессе образования. Считаем выведенные технологии и результат поиска путей управления научно-исследовательской деятельности достигнутым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айснер Л.Ю. Применение инновационных методов обучения для реализации компетентностного подхода в системе профессионального образования / Л.Ю. Айснер, С.В. Бершадская // Материалы международной заочной научной конференции: Проблемы современной аграрной науки. – 2015. – С. 244-246.
2. Веденеева О.А. Педагогические технологии в современном образовательном процессе. Учебное пособие / О.А. Веденеева, Л.Ю. Савва, Н.Я. Сайгушев – М.: Мир науки, 2016. – 284 с.
3. Гуслова М.Н. Инновационные педагогические технологии: учеб. пособие для учреждений СПО / М.Н. Гуслова, 4-е изд., испр. – М.: ИЦ Академия, 2013. – 208 с.
4. Ершова О.В. Научно-исследовательская деятельность студентов как средство повышения качества образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-3. – С. 529-532.
5. Кулакова Н.С. Формы применения современных технологий в образовательном процессе / Н.С. Кулакова, О.В. Мартынова // Сборник научных статей международной научно-методической конференции: Образование. Наука. Карьера. – 2018. – С. 78-82.
6. Марченко А.А. Личностно-ориентированная модель самостоятельной работы студентов географов как средство организации педагогической практики / А.А. Марченко: Вестник международной академии наук (Русская секция) № 1. – 2017. – С. 72-74.
7. Современные образовательные технологии в вузе: справочник/ автор-составитель канд.ист.наук, доц. О.Н. Хохлова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 42 с.
8. Стальная М.И. Применение модульной системы как способа повышения качества образования / М.И. Стальная – Международный научный журнал «Символ науки» №4. – 2016 г. – С. 189-190.
9. Уткина Т.В. Проектная и исследовательская деятельность: сравнительный анализ / Т.В. Уткина, И.С. Бегашева. – Челябинск: ЧИППКРО, 2018. – 60 с. – С-10-13.

Поступила в редакцию 12.09.2021 г.

MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF STUDENT RESEARCH MANAGEMENT

E.A. Meleshko

The article is devoted to the theoretical analysis and substantiation of pedagogical technologies for managing research activities of students of a pedagogical university in modern conditions. The levels of relevance of this activity are determined, the features and concepts of "pedagogical technologies" and "technologies for managing research activities" are considered, as the basis and system for managing this activity among students. The criteria that constitute the essence of the pedagogical technology of management of scientific research activities of students are highlighted, and their characteristics are determined. The technologies are described, which, in our opinion, correspond to pedagogical technologies of management of students' research activities.

Key words: pedagogical technologies, management, research activities.

Мелешко Екатерина Александровна.
Ассистент кафедры адаптивной физической культуры и физической реабилитации
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», Луганск, ЛНР.
E-mail: meleshko.kata@gmail.com

Meleshko Ekaterina Aleksandrovna.
Assistant at the Department of Adaptive physical culture and physical rehabilitation,
SEI HE LPR "Lugansk State Pedagogical University", Lugansk, LPR.
E-mail: meleshko.kata@gmail.com

УДК 796:37-051:159.9

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2021. ***Т.А. Нескреба***

В данной работе рассматривается связь индивидуального стиля педагогического общения и профессиональной компетентности в системе дополнительного профессионального образования. Проведенный анализ научно-методической литературы позволил выделить несколько видов стилей педагогического общения с различной трактовкой в процессе профессиональной деятельности учителя физической культуры.

Статья рассматривает проведенный педагогический эксперимент на базе Донецкого республиканского института дополнительного педагогического образования, целью которого стала возможность выделить наиболее часто встречающийся стиль педагогического общения учителя физической культуры. Отображена связь индивидуального стиля с основными компетенциями необходимыми для решения профессиональных задач. Педагогический эксперимент позволил научно отобразить преобладающие стили педагогического общения. Потребность в повышении качества образовательного процесса обусловили необходимость в поиске эффективных условий развития индивидуального стиля педагогического общения, через активное взаимодействие субъектов педагогического процесса (учителя, администрации, методического отдела). Возможность проведенного исследования позволяет сосредоточить учителя на выявленных недостатках, тем самым активизировать процесс самообразования в межкурсовой период. Результатом исследования стал выстроенный алгоритм развития индивидуального стиля педагогического общения.

***Ключевые слова*:** индивидуальный стиль, учитель, физическая культура, система, развитие, профессиональная компетентность.

Переход системы образования Донецкой Народной Республики на Российские образовательные стандарты предъявляют ряд новых требований к учителям физической культуры, что в свою очередь требует непрерывного процесса повышения профессиональной компетентности через систему дополнительного профессионального образования (ДПО), тем самым создавая условия для активной реализации самообразования педагогов. Потребность общества в повышении качества образовательного процесса зависит не только от использования инновационных подходов обучения и воспитания в системе ДПО, но и от современных средств передачи информации. Для достижения целей и задач образовательного процесса необходим учитель, способный эффективно и доступно излагать учебный материал, владеющий информационно-коммуникационными технологиями, готовый быстро адаптироваться в изменяющихся социально-экономических условиях содержания и результата педагогической деятельности.

Выдвигаемые обществом требования к системе образования позволяет выделить создающиеся противоречие между потребностью в поиске эффективных способов и приемов педагогической деятельности, реализующиеся через индивидуальный стиль педагогического общения, и отсутствием научно-практического материала, позволяющего разработать алгоритм эффективной работы по развитию педагогов в межаттестационный период.

На современном этапе развития системы образования, личность педагога приобретает актуальную связь в развитии курсового и межкурсового периода ДПО позволяющего педагогу приобретать необходимые компетенции для

совершенствования индивидуального стиля и комплексного повышения уровня профессиональной компетентности.

Для повышения уровня профессиональной компетентности учителя физической культуры, требуется рассмотрение особенностей профессиональной деятельности, выделяя индивидуальный стиль педагогического общения как ключевой компонент передачи информации обучающимся.

Изучением вопроса исследования индивидуального стиля педагогического общения занимался ряд российских авторов (А.Г. Исмагилова, Н.А. Аминов, Л.И. Рюмшина, Л.Ц. Кагермазова, Н.А. Звонарёва, Ю.С. Шведчикова, И.В. Долгополова, О.В. Зеленская, М.М. Ефимова, Д.В. Мельникова, и другие). Исследование структурных компонентов индивидуального стиля педагогического общения изучались (Н. В. Кузьминой, Л. М Митиной, А. К Марковой).

Таким образом, рассматривая индивидуальный стиль педагогического общения как неотъемлемый компонент профессиональной компетентности и проявления качественных характеристик личности учителя, направлен на поиск оптимальных и эффективных путей решения профессиональных вопросов и задач, отражающих требования современной образовательной системы.

В связи с этим, профессионально компетентный учитель – это субъект образовательного процесса, характеризующийся готовностью творчески решать поставленные задачи, обладающий высокой степень коммуникации, способный интегрировать инновационные технологии, и проводить самоанализ собственных профессиональных действий [3].

Рассматривая индивидуальный стиль педагогического общения, и проводя диагностику его развития, выявлена взаимосвязь в развитии профессиональной компетентности учителя физической культуры и отдельных ее компонентов: личностной компетентности, когнитивной компетентности учителя, рефлексивной и деятельностной компетентности учителей физической культуры. Развитие индивидуального стиля педагогического общения, позволяет саморазвиваться, и устранять недостатки в профессиональной деятельности, обеспечивая разработку эффективного алгоритма психолого-педагогического сопровождения для разных квалификационных групп учителей.

Показатели развития индивидуального стиля позволяют дать оценку анализу саморегуляции учителя, поведения учителя в процессе взаимодействия с учащимися, влияния эмоций на формирование стиля учителя, индивидуальных стилей воспитания, индивидуальных стилей личности, общения и деятельности учителя, когнитивных стилей учителя и др.

Цель исследования – выстроить алгоритм развития индивидуального стиля педагогического общения учителя физической культуры и выявить степень взаимосвязи индивидуального стиля на процесс развития профессиональной компетентности.

Задачи исследования:

1. Провести анализ психолого-педагогической литературы по вопросу развития индивидуального стиля педагогического общения учителя физической культуры.

2. Разработать алгоритм совершенствования индивидуального стиля педагогического общения.

3. Экспериментально проверить взаимосвязь индивидуального стиля учителя физической культуры на развитие профессиональной компетентности.

В соответствии с целью и задачами исследования, методологическую основу составили: теоретический анализ научной, методической, психолого-педагогической

литературы; проведено педагогической наблюдение и анкетирование; проведен качественный и количественный анализ полученных результатов.

В исследованиях В. Кан-Калика стиль педагогического общения позволяет рассматривать взаимодействие субъекта и объектов воспитательно-образовательного процесса через социально-психологическую компоненту [4].

Формируя индивидуальный стиль, Кан-Калик выделяет следующие компоненты:

1) изучение, анализ своих личностных качеств и особенностей;

2) установление позитивных и негативных моментов в личностном общении, работа по преодолению застенчивости, скованности;

3) овладение элементами педагогического общения с учетом индивидуальных особенностей;

4) овладение технологией педагогического общения (использовать многообразие приемов, форм взаимодействия, сочетать вербальные и невербальные средства, рефлексировать, эмпатийно воспринимать воспитанника);

5) закрепление индивидуального стиля общения в реальной педагогической деятельности.

На основании теоретического анализа Кан-Калика, следует выделить специфические особенности стиля педагогического общения, между субъектами образовательного процесса:

- коммуникативные возможности педагога;
- характер взаимоотношений педагога и учащихся;
- творческую индивидуальность педагога;
- особенности коллектива.

Исследования А. Марковой рассматривает стиль педагогического общения с позиции активного взаимодействия субъектов образовательного процесса и когнитивной составляющей процесса развития [6, с. 68].

Проводя параллель между организацией воспитательно-образовательным процессом и выбором стиля педагогического общения В. Симонов, выделяет несколько их видов:

Стиль деятельности направлен на подготовку к уроку. Учителя с преобладающим стилем руководствуются детальным подготовкой к занятию, в процессе практической деятельности ставят конкретные цели, тщательно изучают методический материал. Учителя обладают сниженными показателями нервной системы. Следует отметить, что в данную группу входят учителя, не требующие тщательной подготовки, занятия проводятся без строго регламентированного плана, учителя обладают высоки порогом к стрессоустойчивости, хорошо развита нервно-психическая система. Однако следует выделить ключевой недостаток, который заключается в беспорядочности и хаотичности воспитательно-образовательного процесса.

Стили побуждения учащихся к обучению. Группа учителей обладающие данным стилем позволяют реализовать современные образовательные технологии, владеют логикой мышления, используют наиболее эффективные средства, формы и методы в процессе воспитательно-образовательной деятельности. Необходимо отметить низкий показатели самоанализа, подвергаются психо-эмоциональным стрессовым ситуациям, в процессе чего, снижается активность и результативность профессиональной деятельности.

В данной группе учителей прослеживается противоположенная сторона побуждения учащихся к обучению, деятельность которых сосредоточена на строгом выполнении поставленных задач. Дисциплинарные взыскания имеют строгий характер,

наказания однообразны. В процессе занятия учителя не свойственно изменять структуру занятия, однако это приводит к четкой дисциплинированности, организация занятия обладает высокой моторной плотностью и четким организационными действиями.

Стили предоставления учебного материала подразделяются на две группы. Первая группа учителей свойственно решать поставленный цели и задачи в период подготовки к занятию. В процессе занятия уделяют большой промежуток времени подготовительному периоду, что в свою очередь сокращает основную часть занятия и снижает обогащение когнитивного компонента. Обладают недостаточным уровнем коммуникативной компетенции, что требует реализацию наглядного метода в процессе объяснения.

Второй группе учителей свойственно выполнение двигательных действий без предварительного метода рассказа. Требуют четкости выполнения основных правил занятия, занятия начинаются всегда вовремя, обладают высоким уровнем психоэмоционального состояния. Недостаток данного стиля рассматривает излишнюю эмоциональность, высокий порог сдержанности [10, с. 161-167].

Однако деятельность учителя физической культуры многогранна и может нести в себе несколько стилей педагогического общения. Учителя способны сочетать в себе как сильные стороны проявления психических процессов, так и слабые, инертные психические процессы в процессе воспитательно-образовательной деятельности [10, с. 167].

Для достижения высоких показателей деятельности учителя необходимо рассматривать индивидуальные стороны свойств личности, отображающихся в толерантном отношении к обучающимся, в сопереживании с обучающимися их успехов и неудач, развитыми творческими способностями, целеустремленностью, настойчивостью [2, с. 128].

Недостатком в профессиональной деятельности педагога В. Симонов выделяет перемену настроения, отсутствие морально-этических норм в общении с обучающимися, нерешительность в поступках, высокомерность, невнимательность к окружающей обстановке и к личности обучающихся [1, с. 128].

Для хорошо организованного занятия современные психологи выделяют индивидуальный стиль как эффективные приемы и способы в процессе организации воспитательно-образовательного процесса.

В исследования В. Мерлина индивидуальный стиль характеризуется как возможность отображения профессионализма педагога и возможность решать практические действия на высоком профессиональном уровне [8].

А. Маркова выделяет четыре типа индивидуального стиля педагогического общения [7, с. 186]:

1. Эмоционально-импровизационный. Данный стиль общения обеспечивает четкость объяснения материала, задания, учителя направленны на более сильных учащихся, главная задача обучать и формировать современные знания.

2. Эмоционально-методический стиль. Ключевая особенность направленна на процесс обучения и результат деятельности. Учителям характерно быстрое решение поставленных задач урока, а также четким планирование воспитательно-образовательного процесса.

3. Интеллектуально-импровизационный. Преобладание данного стиля сосредоточено на содержание и результативность воспитательно-образовательного процесса. Данный стиль характеризуется недостатком владения методами обучения, что приводит к снижению уровня активности.

4. Интеллектуально-методический. Возможность данного стиля отображает результаты обучения, отображает оптимальное планирование образовательной деятельности. В процессе реализации данного стиля используются только проверенные средства и способы педагогической деятельности.

В исследованиях Б. Кузьминой успешность профессиональной деятельности рассматривается со стороны показателей, которые решаются в процессе развития индивидуального стиля, возможность которого позволяет провести оценку успеваемости обучающихся и выявить потребность в проявлении познавательного интереса к обучению.

Проведенный теоретический анализ научной литературы позволяет дать информативную характеристику специфическим стилям педагогического общения:

- эмоционально-импровизационным стилем, обладают минимально-достаточным уровнем развития профессиональных умений и навыков, низкой способность проявления к самообразованию, сниженными показателями в успеваемости обучающихся;
- учителя физической культуры с преобладающим эмоционально-методическим стилем сосредоточены на достижение высоких результатов в образовательной деятельности обучающихся;
- учителя с характеризующимся интеллектуально-импровизационным и интеллектуально-методическим стилем отличаются средним уровнем учебных достижений обучающихся, средним уровнем достижений педагогического мастерства, не системностью в процессе самообразования [5, с. 179].

Определяя динамические характеристики стиля педагогического общения М. Санная выделяет:

- гибкость, консерватизм (способность приспосабливаться к изменяющимся условиям деятельности, или неумение приспосабливаться, строгое соблюдение намеченного плана);
- импульсивность, осторожность (готовность импровизировать на уроке или четкое соблюдение заранее продуманных действий);
- устойчивость, неустойчивость (ориентация идет на цели, а не на ситуацию);
- эмоциональное отношение к учащимся (доброжелательность, терпимость в отношениях или резкая потеря равновесия, ситуативное оценивание знаний, деятельности ученика, свойства его личности);
- наличие, отсутствие личностной тревожности (психологическая устойчивость к удачам или неудачам, ошибкам);
- наличие, отсутствие рефлексивности (проявление рефлексии к собственным действиям, осознавая свою вину, или обнаруживает позицию относительно определенных обстоятельств, перекладывает ответственность на других) [9, с. 19].

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы выделяется сознательно-целенаправленный процесс совершенствования индивидуального стиля педагогического общения. Данный процесс позволяет раскрыть особенности личности учителя, выявить его недостатки и преимущества, оценить уровень самопознания. Отличительная особенность заключается в готовности учителя адаптироваться к внешним факторам психических свойств и качеств. На основании этого индивидуальный стиль формируется за счет воздействия более опытных педагогов.

Таким образом, индивидуальный стиль профессионально-педагогической деятельности учителя развивается через культуру общения, характеризующую особенности педагогической деятельности.

Для эффективного развития индивидуального стиля педагогического общения требуется непрерывность взаимодействия всех структурных компонентов образовательного организации, обеспечивающего взаимодействие (учителя, администрации, методического отдела). Проводимая диагностика индивидуального стиля позволяет получить результаты, возможность которых обеспечит повышение уровня мотивации в процессе саморазвития, а также выстраивает алгоритма развития профессионального мастерства педагога.

Рассматривая индивидуальный стиль в основе развития профессиональной компетентности учителя физической культуры, требует учета когнитивного, личностного, деятельностного и рефлексивного компонентов. Возможность развития индивидуального стиля и сопутствующих компонентов требует поиска эффективных педагогических условий, которые позволят активизировать саморазвитие и самообразование личности учителя, тем самым корректируя процесс профессиональной деятельности педагогов.

Теоретическое обоснование исследования заключается в установлении связи совершенствования индивидуального стиля педагогического общения и структурных компонентов профессиональной компетентности учителя физической культуры (когнитивной, личностной, деятельностной и рефлексивной) позволяющих повышать уровень профессионального мастерства.

Для этого требуется разработать алгоритм, возможность которого позволит обеспечивать связь различных этапов профессиональной деятельности учителя (курсовой период, межкурсовой период) создавая единый механизм развития профессиональной компетентности.

На основании изученного опыта психолого-педагогической литературы по вопросу развития индивидуального стиля педагогического общения педагогов, был предложен алгоритм, в котором рассматриваются педагогические условия для совместного взаимодействия всех субъектов воспитательно-образовательного процесса:

- первичная диагностика для уточнения недостатков в развитии индивидуального стиля;
- сформировать вспомогательный инструментарий, обеспечивающий адаптацию и коррекцию проявления недостатков;
- привлечение учителя к участию в семинарах, тренингах, активизация его методической деятельности и др.;
- проведение анализа, работа над самообразованием;
- заполнение индивидуального дневника «Самоконтроля самообразования учителя физической культуры»;
- отслеживание динамики формирования индивидуального стиля педагогической деятельности учителя.

Разработанный и апробированный алгоритм психолого-педагогического сопровождения развития индивидуального стиля для учителей с эмоционально-импровизационным, эмоционально-методическим стилем, интеллектуально-импровизационным, интеллектуально-методическим стилем в соответствии с индивидуальными особенностями его профессиональной деятельности, способствует совершенствованию индивидуального стиля педагогической деятельности учителя, с учетом выявленных связей, результатов психолого-педагогической диагностики и требований к педагогической деятельности.

На основании этого, разработанный алгоритм позволяет учитывать связи, выявленные в результате диагностики, требований к педагогической деятельности в соответствии со

стилем учителя. Развитие индивидуального стиля позволит активизировать мыслительную деятельность, выстроить процесс самообразования. Полученные результаты в ходе педагогического исследования позволили установить связь между субъектами педагогического процесса и изменениями в выборе способов и приемов педагогической деятельности. Учитель физической культуры, совершенствуя индивидуальный стиль педагогического общения, владеет более глубокими знаниями, способами и приемами в выборе коммуникативной связи, отражают высокий уровень организации, управления и регулирования учителем воспитательно-образовательного процесса.

Установлено, что индивидуальный стиль в процессе развития профессиональной компетентности учителя физической культуры, позволяет углубить знания по вопросам формирования индивидуального стиля, выбор оптимальных методик и технологий обучения, повышается уровень когнитивной компетентности. Индивидуальный стиль с позиции развития личностной компетентности создает условия для осуществления общения и взаимодействия с воспитанниками, умения устанавливать психологический контакт, преодолевать барьеры общения, владение техникой педагогического общения.

Связь индивидуального стиля с деятельностной и рефлексивной компетентностью привлекает внимание учащихся и развивает устойчивый интерес к учебе, к занятиям физической культурой, формированию соответствующей мотивации, активного, самостоятельного и творческого отношения к физкультуре, умению осуществлять контрольно-оценочную деятельность, направленную на себя, на осмысление и анализ собственных действий, определять причины успехов и неудач, ошибок и затруднений в ходе реализации поставленных задач обучения и воспитания, выполнять функцию регулятора коррекции стиля профессиональной деятельности, профессионального самоопределения.

Проводимый педагогический эксперимент, на базе Государственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Донецкий институт дополнительного педагогического образования» кафедра дошкольного и начального образования, отдел физической культуры и спортивно-массовой работы на протяжении нескольких лет (2017–2019 гг.) позволил выявить наиболее часто встречающиеся стили педагогического общения учителя физической культуры, установить взаимосвязь влияния их на уровень развития профессиональной компетентности и выстроить четкий алгоритм его развития.

Для педагогического эксперимента были задействованы две группы учителей, в контрольную группу вошли учителя проходившие курсы повышения квалификации в 2017 году 164 человека, с различной квалификационной категорией, в экспериментальную группу вошли учителя проходившие курсы в 2018 году 144 человека, также с различной квалификационной категорией.

Для достоверности полученных результатов в обеих группах проводилась диагностика индивидуального стиля педагогического общения, по авторской методике Кан-Калика [4]. Данная методика включала в себя 25 вопросов направленных на основные профессиональные компоненты. После чего учителям предлагается подсчитать число совпадений плюсов и минусов в соответствии с предоставленным ключом, и определите свою тенденцию к одному из стилей педагогического общения. Если общая сумма совпадений составит 80 % от всех пунктов по одной модели педагогического общения, можете считать выявленную склонность стойкой.

Так как профессиональная деятельность учителя физической культуры может отображать несколько стилей педагогического общения, в статье рассматривается только стили с максимальным проявлением психологических компонентов.

В процессе констатирующего этапа, по методике оценки индивидуального стиля педагогического общения было выявлено, что учителя КГ и ЭГ групп после интерпретации тестового задания 28 % КГ, 27 % ЭГ обладали диктаторской моделью («Монблан»). Педагог с проявление данной модели педагогического общения обладает высокими показателями знаниевого компонента, однако нет межличностного взаимодействия. Следующая группа учителей 33 % КГ и 34 % ЭГ обладает модель дифференцированного внимания («Локатор») основана на избирательных отношениях с обучаемыми. Учителя ориентированы на более сильных и талантливых обучающихся. В процессе данного общения нарушается процесс взаимодействия коллектива и учителя.

Группа учителей с преобладающей моделью негибкого реагирования «Робот» 24 % в КГ и 26 % в ЭГ, четко выстраиваю план воспитательно-образовательного процесса, развита логика построения занятия, происходит быстрая смена общения. Не учитываются педагогическая действительность, состав и психологическое состояние обучаемых, их возрастные и этнические особенности.

Только 15 % в КГ и 13 % в ЭГ обладают стилем педагогического общения характеризующийся через авторитарную модель («Я – сам»). Воспитательно-образовательный процесс целиком фокусируется на педагоге. Учитель самостоятельно выполняет все функции воспитательно-образовательного процесса. Недостаточно хорошо развита творческая составляющая воспитательно-образовательной деятельности. Личная инициатива со стороны обучаемых подавляется.

Проведенное педагогическое исследование в контрольном этапе позволило сформировать следующие выводы. Результаты КГ не имели значительных отличий от констатирующего этапа экспериментального исследования. В ЭГ группе были отмечены значительные отклонения от начального этапа педагогического эксперимента так, у 68 % учителей направленность стиля перестроена на модель активного взаимодействия («Союз»). Педагог постоянно находится в активном диалоге с обучаемыми, держат их в мажорном настроении, поощряют инициативу, легко схватывают изменения в психологическом климате коллектива и гибко реагируют на происходящие изменения. Преобладает стиль дружеского взаимодействия с сохранением ролевой дистанции. Возникающие учебные, организационные, этические и др. проблемы творчески решаются совместными усилиями. Такая модель наиболее продуктивна.

Также, в ЭГ 22 % учителей характеризовали себя как авторитарная модель («Я – сам»). И только 10 % учителей используют модель дифференцированного внимания («Локатор»).

Полученные результаты позволяют выявить недостатки в развитии коммуникативной компетенции, на основании чего необходимо, определить условия развития индивидуального стиля, скорректировать процесс самообразования в ДПО, делая данный процесс более целостным, позволяющим повышать уровень профессиональной компетентности.

Также возможности полученных результатов расширяют кругозор о становлении индивидуального стиля педагогического общения, намечают пути развития индивидуальных качеств педагога. В связи с этим, профессиональная деятельность учителя характеризуется необходимостью владения высоким уровнем знаний, возможностью использовать индивидуальные способности, которые позволяют решать задачи в области повышения уровня профессиональной компетентности. Учитель должен владеть различным стилем педагогического общения в зависимости от

изменяющихся целей и задач, быть мобильным в процессе общения, владеть современными технологиями, владеть искусством профессионального общения, что позволит повысить эффективность воспитательно-образовательного процесса.

Совершенствование индивидуального стиль педагогического общения учителя физической культуры, обеспечивает достижение результатов профессиональной деятельности, позволяет использовать широкий спектр стилей и способствует к устойчивому реагированию учителя в специфических условиях труда.

Изучение вопроса связи совершенствования индивидуального стиля в развитии профессиональной компетентности учителя физической культуры, представляет сложный процесс личностного развития включающего в себя комплекс компетентностей оказывающих интегрирующее воздействие на его профессиональное мастерство.

Из исследования данной работы индивидуальный стиль педагогического общения проявляется во всех показателях профессиональной компетентности, совершенствование которой возможно при соблюдении условий взаимодействия субъектов педагогического процесса (учителя, администрации, методического отдела).

Успешность осуществления педагогической деятельности предполагает овладение необходимыми профессиональными компетенциями (когнитивной, личностной, деятельностной и рефлексивной компетентностью). В исследовании раскрываются особенности ключевых специально-профессиональных компетенций учителя физической культуры. Уровень развития профессиональной компетентности учителя определяет продуктивность его педагогической деятельности.

Для осуществления процесса совершенствования индивидуального стиля педагогического общения был разработан алгоритм, который включал в себя диагностику, установление недостатков, предлагаемый комплекс мероприятий, анализ и установление динамики.

Алгоритм совершенствования индивидуального стиля учителя физической культуры заключался в структурировании процесса курсовой и межкурсовой подготовки учителей на основании выделяемых необходимых условий. В процессе курсовой подготовки был проведен педагогический эксперимент, для установления недостатков и преобладающих компонентов индивидуального стиля педагогического общения, интеграции теоретического материала и практической деятельности. Была разработана педагогическая поддержка, обеспечивающая развитие профессиональной компетентности и ее компонентов, включающая в себя комплекс мероприятий и ведения дневника самообразования в межкурсовой период.

Результаты педагогического эксперимента позволили учителям физической культуры создать условия для эффективного повышения уровня развития профессиональной компетентности, выделить особенности и недостатки в развитии индивидуального стиля, наметить пути коррекции индивидуального стиля используя рекомендованный алгоритм в межкурсовой период.

Данная работа позволяет утверждать о том, что совершенствование индивидуального стиля педагогического общения среди учителей физической культуры отражает в себе целый комплекс знаний, умений и навыков, необходимых для повышения уровня педагогического мастерства и развития профессиональной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глебова, Л.К. Профессиональная компетентность учителя / Л.К. Глебова, З.Ю. Луц // Одаренный ребенок. – 2008. – №1. – С. 96-100.

2. Григорьев Е. Н. Профессионально значимые качества будущих тренеров-преподавателей по спортивным единоборствам как системообразующий элемент профессиональной компетентности / Е. Н. Григорьев, Р. Р. Каримов, Г. С. Байгулова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 3. – С. 127-132.
3. Данильченко, В.М. Развитие индивидуального стиля педагогической деятельности в контексте глобального образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.irex.ru/press/pub/polemika/15/dan.
4. Кан-Калик, В.А. Учителю о педагогическом общении: кн. для учителя / В.А. КанКалик. – М.: Просвещение, 1987.
5. Кузьминський Б. І. Наукові засади методичної підготовки майбутнього вчителя фізичної культури та спорту / Б. І. Кузьминський – К. : Науковий світ, 2009. – 320 с.
6. Маркова А. К. Психология труда учителя / А.К. Маркова. – М.: Педагогика, 1993. – 274 с.
7. Маркова А. К. Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя / А. К. Маркова // Вопросы психологии. – 1987. – № 5.
8. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / Мерлин В. С. – М., 1986.
9. Саная М. В. Психологические особенности деятельности и личности тренера / М. В. Саная – М., РГАФК/РГАФК.ВООК, 1997. – 27 с.
10. Симонов В. П. Професійна компетентність вчителя / В.П.Симонов – К. : Наукова думка, 2007. – 192 с.

Поступила в редакцию 08.09.2021 г.

INDIVIDUAL STYLE OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN THE PROCESS OF DEVELOPING THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF A PHYSICAL CULTURE TEACHER

T. A. Neskreba

This paper examines the relationship between the individual style of pedagogical communication and professional competence in the system of additional professional education. The analysis of scientific and methodological literature made it possible to identify several types of styles of pedagogical communication with different interpretations in the process of professional activity of a physical culture teacher.

The article examines a pedagogical experiment conducted on the basis of the Donetsk Republican Institute of Additional Pedagogical Education, the purpose of which was to highlight the most common style of pedagogical communication of a physical education teacher. The connection of the individual style with the basic competencies necessary for solving professional problems is shown. The pedagogical experiment made it possible to scientifically display the prevailing styles of pedagogical communication. The need to improve the quality of the educational process led to the need to find effective conditions for the development of an individual style of pedagogical communication, through the active interaction of subjects of the pedagogical process (teachers, administration, methodological department). The possibility of the conducted research allows the teacher to focus on the identified shortcomings, thereby activating the process of self-education in the intercourse period. The result of the study was a built algorithm for the development of an individual style of pedagogical communication.

***Key words*:** individual style, teacher, physical culture, system, development, professional competence.

Нескреба Тарас Анатольевич
Старший преподаватель кафедры медицинской реабилитации, ЛФК и физического воспитания,
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького», г. Донецк, ДНР.
Аспирант кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: neskreba.taras@mail.ru

Neskreba Taras Anatolevich
Senior Lecturer at the Department of Medical Rehabilitation, Exercise and Physical Education,
M. Gorky Donetsk State Medical University.
Post-graduate student of the Department of Pedagogy, Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: neskreba.taras@mail.ru

УДК 378.14.015.62

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ К ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2021. ***С.В. Роман***

В статье приводится сравнительный анализ стандартов высшего профессионального образования Донецкой и Луганской Народной Республик, регламентирующих подготовку будущих учителей химии, на предмет наличия компетенций, способствующих формированию профессиональной готовности к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций, предложен набор дополнительных компетенций, освоение которых может быть направлено на формирование и развитие такой готовности, способов их освоения в организациях высшего и дополнительного профессионального образования.

***Ключевые слова*:** профессиональная готовность, профессиональная готовность к педагогической деятельности, учебно-исследовательская деятельность, компетенция.

Учебно-исследовательская деятельность (УИД) обучающихся, являясь одним из социально и личностно значимых видов деятельности, направлена на приобретение обучающимися навыков разрешения проблем творчески, способностями к самостоятельному поиску методов решения практических задач, применению различных методов познания в процессе обучения в школе и на протяжении всей жизни [6-9], в связи с чем, УИД является пристальным объектом изучения многих ученых и рассматривается как вид деятельности, направленный на поиск и решение определенной проблемы, творческим, нестандартным способом с целью получения нового знания под руководством учителя-наставника (В. А. Далингер, И. А. Зимняя, Е. И. Зритнева, А. В. Леонтович, Г. В. Лисичкин, Л. А. Лукьянова, А. С. Обухов и другие).

Не вызывает сомнения тот факт, что для эффективной организации УИД обучающихся учитель должен иметь соответствующую профессиональную готовность к такому виду деятельности, что подтверждается требованиями Государственных образовательных стандартов основного общего и среднего общего образования Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики [6–9].

Понятие «профессиональная готовность» в научно-педагогической литературе трактуется по-разному. Трактовка, импонирующая нам, звучит, как способность к профессиональному росту, адаптации в изменяющихся условиях, выполнению своих функциональных обязанностей в различных, в том числе, и нестандартных ситуациях, совокупность знаний, умений и навыков, предполагающих свободное владение своей профессией и ориентацию в смежных областях [14].

Изучение готовности личности к профессиональной деятельности в основном базируется на личностном (Б. Г. Ананьев, Л. И. Божович, Л. С. Выготский и другие) и функциональном (Н. Д. Левитов, Л. С. Нерсесян, Д. Н. Узнадзе) подходах. В контексте личностного подхода понятие «готовность» рассматривается как личностное образование, включающее ряд качеств, присущих личности, это её интегративная устойчивая характеристика, способствующая успешной деятельности. Используя функциональный подход, «готовность» определяется как психофизиологическое состояние человека в определённый момент, вызванное набором ряда факторов.

Соглашаясь с К. М. Дурай-Новаковой [12] в том, что профессиональная готовность к педагогической деятельности является предпосылкой эффективной деятельности учителя, однако это не врождённое, а приобретённое качество, являющееся результатом комплексной подготовки, принимая во внимание мнение В. А. Сластёнина [16], о том, что готовность к педагогической деятельности является совокупностью качеств личности, обеспечивающая успешное выполнение профессиональных функций, и не ставя перед собой задачу детально рассмотреть феноменологию понятия «профессиональная готовность», в нашем исследовании принимаем определение профессиональной готовности учителя к организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся, данное Л. А. Лукьяновой, заключающееся в системном образовании личности учителя, обеспечивающем её направленность на организацию УИД обучающихся, интегрирующее в себе знания в области планирования УИД, потребности и умения применять их в практической педагогической деятельности [15].

Анализ научно-педагогической литературы по вопросам профессиональной готовности учителей к организации УИД обучающихся, свидетельствуют о том, что современное высшее профессиональное образование сегодня не дает будущим учителям всех необходимых знаний, умений и навыков, необходимых для реализации такой деятельности [11, 15].

В Донецкой Народной Республике процесс получения полного высшего образования, позволяющего преподавать учебный предмет «Химия» в организациях основного общего и среднего общего образования обеспечивается Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ГОС ВПО) по направлению подготовки 04.04.01 Химия (квалификация «магистр»), утвержденным приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04.2016 №459 [4], ГОС ВПО по специальности 04.05.01 Фундаментальная и прикладная химия (Квалификация химик. Преподаватель химии), утвержденным приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04.2016 № 460 [5].

В Луганской Народной Республике действуют аналогичные стандарты, а именно: Государственный образовательный стандарт высшего образования (ГОС ВО) по направлению подготовки 04.04.01 Химия (уровень магистратуры), утвержден приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од [2] и ГОС ВО по направлению подготовки 04.05.01 Химия (уровень магистратуры), утвержден приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од [3].

Считая, что учебный предмет «Химия» имеет «богатую платформу» для реализации УИД обучающихся различными способами, проанализируем вышеперечисленные стандарты, на предмет наличия в них, аспектов, описывающих готовность учителей химии к организации УИД обучающихся.

Учитывая тот факт, что профессиональная готовность, являясь системным объектом, обладающим рядом качеств, имеет свою структуру, которая характеризуется составом компонентов готовности и отношениями между ними, считаем возможным применить к формированию профессиональной готовности учителей химии заключение, сделанное Г. А. Степановой и Я. С. Аксариной, заключающееся в том, что в большинстве случаев в научно-педагогической литературе учёными выделяются компоненты профессиональной готовности, направленные на:

– формирование потребности в педагогической деятельности;

– приобретение профессиональных знаний;

– овладение системой профессионально-практических умений [17].

Среди многообразия компонентов профессиональной готовности, описанных в научно-педагогической литературе, применимыми для нашего исследования являются: мотивационный, личностный, когнитивный, операционно-деятельностный, технологический, креативный, рефлексивный и т.д.

Формирование же компонентов готовности в научно-педагогической литературе часто предлагается осуществлять посредством овладения определенным набором компетенций во время обучения.

В стандартах [2-5] приводится перечень общекультурных (ОК), профессиональных (ПК) и общепрофессиональных (ОПК) компетенций, которыми должны овладеть будущие учителя химии по завершению обучения в учреждении соответствующего высшего профессионального образования.

Рассматривая формирование профессиональной готовности учителя химии как явление, требующие от него овладения определенным набором компетенций, можем принять, что ряд компетенций, содержащихся в стандартах, могут быть связаны с знаниями, умениями, навыками и личностными качествами учителя химии, направленными на организацию УИД обучающихся. Компетенции, которые, по нашему мнению, имеют такую связь приведены ниже.

В ГОС ВПО по направлению подготовки 04.04.01 Химия (квалификация «магистр»), утвержденном приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04.2016 № 459 можно выделить ОК, связанную с умением будущих учителей химии принимать нестандартные решения проблем (ОК-2). В разделе ОПК присутствует компетенция, овладение которой позволит будущим учителям химии приобрести способность использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования (ОПК-2). В перечне ПК нами выделены такие компетенции как: умение будущих учителей химии анализировать научную литературу с целью выбора направления исследования, самостоятельно составлять план исследования (ПК-4), представлять полученные в исследованиях результаты в виде отчетов и научных публикаций (ПК-7); способность анализировать результаты исследования, и производить на их основе необходимые выводы (ПК-5), определять и анализировать научные проблемы, планировать стратегию их решения (ПК-10).

В ГОС ВО по направлению подготовки 04.04.01 Химия (уровень магистратуры), утвержденном приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од содержатся компетенции, аналогичные по содержанию, однако их перечень, более обширный. В перечне ОК стоит выделить способность будущих учителей химии к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1), готовность действовать в нестандартных ситуациях (ОК-2), к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-3). В разделе ОПК стоит обратить внимание на владение будущими учителями химии современными компьютерными технологиями при планировании исследований, получении и обработке результатов научных экспериментов, сборе, обработке, хранении, представлении и передаче научной информации (ОПК-2); способность реализовывать нормы техники безопасности в лабораторных условиях (ОПК-3). Анализ перечня ПК позволяет выделить такие компетенции как: способность будущих учителей химии проводить научные исследования по сформулированной тематике, самостоятельно составлять план исследования и получать новые научные и прикладные результаты (ПК-1); владение теорией и навыками практической работы в избранной области химии (ПК-2); готовность использовать современную аппаратуру при проведении научных

исследований (ПК-3); владение навыками составления планов, программ, проектов (ПК-5); способность определять и анализировать проблемы, планировать стратегию их решения (ПК-6).

В ГОС ВПО по специальности 04.05.01 Фундаментальная и прикладная химия (Квалификация химик. Преподаватель химии), утвержденном приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04.2016 № 460 выделяем следующие ОК: – готовность будущих учителей химии к действиям в нестандартных ситуациях (ОК-6), саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала (ОК-7). Из перечня ОПК значимыми, по нашему мнению, могут быть такие компетенции как: владение будущими учителями химии навыками химического эксперимента, синтетическими и аналитическими методами получения и исследования химических веществ и реакций (ОПК-2), нормами техники безопасности и умение реализовывать их в лабораторных условиях (ОПК-6), способность к поиску, обработке, анализу научной информации, формулировке выводов (ОПК-5). Наконец, в перечне ПК значимыми компетенциями считаем: владение будущими учителями химии системой фундаментальных химических понятий и методологических аспектов химии, формами и методами научного познания (ПК-3), методами отбора материала, проведения теоретических и лабораторных работ, основами управления процессом обучения в образовательных организациях (ПК-11), способами разработки новых образовательных технологий, включая системы компьютерного и дистанционного обучения (ПК-12); способность будущих учителей химии приобретать новые знания с использованием современных научных методов и владением ими на уровне, необходимом для решения задач, имеющих естественнонаучное содержание и возникающих при выполнении профессиональных функций (ПК-5).

В ГОС ВО по направлению подготовки 04.05.01 Химия (уровень магистратуры), утвержденном приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од, содержатся аналогичные по смыслу компетенции за исключением способности будущего учителя химии к абстрактному мышлению, анализу, синтезу (ОК-1).

Анализ выделенных компетенций позволяет определить, что в целом, стандарты Республик отличаются не значительно и максимально схожи с соответствующими образовательными стандартами Российской Федерации. Однако, считаем, что выделенных компетенций, содержащихся в Стандартах и связанных с УИД обучающихся, не достаточно для полноценного формирования профессиональной готовности учителей химии к такому виду деятельности.

При попытке соотнести выделенные компетенции с компонентами, на формирование которых они могут быть направлены, считаем возможным утверждать, что все перечисленные ОК могут способствовать формированию личностного или креативного компонентов. Выделенные ОПК и ПК могут способствовать формированию когнитивного, технологического, операционно-деятельностного компонентов. Стоит отметить, что, по нашему мнению, в анализируемых стандартах отсутствуют компетенции, связанные с формированием мотивационного и рефлексивного компонентов профессиональной готовности учителей химии к организации УИД обучающихся.

Считаем, что подавляющее большинство выделенных компетенций не направлены на овладение будущими учителями химии знаниями умениями и навыками конкретно о специфике организации УИД обучающихся, которая существенно отличается от научно-исследовательской деятельности.

На основании проведенного анализа стандартов считаем необходимым освоение будущими учителями химии дополнительного набора компетенций, связанных непосредственно с теоретическими и дидактическими аспектами организации УИД обучаю-

щихся (когнитивный и деятельностный компоненты); вопросами формирования познавательного интереса к профессиональному росту в организации УИД обучающихся (мотивационный компонент); вопросами формирования способности учителя подвергать свою деятельность по организации УИД обучающихся систематическому объективному анализу и адекватной коррекции (рефлексивный компонент).

Подтверждение своего мнения находим в работах И. А. Аввакумовой [1], В. А. Далингера [10], В. А. Доронина и И. И. Хинич [11], Т. А. Ивановой [13] и других учёных, в работах которых описывается содержание и структура педагогической деятельности учителя по организации УИД обучающихся.

Анализ таких работ позволяет нам выделить набор дополнительных компетенций:

1) владение учителем химии методиками определения познавательных потребностей обучающихся;

2) знание учителем химии теории организации УИД, основных методов, приемов и средств формирования исследовательских умений на каждом этапе организации УИД, приемов и средств достижения высокого образовательного результата УИД, критериев и современных средств оценивания УИД обучающихся;

3) наличие у учителя химии простейших психологических знаний по подходам к формированию исследовательского поведения обучающихся;

5) присутствие у учителей химии навыков по анализу УИД, на основании которого выстраивается индивидуальная образовательная траектория обучающихся, по конструированию образовательного процесса в УИД;

6) владение учителями химии способами оценивания и контроля УИД, мотивационными приемами вовлечения обучающихся в УИД, методами и средствами формирования исследовательского поведения;

7) способность будущих учителей химии выявлять познавательные потребности обучающихся, уметь осуществлять отбор образовательного материала для организации УИД, рефлексию своей педагогической деятельности;

8) умение учителями химии применять и апробировать инновационные подходы в организации УИД.

Таким образом считаем, что существующие на сегодняшний день стандарты высшего профессионального образования, направленные на подготовку учителей химии, по нашему мнению, не обеспечивают полноценной профессиональной готовности к организации УИД обучающихся, и вероятно требуют корректировки для более эффективного процесса формирования такой готовности. Корректировка может заключается во введении в них дополнительных компетенций, реализация которых может осуществляться введением в учебные планы образовательных организаций дополнительных спецкурсов по методике преподавания химии, привлечении будущих учителей химии к организации УИД обучающихся в рамках её реализации посредством сотрудничества организаций высшего профессионального и среднего образования (реализация учебно-исследовательских проектов обучающихся общеобразовательных организаций на базе химических факультетов под руководством студентов), организации педагогической практики для будущих учителей химии с обязательной реализацией УИД обучающихся под их руководством.

Стоит отметить, что формирование перечисленных нами дополнительных компетенций так же возможно и в условиях дополнительного профессионального образования, при прохождении учителями химии курсов повышения квалификации в организациях дополнительного педагогического образования. Для этого, такими организациями должны быть разработаны соответствующие образовательные программы, показавшие свою эффективность.

Таким образом, можем констатировать тот факт, что использование в организациях высшего профессионального образования проанализированных профессиональных стандартов позволяет сформировать профессиональную готовность будущих учителей химии к организации УИД обучающихся частично. Необходимо освоение дополнительных компетенций, связанных непосредственно со спецификой организации УИД обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аввакумова И. А. Формирование профессиональной готовности будущего учителя математики к организации учебно-исследовательской и проектной деятельности школьников / И. А. Аввакумова, Н. В. Дударева // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 7. – С.113–119.
2. Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 04.04.01 Химия (уровень магистратуры) // Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од. – Режим доступа: https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT/04.04.01%20%D0%A5%D0%98%D0%9C%D0%98%D0%AF.pdf. 16.07.2021. – Загл. с экрана.
3. Государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 04.05.01 Химия (уровень магистратуры) // Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики от 17.07.2018 № 693-од. – Режим доступа: https://cloud.mail.ru/public/MVET/EY2x1QnLT. 16.07.2021. – Загл. с экрана.
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 04.04.01 Химия (квалификация «Магистр») [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики № 459 от 20 апреля 2016 г. – Режим доступа: mondnr.ru/dokumenty/prikazy-mon/send/16-201magistratura/1764-gos-04-04-01-khimiya. 11.07.2021. – Загл. с экрана.
5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 04.05.01 Фундаментальная и прикладная химия (квалификация Химик. Преподаватель химии) [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики № 460 от 20 апреля 2016 г. – Режим доступа: mondnr.ru/dokumenty/prikazy-mon/send/15-spetsialitet/1766-gos-04-05-01-fundamentalnaya-i-prikladnaya-khimiya. 11.07.2021 – Загл. с экрана.
6. Государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики № 120-НП от 07 августа 2020 г. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1BICasEoCNynktccjhKZis3y_yMBdddg8/view. 05.01.2021. – Загл. с экрана.
7. Государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики № 495-ОД от 24 мая 2018 г. – Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/rtjTZobA3YCNNf. 16.07.2021. – Загл. с экрана.
8. Государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики № 121-НП от 07 августа 2020 г. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1XPkPd5pgPSFfL8JoBU21y4NeUe65dLrc/view. 05.01.2021. – Загл. с экрана.
9. Государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] // Приказ Министерства образования и науки Луганской Народной Республики № 495-ОД от 24 мая 2018 г. – Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/y-M-68QH3YCNRm. 16.07.2021. – Загл. с экрана.
10. Далингер В. А. Учебно-исследовательская деятельность учащихся по математике, её сущность, организация и содержание [Текст] / В. А. Далингер // Образование и педагогические науки в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 февраля 2019 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 72-78.
11. Доронин В. А. Формирование у будущих учителей физики опыта организации проектно-исследовательской деятельности / В. А. Доронин, И. И. Хинич [Текст] // Человек и образование. – 2015. – №2(43). – С.109–112.
12. Дурай-Новакова К. М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: автореф. дис. …д-ра пед. наук: 13.00.01 / Крыстына Мечиславовна Дурай-Новакова – М., 1983. – 32 с.
13. Иванова Т. А. Содержание и структура профессиональной компетенции педагога в организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся [Текст] / Т. А. Иванова // Вестник Российской международной академии туризма. – 2016. – №2. – С. 97–103.

14. Ильяшенко Л. К. Соотношение понятий «готовность» и «компетентность» к профессиональной деятельности будущего специалиста [Текст] / Л. К. Ильяшенко // Глобальный научный потенциал. Профессиональное образование. – 2016. – №7(64). – С. 9-11.
15. Лукьянова Л. А. Готовность учителей к организации исследовательской деятельности школьников [Текст] / Л. А. Лукьянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – №1(89). – С. 122–130.
16. Сластёнин В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластёнин, Л. С. Подымова. – М.: Издательство Магистр, 1997. – 224 с.
17. Степанова Г. А. Проблемы формирования профессиональной готовности педагогов к применение педагогических инноваций [Текст] / Г. А. Степанова, Я. С. Аксарина // Вестник академии энциклопедических наук. – 2015. – №2(19). – С. 46-50.

Поступила в редакцию 08.09.2021 г.

PROFESSIONAL READINESS OF FUTURE CHEMISTRY TEACHERS TO ORGANIZATION OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS

S.V. Roman

The article provides a comparative analysis of the standards of higher professional education of the Donetsk and Lugansk People's Republics, which regulate the training of future chemistry teachers, for the presence of competencies that contribute to the formation of professional readiness for the organization of educational and research activities of educational organizations, a set of additional competencies is proposed, the development of which can be directed on the formation and development of such readiness, ways of their development in organizations of higher and additional professional education.

Key words: professional readiness, professional readiness for pedagogical activity, educational and research activity, competence.

Роман Сергей Владимирович
Доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), профессор кафедры педагогики
ГОУ ВПО «Луганский государственный педагогический университет», Луганск, ЛНР.
E-mail: svroman183@gmail.com

Roman Sergey Vladimirovich
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education (IASPE), Professor of the Department of Pedagogy,
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR.
E-mail: svroman183@gmail.com

УДК 373.3

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2021. ***Е.В. Сипачева***

В данной статье на основе анализа научно-педагогической литературы определено понятие «готовность педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности». Выделены уровни данной готовности: нулевой, начальный, достаточный и высокий. Приводится краткая характеристика каждого уровня на основе критериев: 1) мотивация к внедрению инноваций в образовательный процесс, 2) понимание роли ИКТ в образовательной политике, 3) учебная программа по предметам начального общего образования и оценивание, 4) осуществление образовательной деятельности с использованием облачных технологий, 5) владение облачными технологиями, 6) организация образовательного процесса с помощью облачных технологий и управление им, 7) профессиональное развитие педагогов в области облачных технологий.

Ключевые слова: начальное общее образование, педагоги, готовность, профессиональная деятельность, облачные технологии, уровни, критерии.

Введение. Готовность личности к осуществлению определённого вида деятельности является основой для высококачественной реализации ею профессиональных задач. Многие исследователи изучают готовность как специфическое педагогическое явление. Педагоги-учёные осуществляют целенаправленный поиск по установлению взаимосвязанных факторов и условий, различных дидактических и воспитательных средств. Внедрение результатов данных исследований должно способствовать повышению управляемости процесса формирования и развития определённого вида готовности.

Цель статьи: дать определение понятию «готовность педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности» и охарактеризовать уровни данной готовности.

Основная часть. В толковом словаре русского языка Д.В. Дмитриева готовность к деятельности определяется как «состояние, когда всё сделано для того, чтобы приступить к выполнению, осуществлению и т. п. чего-либо» [1, с. 237].

В большинстве научных источников понятие «готовность» рассматривается как качественная интегративная характеристика уровня подготовки личности, которая проявляется в качественном осуществлении какого-либо вида деятельности. Оно считается категорией теории деятельности и личности, а также рассматривается с точки зрения компетентностного подхода (Б.Г. Ананьев, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, Ю.Г. Татур, и др.). Б.Г. Ананьев отмечал, что «в процессе социального формирования личности человек образуется как субъект общественного поведения и познания, складывается его готовность к труду» [2, с. 158]. Н. А. Бабенко, Е.И. Скафа, рассматривая проблему готовности педагогов к профессиональной деятельности, исследуют профессиональную готовность и компетентность учителя как совокупность интегративных качеств его личности [3, с. 78]. При этом исследователи подчёркивают, что профессиональная компетентность в этом случае выступает как высшая ступень готовности педагогов к деятельности.

В последнее время в Донецкой Народной Республике был защищён ряд диссертационных работ, посвящённых подготовке различных специалистов к профессиональной деятельности (С.И. Белых, Е.В. Еремка, М.Н. Фунтиков). Так, Е.В. Еремка обосновала и разработала структурно-функциональную модель валеологической подготовки студентов в системе высшего профессионального образования, раскрыла сущность каждого её компонента, направленного на формирование готовности обучающихся к осуществлению валеологической деятельности [4, с. 6].

В Российской Федерации проблему готовности педагогов к различным видам профессиональной деятельности также рассматривают различные ученые (М.Е. Вайндорф-Сысоева, А.С. Ильин, А.В. Просвирнина, С. Н. Сейтвелиева и др.). Особый интерес для данного исследования представляют изыскания, связанные с определением понятия «готовность педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности» в трактовках различных авторов. М.Е. Вайндорф-Сысоева акцентирует внимание, что в качестве теоретико-методологических оснований готовности педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения выступают идеи системного, андрагогического средового, компетентностного, футурального и деятельностного подходов [5, с. 118]. А.С. Ильиным предложены варианты реализации организационно-педагогических условий обеспечения готовности педагогов к реализации федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования через формальную систему повышения квалификации (курсы повышения квалификации, семинары, тренинги) [6]. Учёный, опираясь на исследования В.П. Беспалько, Р.Н. Азаровой и И.М. Золотаревой, выделил три уровня готовности: допороговый, пороговый, повышенный.

Основываясь на теоретических положениях и подходах к проблеме формирования профессиональной готовности к различным видам деятельности *готовность педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности определяется нами как сложное интегративное качество личности, характеризующееся наличием специальных профессиональных знаний, умений и навыков решения образовательных и личностных задач, коммуникации, совместной работы с обучающимися, умения экспериментировать и критически мыслить, которые необходимы для эффективного и безопасного использования облачных технологий в профессиональной деятельности*.

Немаловажным, кроме определения данного вида готовности, представляется выявление её уровней.

В рамках исследования ситуационного подхода в лидерстве зарубежные учёные П. Херси и К. Бланшар в 1985 году выделили четыре уровня готовности от «низкого» до «очень высокого» [7, с. 90]. При низком уровне готовности сотрудники не обладают необходимым уровнем образования и профессиональных навыков, у них низкая самооценка и отсутствует готовность к принятию ответственности. При среднем уровне готовности сотрудники имеют необходимое образование, но не имеют достаточного профессионального опыта, при этом у них достаточно высокая самооценка и готовность к принятию ответственности. При высоком уровне готовности сотрудники имеют необходимое образование и профессиональные навыки, но при этом не очень уверены в себе и не вполне готовы принять ответственность. При очень высоком уровне готовности сотрудники прекрасно образованы, имеют большой профессиональный опыт, у них высокая самооценка и высокая степень готовности к

принятию ответственности. Данная модель отличается завидной простотой, что делает её привлекательной и в сегодняшнее время.

Характеристику уровней усвоения учебной информации, отображающие развитие опыта учащегося в процессе обучения, в 1989 году дал В.П. Беспалько [8, с. 55-56]. Учёным было выделено четыре уровня: ученический, алгоритмический, эвристический, творческий. Обращает внимание, что первый и второй уровень – это деятельность обучающегося на репродуктивном уровне. Эти уровни усвоения информации в основном отличаются только тем, что на первом уровне обучающиеся получают знания и умения с использованием вспомогательных материалов, а на втором – без них.

В 2019 году для организации профессионального обучения педагогов ЮНЕСКО представила «Структуру ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО» (версия 3). При этом подчёркивается, что документ «предназначен для адаптации в соответствии с целями государств и образовательных учреждений» [9, с. 5]. В настоящее время на его основе осуществляется разработка современной политики цифровизации образования в различных странах мира с целью повышения научного потенциала всего государства. Согласно Рекомендациям, необходимо выделять три последовательных этапа (уровня) овладения педагогами навыками использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональных целях: получение знаний, освоение знаний, применение знаний.

Собственный практический опыт и теоретический анализ научно-педагогической литературы позволили нам выделить четыре уровня готовности педагога начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности: нулевой (отсутствие готовности), начальный (получение знаний), достаточный (освоение знаний), высокий (применение знаний).

Облачные технологии – это сложные новые технологии и применяются в образовании недавно. У ряда педагогов объективно отсутствует знания по их использованию в образовательном процессе. Поэтому нами было принято решение о выделении отдельного дополнительного к описанным выше уровням готовности педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности – нулевого.

На наш взгляд, на начальном уровне (получение знаний) педагоги должны иметь знания о возможностях использования облачных технологий в профессиональной деятельности, владеть базовыми ИКТ-компетенциями по этому вопросу. Педагогам необходимо осознавать зачем и для чего нужно использовать (или не использовать) облачные технологии в образовательном процессе, их возможности для решения коммуникативных и познавательных задач, получения дополнительной информации по предмету или специальной информации с целью обеспечения профессионального развития самого учителя. В идеале учителя должны обладать базовыми цифровыми навыками и знаниями по использованию облачных технологий для того чтобы гарантировать достижение обучающимися результатов, заложенных в основной образовательной программе образовательной организации и Государственном образовательном стандарте начального общего образования.

На достаточном уровне (освоение знаний) учителя владеют ИКТ-компетенциями, которые предоставляют им возможность создавать благоприятную образовательную среду, ориентированную на учащихся в части овладения ими ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться. На этом уровне учитель способен самостоятельно определять методы максимально эффективного

использования облачных технологий в образовательном процессе и сочетать их с требованиями образовательной программы.

Находящиеся на высоком уровне (применение знаний) педагоги имеют компетенции, позволяющие им моделировать передовой педагогический опыт на основе использования облачных технологий; умеют создавать такую образовательную среду, которая способствует воспитанию и развитию качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества, формированию у учащихся принципиально новых знаний и умений, необходимых для современной жизни.

Нами была разработана система критериев оценки уровня готовности педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий, проявляющихся в конкретных признаках. С учётом Рекомендаций ЮНЕСКО изменения в уровне готовности педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий отслеживаются по семи критериям. Конкретные критерии и характеристики отдельных уровней готовности учителей к использованию облачных технологий представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика уровней готовности педагогов начального общего образования к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности

Компонент готов-ности	**Критерий**	**Уровень готовности**			
		Нулевой	**Начальный**	**Достаточный**	**Высокий**
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
Мотивационно-ценностный	К1. Мотивация к внедрению инноваций в образовательный процесс	Отсутствует внутренняя мотивация к внедрению инноваций	Наблюдается неустойчивость внутренней мотивации на изменения	Внутренняя мотивация на внедрение инноваций в профессиональную деятельность сформирована	Сформирована устойчивая мотивация на внедрение инноваций в профессиональную деятельность
	К2. Понимание роли ИКТ в образовательной политике	Учителя не учитывают образовательную политику при работе в классе	Учителя учитывают образовательную политику при работе в классе	Учителя умеют выявить проблемы и найти пути их решения	Учителя активно участвуют в развитии политики реформирования образовательной системы
Когнитивно-деятельностный	К3.Учебная программа по предметам начального общего образования и оценивание	Учебная программа не содержит требования внедрения облачных технологий	Учителя обладают базовыми знаниями о потенциальных преимуществах интеграции облачных технологий при преподавании любых предметов для повышения качества преподавания, обучения и оценивания	Учителя помогают учащимся в освоении материалов учебной программы, создают системы оценки, которые готовят к решению реальных проблем и определению социальных приоритетов	Учебная программа выходит за рамки изучения школьных дисциплин и включает в себя такие навыки, необходимые в обществе знания, как решение сложных задач, общение, сотрудничество и критическое мышление

Продолжение табл. 1

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
	К4. Осуществление образователь-ной деятельности с использование м облачных технологий	Учителя не используют и/или не поощряют учащихся использовать облачные технологии	Учителя активно интегрируют облачные технологии и инструменты в процесс преподавания	Учителя организовывают и поощряют совместную деятельность учащихся с использованием облачных технологий	Учителя обеспечивают интеграцию знаний и навыков учащихся на основе групповой и проектной деятельности с использованием облачных технологий
	К5. Владение облачными технологиями	Учителя не владеют навыками использования облачных технологий	Учителя применяют облачные сервисы для реализации дидактических целей обучения	Учителя обоснованно и безопасно применяют инструментальн ые средства облачных технологий в образовательном процессе и управлении им	Учителя и учащиеся совместно используют облачные технологии для создания нового знания
	К 6. Организация образователь-ного процесса с помощью облачных технологий и управление им	Учителя не стремятся к использовать облачные технологии в образовательн ом процессе	При необходимости учителя могут изменить пространственну ю организацию кабинета или компьютерного класса, чтобы интегрировать облачные технологии в урок и сформировать инклюзивную учебную среду	Структура занятий и класса становятся более динамичными, учителя организуют работу учащихся в группах, поощряя использование цифровых ресурсов	Все участники образовательных отношений вовлечены в образовательный процесс с использованием облачных технологий
	К 7. Профессио-нальное развитие педагогов в области облачных технологий	Учителя не используют облачные технологии для повышения квалификации	Учителя повышают цифровую грамотность и используют облачные технологии для профессионально го развития	Учителя используют облачные технологии для развития сети профессиональн ых контактов	Учителя постоянно вовлечены в инновационную деятельность по внедрению облачных технологий в образовательный процесс

Заключение. Достижение прогресса в вопросе формирования цифровой культуры личности возможно только при наличии педагогов, находящихся на достаточном и высоком уровнях готовности педагога к использованию облачных технологий в профессиональной деятельности. Достаточный и высокий уровни данной готовности педагога, а именно: знания, умения, навыки решения образовательных и личностных задач, коммуникации, совместной работы с обучающимися, умения экспериментировать, критически мыслить обеспечивает решение двух задач:

способствуют формированию ИКТ-компетентности младших школьников и создает базу для творческого саморазвития, самообразования и самореализации учителя. Перспективными для дальнейшего научного поиска видятся вопросы, связанные с повышением общей цифровой грамотности педагогов начального общего образования и цифровизации образовательного процесса в начальном общем образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый словарь русского языка : Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35 000 значений : Более 70 000 иллюстрат. примеров / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: ООО «Издательство «Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 1582 с. – (Словари Академии Российской).
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. – 338 с.
3. Скафа Е. И., Бабенко Н. А. К вопросу о формировании профессиональной готовности будущего учителя в условиях реформирования образования Донецкой Народной Республики / Е.И. Скафа, Н.А. Бабенко // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2018. – № 47. – С. 70-79.
4. Еремка Е.В. Теоретические и методические основы валеологической подготовки студентов университета: автореф. дисс. … доктора пед. наук : спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / Е.В. Еремка. – Донецк, 2020. – 44 с.
5. Вайндорф-Сысоева М. Е. Многоуровневая подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности в условиях цифрового обучения: дисс. … доктора пед. наук : спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / М.Е. Вайндорф-Сысоева. – Москва, 2019. – 462 с.
6. Ильин А.С. Организационно-педагогические условия обеспечения готовности педагога к реализации федерального государственного стандарта начального общего образования / А.С. Ильин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – № 1. – С. 94-106.
7. Ильин В.А. Психология лидерства : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Ильин. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 311 с.
8. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. / В.П. Беспалько. – М.: «Педагогика», 1989. – 192 с.
9. Структура ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. – ЮНЕСКО, 2019. – Режим доступа: https://iite.unesco.org/wp-content/uploads/2019/05/ICT-CFT-Version-3-Russian-1.pdf

Поступила в редакцию 10.06.2021 г.

CHARACTERISTIC OF READINESS OF PRIMARY GENERAL EDUCATION TEACHERS TO USE CLOUD TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

E.V. Sipacheva

Based on the analysis of scientific and pedagogical literature, the article defines the concept of “readiness of primary general education teachers to use cloud computing in their professional activities”. A brief description of each level of this readiness is given: zero, initial, sufficient and high.

Key words: primary general education, teachers, readiness, professional activity, cloud computing, levels.

Сипачева Елена Владимировна
старший преподаватель кафедры естественно-математических дисциплин и методики их преподавания ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования», г. Донецк, ДНР.
E-mail: sipachova@gmail.com

Sipacheva Elena Vladimirovna
Senior Lecturer of the Department of Natural and Mathematical Disciplines and Methods of Their Teaching,
SI CPE “Donetsk republic in-service teacher training institute”, Donetsk, DPR.

УДК 378.016:81' 243-043/86(477.62)

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ

© 2021. *У.Р. Фитисова*

Иноязычное образование – это одна из самых приоритетных отраслей образовательной политики Донецкой Народной Республики. К ее основным задачам, кроме обучения студентов иностранному языку, можно отнести обогащения внутреннего мира человека, повышение его эрудиции и приведение общества к новому уровню. В данной статье иноязычное образование рассматривается как социальная и философская категория, что доказывает его масштабность и многогранность.

Ключевые слова: иноязычное образование, иностранный язык, моделирование проекта речевой деятельности, образовательная парадигма**.**

Введение. *Актуальность* исследования характеризуется появлением серьезного противоречия между новыми требованиями к уровню иноязычной подготовки, которые диктует новые социокультурные и мировоззренческие процессы, и все еще не полностью сформированными теоретическими и практическими методами и формами обучения иностранному языку. Владение иностранным языком на сегодняшний день становится неотъемлемой характеристикой каждого образованного человека. Иноязычное образование сегодня можно считать своеобразным индикатором трансформаций, происходящих в социуме, в целом, и, в частности, в сфере образовании. Это связано, прежде всего, с сущностью иноязычного образования, которое исходит из общественной жизни, общественного сознания, мировоззрения, культуры, и предполагает, что в центре образовательного процесса стоит личность.

Анализ предыдущих исследований. Изучение иноязычной теории и практики высшего образования в новейших философских и социокультурных условиях современности – это новое направление исследований, поэтому работ, которые посвящены анализу данной темы, существует не так много. Имеющиеся исследования данной проблематики отражены в работах И.К. Войтовича, С.С. Кунанбаевой, Е.И. Пассова и А.Н. Щукина, на основании анализа которых можно сделать вывод о неудовлетворительном состоянии сущности и содержания современного иноязычного образования как элемента системы высшего образования.

Целью исследования является характеристика иноязычного образования как философской и социальной категории на основе изучения теории и практики его развития в педагогических университетах Донецкой Народной Республике. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучить условия реализации иноязычного образования как социальной категории, а также проанализировать существующие философские трактовки понятия «иноязычное образование».

Методы. Для решения указанных задач используется комплекс методов: анализ, систематизация, обобщение философской, психолого-педагогической и методической литературы, концептуально сравнительный анализ.

Результаты. Современные тенденции образования в общественно-политических и экономических условиях Донецкой Народной Республики заключается в усилении требований к профессиональной подготовки будущих специалистов, в том числе в

развитии коммуникативных способностей человека, формировании потребности постоянного повышения профессиональной квалификации и профессиональной мобильности. В наше время остро стоит вопрос о присоединении человека XXI века к мировой культуре, что требует формирования языковой личности и ее реальных коммуникативно-познавательных и культурных компетенций, составляющих основу системы обучения. Расширение международных связей привело к возрастанию роли иностранного языка и в жизни общества, и в профессиональной деятельности современного специалиста. иностранный язык сегодня является объективным средством не только межличностного, но и международного общения. Для современного специалиста владения иностранными языками является одним из условий профессиональной компетентности.

Несмотря на то, что в научных исследованиях существуют разработки многих аспектов данной проблемы, можно констатировать, что развитие иноязычного образования будущих преподавателей гуманитарных специальностей в педагогических университетах Донецкой Народной Республике является недостаточно разработанной проблемой, которая требует более детального анализа.

Неполная интерпретация особенностей другой культуры нарушает процесс коммуникации, затрудняет взаимодействие носителей различных культур, а также может вызвать межкультурные конфликты. В последние годы отечественными учеными активно осуществляются поиски путей развития иноязычного образования, в частности профессиональной подготовки будущих учителей иностранных языков в высших педагогических учебных заведениях [5, с. 175].

Исследование показало, что педагогическая система обучения иностранным языкам, в частности английскому языку, является социальной системой, поэтому ее функционирование определяется социально обусловленными целями обучения. Они отражены в нормативных документах различного уровня по вопросам высшего педагогического образования и последовательно реализуются через систему высшего профессионального образования в программах конкретного учебного заведения, профессиональной подготовке специалистов Донецкой Народной Республики. Под влиянием социального заказа общества и методики как науки цель обучения иностранному языку конкретизируется в задачах, определяющих содержание учебного предмета, методах, формах и средствах обучения [3, с. 149]

Изучая научную литературу по данной проблеме, мы выяснили, что многозначность термина «культура» не дает возможности для четкой и однозначной трактовки. Однако усилия многих ученых приблизили нас к пониманию культуры как сложного социального явления, имеющего отношение буквально ко всем сторонам общественной и индивидуальной жизни. Один из основоположников и признанных классиков этнографии и культурологии писал, что культура в широком этнографическом смысле состоит из знания, искусства, законов, обрядов и других возможностей осознать себя полноправным членом общества. Существенную роль в реализации профессионального становления студентов играет именно преподаватель иностранного языка, который сегодня должен свободно ориентироваться в поликультурном мире, понимать его ценности и смысл, реализовывать их в достойных проявлениях [4, с. 316].

Несмотря на то, что в теоретических исследованиях существует ряд научных трудов, приходится констатировать, что педагогический и методический аспекты развития межкультурной коммуникации будущих выпускников гуманитарных вузов Донецкой Народной Республики остаются недостаточно исследованными. В связи с этим возникает объективное противоречие между:

– потребностями общества в высококвалифицированных специалистах с развитой межкультурной коммуникацией, предназначенной решать вопрос на уровне социокультурной компетенции, развивать культуру устного и письменного иноязычного общения, готовность к выполнению профессиональных функций в межкультурной коммуникации; – потребностями вузов в теоретическом обосновании и научно-методическом обеспечении процесса формирования межкультурной коммуникации и недостаточной разработанности методов формирования у студентов межкультурной компетентности [2, с. 184].

Развитие социокультурных традиций в образовании порождает необходимость поиска основных приоритетов его развития, определяют характер и содержание образования нового века. В этих условиях происходит смена приоритетов, появляется новый идеал «человека мира», который обладает умственной, нравственной, эстетической, общественной и духовной толерантностью. Одним из средств и условий достижения этой идеи становится формирование межкультурной коммуникации специалиста, что в себя ценностно-ориентировочный, культурно-коммуникативный и личностный компоненты.

Отметим, что мнение о том, что название «иностранный язык» является категориально неправильным считается крайне справедливым, поскольку он искажает сущность предмета и вызывает множество ложных решений, что, в результате, тормозит развитие иноязычного образования.

Ученые предлагают более точный термин «иноязычная культура». Язык является частью культуры, процесс ее освоения предполагает общение участников на данном языке, их сотрудничество и взаимодействие, познания культуры друг друга, развитие различных способностей студентов. Моделирование процесса реального общения предполагает не только овладение всеми видами речевой деятельности как средствами общения, но и нравственное воспитание участников коммуникации [6, с. 185].

Обновляются цели, содержание, образовательные технологии, ресурсная база преподавания иностранного языка. В обучение иностранного языка активно заимствуются новейшие мировые достижения. Отечественные ученые и общественные деятели отстаивают мнение о том, что изучение языков европейских народов позволит привить молодым поколениям осознание принадлежности нашего народа к мировой цивилизации и позволит вести паритетный диалог с другими странами, ознакомиться с цивилизационными ценностями народов другого пространства, целостно осмыслить их историю [1].

Рассмотрим последовательность обучения иноязычной речи с позиций психологии. потребность выполняет роль «пускового механизма», «энергетического источника» речевой деятельности. Однако она может остаться нереализованной при отсутствии соответствующих условий. И только когда имеет место сочетание актуальной потребности (в нашем случае коммуникативной) с условиями, способными ее удовлетворить (такими условиями в случае обучения иностранным языкам является наличие речевой ситуации), в организме человека возникает определенное динамическое состояние, выражающееся в психологической готовности совершать акты поведения в соответствующем направлении. Такая готовность организма к деятельности называется «установкой». Таким образом, начальным механизмом является приведение в действие мотивации.

Рассмотрим потребности, специфические для иноязычной речи. Анализируя мотивационную сферу студентов вузов, исследователи пришли к выводу, что особое значение для эффективности образовательной деятельности имеет актуализация таких потребностей: познавательной, коммуникативной, творческой, а также потребности в

достижениях цели. Коммуникативная потребность единодушно признана психологами одной из основных социогенных потребностей человека. Она является наиболее значимой в обучении устной речи, в мотивационной сфере студентов она занимает одно из ведущих мест. создание лучших условий для развития мотивации и творческого характера образовательной деятельности возможно именно в процессе общения. Соответственно и процесс обучения иностранным языкам целесообразно строить как модель процесса общения [7, с. 207].

Интерес к языку и его происхождению выходит за рамки лингвистики и, можно сказать, является одной из важнейших философских проблем. Уже в середине XX века большое внимание стали уделять соотношению слов и понятий, сместился акцент со слова на предложения, субъектом которого считалось то, что имеет определенные свойства и участвует в отношениях. В контексте философии дискурс не ограничивается анализом отдельных предложений, рассматриваются и тексты, составленные из предложений, которые не противоречат друг другу.

Для нового времени характерно рассматривать язык с точки зрения философии ценностных установок: речь создается и используется людьми не произвольно, а в соответствии с их целенаправленной деятельности, практикой, при этом человека интересует не просто истина, которая показывает объект таким, какой он есть безотносительно к целям человека, а значение или ценность объекта для человека.

С начала XXI века в содержании иноязычного образования появилась новая научная парадигма – компетентностная, которая пришла на смену традиционному построению содержания образования в формате «знание – умение – навыки».

Сущность и специфика компетентностной парадигмы наиболее четко проявляются в ее сравнении с целями обучения в контексте традиционной парадигмы, особенности которой исследователи связывают с направленностью на получения знаний. Ориентация, направленная на получение знаний, сложившаяся в тот период, когда с помощью образования государство решало острые социальные проблемы: сначала – обучение всех граждан грамоте, затем – повышение уровня образованности населения, подготовка профессиональных кадров для различных отраслей производства и культурной сферы. В тех условиях психологическая парадигма была необходимой и продуктивной. Действительно, нельзя отрицать, что традиционная школа в нашей стране всегда обеспечивала прочное усвоение основ наук и имела стабильную и результативную систему обучения [8, с. 249].

Выводы. На основе всестороннего анализа роли развития и реализации иноязычного образования в Донецкой области можно сделать выводы о том, что иноязычное образование является неотъемлемой составляющей процесса обучения в республике. Также были изучены условия реализации иноязычного образования как социальной категории, и были проанализированы философские толкования учеными понятия «иноязычное образование». Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении принципов иноязычной подготовки, нормативной базы и возможностей ее внедрения в практике образовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балезин Д. Зачем изучать иностранные языки? / Д. Балезин. – 2007. [Электронный ресурс] // URL: http://www.yourfreedom.ru/zachem-izuchatinostrannye-yazyki/ (Дата обращения – 18.08.2021).
2. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / Л. Витгенштейн. – М.: АСТ, Астрель, Мидгард, 2010. – 256 с.
3. Войтович И. К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография / ред. Т.И. Зеленина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – 212 с.

4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – Москва: Академический проект, 2009. – 496 с.
5. Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методология и теории. Монография / С.С. Кунанбаева. – Алматы, 2005. – 264 с.
6. Пассов Е. И. Танк модернизации на ниве образования. Позиция гражданина и профессионала / Е.И. Пассов. – М.: «ГЛОССА-ПРЕСС», 2008. – 276 с.
7. Радченко О. А. Язык как миросозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд. 2-е, испр. и доп. / О. А. Радченко. – М.: Едиториал УРСС. – 312 с.
8. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин – 4-е изд. – М.: Омега – Л, 2010. – 446 с.

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF FOREIGN LANGUAGE LINGUISTIC EDUCATION IN THE DONETSK REGION AS A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CATEGORY

U.R. Fitisova

Foreign language education is one of the highest priority branches of the educational policy of the Donetsk People's Republic. Its main tasks, in addition to teaching students a foreign language, include enrichment of the inner world of a person, increasing his erudition and bringing society to a new level. In this article, foreign language education is considered as a social and philosophical category, which proves its scale and versatility.

Key words: foreign language education, foreign language, speech activity project modeling, educational paradigm.

Фитисова Ульяна Ринатовна
аспирант
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», Луганск, ЛНР.
ulyanagildeeva@yandex.ua

Fitisova Ulyana Rinatovna
post-graduate student
Luhansk State Pedagogical University, Luhansk, LPR.
ulyanagildeeva@yandex.ua

УДК 373.2

СОВРЕМЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К СОБСТВЕННОМУ ЗДОРОВЬЮ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ МОТИВАЦИИ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2021. *Ю.М. Штольц*

В статье представлены теоретические данные о взаимосвязи отношения родителей к собственному здоровью и позиции ребенка в данной области; путем анкетирования проведены эмпирические исследования современного отношения родителей старших дошкольников к своему здоровью как фактора формирования мотивации и здорового стереотипа поведения детей в вопросах здоровья.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здоровьесберегающая мотивация, дети, старший дошкольный возраст, родительское отношение к здоровью.

Введение. На современном этапе популяционные исследования все чаще регистрируют увеличение роста хронических соматических и метаболических заболеваний, проявляющихся в раннем возрасте (Т.Г. Авдеева, А.В. Евсеев, Ю.П. Успенский, Я.Э. Булавко, А.Е. Филимонов, В.А. Резник (2019)). Авторы Х. Босма, Х.Д. ван де Мхин, Дж.П. Макенбах связывают данное явление со стереотипом поведения детей, относящегося к здоровью: вредные «пищевые» привычки, гиподинамия, несоблюдение дневного режима и другое.

Ведущей социальной средой, гарантирующей здоровье детей на всех его этапах и уровнях, является семья, поскольку родительское отношение к своему здоровью оказывает воздействие на весь процесс развития организма, а также формирование здоровьесберегающей мотивации детей старшего дошкольного возраста. Здоровьесберегающая мотивация является многокомпонентным и сложным явлением, включающим в себя различные факторы воздействия, среди которых первое место уделено семье и родительскому влиянию, затем финансированию, а также межличностным взаимодействиям между членами семьи.

В период дошкольного возраста установки родителей определяют стиль жизни ребенка, к тому же посредством собственного отношения к своему здоровью у детей формируется положительная или отрицательная позиция причастная к вопросам здоровья [1–4]. В этой связи, актуальность данного исследования вызвана необходимостью учитывать отношение родителей к собственному здоровью, особенно в процессе формирования мотивации в области здоровья и здорового поведения у детей старшего дошкольного возраста.

Постановка проблемы. В процессе исследования данной проблемы были выявлены противоречия между современными требованиями к отношению родителей к своему здоровью и недостаточной степенью разработанности данной темы в научной литературе, а также между взаимосвязью родительского отношения к собственному здоровью и формирования здоровьесберегающей мотивации детей старшего дошкольного возраста. Детальное изучение данных вопросов позволит разработать стратегию межличностного взаимодействия родителей с детьми, а также направление коррекции недостаточной мотивации и дезадаптивного поведения в вопросах здоровья у старших дошкольников.

*Цель статьи***:** представить теоретические и эмпирические данные о современном отношении родителей к своему здоровью как одного из факторов формирования здоровьесберегающей мотивации детей старшего дошкольного возраста.

Обзор научной литературы по проблеме. В постоянно развивающихся условиях современного общества достаточно остро стоит вопрос о значимости семейного социума как первоначальной, наиболее ключевой структуре для формирования и развития здоровья подрастающего поколения. По мнению И.В. Клименко, Ю.М. Штольц (2021) первоначальная компетенция в вопросах сбережения и укрепления здоровья многомерна и выступает в роли результата собственного опыта и социальных ориентаций [5, с. 100]. Рассматривая данное явление, неизбежно акцентируется внимание на отношении родителя и ребенка к собственному здоровью, развитии навыков здоровьесберегающего поведения, а также формирования здоровьесберегающей мотивации.

Отечественный исследователь С.С. Шматова (2015) здоровьесберегающее поведение трактует как реальный процесс сознательного отношения человека к собственному здоровью как к социальной ценности, что в повседневной действительности включает в себя отказ от вредных привычек, применение правильного режима питания, спорт, то есть соблюдение главных принципов рационального подхода к здоровью [6, с. 59].

По мнению И.А. Колесниковой (2003), отношение к своему собственному здоровью охватывает не только содержание и сущность, дифференциацию и интеграцию системы когнитивных понятий о здоровье, но и наличие ощущений и эмоций относительно здоровья. Авторами В.В. Николаевой и Г.А. Ариной (2009) отмечено, что отношение к здоровью следует рассматривать как единую систему, целостность которой определяется взаимосвязью с рефлексивным чувством здоровья в развитии субъекта.

Исследуя здоровьесберегающую деятельность подрастающего поколения И.М. Шишковой и Н.В. Яковлевой (2015) было определено, что тип семейного воспитания напрямую взаимосвязан с отношением ребенка и его родителей к собственному здоровью. Рассматривая составляющие отношения к здоровью (позиция относительно болезни, самооценка, параметры здоровья, поведение и деятельность в области здоровьесбережения) учеными обозначено, что тип семейного воспитания транслирует родительское отношение к своему здоровью на ребенка [7–10].

Авторы З.И. Тюмасева, И.Л. Орехова, Е.Г. Кушнина (2012) отмечают, что психологический климат, убеждения и взгляды родителей относительно своего здоровья воплощены в родительско-детский стиль межличностных отношений, который оказывает значительное влияние на формирование мотивации к здоровью, а также физическое, психическое и социальное благополучие детей.

Великобританским ученым П.Х. Кристенсеном в 2004 году была предложена концептуальная модель семьи, содействующая укреплению здоровья. Согласно данной модели, наряду с факторами окружающей среды (ресурсы, образование и доход) акцентировать внимание нужно на экокультурном образе семьи (цели и семейные ценности), а также на семейных обычаях (практики, связанные с питанием, двигательной активностью и др.) укрепляющих здоровье. Стержнем данной модели, помимо родителей, выступает важность ребенка, в качестве деятеля, способствующего укреплению здоровья, который имеет возможность участвовать в данном процессе и вносить что-то свое.

Рассматривая семью как ключевую среду для укрепления здоровья, авторы В. Майклсон, К.А. Пилат, К.М. Дэвисон (2021) проанализировали 118 моделей потенциала семьи, относящихся к различным дисциплинам и отраслям, но указывающих на важное и первостепенное значение здоровья для семьи. Учеными было подчеркнуто, что современные модели, которые способствуют укреплению

здоровья, служат опорой для формирования стереотипа жизни в отношении здоровья, а также могут быть полезны в вопросах просвещения и укрепления организма [11, с. 29].

По мнению П. Фонаги и М. Таргет (2000), склонность и овладение здоровым стилем поведения в пределах семейной обстановки можно рассматривать как наиболее мощный и значительный фактор защиты от рискованного поведения детей в отношении своего здоровья.

Методы исследования. С целью исследования взаимосвязи отношения родителей к собственному здоровью и формирования мотивации старших дошкольников в области здоровьесбережения был проведен теоретический анализ литературных источников. Для выявления современного отношения к собственному здоровью в условиях Луганского дошкольного образовательного учреждения – центр развития ребенка «Росток» города Луганска было проведено анкетирование родителей старших дошкольников, по авторской анкете «Ваш образ жизни» (Л.Г. Качан, 2002). В исследовании приняли участие 30 человек (n = 30), средний возраст которых составил 36 лет. Родителям предлагалось ответить на 10 поставленных вопросов, сумма результатов которых соответствовала индивидуальному образу жизни.

Результаты исследования и их обсуждение. Первый блок вопросов был посвящен изучению уровня двигательной активности наших респондентов (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Как Вы добираетесь на работу?», «Регулярно занимаетесь физическими упражнениями?», «Ваша работа связана с регулярной ездой на автомашине в качестве водителя или с поездками в командировки?» (в %, от числа респондентов)

Вариант ответа	Респонденты (n=30)	
	Мужчины	Женщины
Как Вы добираетесь на работу?		
Общественным транспортом	6,7	36,7
На машине	23,3	10,0
На велосипеде или пешком	3,3	20,0
Регулярно занимаетесь физическими упражнениями?		
Не занимаетесь	20,0	30,0
Работаете в саду, совершаете прогулки, делаете утреннюю гимнастику	10,0	23,3
Занимаетесь различными видами спорта	3,4	13,3
Ваша работа связана с регулярной ездой на автомашине в качестве водителя или с поездками в командировки?		
Да	16,7	3,3
Нет	16,7	63,3

В ответе на вопрос «Как Вы добираетесь на работу?» 43,4 % анкетируемых ответили, что добираются посредством общественного транспорта, на машине – 33,3 %, а при помощи велосипеда или пешком всего 23,3 % опрошенных. Это свидетельствует о том, что всего четвертая часть опрошенных родителей формируют у детей мотивацию к движению на собственном примере, с одновременным обучением безопасности дорожного движения и подготовкой к самостоятельности. Сопоставляя информацию литературных источников с полученными результатами, затраты дополнительного времени, а также финансовые возможности являются одними из главных причин, по которым родители старших дошкольников совершают выбор в пользу автомобильного транспорта.

Второй вопрос «Регулярно занимаетесь физическими упражнениями?» показал, что различными видами спорта занимаются 16,7 % респондентов, работают в саду,

совершают прогулки, делают утреннюю гимнастику 33,3 %, и половина родителей (50,0 %) вообще не занимаются какими-либо физическими упражнениями. Данный показатель может быть связан с ограничениями в состоянии здоровья, с продолжительным рабочим днем, либо с отсутствием интереса и мотивации к получению физических нагрузок. Анализируя данные, можно констатировать, что у детей родителей, не занимающихся какими-либо физическими упражнениями, физическая активность ограничивается только пребыванием в дошкольном учреждении, где контролируемая моторная деятельность составляет не больше 40 %. Вместе с этим, при недостатке контролируемой моторной деятельности у ребенка формируется устойчивый отрицательный стереотип поведения в области физической активности.

На вопрос «Ваша работа связана с регулярной ездой на автомашине в качестве водителя или с поездками в командировки?» 20,0 % респондентов согласились, а 80,0 % не являются по профессии водителями, и их работа не предусматривает поездки в командировки.

По мнению С.Г. Трост, П.Д. Лопринци (2019), позитивное ободрение и межличностные отношения родителей и ребенка критически важны для физической активности детей. При более низком уровне двигательной активности увеличивается количество хронических и острых проблем со здоровьем, поэтому первостепенную роль играет выявление возможных факторов, касающихся физической активности подрастающего поколения.

Родительская поддержка, связанная с двигательной активностью, поведение родителей и восприятие родителями ценности физических нагрузок, а также внешняя мотивация и побуждение детей к данной деятельности являются главными коррелятами уровня моторной активности у детей [12; 13; 1].

Семейное окружение неизменно отражается и на такой области здоровьесбережения, как питание. Растущая распространенность избыточного веса и ожирения среди взрослого и детского населения является проблемой общественного здравоохранения мирового значения. Данной теме было уделено внимание во втором блоке вопросов для наших респондентов (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы: «Как Вы оцениваете свой вес?», «Вы употребляете в пищу?» (в %, от числа респондентов)

Вариант ответа	Респонденты (n=30)	
	Мужчины	Женщины
Как Вы оцениваете свой вес?		
Нормальный	23,3	53,3
Превышает норму на 6-7 килограмм	10,0	13,4
Вы употребляете в пищу?		
Много масла, яиц, сливок	6,7	26,7
Мало фруктов и овощей	23,3	30,0
Много сахара, пирожных, варенья	3,3	10,0

Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете свой вес?» 76,7 % опрошенных характеризуют свой вес как нормальный, а у 23,4 % вес превышает норму на 6-7 килограмм. Популяционными исследованиями, проведенными в Австралии, Италии, Ирландии, Мексике, Канаде, Мальте и США были классифицированы детерминанты нездоровой прибавки в весе, среди которых гиподинамия и высокое потребление высококалорийной пищи определяются как причинные факторы, на изменение которых можно повлиять.

На второй вопрос «Вы употребляете в пищу?» у 13,3 % респондентов в рацион питания включено много пирожных, сахара, и варенья, у 33,3 % – большое количество яиц, сливок, масла, и более половины родителей (53,4 %) употребляют недостаточное количество фруктов и овощей. Чрезмерное потребление высококалорийной пищи и пищи с низким содержанием питательных веществ, приводит к резкому увеличению веса, в частности, если человек физически недостаточно активен. Вместе с тем, по мнению Всемирной организации здравоохранения, сниженное потребление овощей и фруктов приводит к повышенному риску возникновения неинфекционных заболеваний.

Правильное и сбалансированное питание в детском возрасте является одним из наиболее определяющих факторов здоровья человека и хорошо известным стимулом роста и развития. По мнению авторов В. Де Косми, С. Скаглиони, К. Агостони (2017), К.Р. Бейтс, А.М. Бонерт, Дж.Б. Бушеми (2019) пищевое поведение формируется внутренними (генетическими, половыми и возрастными) факторами, а также факторами окружающей среды, такими как семья, друзья и сверстники [14; 15].

Родители создают пищевую среду для ребенка и играют ключевую роль в структурировании первых впечатлений своих детей о еде и приеме пищи через их собственные убеждения, пищевые привычки, взгляды, отношение к пище, а также знания и восприятие преимуществ правильного питания и питательных веществ для здоровья. Таким образом, познания и отношение родителей к собственному стилю питания выступают в роли важнейшего фактора для формирования знаний детей о здоровом и правильном питании.

Третий блок вопросов для родителей отражал их приверженность к вредным привычкам (таблица 3).

Последствия злоупотребления вредными привычками не ограничиваются только потребителем, но и распространяются на семейную систему и социум в целом. Согласно исследованиям Национального центра злоупотребления и зависимости психоактивными веществами (2005), дети потребителей особенно подвержены риску, что в будущем отражается на их здоровье, благополучии и их собственном употреблении алкоголя и табака.

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы: «Ваше отношение к курению?», «Ваше отношение к алкоголю?» (в %, от числа респондентов)

Вариант ответа	Респонденты (n=30)	
	Мужчины	Женщины
Ваше отношение к курению?		
Некурящий	10,0	53,3
Менее 5 сигарет в день или периодически курите	6,7	10,0
Курите регулярно	3,3	13,4
Курите очень много	-	-
10 сигарет в день	3,3	-
Ваше отношение к алкоголю?		
Не употребляете	20,0	60,0
Употребляете	16,7	3,3

В ответе на вопрос «Ваше отношение к курению?» 63,3 % родителей не курят, 16,7 % употребляют менее 5 сигарет в день или же курят периодически, такое же количество опрошенных курят регулярно, а также 3,3 % скуривают около 10 сигарет в день. Авторами Л. Рихтер и Д.М. Рихтер установлены три фактора, которые ставят под угрозу физическое и психическое здоровье детей в результате употребления их родителями табака: прямое воздействие веществ (пассивное курение), проживание с

родителями, которые могут заболеть от употребления табачных изделий и детское моделирование родительского употребления психоактивных веществ.

Отвечая на вопрос «Ваше отношение к алкоголю?» достаточно большой процент (80,0%) родителей не употребляют алкогольные напитки. Вызывает интерес, что второй вариант ответа на заданный вопрос демонстрирует гендерный дисбаланс: 16,7 % анкетируемых именно мужского пола регулярно употребляют спиртные напитки. Отсутствие осознания того, что дети могут перенимать вредные привычки, наблюдая за поведением родителей, может стать для подрастающего поколения непреднамеренной и контрпродуктивной моделью негативного поведения.

Метаанализ ряда авторов (С. Куппенс, С.К. Мур, В. Гросс, Э. Лоутиан, А.П. Сиддауэй (2020)) выявил, что контакт детей с родителями, которые употребляют алкоголь (как зависимые, так и независимые), табак или другие психоактивные вещества, оказывает долгосрочное пагубное влияние на их благополучие [16, с. 778].

Модель занятости родителей старших дошкольников имеет долгосрочные последствия для их физического, и, прежде всего, психического здоровья. С целью изучения данной проблемы нами был проанализирован четвертый блок вопросов для наших респондентов (таблица 4).

Вопрос «Раз в неделю и более работаете сверхурочно или допоздна?» показал, что почти половина опрошенных родителей (46,7 %) работают сверхурочно, а 53,3 % имеют стандартную продолжительность рабочего дня. Негативные последствия для многих рабочих, которые вынуждены выполнять сверхурочную работу, включают в себя недосып и усталость, пагубное влияние на здоровье и физическую форму, а также отсутствие энергии и сил для воспитания детей.

Анализируя результаты последних двух вопросов, нами отмечено, что от 33,3 % родителей требуется выполнение работы в сжатые сроки либо их работа связана со сдельной оплатой труда, а 26,7 % анкетируемых родителей трудятся в нерабочее время, а также регулярно работают в домашних условиях.

Таблица 4

Распределение ответов на вопросы: «Регулярно берете работу домой или работаете в нерабочее время?», «Ваша работа связана со сдельной оплатой труда, жесткими сроками?», «Раз в неделю и более работаете сверхурочно или допоздна?» (в %, от числа респондентов)

Вариант ответа	Респонденты (n=30)	
	Мужчины	Женщины
Раз в неделю и более работаете сверхурочно или допоздна?		
Да	26,7	20,0
Нет	6,6	46,7
Ваша работа связана со сдельной оплатой труда, жесткими сроками?		
Да	20,0	13,3
Нет	13,3	53,4
Регулярно берете работу домой или работаете в нерабочее время?		
Да	16,7	10,0
Нет	16,7	56,6

Согласно исследованиям Л. Фурсман (2009) родители, которые работали больше положенного времени, отмечали ряд положительных моментов данного вопроса, среди которых: получение дополнительного дохода или высокой заработной платы, построение карьеры и бизнеса, а также возможность быть образцом для подражания. Родителями также было отмечено и достаточно большое количество отрицательных воздействий сверхурочной работы. Ключевым недостатком, влияющим на семейное

благополучие, стал дефицит времени, проводимого со своими детьми, в результате чего нехватка внимания остро ощущалась и взрослыми, и детьми. К другим последствиям относилось отсутствие возможности вместе проводить особые случаи, совместного семейного отдыха, более быстрый темп жизни, а также недостаток большей части «качественного времени», проводимого с семьей.

Выстраивая модель своей занятости, необходимо проявлять осторожность, поскольку продолжительный рабочий день может вызвать семейный стресс, а ненормированный рабочий день усилить или поставить под угрозу нормальное функционирование семьи. Дефицит внимания грозит потере доверительных отношений между родителем и ребенком, что может негативно отразиться на процессе воспитания и развитии детей.

Заключение. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что почти половина (46,7 %) опрошенных родителей ведут здоровый образ жизни, что содействует формированию мотивации у детей к здоровому стилю поведения и активному образу жизни с раннего возраста. Дети третьей части (30,0 %) анкетируемых испытывают дефицит внимания со стороны родителей, что способствует отсутствию контроля над поведением детей в вопросах здоровья, а также невозможности формирования здорового стандарта жизни у старших дошкольников. У 23,3 % родителей вообще не сформирован образ здоровьесберегающего поведения, что свидетельствует о невозможности формирования у ребенка правильного образа жизни. Данный показатель может негативно отразиться на мотивации старших дошкольников относительно здоровья по ряду причин. Во-первых, родители обладают прямым контролем над стереотипом здорового поведения ребенка в раннем возрасте, во-вторых, оказывают огромное влияние на то, как ребенок относится, и как будет относиться в будущем к собственному здоровью.

Родителям достаточно сложно изменить уже устоявшийся стиль поведения в вопросах здоровья, но это является важным фактором не только для их собственного здоровья, но и для здоровья детей, так как они выступают в роли образца для подражания. Своевременные меры вмешательства и профилактики недостаточной мотивации и дезадаптивного поведения в вопросах здоровья, могут принести пользу когнитивному и социально-эмоциональному развитию детей старшего дошкольного возраста в области здоровьесбережения.

Выявленные отклонения в образе жизни родителей старших дошкольников требуют дальнейшего изучения в вопросах влияния собственного отношения родителей к своему здоровью на формирование мотивации дошкольников в области здоровьесберегающей деятельности. В ходе дальнейших исследований планируется разработка методик коррекции для родителей и их детей на уровне когнитивного и мотивационного компонентов здоровьесбережения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pervichko E. I. The impact of family on children’s attitude toward health / E. I. Pervichko, I. M. Shishkova // Psychology in Russia: State of the Art. – 2020. – № 13 (1). – P. 147–160.
2. Шишкова И. М. Влияние семейных факторов на формирование внутренней картины здоровья ребенка / И. М. Шишкова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2018. – № 6 2018/3 (22). – С. 563–574.
3. Тюмасева З. И. Семейная среда как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения / З. И. Тюмасева, И. Л. Орехова // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7. – № 3. – С. 71–83.
4. Molborn S. Family, peer, and school influences on children’s developing health / S. Molborn, E. Lawrence // Journal of Health and Social Behavior. – 2018. – № 59 (1). – P. 133–150.

5. Штольц Ю. М. Компетентностный подход в контексте здоровьесбережения детей старшего дошкольного возраста / Ю. М. Штольц, И. В. Клименко // Вестник ШГПУ. – 2021. – № 1 (49). – С. 97–102.
6. Шматова С. С. Опыт социологической интерпретации практик здоровьесберегающего поведения / С. С. Шматова // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2015. – № 2. – С. 58–60.
7. Виниченко С. Н. Роль семьи в формировании здорового образа жизни детей дошкольного возраста / С. Н. Винниченко, Н. К. Перевощикова, С. А. Дракина и др. // Мать и дитя в Кузбассе. – 2017. – № 4 (71). – С. 20–25.
8. Грошева Е. С. Аспекты здоровьесберегающей мотивации детей дошкольной группы / Е. С. Грошева, С. И. Картышева, О. А. Попова // Гигиена и санитария. – 2015. – № 94 (9). – С. 12–14.
9. Пикуза О. И. Роль семьи в формировании здоровья ребенка / О. И. Пикуза, З. Я. Сулейманова, А. М. Закирова // Практическая медицина. – 2019. – Т. 17. – № 5. – С. 161–164.
10. Romanos-Nanclares A. Influence of parental healthy-eating attitudes and nutritional knowledge on nutritional adequacy and diet quality among preschoolers / A. Romanos-Nanclares, S. Santiago, L. Marín et al. // Nutrients. – 2018. – № 10 (12). – P. 1–14. DOI: 10.3390/nu10121875
11. Michaelson V. Family as a health promotion setting: a scoping review of conceptual models of the health-promoting family / V. Michaelson, K. A. Pilato, C. M. Davison // PLoS ONE. – 2021. – № 16 (4). – P. 1–37. DOI: 10.1371/journal.pone.0249707
12. Guagliano J. M. A whole family-based physical activity promotion intervention: findings from the families reporting every step to health (FRESH) pilot randomised controlled trial / J. M. Guagliano, S. M. Armitage, H. E. Brown et al. // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2020. – № 17 (120). – P. 1–14.
13. Lindsey A. C. A review of early influences on physical activity and sedentary behaviors of preschool-age children in high-income countries / A. C. Lindsey, M. L. Greaney, S. Wallington et al. // Journal for specialists in pediatric nursing. – 2017. – № 22 (3). – P. 1–15.
14. De Cosmi V. Early taste experiences and later food choices / V. De Cosmi, S. Scaglioni, C. Agostoni // Nutrients. – 2017. – № 9 (2). – P. 1–10. DOI: 10.3390/nu9020107
15. Bates C. R. Family entropy: understanding the organization of the family home environment and impact on child health behaviors and weight / C. R. Bates, A. M. Bohnert, J. B. Buscemi et al. // Transl Behav Med. – 2019. – № 9 (3). – P. 413–421. DOI: 10.1093/TBM/ibz042
16. Kuppens S. The enduring effects of parental alcohol, tobacco, and drug use on child well-being: a multilevel meta-analysis / S. Kuppens, S. C. Moore, V. Gross et al. // Development and psychopathology. – 2020. – № 32. – P. 765–778.

Поступила в редакцию 10.07.2021 г.

THE MODERN ATTITUDE OF PARENTS TO OWN HEALTH AS A FACTOR OF THE FORMATION OF HEALTH-SAVING MOTIVATION IN ELDER PRESCHOOL CHILDREN

Yu. M. Stolts

The article presents theoretical data on the relationship between the attitude of parents to their own health and the position of the child in this area; empirical studies of the modern attitude of parents of older preschoolers to their health as a factor in the formation of motivation and a healthy stereotype of children's health behavior were carried out by means of questionnaires.

Key words: health preservation, health preserving motivation, children, senior preschool age, parental attitude to health.

Штольц Юлия Михайловна
Ассистент кафедры адаптивной физической культуры и физической реабилитации,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», Луганск, ЛНР.
E-mail: julia.shtolts23@gmail.com.

Stolts Yuliya Mikhailovna
Assistant of the department of adaptive physical education and physical rehabilitation,
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR.
E-mail: julia.shtolts23@gmail.com.

УДК 796.011.3:378

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2021. ***Е.В. Яковлева***

В статье рассмотрены практические аспекты формирования способности к саморегуляции в системе подготовки специалистов в сфере адаптивной физической культуры, предложена модель педагогического процесса, который ставит своей целью сформировать у будущих специалистов в области адаптивной физической культуры необходимый уровень готовности к саморегуляции как основы для успешной профессиональной деятельности и продуктивной коммуникации специалиста внутри рабочего коллектива. А в данной статье рассмотрены наиболее существенные элементы формирования готовности к саморегуляции профессионального поведения студентов, будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры (цели, методы, принципы) В статье актуализирован вопрос о содержании процесса формирования профессиональной саморегуляции у будущих специалистов в области адаптивной физической культуры, с учетом целей и требований учебной и профессиональной деятельности. Отмечено, что особую роль имеют взаимосвязи между целью, процессом и результатом учебной деятельности в ВУЗе.

Ключевые слова: саморегуляция, адаптивная физическая культура, модель, принципы, готовность.

Введение. Актуальность формирования способности к саморегуляции у студентов в ВУЗе подчеркивают многие ученые. Поиск оптимальных условий и принципов подготовки студентов к саморегуляции поведения в профессиональной деятельности рассмотрен в работах российских ученых К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Деркача, О.О. Конопкина, В.И. Моросанова и др. [1; 5; 7; 9]. Рассматривая педагогические аспекты формирования способности к саморегуляции в системе подготовки специалистов в сфере адаптивной физической культуры важно обратить внимание на необходимость создания педагогической системы, которая бы отражала специфические цели педагогического процесса, его содержание, способы (формы, методы и средства обучения) и результаты, а также особенности взаимодействия и совместной деятельности преподавателей и будущих специалистов в области адаптивной физической культуры.

Иными словами речь идет о конструировании модели педагогического процесса, который ставит своей целью сформировать у будущих специалистов в области адаптивной физической культуры необходимый уровень готовности к саморегуляции как основы для успешной профессиональной деятельности и продуктивной коммуникации специалиста внутри рабочего коллектива.

Данное направление исследований представляется актуальным и практически значимым в связи с тем, что, как доказывает наука и показывает практика, готовность специалиста к аморегуляции поведения в профессиональной деятельности является базовым требованием к личности специалиста – профессионала.

Цель статьи – определить организационно-педагогические условия, задачи и принципы которые способствуют функционированию механизма саморегуляции поведения студентов, будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры**.**

Основная часть. В настоящее время не вызывает сомнения необходимость повышения профессионализма специалистов в сфере адаптивной физической культуры поскольку современная техногенная цивилизация, эпидемиологическая ситуация и политическая нестабильность продуцируют значительное количество инцидентов ведущих к потере трудоспособности, требующих того, чтобы пострадавшие восстанавливали свои физические и психические кондиции с участием профессионалов – специалистов в сфере адаптивной физической культуре.

Безусловно, что говоря о «профессионализации» сферы физичкой адаптации мы понимаем, что, в первую очередь, речь идет о высоком профессиональном мастерстве тех, кто избрал данную сферу в качестве своей основной деятельности. В данном случае необходимо понимать и то, что общество выдвигает повышенные требования к этим специалистам, поскольку в сферу их профессиональной деятельности входит работа с людьми, имеющими особые потребности, в связи с чем особые требования выдвигаются к их профессиональной эффективности, эмпатии, коммуникабельности, эмоциональной устойчивости, в основе которой лежит способность к саморегуляции психических состояний и поведения, в целом [8].

Готовность специалиста в сфере адаптивной физической культуре к саморегуляции является базовой характеристикой профессионализма, которая должна быть сформирована (как минимум на базовом уровне) уже в процессе профессиональной подготовки в ВУЗе. Наши наблюдения за процессом вхождения молодого специалиста в профессию показывают, что именно несформированность готовности к саморегуляции у специалистов в в сфере адаптивной физической культуры ведет к повышенной конфликтности, неспособности правильно оценить ситуацию и принять верное профессионально значимое решение, к быстрой утомляемости специалистов, низкой эффективности адаптационно – восстановительного процесса, профессиональному выгоранию, которое проявляется уже в первые годы профессиональной деятельности.

В этой связи следует сказать, что по нашему мнению, готовность будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуре к саморегуляции профессионального поведения может быть определена как его способность к регулированию своего эмоционального состояния, коммуникативной сферы и поведенческих стереотипов на основе сформированных в учебном процессе: достаточного уровня мотивационной направленности личности на достижение высоких уровней профессионализма; осознания социальной ответственности за свой профессиональный выбор; высоких показателей стрессоустойчивсти, способностей студента к «эмоциональной разгрузке».

При этом, как показывает педагогическая практика данному направлению формирования личности специалиста не уделяется достаточного внимания, что требует активизации исследований в направлении разработки соответствующих программ и методик формования личности будущих специалистов.

Концептуальные аспекты данного процесса возможно представить в виде модели, которая позволит зримо представить себе особенности данного направления формирования личности специалиста в сфере адаптивной физической культуры на этапе обучения.

В предлагаемой нами модели отражены структурно-функциональные компоненты предлагаемого подхода к формированию готовности к саморегуляции профессионального поведения специалистов в исследуемой сфере (рис. 1).

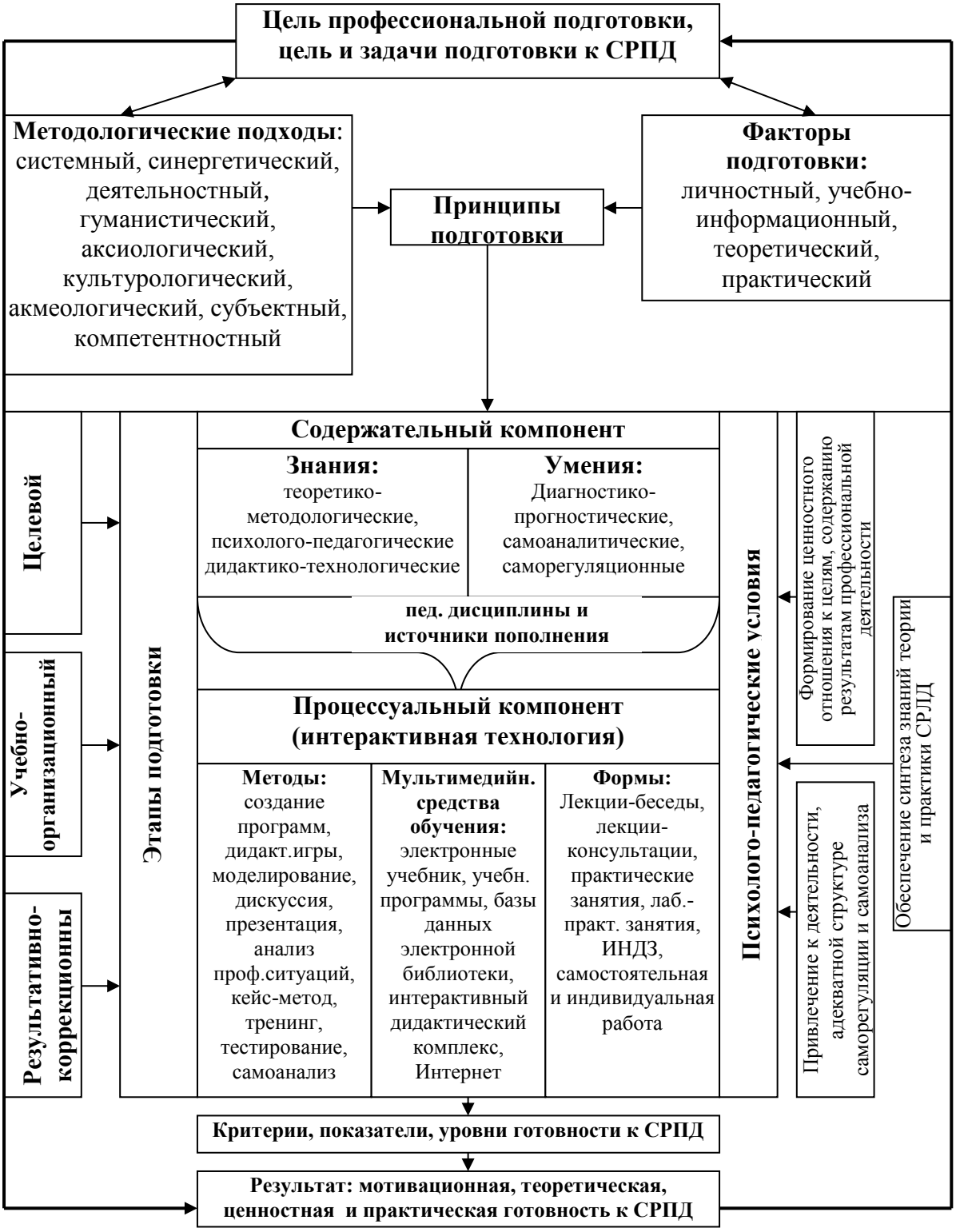


Рис.1. Модель подготовки будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуры к саморегуляции профессиональной деятельности.

Обозначения:
СА – самоанализ
СРПД – саморегуляция профессиональной деятельности
ИНДЗ – индивидуальное научно-исследовательское задание

Основными составляющими модели системы подготовки будущего специалиста к саморегуляции профессиональной деятельности являются:

- методологические основы построения учебно-воспитательного процесса в ВУЗе, обеспечивающих его направленность на подготовку студентов к саморегуляции профессиональной деятельности (идеи субъектности, саморазвития, самоактуализации);
- основные компоненты подготовки к саморегуляции профессиональной деятельности (целевой, содержательный, процессуальный, результативный) и их функциональные связи;
- факторы подготовки к деятельности саморегуляции: индивидуальные особенности студентов; учебно-информационная среда; разработка теоретических и методических основ ступенчатого обучения будущих специалистов на основе формирования целостного представления о собственной профессиональной деятельности; использование новых форм и инновационных методов обучения и воспитания студентов, педагогическая поддержка и организация деятельности саморегуляции;
- общие принципы подготовки к деятельности саморегуляции (последовательности и систематичности обучения; сознания, самостоятельности и активности в обучении; индивидуализации и дифференциации; профессиональной направленности; научности; оптимизации; эмоциональности; связи теории с практикой) и специфические (принцип субъектности образовательного процесса, принцип личностного целеполагания, принцип эмоционально-ценностной ориентации учебно-воспитательного процесса, принцип адекватности форм взаимодействия субъектов обучения уровням усвоения предметного содержания деятельности и уровням саморегуляции ее функциональных компонентов, принцип смысловой преемственности в организации деятельности, принцип осложнения профессиональных функций);
- содержание подготовки, основу которого составляет подсистема методологических, общетеоретических, психолого-педагогических и дидактико-технологических знаний и диагностико-прогностических, саморегуляционных и самоаналитических умений;
- формы и методы подготовки: организация и самоорганизация учебно-познавательной деятельности (лекция, объяснение, решение задач профессионального содержания, выполнение ИНДЗ, анализ профессиональных ситуаций, самостоятельная работа, письменное высказывание, моделирование профессиональных процессов, самоанализ результатов учебной практики, написание отчетов, эссе), стимулирование и мотивация учения (дискуссия, метод опоры на приобретенный профессиональный опыт, создание ситуации успеха в деятельности, поощрение, стимулирование самостоятельной умственной деятельности, метод дидактической или ролевой игры и т.д.); контроля и самоконтроля; аудиторные и внеаудиторные; индивидуальная, парная и групповая формы работы;
- психолого-педагогические условия, обеспечивающие целенаправленное формирование компонентов саморегуляции (ценностно-целевая направленность учебно-воспитательного процесса на формирование ценностного отношения к целям, содержанию и результатам собственной учебно-познавательной и профессиональной деятельности, обеспечение синтеза знаний теории и технологии саморегуляции профессиональной деятельности и знаний теории и практики обучения, привлечение будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры к деятельности, адекватной структуре ее саморегуляции);
- охарактеризован поэтапной процесс формирования готовности к саморегуляции профессиональной деятельности, состоящий из ряда последовательных фаз

моделируемого педагогического процесса (целевой, учебно-организационный, результативно-коррекционный), также предложены критерии, позволяющие осуществлять оценку его результативности.

Важным компонентом модели подготовки будущих специалистов к саморегуляции профессиональной деятельности является цель и задача этого процесса (целевой компонент). Цели и задачи подготовки являются исходными при определении, уточнении, совершенствовании содержания образования, которое в свою очередь, влияет на уточнение задач формирования с способностей к саморегуляции. В данном контексте определим, что основной целью подготовки студентов к профессиональной деятельности является формирование их готовности к осуществлению физической и психологической реабилитации лиц, имеющих такую потребность на высоком профессиональном уровне с высоким уровнем эффективности коммуникации, проведения занятий, методической, научной работы. Такая готовность, о чем мы уже говорили, предполагает наличие профессионально важных личностных качеств (диагностико-прогностических, конструктивных, самоаналитических, саморегуляционных умений и навыков), вне наличия которых профессиональная деятельность, фактически, становится невозможной.

При этом, сам процесс формирования готовности будущих специалистов к саморегуляции профессиональной деятельности реализуется через известный в науке комплекс задач, которые не отличаются от общенаучных подходов к формированию данной способности (развитие самосознания, активности, самостоятельности, эмоциональной устойчивости, ценностного отношения к профессии) [7]. На практике решение данных задач требует активизации педагогического сопровождения процесса формирования навыков саморегуляции поведения на всем протяжении обучения в ВУЗе . Говоря об этом аспекте педагогической детальности следует сказать, что его реализация предполагает соблюдение дидактических принципов, которые придают процессу обучения целостное содержание, объединяют и регулируют основные компоненты процесса обучения (мотивационный, целевой, содержательный, процессуальный и результативный) в частности єто описанов в теории и методике физического воспитания [10].

Принципы определяют содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с общими целями и закономерностями. Основное в принципах – это требования к организации учебной деятельности студентов, в процессе которой формируются способности к профессиональной саморегуляции.

Результативное обучение является следствием творческой реализации педагогическим коллективном ВУЗа требований, которые органически вытекают из самой сущности дидактических принципов. Сам же процесс обоснования принципов обучения связан не только педагогическими закономерностями, но и должен учитывать социальные, философские, психологические, гносеологические закономерности воспитательного образовательного процесса. В этой связи при обосновании принципов обучения студентов, будущих специалистов в области адаптивной физической культуры опираемся на современный уровень развития педагогической науки и практики, принимаем во внимание также прошлый опыт подготовки будущих специалистов в высшей школе, логические основы теории познания и процесса усвоения знаний, закономерности формирования и функционирования эмоционально – нравственной сферы личности на этапе юности, методологические, методические и психолого-педагогических требования к отбору современных принципов обучения и воспитания студентов [2, с. 45].

Нами предложена некоторая последовательность дидактических принципов, соответствующая логике профессиональной деятельности: от постановки целей и задач обучения к осуществлению контроля за его результатами. Для начала выделим общие принципы формирования способностей к саморегуляции поведения у студентов, будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры.

Для успешного формирования аксиологического компонента саморегуляции необходимо, прежде всего, руководствоваться *принципом профессиональной направленности процесса обучения*, который обеспечивает целостность подготовки к исследуемому виду деятельности. Этот принцип требует формирования у студентов регуляторного опыта, иначе говоря способов действий, которые обеспечивают эффективное осуществление саморегулятивной в процессе профессиональной деятельности. Профессиональную направленность обучения можно обеспечить с помощью решения комплекса задач и задач различных типов и уровней сложности, моделирующих реальные процессы профессиональной деятельности, которые предусматривают совместную деятельность преподавателя и студентов, способствуют развитию познавательного интереса, активности, самостоятельности, овладению механизмами саморегулятивной деятельности.

Принцип связи теории с практикой требует того, чтобы цели и содержание обучения предусматривали не только овладение научно-теоретическими положениями, понятиями, законами, теориями, но и раскрытие их различных проявлений в практической (самоаналитической) деятельности, поскольку практика – источник и средство познания, объект применения системы знаний и способов действий [6]. Средством и формой реализации этого принципа является анализ реального процесса профессиональной деятельности, лабораторные, практические занятия, написание рефератов и курсовых работ, обеспечивающих единство мыслительной и практической деятельности студентов.

Принцип научности обучения требует не только усвоения научных фактов, законов, теорий, но и понимание тенденций развития современной науки физической реабилитации, ее методологии и формирования на этой основе умений анализировать, прогнозировать, обобщать данные эмпирического опыта, принимать оптимальные решения, рационально работать с научной литературой.

Наряду с принципом научности в процессе формирования механизмов саморегуляции необходимо соблюдать *принцип доступности,* который требует учета реальных учебных возможностей студентов при выборе содержания, методов и форм обучения, воспитания.

Принцип систематичности и последовательности обучения требует выявлять междисциплинарные связи в обучении, соблюдать преемственность в изучении не только отдельных тем, но и учебных дисциплин, обеспечивать логические связи между усвоением способов регуляторных действий и знаний, между формами и методами саморегуляции. Реализация этого принципа осуществляется различными средствами и методами развития мотивации, привлечением будущих специалистов к адекватной самоаналитической и саморегуляционной деятельности. Такая деятельность формирует потребность в знаниях, профессиональные способности студентов к регулированию поведения.

Реализация *принципа оптимизации* в процессе формирования механизмов саморегуляции профессиональной деятельности осуществляется через следующие элементы: конкретизацию учебных задач на основе изучения реальных возможностей студентов и условий деятельности с использованием разноуровневых задач; выбор

оптимальной логической последовательности изучения профессионально значимых дисциплин с выделением наиболее важных компонентов, раскрывающих суть и механизмы саморегуляции; выбор оптимальной структуры занятий с рациональным сочетанием аудиторной, самостоятельной и индивидуальной работы; выбор рациональных методов и средств обучения, стимулирования и контроля, обеспечивающих самоорганизацию, самоанализ, самоконтроль, саморегулирование поведения.

Важным представляется и принцип самостоятельности и активности в обучении, который предполагает, что сам образовательный процесс мотивирует студентов к самостоятельному научному поиску, к саморазвитию и самоидентификации себя в профессии. Реализация данного принципа дает возможность формировать у студентов, будущих специалистов в области адаптивной физической культуры, активную самостоятельную учебно-познавательную позицию, превращать получение знаний в метод познания новых фактов и явлений, трансформировать знания в убеждения и, таким образом, формировать мировоззрение будущего специалиста. Кроме того реализация данного принципа формирует у студентов навыки самоанализа, самоконтроля и самооценки, а также способствует познавательной активности во всех сферах учебной и практической деятельности [1].

Также выделим специфические принципы подготовки студентов к саморегуляции поведения в профессиональной деятельности.

Принцип субъектности образовательного процесса требует ориентироваться на внутреннюю, а не на внешнюю мотивацию обучения, обеспечивать эффективность выбора содержания обучения, методов, форм и способов обучения, методов и форм контроля, формировать ценностные ориентации, субъектный опыт, индивидуальную образовательную траекторию.

Принцип личностного целеполагания предусматривает организацию образовательного процесса на основе и с учетом личностных учебных, а затем и профессионально значимых, целей студента, построение учебно-воспитательного процесса, который направлен на максимальное развитие индивидуальности.

Принцип эмоционально-ценностной ориентации учебно-воспитательного процесса предполагает целостность чувственной и рациональной сфер личности, формирование системы ценностей, идеалов, мировоззрения, опыта ценностного отношения к объектам и средств профессиональной деятельности.

Принцип адекватности форм взаимодействия субъектов обучения уровням усвоения предметного содержания деятельности и уровням саморегуляции ее функциональных компонентов предполагает фиксацию изменений учебных позиций преподавателя и студентов на разных этапах их совместной деятельности, изменений характера соотношения познавательных целей в структуре учебно-познавательной деятельности. Формы взаимодействия субъектов обучения разворачиваются в логике перестройки уровней саморегуляции учебно-познавательной деятельности (от непосредственной помощи преподавателя в решении профессиональных задач к собственной активности с переходом к саморегулируемым действиям) [6].

Переходы от одной формы взаимодействия в другую обеспечивают формирование механизмов самоуправления деятельностью, регуляцию собственных позиций и отношений, складывающихся в процессе обучения, а затем и в профессиональной деятельности.

В трансформации самоуправления деятельностью из средства достижения отдельных целей (формирование предметно-содержательных знаний и действий) в собственную цель обучения состоит суть динамики форм сотрудничества, их роль в

развитии личности студента [4, с. 38]. Следовательно, переход от одной формы сотрудничества к другой связан с изменениями позиций преподавателя и студента на каждом этапе формирования способностей к саморегуляции обеспечивает возможность когнитивных изменений субъектов учебно-познавательной деятельности.

Принцип смысловой преемственности в организации деятельности предполагает ее формирование на всех этапах обучения при ведущей роли смысло- и целеполагания, которые являются наивысшим уровнем самоорганизации личности, основой развития ее регуляторных способностей.

Принцип усложнения функций деятельности предполагает исследование индивидуальных стилей деятельности, повышение уровня целей и масштабов саморегуляции, что сопровождается усложнением профессиональных функций и необходимого для их выполнения уровня рефлексии. Рассматривая данный принцип, отметим, что профессиональная деятельность как многоцелевая и многофункциональная система требует решения многих задач с промежуточными результатами различных уровней обобщения. В процессе достижения целей существует вероятность появления несовместимых, противоречивых, локальных задач, а также альтернативных способов их достижения. Вариативность стратегий и целей, неопределенность конкретных условий протекания деятельности обуславливают усложнение ее функций, имея ввиду, что более высокий уровень целей предусматривает более сложные средства их достижения. Этот принцип предусматривает самоорганизацию и саморазвитие деятельности, способность к выбору оптимальных решений из числа возможных альтернатив, их критериальную оценку, систематическую рефлексию и коррекцию норм поведения в пределах сформулированной стратегии достижения целей деятельности. Также данный принцип предполагает периодическую необходимость коррекции стиля поведения с учетом изменчивости ситуаций и условий деятельности. Включение механизма коррекции в деятельность будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуры активизирует его мышление, поиск новых вариантов решения сложных профессионально значимых задач [3, с. 105-108].

Все приведенные выше принципы тесно взаимосвязаны и от степени их реализации в процессе подготовки будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуры зависит результативность и эффективность процесса формирования навыков регуляции поведения в профессиональной деятельности [2; 10].

При этом, еще раз обратим внимание на то, что формирование компонентов саморегуляции осуществляется в процессе активной учебно-познавательной деятельности студентов, в основе которой – партнерство с преподавателем, позитивные субъект-субъектные взаимоотношения, самостоятельная постоянная работа студента над собой под контролем со стороны педагогического коллектива, куратора учебной группы, руководителя практики и т. д.

В процессе такого взаимодействия решаются задачи формирования ценностных ориентаций, регуляторного потенциала, формируются позитивной модели поведения; решаются задачи оптимального выбора форм, методов и средств учебного взаимодействия; учета индивидуальных особенностей, когнитивного стиля студентов. При этом следует отметить, что учебно-познавательная деятельность будет эффективной, если студент обладает такими личностными качествами как активность, инициативность, желание учиться (наличие устойчивой мотивации) самостоятельность.

В тоже время следует вновь обратить внимание на то, что обучение в ВУЗе предполагает не только усвоение знаний и получение информации о способах действий,

но и применение этих знаний, овладение опытом осуществления деятельности, что обеспечивается использованием комплекса методов обучения, к которым относятся: организация и самоорганизация учебно-познавательной деятельности (лекции, объяснение, решение задач профессионального содержания, выполнение ИНДЗ, самостоятельная работа, письменное высказывание, моделирование педагогических процессов, написание отчетов, эссе); стимулирование и мотивация учения (создание ситуации успеха в деятельности, поощрения, стимулирование самостоятельной умственной деятельности и т.д.); самоконтроль (кредитно-модульный контроль) [1].

Предлагаемая модель требует соответствующего методического обеспечения, которое должно способствовать достижению поставленных целей и отвечать заявленным принципам. В число данных методических подходов нами могут быть включены технологии интерактивного обучения, которые, как известно, способствуют активизации учебно-воспитательного процесса, обеспечивают взаимодействие всех участников образовательного процесса; также в решении задач формирования у студентов готовности к саморегуляции профессионального поведения целесообразно обратиться и к методике профессионального тренинга, позволяющего моделировать разного рода ситуации, возникающие в практике адаптивной физической культуры, искать выход из данных ситуаций (в том числе и путем групповой работы), предлагать модели наиболее рационального поведения и определять собственную способность к саморегуляции. Сказанное, безусловно, не означат отказ от иных традиционных методов воспитания и обучения в ВУЗе, позволяющих снабжать студентов необходимым объемом знаний и на теоретико-практическим уровне раскрывать структурное содержание данной формы профессиональной готовности (лекции, семинары, самостоятельная работа и т. д.).

В тоже время мы считаем, что «научить» студентов практическим основам саморегуляции можно только в процессе изучении конкретных учебных предметов, учебных практик, а также в процессе воспитательного воздействия в форме дискуссий, тренингов, диспутов, когда данная способность формируется на конкретном предметном содержании и, приобретая «универсальность», может быть перенесена в различные конкретные условия.

Личный опыт работы в высшей школе свидетельствует, что наиболее действенным является формирование навыков саморегуляции поведения при изучении профессионально значимых дисциплин, поскольку их содержание несет информацию о механизмах профессиональных действий, о процессах, которые сопровождают данную деятельность. В процессе изучения таких дисциплин появляется возможность формировать профессионально значимые элементы саморегуляции, целеполагания, эмоциональной сдержанности, организации профессиональной деятельности, корректировки и контроля деятельности ее содержания и результатов[1].

В тоже время нельзя сбрасывать со счетов и возможность специально организованных курсов профессиональной подготовки в плане развития способностей студентов к саморегуляции профессионального поведения. Ценность данных курсов заключается в том, что в процессе формирования данной способности возможно использовать различные педагогические ситуации, приближающие учебный процесс к реальной профессиональной деятельности.

В этой связи, по нашему мнению, при разработке дидактико-технологического аспекта подготовки будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры к саморегуляции профессиональной деятельности необходимо опираться на возможности компетентностного подхода [9, с. 142].

Для практической реализации этого положения необходимо создать такую систему знаний и умений, усвоение которых определяет будущий профессиональный успех выпускника, в том числе и за счет развитой способности к саморегуляции поведения. В решении этой задачи необходимо согласовывать рост объема и сложности предметного содержания с развитием общеучебных и познавательных умений, учитывать возможности межпредметных воздействий и связей. Процесс формирования теоретико-методологических, психологических, технологических знаний и умений необходимо осуществлять поэтапно, чтобы у студентов постепенно накапливались знания-понимания (способ действий) и опыт индивидуального пользования навыками саморегуляции различных условиях. Сочетание знаний, умений и опыта являются основой для формирования в сознании будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуры обобщенного способа деятельности саморегуляции.

Группировка теоретических знаний и практических умений на основе вышеназванных подходов позволило предложить ряд компонентов, обеспечивающих успешность формирования навыков саморегуляции профессионального поведения будущих специалистов в сфере адаптивной физической культуры.

Методологические знания:

1. Гносеологические основы адаптивной физической культуры.

2. Законы и категории диалектики и их выявление в процессе деятельности, связанной с планированием и реализацией программ адаптивной физической культуры.

3. Противоречия процесса и движущие силы процесса адаптивной физической культуры.

4. Положение о двустороннем характере адаптивной физической культуры, в котором функционируют два взаимосвязанных субъекта: специалист и клиент.

5. Представление о целостности и системности адаптивной физической культуры.

6. Самоанализ и саморегуляция профессиональной деятельности как метод достижения высокого уровня профессионализма.

Общетеоретические знания:

1. Требования к личности специалиста в области адаптивной физической культуры и его деятельности.

2. Профессиональная компетентность – основа профессионального саморазвития специалиста в области адаптивной физической культуры и саморегуляции его деятельности.

3. Особенности структуры теории адаптивной физической культуры.

4. Структура процесса адаптивной физической культуры, его функции.

5. Структура деятельности специалиста в области адаптивной физической культуры и деятельности клиентов.

6. Обеспечение единства теоретического, эмпирического и практического компонентов адаптивной физической культуры.

7. Подготовка специалиста в области адаптивной физической культуры к занятиям, моделирование его содержания, самоанализ результатов.

8. Психологические особенности клиентов разных возрастов и различные физические возможности их учета в процессе занятия.

9. Психологические условия реализации индивидуального и дифференцированного подходов в процессе адаптивной физической культуры [4, с. 38]

Психолого-педагогические знания:

1. Дидактическая цель адаптивной физической культуры.

2. Функции дидактических целей.

3. Понятие цели и задачи деятельности в процессе адаптивной физической культуры.
4. Мотивация деятельности.
5. Цели и результаты деятельности.
6. Основы планирования деятельности (тематическое, календарное, поурочное).
7. Психолого-педагогические основы адаптивной физической культуры.
8. Факторы развития компонентов саморегуляции специалиста, критерии и уровни готовности к профессиональной деятельности

В целом содержание процесса формирования профессиональной саморегуляции у студентов, будущих специалистов в области адаптивной физической культуры, необходимо рассматривать с учетом целей и требований учебной и профессиональной деятельности, а при разработке учебного комплекса следует опираться на положения теории познания в плане единства теории и практики, учитывать объективную внутреннюю связь между целью, процессом и результатом учебной деятельности в ВУЗе.

Заключение. Необходимость формирования у студентов способности к саморегуляции поведения в профессиональной сфере определяет комплексный характер данного процесса, имея ввиду воспитание в структуре личности мотивационно – ориентационного и ценностного компонентов, способностей к операционной деятельности и волевому усилию, создание условий для подготовки выпускника, способного к проявлению высоких образцов гуманизма, эмпатии, человечности, что не снимает с повестки дня и задачу формирования высококвалифицированного специалиста готового к решению профессиональных задач, способного конкурировать на рынке труда. Значимыми являются профессиональные и личностные характеристики выпускника находятся в органической взаимосвязи с кадровыми потребностями профессиональной среды, в том числе и сферы адаптивной физической культуры, которая может быть определена как органическая часть общей культуры общества, которая формирует в общественном сознании широкий спектр материальных и духовных ценностей, которые трансформируются в практическую деятельность по социализации людей с ограниченными возможностями здоровья средствами физической культуры. Важнейшим элементом личности, способной к регулированию профессионального поведения, является мотивационно-смысловая саморегуляция, в основе которой лежит сформированная в структуре личности система ценностей, можно определить как процесс сознательного выбора жизненной позиции в отношении перспектив личностного роста и возможностей самореализации при наличии альтернативных сценариев жизненного пути, на основе развитой системы мотивов, жизненных принципов и смыслов, определяющих данный выбор. Данный выбор происходит в процессе духового развития личности с учетом взаимодействия потребностей, ценностных ориентаций, интересов на основе преодоления ситуативной амбивалентности, «поиска» смыслов с большой императивной силой. Среди детерминант саморегуляционного процесса можно выделить личностные смыслы, индивидуальные особенности субъекта и психологическую готовность к деятельности, а основу формирования способности к саморегуляции профессиональною поведения в педагогическом процесс составляют блоки, которые обеспечивают условия развития саморегуляции: мотивационно-целевой блок, программирование, поведенческий блок и оценочно-регулятивный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова–Славская К. А. Личностные механизмы регуляции деятельности / К. А. Абульханова–Славская // Проблемы психологии личности / отв.ред. Е. В. Шорохова, О. И. Зотова. – М.: Наука, 1982. – 294 с.

2. Адаптивная физическая культура и спорт / Митрохин Е.А., Антонов А. А. // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2019. – № 5. – С. 251-256.
3. Бразуль-Брушковский Е.Г. Реализация осознанности в развитии физической культуры обучающихся// Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы VIII международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 28 февраля 2019 г. / ФГАОУ ВО «Рос. гос. проф. – пед. ун-т». 2019. – С. 105-108.
4. Галян И.М. Психологический анализ концептуальной модели ценностной саморегуляции будущих педагогов / И.М. Галян // Вестник Пермского университета Серия «Философия. Психология. Социология». – Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2014. – Вып. 4 (20). – С. 38–45.
5. Деркач А. А. Акмеология : личностное и профессиональное развитие человека / А. А. Деркач. – М. : РАГС, 2001. – Книга 4. Развитие ценностной сферы профессионала. – 2001. – 484 с.
6. Евсеев С.П., Шпакова Л.В. Адаптивная физическая культура. Учебное пособие. / С.П. Евсеев, Л.В. Шпакова. – М.: Советский спорт, 2000. – 240 с.
7. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2004. – №2. – С. 128–135.
8. Матвеева Н. Ю., Ненарокова О. В. Ценностный потенциал адаптивной физической культуры / Матвеева Наталья Юрьевна, Ненарокова Ольга Владимировна // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2014. – №2. – С. 165-169.
9. Моросанова В. И. Стиль саморегулирования и его функции в произвольной деятельности человека / Стиль человека: психологический анализ / В. И. Моросанова / Под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл. 2008. – С. 142–162
10. Теория и методики физического воспитания: Учеб. для ТЗЗ студентов фак. физ. культуры пед. ин-тов по спец. 03.03 «Физ. культура» / Б. А. Ашмарин, Ю. А. Виноградов, З. Н. Вяткина и др.; Под ред. Б. А. Ашмарина. – М.: Просвещение, 1990. – 287 с.

Поступила в редакцию 06.09.2021 г.

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS, PRINCIPLES OF FORMING ABILITIES FOR SELF-REGULATION OF SPECIALISTS IN THE SPHERE OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

E. V. Yakovleva

The article discusses the pedagogical aspects of the formation of the ability for self-regulation in the system of training specialists in the field of adaptive physical culture. The model of training a future specialist in the field of adaptive physical culture for self-regulation of professional activity is described. The pedagogical conditions, tasks, principles of preparing students for self-regulation of behavior in professional activity, as well as the peculiarities of interaction and joint activity of teachers and future specialists in the field of adaptive physical culture are highlighted. It is noted that the principle of subjectivity of the educational process is significant; the principle of personal goal-setting; the principle of emotional value orientation; the principle of the adequacy of the forms of interaction of subjects of learning to the levels of assimilation of the subject content of the activity and the levels of self-regulation of its functional components; the principle of semantic continuity in the organization; the principle of complicating the functions of activity.

The article actualizes the question of the content of the process of professional self-regulation formation among future specialists in the field of adaptive physical culture, taking into account the goals and requirements of educational and professional activities. It is noted that the relationship between the goal, process and result of educational activity in the university has a special role.

***Key words*:** self-regulation, adaptive physical culture, model, principles, abilities.

Яковлева Екатерина Викторовна
кандидат биологических наук, доцент кафедры физической реабилитации ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганск, ЛНР.
E-mail: yakatyav@gmail.com

Yakovleva Ekaterina Viktorovna
candidate of biological Sciences, associate Professor of physical rehabilitation Department, SEE HE «Lugansk Vladimir Dahl University», Lugansk, LPR.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. ***Ключевые слова*** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1’373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2021. ***А. В. Петров***
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом ***под***, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград: ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса: [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words:*** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition ***under***, the preposition ***under*** in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	**Petrov Alexandr Vladimirovich**. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

П е т р о в А . В . Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

P e t r o v A . V . Verbal constructions with the preposition ‘under’ in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андриенко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2021. – № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 30.09.2021 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 32,19.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.